

Дин Кунц Ледяная тюрьма

Аннотация

Человек просто обязан доверять своей интуиции. Особенно если он руководит научной арктической экспедицией и его мучает предчувствие неминуемой беды. И она не заставила себя ждать. В результате мощных подземных толчков двухсотметровый ледовый панцирь лопнул, как яичная скорлупа, и исследовательская группа Эджуэй оказалась в ледяной тюрьме. Положение несчастных ученых усугубляется тем, что один из них — психопат-убийца, вышедший на свою кровавую охоту.

Дин Кунц Ледяная тюрьма

До...
Из газеты «Нью-Йорк таймс»:

1

Талая вода из полярного льда — чистейшая в мире

Москва, 10 февраля. Русские ученые утверждают, что воды, из которых состоит Арктическая полярная шапка, содержат значительно меньше бактерий, чем любая иная доступная нам вода — пьем ли мы ее или же орошаем ею наши поля. Это научное открытие позволяет надеяться на превращение огромного замороженного резервуара в весьма ценный ресурс будущего. Поскольку откалывание глыб льда от полярной шапки может оказаться много дешевле любого из существующих, либо прогнозируемых технологических процессов опреснения морской воды, тем более что талая вода не нуждается в очистке, некоторые русские исследователи уже рассуждают о миллионах гектаров новых орошаемых угодий, возделывание которых станет возможным благодаря растоплению айсбергов. Эта вода, по их

мнению, может использоваться уже в ближайшем десятилетии.

2

Ученые увидели в айсбергах источник пресной воды

Бостон, 5 сентября. Выступая сегодня перед участниками ежегодной конвенции Американского общества инженеров-экологов, д-р Харолд Карпентер заявил, что неудобства из-за хронической нехватки воды в Калифорнии, Европе и других регионах могут быть в значительной степени смягчены посредством управляемого таяния айсбергов, которые прежде должны быть отбуксированы из-за Северного полярного круга в более южные воды. Супруга и соавтор по исследованиям д-ра Карпентера д-р Рита Карпентер считает, что заинтересованным странам стоило бы подумать о сборе средств на проведение необходимых исследований и создание нужных разработок. Такое вложение капитала, по ее словам, может «окупиться сторицей за какие-нибудь десять лет».

Согласно объяснениям супругов-исследователей, которые поделили в семейном кругу премию Национального научного фонда, замысел этого грандиозного предприятия в основе своей прост. От ледяного поля откалывается этакий «краешек», а затем вновь образованный айсберг подхватывается естественным морским течением, которое уносит огромную глыбу льда в южные воды. Потом к айсбергу крепятся прочные стальные тросы, а траулер, на корме которого будут закреплены другие концы этих буксирных тросов, подтащит айсберг к береговой установке по таянию льда. Такие установки могут строиться неподалеку от сельскохозяйственных угодий, нуждающихся в орошении. «Так как воды северных зон Атлантики и Тихого океана холодны, то потери пресной воды за счет естественного таяния айсберга на пути от Арктической полярной шапки до конечного пункта следования вряд ли превысят 15%. В конечном же пункте айсберг будет продолжать таять, а получаемую таким образом пресную воду можно будет по трубам подавать в сельские районы, страдающие от засухи», — сказал д-р Карпентер.

Чета Карпентеров предостерегает, однако, что полной гарантии относительно удачного осуществления их идеи никто дать не может. «До сих пор продолжают существовать непреодоленные препятствия, — говорит д-р Рита Карпентер. — Необходимы широкие исследования полярной ледовой шапки...»

3

Засуха угрожает калифорнийским урожаям

Сакраменто, штат Калифорния, 20 сентября.

По оценкам чиновников Сельскохозяйственного управления штата, нехватка воды в Калифорнии может обернуться США убытками в 50 млн. долларов из-за потерь урожаев апельсинов, лимонов, дынь, салата-латука и других культур...

4

Тысячи погибающих от засухи не получают достаточной продовольственной помощи

Организация Объединенных Наций, 18 октября. Директор Управления по оказанию помощи жертвам стихийных бедствий при ООН объявил, что плохие урожаи в Соединенных Штатах, Канаде и Европе исключают для пострадавших от засухи африканских и азиатских стран перспективы закупок зерна и сельхозпродукции на всегда избыточном продовольствии Западе. На сегодняшний день от голода уже умерло более 2000 тыс. человек в...

5

Специальный фонд ООН для финансирования научной экспедиции на полярную ледовую шапку

Организация Объединенных Наций, 6 января. Одиннадцать стран — членов ООН учредили сегодня единственный в своем роде фонд для финансирования ряда научных опытов на Арктической полярной шапке. Первоначальной целью проекта является изучение возможностей буксировки огромных айсбергов в южные широты, где они, растаяв, могут использоваться для ирригации.

«Наверное, это кому-то покажется научной фантастикой, — заявил один британский чиновник, — но с 1960-х годов большинство специалистов по экологии и охране окружающей среды вынуждены были признать за этой идеей весьма реальный потенциал». Если удастся воплотить замысел в жизнь и доказать его реальность, то главные производители продовольствия смогут навсегда избавиться от угрозы плохих урожаев.

Хотя айсберги и нельзя будет транспортировать в теплые моря, омывающие южные берега Африки и Азии, все же мир в целом выиграет от гарантированных урожаев в тех немногих странах, которые будут облагодетельствованы этим проектом...

6

Коллектив научной экспедиции ООН обустривает полярную станцию на ледовом поле в Арктике

Туле, Гренландия, 28 сентября. Сегодня утром группа ученых под руководством лауреатов прошлогодней Премии Ротшильда за достижения в области геологии и наук о земле д-ра Харолда Карпентера и д-ра Риты Карпентер произвела высадку на льды Арктической полярной шапки в районе, расположенном на полпути между Гренландией и принадлежащим Норвегии архипелагом Шпицберген. Экспедиция приступила к сооружению исследовательской станции, находящейся в двух милях (3,2 км) от кромки ледового поля. Предполагается, что на станции в течение по меньшей мере девяти месяцев будут производиться научные изыскания, финансирование которых обеспечит ООН...

7

Арктическая экспедиция собирается отколоть кусок от полярной шапки: завтра будет взрыв

Туле, Гренландия, 14 января. Завтра в полночь ученые, работающие на финансируемой ООН полярной станции Эджуэй, намерены взорвать несколько зарядов, чтобы отделить от кромки зимнего ледового купола нашей планеты «искусственный» айсберг, площадь горизонтального сечения которого будет равна примерно половине квадратной мили (1,3 км²). Эта серия мощных взрывов будет произведена всего в 350 милях (560 км) от северо-восточного побережья Гренландии. В 230 милях (370 км) к югу от места события уже находятся два принадлежащих ООН тральщика. Суда оборудованы электронной системой, которая позволит проследить и нанести на карту маршрут перемещения «искусственного» айсберга, начиненного электронными «жучками»-датчиками.

Эксперимент среди прочего имеет целью выяснить, сколь сильно меняются океанические течения в Северной Атлантике во время суровой арктической зимы...

ЗАПАДНЯ

Полдень.

За двенадцать часов до взрыва

Со скрежетом царапающего стекло металла и хрустом рассыпающегося под гнетом

тяжести хрусталя, мощный бур вгрызался в арктический лед. Охлаждающая смазка, не дающая сверлу слишком быстро затупиться, выползала серовато-белесыми хлопьями из-под уходящего в глубь скважины штока и, шлепнувшись в мерзлый наст, затвердевала через считанные секунды. Само раскаленное сверло давно скрылось в недрах пробуренной скважины, да и длинный стальной шток тоже уже почти целиком ушел в глубь десятисантиметрового в поперечнике ствола.

У наблюдавшего за бурением Харри Карпентера возникло какое-то странное беспокойство от предчувствия неминуемой беды. Этакая слабо мерцающая тревога. Словно тень пролетающей птицы надвинулась на освещенный солнцем лужок. Даже дрожь пробежала по телу, вполне отчетливая дрожь, хотя одежда вполне надежно защищала от замороженного воздуха.

Как и подобает ученому-естествоиспытателю, Харри вооружился инструментарием логики, метода рационального доказательства, но был научен опытом не пренебрегать подсказкой чувств — тем более во льдах, где всякое может случиться. Никак не удавалось понять, откуда пришло это неожиданное ощущение неуюта, хотя, коль уж имеешь дело со взрывчаткой, казалось бы, стоит ожидать появления неких незваных смутных предвестий, якобы предупреждающих о неприятностях. Вероятность преждевременного взрыва любого из заложенных ими зарядов, то есть, иными словами, неминуемой гибели всех участников предприятия, была невелика, она почти не отличалась от нулевой. И все же, все же...

Питер Джонсон, инженер-электронщик, вдобавок ценимый товарищами по экспедиции еще и как знаток взрывных работ, выключил двигатель буровой установки и отошел от уже готовой скважины. Белая штормовка из клиньев прочной утепленной ткани, парка, как и капюшон, мехом внутрь, делала Пита похожим на белого медведя, если бы не темно-коричневое лицо.

Клод Жобер заглушил движок переносного электрогенератора, от которого питался мотор бура. Мгновенно наступившая тишина по-колдовски подействовала на Харри, который и так мучился ожиданием катастрофы, и он стал нервно озираться по сторонам, словно бы выглядывая, не обрушилось ли уже что-нибудь и не валится ли еще что-то с неба.

Коль уж Смерть и решит сегодня подарить кому-то из них свой губительный поцелуй, то скорее всего ее появления следует ждать откуда-то снизу. Вряд ли она снизойдет к ним с высот. Бледный день клонился к закату, и трое мужчин поспешили подготовить сорокакилограммовый заряд к погружению глубоко в лед. Это был последний, шестидесятый взрывпакет; каждый весил сотню фунтов, и они управились со всеми, хотя начали только вчера утром. Но все равно было как-то неуютно, потому что даже мощи этого последнего вполне было достаточно для того, чтобы разом покончить с ними, чтобы устроить им молниеносный конец света.

Не требовалось чрезмерно богатого воображения, чтобы представить смерть в столь недружелюбных широтах: айсберг идеально подходил на роль погоста — как нельзя более безжизненное пространство, наталкивающее на размышления о бренности бытия. Призрачные голубовато-белые равнины раскинулись во все стороны света, угрюмые и унылые все то затяжное время года, когда почти постоянно царит мрак, перемежающийся лишь мимолетными сумерками, а небо вечно затянуто сплошными низкими серыми тучами. В это самое мгновение видимость можно было счесть удовлетворительной, потому что день настолько растянулся, что из-за горизонта теперь сквозь плотные тучи просачивался мутный, больше похожий на лунный, солнечный свет. Тем более что солнцу в общем-то и незачем было слишком стараться, мало что могло оно осветить в этом окоченевшем ландшафте. Если что и возвышалось над ледяной равниной, так это зазубренные сугробы невероятно уплотненного снега, прессуемого с каждым годом все новыми слоями, да сотни сосулек в рост человека и ледяных горок, которые часто были высотой с многоэтажное здание, — вот, пожалуй, и все, что делало здешний пейзаж неровным и придавало ему сходство с погостом, где между многочисленными могильными холмиками там и сям возвышались исполинские надгробия и мавзолеи.

Пит Джонсон присоединился к Харри и Клоду, стоявшим у снегоходов специальной конструкции, способной выдержать суровую придирчивость Севера, чтобы порадовать их сообщением:

— Скважина уже ушла в лед на двадцать пять с половиной метров. Еще чуть-чуть, и все будет готово.

— Слава богу! — Клод Жобер дрожал так, словно его нисколько не грел арктический костюм с усиленной теплоизоляцией. Хотя почти все тело его было отделено от окружающего морозного воздуха и даже лицо покрывали прозрачные накладки из многослойной пленки, между слоями которой была прозрачная вязкая углеводородная масса, спасавшая от укусов мороза, лицо его оставалось бескровно-бледным. — Так, значит, мы сможем вернуться в лагерь?! Подумать только! Как только мы покинули базовый лагерь, не могу согреться, даже на минуту.

Как правило, Клод никогда не жаловался. Это был жизнерадостный, живой как ртуть небольшой человек. На первый взгляд он мог показаться хрупким, но это впечатление обманывало. При росте в метр семьдесят и массе в пятьдесят девять кило Клод был худощав, гибок, вынослив. Белокурая его шевелюра пряталась теперь под капюшоном, обветренная кожа на лице выглядела жесткой и грубой, задубев от долгого жития в местах с климатическими крайностями, но зато ярко-голубые глаза были ясными, как у ребенка. Никогда не доводилось Харри замечать в этих глазах чего-то, похожего на ненависть или хотя бы досаду. Да и жалости к себе во взгляде этих глаз Харри тоже не видел — до вчерашнего дня, хотя не далее как три года назад Клод потерял жену — Колетт погибла при нелепых обстоятельствах, и Клод умирал от горя и печали. Однако и тогда в глазах его видна была только тоска, но никак не жалость к себе.

А вот с тех пор как вчера снегоходы увезли их от уюта кают-компании станции Эджуэй, он утратил и обычное жизнелюбие, и неутомимость, и энергию и только непрерывно жаловался на холод. Как-никак было ему уже пятьдесят девять, на восемнадцать лет больше, чем Харри Карпентеру. Он был старейшим членом экспедиции и находился на грани допустимого возраста: людям чуть старше работать в таких безжалостно высоких широтах не разрешалось.

Хотя Клод слыл блистательным полярным геологом со специализацией в области динамики образования ледовых формаций и гляциологии вообще, похоже было на то, что нынешняя экспедиция станет его последним путешествием. В дальнейшем ему придется ограничиться лабораторными изысканиями и компьютерным моделированием, что весьма далеко от суровых испытаний на обледенелой вершухе планеты.

Харри подумал, что, быть может, Жобера мучит не столько хищный холод, сколько пришедшее вдруг понимание того, что любимая работа предъявляет такие требования, которые день ото дня становятся для него все непосильнее. Некогда и Харри столкнется с той самой правдой, с которой ныне, лицом к лицу, столкнулся Жобер, и он не уверен, что выберется с надлежащим достоинством из столь тягостного положения. Его властно тянули к себе величественные девственные просторы Арктики и Антарктики. Одна мысль об этих целомудренно-холодных пространствах поработала его волю: непривычная погода с ее невероятными метаниями из крайности в крайность, тайна, облаченная в белые геометрически правильные ландшафты и укрывающаяся под ; фиолетовыми тенями в бездонной ледовой расселине, красочность ясных полярных ночей, когда в темном небе цветут, переливаясь всеми цветами радуги, сполохи полярного сияния, словно рассыпающиеся по небу самоцветы. А затем, когда эти многоцветные огни, вспыхнув, наконец погаснут, как-то совсем иначе, по-новому замечаются бесчисленные крупные звезды на огромном темном небе, померкшие было рядом с буйным цветением авроры бореалис¹.

В чем-то он до сих пор оставался ребенком, мальчишкой, росшим на тихой ферме в штате Индиана без братьев и сестер, без сверстников, с которыми можно было бы играть и проказничать. Очень во многом даже сейчас Харри ощущал себя одиноким мальчиком,

¹ Северное сияние (лат.). — (Здесь и далее примеч. перев.)

удушаемым объятиями той жизни, на которую он был рожден, грезящим наяву о дальних странствиях в неведомые страны, где он своими глазами увидит все диковинные чудеса этого мира. Нет, этот мальчик вовсе не желает и никогда не желал привязываться к земной юдоли, к обыденной участи человека на земле, но жаждал и алкал приключений. Теперь он вполне взрослый мужчина, и ему хорошо известно, что приключение бывает — и всегда было — *тяжким трудом*. И все же время от времени тот мальчик, что продолжал жить внутри него, вдруг поражался, не в силах устоять перед явным чудом. И тогда, чем бы он ни занимался, Карпентер на мгновение оставлял все дела и медленно обводил взглядом изумительно белый мир вокруг себя, думая: «О священная летучая рыба, о святой морской кот! Я и в самом деле здесь, и я все еще на пути из Индианы на край света, на верхушку земли!»

Пит Джонсон произнес:

— Снег пошел.

Как раз в то мгновение, когда Пит собирался произнести эти слова, Харри увидел лениво закручивающиеся в полете хлопья, ниспадающие с неба в безмолвном балетном танце. День выдался безветренный, хотя рассчитывать на то, что спокойная погода продлится, было бы опрометчиво. Клод Жобер нахмурился.

— Только пурги к вечеру нам не хватало, — сказал он.

Вылазка со станции Эджуэй — она находилась в четырех милях, то есть в шести с половиной километрах от их здешнего временного лагеря по прямой, что равнялось почти десятикилометровой дороге, из-за торосов и расщелин, на снегоходе — не была бог весть каким предприятием. Тем не менее буря или просто сильная метель могла бы сорвать возвращение на базу. Видимость может быстро упасть до нуля, а сбиться с пути очень легко, особенно если и компас откажет. А когда все топливо в баках их снегоходов иссякнет, они замерзнут и никакие полярные костюмы с электронагревом не спасут — что такое все эти ухищрения перед жутким, убийственным холодом, следующим по пятам за снежной бурей?

Правда, ледовый купол Гренландии имеет то свойство, что здесь по причине чрезвычайно низких температур не приходится опасаться слишком глубоких снежных сугробов, в которые мог бы провалиться полярник или снегоход. В какой-то момент разразившегося бурана температура падает так низко, что снежные хлопья превращаются в льдинки, которые называются спикулами¹, и эта метаморфоза происходит чуть ли не во время каждой снежной бури, а видимость в этот момент резко ухудшается.

Вглядываясь в небо, Харри успокаивающе проговорил:

— Быть может, это смерч или небольшой местный шквал.

— Ну да, это как раз *та самая* буря, о которой неделю назад предупреждали метеорологи, — напомнил ему Клод. — У нас тут бывали локальные завихрения на периферии основного метеорологического процесса. Но и тогда с этими малыми местными бурями у нас бывало столько снега и льда, что Дед Мороз у нас в Рождественский сочельник чувствовал бы себя совсем как дома.

— Так что надо поторапливаться. Лучше поскорее кончать с работой.

— Ее надо было кончить еще вчера.

Словно бы в подтверждение призыва поторопиться подул ветер с запада, такой колючий и лишенный всякого запаха, что таким, верно, может быть только воздушный поток, протаскивающий кубометры холодного воздуха над многими сотнями миль безжизненного льда. Снежные хлопья словно устыдились былой легкомысленности и стали падать по четким косым линиям под строго выдержанным углом, утратив прежнее сходство с пушинками, кружащимися по витиеватым спиралям внутри огромной нарядной хрустальной вазы.

Пит извлек из скважины бур и вынул из суппорта сверло. Оно легло на его ладонь, которую Пит держал на весу так непринужденно, что можно было подумать, что в этой железке не тридцать девять кило металла, а раз в десять меньше.

Десять лет тому назад Пит ходил в самых ярких звездах американского футбола, выступая за университет штата Пенсильвания. Его наперебой зазывали к себе ведущие

¹ Спикула (лат.) — острие, копье, стрела с наконечником.

команды Национальной футбольной лиги, но он отказывался от самых лестных приглашений. Ему не хотелось соглашаться на роль, навязываемую обществом: мол, располагая девяносто килограммами плоти, вытянутыми в высоту на метр девяносто четыре, да еще обтянутыми черной кожей, прямая дорога тебе в большой спорт, парень! Пит предпочел приналечь на учебу, чтобы защитить сначала диплом, а затем еще пару диссертаций и удостоиться двух ученых степеней, а там уже подвернулась хорошо оплачиваемая должность, связанная с вычислительной техникой, — где, как не в компьютерной индустрии ценятся мозги? Вот он и стал частью огромного интеллектуального резервуара этой отрасли.

Теперь он был жизненно необходим экспедиции Харри. Пит следил за исправностью электронного оборудования, собирающего научные данные для базовой станции Эджуэй, и к тому же не только знал толк во всяких тротилах-динамитах, но и сам изобретал их своими руками, делал взрывные устройства так, что если, не дай бог, стрясется что-то неладное, вполне полагаться можно было только на него. А громадная физическая сила Пита на не очень-то гостеприимной верхушке планеты служила немалым богатством.

Пока Пит вытаскивал бур из скважины, Харри с Клодом успели снять с санок, которые таскал за собой на буксире один из снегоходов, удлинительную насадку в девяносто один сантиметр. Потом они навинтили ее на шток бура, который оставался в скважине, и только участок с резьбой выдавался наружу.

Затем Клод опять запустил генератор.

Пит, навалившись на бур, вогнал его на место, потом, без зажимного ключа, крутанул рукой патрон, добиваясь того, чтобы цанги надежно обхватили шток, и очень быстро закончил бурение. Скважина глубиной более чем в двадцать шесть метров была готова. Оставалось только запихать в ее днище цилиндрический тубус со взрывчаткой.

Пока механизмы ревели и скрежетали, Харри глядел в небо. За какие-то считанные минуты погода настолько ухудшилась, что было о чем тревожиться. Все вокруг потемнело, но лучи блеклого света все же пробивались сквозь низкие тучи. А через секунду все изменилось, снега с неба падало столько, что ничего похожего на облачный покров нельзя было увидеть из-за этого хрустального ливня. Сам снег, валяющийся с небес, тоже успел перемениться: уже не было не только снежинок, но даже снежные хлопья как-то съежились, затвердели и походили теперь больше на мелкий град. Эти заостренные снежные градины больно царапали смазанное смягчающим кремом лицо Харри. Ветер усиливался, сейчас он дул, наверное, со скоростью миль двадцать в час¹, а выводимая воздушным потоком песнь все более походила на погребальную элегию. Во всяком случае, радости этот унылый вой не внушал.

Чувство близкой беды никак не проходило. В нем не было никакой определенности, оно, это предчувствие, как-то расплывалось и расплзлось, но не исчезало совсем.

Когда он был мальчиком и жил на ферме, ему и в голову не приходило, что приключение — это тяжелая работа, подчас сопряженная с опасностями. Но что для ребенка опасность? Она превращает приключение во что-то еще более желанное и привлекательное. Но вот он вырос, повзрослел, успел похоронить и отца, и мать, которые очень тяжело болели перед смертью, да и еще кое-что узнал о неистовстве и тяге к насилию на этом свете, так что с романтическими представлениями, пытающимися окутать смерть человеческую каким-то возвышенным ореолом, он давно распрощался. И все равно, признавался себе Харри, иногда он с ностальгической тоской вспоминал — понимая, впрочем, что в тоске этой есть что-то нездоровое, если не извращенное — об утраченной невинности, позволявшей почувствовать приятную дрожь в смертельной опасности, ощутить даже упоение от сознания, что вот сейчас, сию минуту, тебя, быть может, подстерегает гибель.

Клод Жобер придвинулся к Харри и, склонясь к его уху, силился перекричать вой бури и рев бурильной установки:

— Ладно, Харри. Скоро будем на базе. А на станции Эджуэй и коньяку хватит, и в

¹ 20 миль в час = 8,9 м/с.

шахматикши сыграть можно, и Бенни Гудмена завести — есть у них такой компакт-диск. Уют, мир и покой.

Харри Карпентер кивнул. Но продолжал пытливо вглядываться в небо.

12 ч. 20 мин.

В рубке дальней связи станции Эджуэй было одно-единственное окошко, у которого и стоял сейчас Гунвальд Ларссон и нервно покусывал некурящуюся трубку, оттого что буря за окном стремительно набирала силу. По лагерю прокатывались неугомонные волны поднятого в воздух снега, похожие на какой-то призрачный прибой, бьющий в берег давным-давно высохшего древнего моря. Полчаса назад он соскоблил наледь на наружном — третьем по счету — стекле этого самого окошка, но мороз уже успел разрисовать его новыми причудливыми узорами. Правда, пока роскошные перья и дивные цветы еще не накрыли собой среднюю часть стекла, можно было разобрать, что творится за стенами станции. Но через час этот «глаз» радиорубки ослепнет из-за бела наледи.

Место, служившее Гунвальду наблюдательным пунктом, слегка возвышалось над ледовой равниной, и, может быть, еще и потому станция Эджуэй казалась отсюда такой обособленной и при этом дерзко противостоящей всему, что ее окружало; так, наверное, мог бы выглядеть единственный форпост землян на далекой и очень чужой планете. Все кругом было белым, серебряным или алебастровым, и только лагерь пришельцев предлагал взгляду кричащие краски.

Шесть выкрашенных в ярко-желтый цвет домиков — зауряднейшая продукция фирмы «Ниссан» — были доставлены сюда в разобранном виде по воздуху, что потребовало немалых трудов и ощутимых затрат. Полезная площадь одноэтажной секции составляла двадцать восемь квадратных метров — прямоугольник двадцать на пятнадцать футов, то есть четыре с половиной на шесть с небольшим метров.

Стенка собиралась из нескольких листов металла, между которыми помещались уплотнительные прокладки из слабо проводящего тепло пенистого пластика. Стены навешивались на решетчатый каркас, а утяжеленные полы крепились к «башмакам», которые загонялись глубоко в лед. Но тем не менее домики эти все же были достаточно прочны и надежно укрывали от ветра и холода.

Чуть меньше чем в сотне метров к северу от базового лагеря одиноко стояла еще одна постройка, где разместился склад топлива для двигателей электрогенераторов. Топливо этим движкам нужно было дизельное, а оно хотя и могло гореть, но взрывоопасности не представляло, так что угроза пожара могла считаться почти нулевой. И все равно одна только мысль о застигающем врасплох пожаре, который идет понизу и захватывает, с каждым новым порывом арктического ветра, все новые площади, приводила в ужас — тем более что тушить пожар было нечем: вода застыла, кругом — только бесполезный лед, — и потому избыточная осторожность не только не оспаривалась никем, но даже приветствовалась: уверенность в пожаробезопасности умиротворяла.

Но покой в душе Гунвальда Ларссона сменился тревогой еще несколько часов назад, и виной тому был вовсе не страх перед пожаром. Землетрясения, вот что его страшило. Особенно землетрясения океанические.

Отец его был шведом, мать — датчанкой. В молодости он хорошо ходил на лыжах и, выступая за шведскую сборную на двух Олимпиадах, даже заработал для своей страны одну серебряную медаль. Он был горд тем, что унаследовал от предков и заботливо лелеял в себе невозмутимость скандинава; как правило, ему удавалось хранить в душе холодноватое безмятежное спокойствие, что он и демонстрировал внешнему миру. Обычно, если не надо было работать на улице, он надевал на себя слаксы и какой-нибудь пестрый лыжный свитер. Вот и сейчас его можно было принять за беззаботного альпиниста или горнолыжника, блаженствующего в охотничьем шале в горах после замечательного дня, проведенного на крутых склонах, уж слишком не похож он был на полярника с затерянной научной станции,

закинутой на обледеневшую верхушку планеты. Хотя, разумеется, он был именно одиноким полярником, да еще мучающимся томительным ожиданием сокрушительного удара жестокой стихии.

Кусая чубук трубки, он отвернулся от заледенелого окна и недовольным взглядом обвел компьютеры и прочее электронное оборудование, предназначенное для сбора и обработки научных данных. Все эти умные устройства были столь многочисленны, что на трех стенах рубки не оставалось ни единого места, свободного от вычислительной техники.

Вчера, еще до обеда, Харри с товарищами отбыли к югу, поближе к кромке ледового поля, оставив на станции одного Гунвальда. Ему положено было отвечать на радиообращения и следить за эфиром. Не в первый раз все участники экспедиции покидали базу ради экспериментов со льдами, оставляя на станции Эджуэй дежурного, но до сих пор в такой роли Гунвальду выступать не приходилось. После стольких недель жизни бок о бок с товарищами Гун-вальд очень радовался случаю побыть в одиночестве.

Но вот когда вчера в четыре пополудни сейсмографы Эйджуэя зарегистрировали первый толчок, Гунвальд искренне желал, чтобы его товарищи по экспедиции не слишком рисковали и не добирались бы до самого края полярной шапки, где вечные льды соприкасаются с морем. В четыре четырнадцать о подземном толчке сообщили по радио из столицы Исландии Рейкьявик и из норвежского города Хаммерфест. На морском дне в сотне километров к северо-востоку от исландского городка Рейвархёбн наблюдались заметные оползни. Толчок произошел в месте, накладывающемся на карте на ту самую цепочку взаимосвязанных сбоев, произведших более тридцати лет назад серию вулканических извержений в Исландии. На этот раз никаких серьезных несчастий на суше, окаймляющей Гренландское море, замечено не было, хотя колебания почвы доходили до внушительной отметки в 6,5 балла по шкале Рихтера.

Тревога Гунвальда только усилилась, когда до него дошло, что зарегистрированное землетрясение может оказаться не одиночным происшествием и даже не главным событием. У него были веские причины подозревать, что этот толчок должно воспринимать как предупреждение, как первенца из ряда куда более серьезных передвижений в земной коре.

Среди задач, которые вошли в исследовательские планы экспедиции, числилось и изучение колебаний океанического дна, с тем чтобы побольше узнать и о связывающихся в цепи геологических сдвигах и деформациях под толщей океанской воды, и более точном местонахождении отдельных разрывов и прочих участков подобных субокеанических цепочек. Ведь когда в океан станут выходить десятки больших кораблей для буксировки исполинских айсбергов в южные воды, то командам этих судов будет необходимо знать, не помешают ли их путешествию какие-нибудь потрясения вроде подводных землетрясений, порождающих, как правило, огромные волны в океане. Любое цунами — огромный водный вал, рождающийся над эпицентром мощного землетрясения на дне океана и распространяющийся затем по его поверхности — может сокрушить даже очень большое судно, хотя такие огромные волны в открытом море кораблю не так опасны, как они опасны для того же корабля, но вблизи берега.

Ему должно было бы доставить удовольствие сознание собственного везения: ведь он находится чуть ли не рядом с очагами тектонических сдвигов, образующими сеть разломов под водами Гренландского моря, да еще может снимать характеристики и строить графики крупных колебаний земной коры, происходящих неподалеку. Но это его совсем не радовало.

Имея в распоряжении канал спутниковой связи, Гунвальд мог выйти на любой из компьютеров, подключенных ко всемирной информационной сети «Инфонет», — надо только, чтобы ЭВМ нужного абонента сети была включена и находилась в диалоговом режиме. Хотя географически он и был оторван от человечества, спутники связи, модемы и прочее телекоммуникационное оборудование обеспечивали для него доступ практически ко всем базам научных данных и к любому программному обеспечению, которые только существуют в каком-либо из городов планеты.

Вчера, например, он воспользовался спутниковым каналом, чтобы привлечь к анализу

полученных на Эджуэе сейсмических данных о последнем из происшедших поблизости землетрясений весьма мощные информационные ресурсы. То, что он узнал в результате этого предприятия, и вывело его из равновесия.

Громадная энергия сдвига в земной коре высвобождалась не столько продольными перемещениями морского дна, сколько в неистовом рывке поддонной толщи вверх. А как раз деформации такого рода и являлись наиболее опасными, поскольку сдвиг в одном тектоническом очаге передавался по цепочке к другим очагам, вызывая в них подобные же деформации, то есть, проще говоря, новые землетрясения. Судя по карте, новые точки неизбежной серии подводных толчков находились восточнее очага, в котором случилось первое землетрясение.

Самой станции Эджуэй непосредственно ничего как будто не грозило. Если даже неподалеку и «поползет» морское дно, то сопутствующее оползнию цунами, конечно, прокатится возле полярной шапки и лизнет ее край, оставив после себя кое-какие перемены: во-первых, наверняка появятся новые торосы и глубокие расселины и трещины. Если же землетрясение будет связано с подводной вулканической активностью, что означает выбросы с морского дна многих миллионов тонн расплавленной лавы, то, быть может, в ледовом куполе планеты появятся проталины теплой, а то и горячей воды. Но приполярные просторы почти не переменятся, а уж вероятность какого-то ущерба, нанесенного могучими передвижениями огромных масс вещества их базе, вообще-то невелика. Не говоря уже о гибели станции.

Так что Гунвальд особенно не беспокоился о своем благополучии. Но над остальными членами экспедиции нависла опасность. Ведь цунами, прокатившись по краю полярной шапки, не только соорудит новые торосы и трещины, но может вдобавок отгрызть добрый кус ледового поля. И на этой нечаянно образовавшейся льдине, которую, естественно, потащит в открытое море, вполне могут оказаться Харри и его товарищи. Громадная глыба льда обрушится в море, и его коллеги будут в ужасе наблюдать, как из-под их ног уходит прочный лед, а море — черное, холодное, губительное — встает стеной.

Вчера, в девять вечера, через пять часов после первого толчка, произошло второе землетрясение — 5,8 балла по шкале Рихтера — уже в ином месте: тектонический импульс пошел вдоль цепи разломов. На этот раз страшный сдвиг морского дна образовался в ста семидесяти километрах к северо-востоку от Рейвархёбна. Эпицентр второго толчка придвинулся к станции Эджуэй на сорок шесть километров по сравнению с первым землетрясением.

Гунвальда вовсе не утешало то, что второй толчок оказался слабее первого. То, что сила сдвига земной коры упала, вовсе не должно было означать, что последний толчок был лишь отголоском первого. Возможно, что оба слабых землетрясения были лишь предварительными смещениями коры, предшествовавшими главному, мощному землетрясению.

Во время холодной войны Соединенные Штаты внедрили в шельф¹ Гренландского моря цепочку чрезвычайно чувствительных акустических мониторов. Подобные следящие устройства устанавливались военным ведомством США и в иных местах, во всех тех районах мирового океана, которые имели важное стратегическое значение. Они обнаруживали любое, пусть даже почти бесшумное перемещение подводных объектов, в частности, вражеских атомных подлодок, особенно подлодок, оснащенных ядерным оружием. После краха Советского Союза на это хитроумное оборудование была возложена еще одна обязанность: акустические мониторы продолжали следить за подводными лодками, но наряду с этим они еще и собирали данные для ученых. Вот и теперь, вслед второму толчку почти все глубоководные станции, слушавшие море близ Гренландии, передавали слабый, но почти непрерывный низкочастотный сигнал, похожий на глухое ворчанье или на отдаленные раскаты грома, который свидетельствовал об упругой деформации в поверхностных отложениях.

Ситуация напоминала игру в домино: костяшки неторопливо ложились друг к другу. И

¹ Шельф — материковая отмель.

их цепочка двигалась к станции Эджуэй.

За последние шестнадцать часов Гунвальду приходилось не столько раскуривать свою трубку, сколько нервно грызть ее чубук. Его не покидало чувство тревоги.

Вчера, в девять тридцать вечера, когда по радио пришло подтверждение местонахождения и силы второго толчка, Гунвальд постарался связаться со временным лагерем, разбитым в десяти километрах к юго-западу от базы. Он сообщил Харри о землетрясениях и объяснил ему, чем опасно пребывание на самой кромке полярного льда.

— Ну, у нас есть задание, а работу надо выполнять, — только и сказал на его предостережение Харри. — Сорок шесть зарядов уже на месте, все заведено, и часовые механизмы уже тикают. Вытащить их из льда, до того как они бабахнут, крайне сложно. А если мы не станем завтра устанавливать остающиеся четырнадцать взрывпакетов, то скорее всего у нас получится совсем не тот айсберг, который мы хотели произвести на свет. А это значит, что вся наша затея пойдет насмарку. Понятно, что об этом даже речи быть не может.

— По-моему, все следовало бы обдумать еще раз потщательнее.

— Да ну. Проект такой дорогой, нечего и думать что-то ломать только потому, что, *быть может*, нам грозит землетрясение. За все уплачено. И такие деньги! Другого раза не будет — мы просто не сумеем начать все сначала.

— Может, ты и прав, — не стал спорить Гунвальд, — но мне ваша затея не по душе.

Послышались помехи — давало себя знать статическое электричество, — сухие кристаллики льда терлись друг о друга. Харри, пробившись сквозь сухие щелчки, произнес:

— А ты думаешь, мне нравятся все эти пируэты? Ты можешь сказать что-нибудь про то, сколько времени все это займет? Ну когда этот большой сдвиг пройдет наконец по всей цепи разломов?

— Знаешь, об этом можно только гадать. Несколько суток, может, недель, а то и месяцев.

— Вот видишь. Значит, времени у нас более чем достаточно. Черт, это может затянуться.

— Но может произойти и много быстрее. За считанные часы.

— В другой раз. Второй толчок был куда слабее первого, правда? — оживился Харри.

— Но тебе же хорошо известно, что это совсем не обязательно просто реакция на первый толчок. Очень возможно, что перед нами разворачивается процесс. Третий раз может тряхнуть и слабее, и сильнее, чем в первый и во второй.

— Как бы то ни было, — отвечал Харри, — тут, где мы теперь находимся, под нами толстый лед, он уходит вглубь на двести метров, а то и больше. И так просто его не расколешь — это не первый ледок на только что замерзшем после первых заморозков пруду.

— И все равно я бы очень вам советовал назавтра свернуть все свои дела там как можно быстрее.

— На этот счет можешь не беспокоиться. Поживешь в этих проклятых иглу денек, и самая паршивая рубка на Эджуэе покажется роскошной, как дорогой номер в гостинице «Ритц-Карлтон».

После сеанса связи Гунвальд Ларссон решил отдохнуть. Спалось ему скверно. В кошмарных снах он видел, как мир раскалывается на куски и эти огромные глыбы летят во все стороны, унося его в холодную, бездонную пропасть.

В семь тридцать утра, когда Гунвальд брился, а дурные сны еще не улетучились из памяти, сейсмограф зарегистрировал третий толчок: 5,2 балла по Рихтеру.

На завтрак он выпил только чашечку черного кофе. Есть совсем не хотелось.

В одиннадцать часов последовало четвертое землетрясение, всего в трехстах двадцати километрах к югу: 4,4 по шкале Рихтера.

Его нисколько не радовало, что каждый новый толчок был много слабее предыдущего. Похоже, земля просто собиралась с силами, приберегая энергию для заключительного могучего удара.

В пятый раз земля содрогнулась в 11 ч. 50 мин. Эпицентр находился примерно на сто

восемьдесят километров южнее станции. Куда ближе, чем в прошлый раз. Можно сказать, трясет в приходежей Эджуэй: 4,2 по Рихтеру.

Он вызвал по каналу связи временный лагерь, и Рита Карпентер заверила его, что они снимаются с кромки полярной шапки и покинут ее к двум часам дня.

— Погода помешать может, — обеспокоенно заметил Гунвальд.

— Тут снег пошел, но мы надеемся, что это только местная метель.

— Боюсь, что это не так. Пурга смещается в разные стороны и набирает силу и скорость. После обеда выпадет очень много снега.

— Ну, в четыре мы уже наверняка будем на станции Эджуэй, — только и сказала она. — А может, и побыстрее управимся.

На двенадцатой минуте пополудни произошел очередной обвал морского дна на прибрежном шельфе в ста шестидесяти километрах южнее Эджуэй: 4,5 по шкале Рихтера.

* * *

Теперь, в 12 ч. 30 мин., когда Харри с товарищами должны закладывать в лед последний взрывпакет, Гунвальд Ларссон сжимал зубами чубук своей давно неразжигавшейся трубки с такой силой, что надави он еще чуток, и трубка раскололась бы.

12 ч. 30 мин.

Почти в десяти километрах к югу от станции Эджуэй был разбит временный лагерь. Под стоянку выбрали плоскую площадку голого льда с подветренной стороны тороса, так что ледяная гряда защищала лагерь пришельцев от ветра, чаще всего дующего в этих местах и сформировавшего гряду.

Иглу, на которые жаловался Гунвальду Харри, не пришлось ни вырубать из льда, ни складывать из снежных кирпичей. Они были привезены их обитателями с собой. Это были надувные, похожие на резиновые лодки, домики, стенки которых, походившие на стеганое одеяло, изготавливались из прорезиненного нейлона. Три таких временных жилища поставили дугой, выпуклостью своей обращенной к отстоящему метров на пять и вознесшемуся метров на пятнадцать гребню тороса. В середине дуги ставились снегоходы. Иглу по форме напоминало скорее шатер или чум высотой почти в два с половиной метра и диаметром в три и семь десятых метра. Каждый такой чум надежно крепился ко льду длинными колышками, вкручивавшимися в лед, как шурупы в фанеру, и заканчивавшимися ушками для канатов. И если стенка иглу по виду напоминала ватное одеяло, то подушкообразный пол настился из одеял как таковых: облегченные одеяла прокладывались слоями плохо проводящей тепло пленки. Печки, занимавшие мало места и питавшиеся дизельным топливом, держали внутреннюю температуру на отметке в пятьдесят градусов по Фаренгейту, то есть около десяти по Цельсию. Конечно, такое жилье выглядело не особенно уютным или хотя бы просторным и теплым, но, в конце концов, много ли нужно закаленным полярникам, выехавшим на пару дней с более комфортабельной базы? К тому же им предстояло по большей части пребывать на воздухе, возясь со взрывчаткой.

На такой же плоской площадке, как и та, на которой разбили лагерь, но расположенной метра на полтора выше и метров на девяносто южнее, из льда торчала почти двухметровая стальная труба, так сказать, местная метеостанция: на трубе были закреплены термометр, барометр и анемометр.

Рукой в тяжелой перчатке Рита Карпентер стала стряхивать снег — сначала со своих больших очков, защищавших глаза от света и холода, а потом с метеоприборов, закрепленных на мачте-трубе. Смеркалось, и потому она светила фонариком, чтобы считать показания приборов о температуре, давлении воздуха и скорости ветра. Эти данные восторга у нее не вызвали. Близкой бури как будто ожидать не приходилось, по крайней мере, как утверждал прежний прогноз, до шести вечера сильная пурга не должна была разгуляться, но

теперь получалось, что стихия как бы решила ужесточиться и показать свою мощь, прежде чем мужчины, справившись с заданием, успеют вернуться на станцию Эджуэй.

Неловко ступая по сорокапятиградусному склону между приподнятой повыше площадкой и более обширным полем голого льда внизу, Рита поспешила к лагерю. Походка ее *не могла не быть* неуклюжей, потому что на ней были надеты все обеспечивающие выживание предметы: вязаное нижнее белье с теплоподогревом, две пары носков, сапоги на теплой шерстяной подкладке, костюм из тонкой шерсти, поверх его стеганный нейлоновый костюм с электроподогревом, на который Рита надела подбитую мехом куртку. Лицо — от подбородка до больших солнцезащитных очков — закрывала вязаная маска, а поверх ее Рита натянула меховой капюшон, застегивающийся под подбородком, и, разумеется, теплые перчатки. Здешняя погода была настолько безжалостной, что сохранить тепло тела можно было, только расставшись с мечтами об изящной поступи: неуклюжесть, безобразность, неудобства — эти тяготы входили в цену, которую надо было платить за возможность выжить.

Хотя Рита еще совсем не замерзла, все же укусы колючего ветра да зрелище бесплодного пейзажа заставили ее поежиться. Они с Харри по своей воле выбрали такую работу, на которой, в силу профессионального долга, приходилось проводить добрую долю жизни в подобных местах Арктики и Антарктики. Правда, она не разделяла любовь мужа к огромным открытым просторам, к одноцветным видам, к почти всегда темному небу, сходство которого с куполом представлялось очевидным, не говоря уже о первобытных бурях. В сущности, если что и заставляло ее вновь и вновь возвращаться в подобные полярные регионы, так это прежде всего понимание, что эти холодные просторы ее пугают.

С той самой зимы — Рите тогда было шесть лет — она упрямо отказывается сдаваться *любому* страху, пусть даже все говорит за то, что на этот раз надо бы отступить...

Вот и теперь, когда она уже подходила к иглу, стоявшему с западного края лагеря, подталкиваемая ударами ветра, походившими на удары в спину молотком или тумаками, ее вдруг охватил такой ужас, что впору было рухнуть на колени: наступила физическая реакция. Криофобия: боязнь льда и мороза. Фригобобия: боязнь холода. Хионофобия: боязнь снега. Рита знала эти мудреные слова потому, что сама страдала всеми тремя недугами, пусть и не в очень острой форме. Из своего опыта, извлеченного из нередких столкновений с тем, что порождало в ее душе тревогу, к примеру, из переживаний прививки против гриппа, она вынесла твердую уверенность, что все, чем грозят подобные случаи, сводится, как правило, к мелким неудобствам, проходящей неловкости, и очень редко в самом деле может стрястись что-то по-настоящему страшное. Бывало, правда, что над нею брали верх такие воспоминания, от которых не удавалось укрыться ни за какими рассуждениями о сколь угодно большом количестве прививок. Вот и сейчас так. Взбаламученное белесое небо словно готовилось обрушиться вниз со скоростью свободно падающего камня, и, несомненно, эта глыба безжалостно расплющит ее. Казалось, что и воздух, и тучи, и сыплющий с неба снег вот-вот превратятся в исполинскую мраморную скалу, чтобы раскатать ее по морозной, бесплодной, бесполезной равнине. Ее сердце заколотилось сильно и часто, потом еще сильнее и еще чаще, потом еще быстрее, пока эта неистовая каденция безумного барабанщика, становившаяся в ее ушах все громче, громче, громче, наконец не поглотила просто утонувший в этих грохочущих раскатах громко причитающий вой ветра.

У входа в иглу Рита остановилась, стараясь вновь почувствовать твердь под своими стопами: она не хотела бежать от того, что ее пугало. Она домогалась от себя выдержки, чтобы вынести затерянность в этом мутно-блеклом, закутанном в унылый саван безрадостном царстве — как тот, кто безо всякой на то разумной причины должен заставить себя завести песика и через силу полюбить свою животину — иначе ему вовек не избавиться от своих страхов.

Эта самая затерянность и была, по сути дела, той стороной жития в Арктике, которая более всего прочего тяготила Риту. В ее сознании, с шестилетнего возраста, зима навсегда неразрывно увязывалась с чувством страшного одиночества, переживаемого умирающим

существом, с посеревшими и искаженными смертью лицами мертвецов, с замерзшими и остекленевшими взглядами ничего не видящих мертвых глаз, с кладбищами, могилами и обессиливающим, удушающим отчаянием.

Она дрожала так сильно, что лучик ее фонарика прыгал на снегу у ее ног.

Отвернувшись от убежища, она обратила лицо не навстречу ветру, но встала под углом к нему и принялась вглядываться в узкую ровную площадку, расположенную между плато, из которого торчал шест с подвешенными на нем метеоприборами, и ледяной грядой. Вечная зима без тепла, утешения или надежды. Да, эта земля требовала, чтобы ее уважали, — ладно, буду. Но это же земля, не зверь, значит, у нее нет никакого сознания или понимания. И значит, и хотения. Выходит, эта земля вовсе не собирается вредить Рите.

Рита глубоко вздохнула и стала ритмично дышать через свою вязаную маску.

Чтобы задавить страх перед полярной шапкой, она сказала себе, что есть у нее заботы и поважнее, и одна из них ожидает ее в иглу. Франц Фишер.

Знакомство с Фишером произошло у нее одиннадцать лет тому назад, вскоре после защиты докторской диссертации. Новая ученая степень позволила ей занять первую для себя научную должность в подразделении корпорации «Интернэшнел Телефон энд Телеграф». Франц уже работал тогда на ИТТ. Он был привлекателен и не лишен обаяния, особенно тогда, когда находил нужным не скрывать это, и они были вместе почти два года. Их связь нельзя было назвать ни безмятежной, ни бесстыдной, ни чистым развлечением. Особенной любви тоже как будто не существовало. Как бы то ни было, она с ним никогда не скучала. Расстались они девять лет назад, как раз должна была выйти из печати ее первая книга, и стало ясно, что Францу всегда будет как-то не по себе рядом с женщиной, не уступающей ему ни в профессиональном, ни в интеллектуальном отношении. Он думал, что будет лидером в их отношениях, а ей совсем не хотелось подчиняться. Тогда ей пришлось оставить его, чтобы, познакомившись с Харри, выйти год спустя замуж и в замужестве не оглядываться в прошлое.

Коль скоро он вошел в жизнь Риты после Франца, то, полагал Харри в своей неизменно милой и весьма рассудительной манере, все бывшее его не касается. За свое семейное благополучие он не боялся и был уверен в себе. Даже зная об отношениях своей жены с Францем, а может быть, именно поэтому, он настоял на включении Фишера в число участников экспедиции: мол, станции Эджуэй без главного метеоролога никак нельзя, а лучше немца с такой работой никто не сладит.

Наверное, это был тот самый редкий случай, когда неразумная ревность могла сослужить Харри — да и всем им — лучшую службу, чем разумная рассудительность. Видимо, стоило предпочесть очень хорошее самому лучшему.

И девять лет спустя Франц упрямо держался роли оскорбленного и покинутого любовника. Нет, он не бывал ни холоден, ни груб, напротив, он намеренно подчеркивал, что коротает уединенные ночи в спальном мешке, лелея и ублажая свое жестоко разбитое сердце. Он никогда не заговаривал о прошлом, не выказывал неподобающего интереса к Рите и вообще не позволял себе ничего такого, что можно было бы счесть не совсем джентльменскими манерами. Но все равно, на полярном форпосте обитать приходилось в такой тесноте, в такой близости друг от друга, что та тщательность, с которой он выставлял напоказ свою уязвленную гордыню, действовала не менее разрушительно, чем громогласные оскорбления.

Выл ветер, со всех сторон валил снег, везде, куда ни погляди, был лед, как это и полагалось тут с незапамятных времен — понемногу ее сердце переходило на обычный для себя темп. И дрожь утихла. И ужас пропал.

Она опять победила.

Войдя наконец в иглу, Рита увидела Франца: он складывал приборы и инструменты в картонный ящик. Верхние сапоги, верхнюю куртку и перчатки он снял. Франц не осмеливался работать до седьмого пота и, занимаясь чем-то, делал свое дело с прохладцей: после напряжения может последовать озноб, а мерзнуть, пусть даже в термокостюме, ему

не хотелось. Не говоря уже о потерях драгоценного тепла вне помещения. Франц поднял глаза на вошедшую Риту, кивнул и опять занялся упаковкой инструмента.

В нем чувствовались особая притягательность, некий магнетизм, и Рите теперь было понятно, почему ее потянуло к нему тогда, когда она была моложе. Красивые белокурые волосы, глубоко посаженные темные глаза. Он был невысокого роста, чуть выше ее, но в свои сорок пять лет Франц оставался стройным и гибким, как юноша.

— Ветер поднялся, уже почти одиннадцать метров в секунду, — проговорила Рита, откидывая капюшон и стаскивая защитные очки. — А температура опустилась до минус двадцати трех по Цельсию. И продолжает падать.

— А когда дует ветер, непременно становится холоднее. Что ж, когда надо будет сворачивать лагерь, будет, пожалуй, минус тридцать, а то и похолоднее. — Произнося это, он не подымал глаз. Словно с собой разговаривал.

— Да с этим-то у нас все получится, как надо.

— При нулевой видимости?

— Так скверно будет еще не скоро.

— Ты не знаешь еще, что такое эта полярная погода, а я знаю. Выгляни-ка еще раз наружу, Рита. Этот фронт бури набирает силу куда быстрее, чем предсказывали прогнозы. Мы и оглянуться не успеем, как все кругом нас станет бело.

— Знаешь, Франц, если честно, то твоя мрачная тевтонская натура...

И тут снизу раздался мощный громоподобный гул, и по полярной шапке пошла судорога. К глухому рокоту присоединились высокие, едва слышные, взвизгивающие пiski — это терлись друг о друга десятки смежных ледяных плит и слоев.

Рита оступилась было, но удержалась на ногах, покачнувшись так, как будто поезд уже пошел, но она успела вскочить на подножку.

Рокот очень скоро стал стихать, а потом и вовсе сошел на нет.

Вернулась благословенная тишина.

Франц, наконец, встретился с нею глазами. И, откашлявшись, спросил:

— Что, напророченное Ларссоном большое землетрясение?

— Да нет. Уж слишком слабый был толчок. Главный обвал на этой цепочке тектонических разломов должен оказаться куда мощнее. Тогда тряхнет сильнее, чем во время любого из малых землетрясений близ любого разлома в цепи. А этот толчок такой слабый, что его и на шкалу Рихтера пристроить нельзя.

— Предварительное сотрясение коры?

— Может, и так, — не стала вдаваться в рассуждения Рита.

— А когда нам ждать главного события?

Она пожала плечами:

— Может, никогда. Может, сегодня ночью. Может, через минуту.

Корча рожи, он продолжал складывать инструмент в коробку из водостойкого картона.

— А ты еще что-то говоришь про *мою* унылую натуру.

12 ч. 45 мин.

Не имея возможности отойти от освещенных пятен, высвечиваемых на льду световыми конусами, исходящими от фар двух снегоходов, Роджер Брескин и Джордж Лин все же завершили установку радиопередатчика, вколов в лед четыре колышка, каждый длиной в шестьдесят сантиметров, и закрепив на них передающее устройство. Теперь оборудование оставалось только проверить, и потому передатчик был включен в рабочий режим. Их длинные изгибающиеся тени выглядели так причудливо и так искажались с каждым наклоном тела, что можно было принять их за дикарей, поклоняющихся какому-то идолу, а завораживающая песнь ветра могла быть понята как глас божества, которому возносили молитвы эти уродливые идолопоклонники.

Даже слабое сумеречное свечение зимнего полярного неба к этому времени уже

исчезло, словно испугавшись мороза. Если бы не фары снегоходов, видимость упала бы метров до девяти, если не меньше.

Утром ветер казался бодрящим и освежающим, однако, набирая все большую скорость, воздушный поток становился все более враждебным пришельцем, грозя им гибелью. В этих широтах достаточно сильные порывы ветра постепенно, слой за слоем, преодолевали и такие преграды, которые люди называли теплоизоляцией или полярным термокостюмом. И, значит, холод понемногу пробивался к телу укутанного в кучу одежек полярника. Снежок, который совсем недавно падал так красиво и так тихо, теперь сильно смещался ветром. Казалось, траектория его падения параллельна ледяной плоскости под ногами, так что даже непонятно было, почему это снегу внизу все прибывает и прибывает. Дуло с запада, и так мощно, что полярникам приходилось каждые пять-шесть минут прекращать работу, чтобы почистить защитные очки и стряхнуть со своих вязаных масок, закрывавших лица от шеи до самых глаз, налипший снег, еще не успевший превратиться в наледь.

Стоя позади фар, лучившихся янтарным светом, Брайан Дохерти только уворачивался от ветра. Шевеля пальцами рук и ног, чтобы хоть как-то отогнать холод, он думал о том, как же это его угораздило забраться в этот богом забытый край. Он же — нездешний. Да и нет тут *здесьних*. Никогда не доводилось ему видывать прежде столь бесплодных и безжизненных мест; даже самые пустынные пустыни все же не были настолько мертвы, как полярная шапка планеты. Любая подробность здешнего пейзажа беззастенчиво напоминала, что вся жизнь и все, что в ней есть, не более чем канун или преддверие неминуемой и вечной смерти. Порой Арктика настолько обостряла его чувства, что, глядя на лица товарищей по экспедиции, он видел их черепа.

Становилось понятным, зачем он потащился на полярную шапку: он ведь искал приключений, риска и смертельных опасностей. По крайней мере, это он о себе знал, хотя ни разу и не пробовал покопаться в себе, чтобы выяснить, *почему и откуда* взялась эта одержимая тяга к гибельному риску.

Как бы то ни было, он имел достаточно причин оставаться в живых. Он был молод, красив и на Квазимодо из романа Гюго не походил, да и вообще, он любил жизнь. И еще, что, кстати, немаловажно, он вырос в очень богатой семье, и месяцев через четырнадцать ему будут вручены бразды правления собственностью, оцениваемой в тридцать миллионов долларов. Он станет попечителем интересов тех, кто, собственно, владеет этим огромным имуществом. У него не было ни малейшего понятия, что он станет делать с этими чертовыми деньгами, но сознание, что все это богатство достанется ему, грело его душу.

Да чего уж там, слава, которую заслужили его предки и всеобщее благоволение к клану Дохерти способны распахнуть перед ним такие врата, которые не пробьешь никакими деньгами. Дядя Брайана, во время оно — президент Соединенных Штатов, погиб от снайперской пули. Отец Брайана, сенатор от штата Калифорния, тоже едва не погиб во время первичных выборов, но пули злоумышленника лишь покалечили его. О трагедиях, постигших клан Дохерти, судачили бесчисленные журналы, эту тему выносили на обложки самые разные издания, от красочного «Пипл» и рассчитанного на домохозяек «Гуд Хаузкипинг» до легкомысленного «Плейбоя» и роскошного «Винити Фэйр».

Когда-нибудь потом и Брайан может попробовать себя в политике, если только захочет. Но пока он еще слишком юн для такого рода карьеры, тем более что надо будет принять на себя немалую ответственность и предстать лицом к лицу перед всем тем, что уже стало неотъемлемым от истории его рода и семейных преданий. В сущности, он увиливал от этого тяжкого долга, отмахиваясь от любых мыслей на этот счет. Четыре года назад его отчислили из Гарварда — в университете, где он якобы изучал право, он продержался только восемнадцать месяцев. С тех пор он вольно странствовал по всему свету, таким «тунеядцем», транжирящим свою жизнь и свое состояние посредством кредитных карточек «Американ Экспресс» и «Карт-Бланш». Приключения, сопутствовавшие его потугам «убежать от общества», вновь и вновь выносили его имя на первые полосы газет всех материков. Он пробовал себя в роли тореадора на одной из предназначенных для боя быков

площадок Мадрида. Во время африканского сафари, куда он отправился с намерением поохотиться не с ружьем, а с фотоаппаратом, он сломал руку, потому что носорог вздумал напасть на джип, за рулем которого находился молодой Дохерти. Идя вниз по течению одной из бурных и стремительных рек в штате Колорадо, он опрокинулся вместе с лодкой и едва не утонул. А вот теперь ему предстоит пережить долгую, немилосердно жестокую зиму в полярных льдах.

Его имя и несколько журнальных статей, которые он успел к этому времени напечатать, все же не давали ему достаточного права притязать на положение официального летописца экспедиции. Однако Фонд семейства Дохерти объявил о выделении 850 тысяч долларов США в качестве гранта, предоставляемого проекту Эджуэй, что практически гарантировало включение Брайана в исследовательскую команду.

По большому счету он как будто сумел добиться благожелательного отношения к себе. Единственное столкновение произошло как-то с Джорджем Лином, но и эта стычка вряд ли была чем-то посерьезнее, чем вспышкой дурного настроения. Да и ученый китаец извинился потом за свою несдержанность. Брайан по-настоящему увлекся замыслом, и его искреннее рвение снискало ему симпатию товарищей по предприятию.

Брайан полагал, что его интерес родился из осознания той правды, что сам он не в состоянии вообразить себя добровольно выбирающим такое тяжелое дело на всю жизнь и отдаваться ему всей душой, как работа, для которой, кажется, готовы пожертвовать чем угодно его новые товарищи. Хотя политическая карьера, можно сказать, была уготована ему с пеленок как законное наследство, Брайана смущали грязные интриги, неотъемлемые от ожидавшей его участи. Политика выдает себя за служение народу, но под этим таится испорченность могущественной власти. Все это — ложь, коварство, погоня за выгодой, самовозвеличение — подходит как работа разве что безумцу или корыстолюбцу. Еще мальчиком он всякого нагладелся в столице, имея возможность наблюдать Вашингтон изнутри, и увиденное навсегда отбило у него охоту искать свою долю в этом продажном городе. К несчастью, политика сумела заразить его неким цинизмом, почему *любые* свершения или достижения, будь то на политической арене или же вне ее, всегда представлялись ему сомнительными. Во всяком случае, ценность успеха никогда не казалась ему заведомо бесспорной.

Ему *доставляло* удовольствие сочинительство, процесс письма как таковой, и он рассчитывал разродиться тремя-четырьмя статьями о жизни Крайнего Севера. У него уже, по сути дела, набралось материала на целую книгу, которую ему все сильнее хотелось написать.

Родня его пребывала в уверенности, что Эджуэй увлек Брайана гуманитарным потенциалом, что мальчик серьезно задумался о своем будущем. Брайан не хотел разочаровывать близких, но они, конечно, зря тешили себя иллюзиями. Поначалу его потянуло в экспедицию только потому, что представился случай поискать новых приключений. Прежние же авантюры бывали, как правило, почти бессмысленными, а тут намечалось что-то серьезное.

А то, что и на этот раз все *оказалось* только приключением, в этом он уверял себя, наблюдая за тем, как Лин и Брескин проверяют передатчик. Это был просто еще один способ, еще одна дорожка, по которой можно сбежать еще на какое-то время, от раздумий о прошлом и будущем. Ну а что потом?... Откуда эта решимость написать книгу?

Его спутники встали на ноги и принялись выковыривать снег из своих защитных очков.

Брайан подошел к ним поближе и поинтересовался, стараясь перекрыть ветер:

— Готово?

— Добили, наконец! — ответил ему Брескин.

Передатчик, занимавший квадратную площадку размером шестьдесят один на шестьдесят один сантиметр, был способен находиться среди льдов и снегов многими часами, сохраняя полнейшую работоспособность. Устройство разрабатывалось специально для полярных широт, предусматривалось многократное резервирование, батарейный отсек, например, вмещал много сухих элементов, устанавливавшихся в карманы с многослойной

изоляцией, первоначально предназначавшейся для космоса, — разработку заказало НАСА¹. Передатчик должен был выдавать мощный сигнал — посылка длиной в две секунды, десять посылок в минуту — все время в течение срока службы батарей, то есть от восьми до двенадцати суток.

Когда сегмент ледового поля отколется по линии, вычерченной направленными взрывами почти с хирургической точностью, и, оторвавшись от полярной шапки, пустится в долгое самостоятельное плавание, то вместе с рукотворным айсбергом будет дрейфовать и испускающий сигналы передатчик. Сначала айсберг пройдет излюбленными плавучим льдом путями, известными как Айсберговый проход, а потом продолжит дрейф в водах Северной Атлантики. Там, в четырехстах семидесяти километрах к югу отсюда, уже ожидают два тральщика, приписанные к созданному ООН флоту Международного геофизического года. Приемники этих траулеров настроены на частоту передатчика, только что установленного Брескином и Лином. Затем геофизические спутники, выведенные на полярные орбиты, точно зафиксируют маршрут айсберга, пользуясь издревле известными приемами триангуляции — точек для этого достаточно: передатчик на айсберге, приемники на кораблях, спутники над головой. А потом можно будет узнать «свой» айсберг не только по точно установленному методами радиотриангуляции местонахождению, но и визуально: водостойкая, но хорошо и самопроизвольно расходящаяся по поверхности красная краска до встречи с тральщиками успеет расплзтись по огромной площади, и это яркое пятно будет бросаться в глаза на белом фоне.

Основной целью эксперимента является уточнение существующего понимания, каким именно образом зимние морские течения влияют на траекторию дрейфующего льда. Прежде чем затевать воплощение в жизнь грандиозных планов доставки огромных ледяных глыб к побережьям, изнемогающим от безводья и маловодья, ученые решили разобраться с ущербом, которое может нанести море судам, чтобы попытаться заставить то же самое море работать на себя.

Поднять суда-буксиры к самой кромке ледового поля, от которой и предполагалось отломить громадную глыбу, было сочтено непрактичным. Северный Ледовитый океан и Гренландское море в это время года изобиловали плавучими льдинами и шугой и поэтому были не особенно удобны для навигации. И к тому же надо было еще посмотреть, что покажут эксперименты проекта: вполне возможно, что результаты опытов покажут ненужность многих трудоемких работ. Может быть, ни к чему цеплять ледяную гору на буксир на выходе из айсбергового прохода. Вдруг есть смысл положиться на природные морские течения, которые увлекут айсберг на сотню-другую миль южнее, где и мореходам как-то поуютнее, да и к желанному побережью, быть может, поближе.

— Можно, я сделаю несколько снимков? — спросил Брайан.

— В другой раз, — отрезал Джордж Лин, хлопывая ладонями друг о друга, стараясь счистить со своих огромных перчаток налипшую наледь.

— Да это и минуты не займет.

— Нам поскорее на Эджуэй надо, — стал объяснять Лин. — Если буря разыграется, мы здесь застрянем, и тогда к утру мало чем будем отличаться от окружающего пейзажа, превратясь в смерзшиеся катышки.

— Ну, на минуту-то уж можно расщедриться, — вмешался Роджер Брескин. Он, в отличие от своих товарищей, не кричал, но его бас был хорошо различим на фоне ветра, который, усилившись, сменил тон, перейдя с рычания на негромкое лающее подвывание.

Брайан благодарно улыбнулся.

— С ума сошел? — заинтересованно спросил Лин. — Погляди, какой снег. Если мы замешкаемся...

— Джордж, ты уже зря потратил минуту на склоку. — В тоне Брескина не слышалось упрека. Ученый просто зафиксировал наблюдаемый факт.

¹ Национальное управление по исследованиям верхних слоев атмосферы и космического пространства («космическое ведомство» США).

Хотя Роджер Брескин переехал из Соединенных Штатов в Канаду всего восемь лет назад, он уже успел из иммигранта превратиться в самого настоящего канадца, выдавая спокойствие и миролюбие, которое расхожая молва приписывает канадцам. Уверенный, сдержанный — ему было не так-то просто обзавестись новыми друзьями *или* недругами.

Глаза Лина за стеклами огромных очков превратились в узкие щелочки. Но вслух он лишь недовольно произнес:

— Ладно. Давай фотографируй. Надеюсь, Роджер еще поглядит на себя на лощеной журнальной обложке. Этого ведь он хочет. Но поторапливайся.

Брайану не оставалось ничего другого, как, щелкнув пару раз, покончить со своей затеей. Да и погода была такая, что не было ни времени, ни возможности по-хорошему продумать композицию снимка и толком навести на резкость.

— Так нормально? — спросил Роджер Брескин, становясь по правую сторону от передатчика.

— Класс.

В поле видеоискателя фигура Роджера господствовала, занимая, быть может, чересчур много места. Росту в нем было сто восемьдесят сантиметров, весу — восемьдесят шесть килограммов, то есть он был чуть ниже и полегче, чем Пит Джонсон, но мускулатура у него не уступала внушительностью мышцам бывшей звезды футбола. Двадцать из своих тридцати шести лет он то и дело таскал тяжести. Бицепсы у него были пугающе выпуклыми, с мощно выступающими венами. И полярное оснащение выглядело на нем вполне естественно: медведь — не медведь, но из всех троих он выглядел самым здешним, коль не уроженец, так точно давний житель этих промороженных бесплодных просторов.

Вставший по левую руку от радиопередатчика Джордж Лин походил на Брескина не больше, чем колибри напоминает орла. Разумеется, он и пониже, и полегче, но его непохожесть на Роджера не сводилась к чисто физическим параметрам. Если Роджер встал прочно и стоял недвижно, как большая ледышка, то Лин не мог удержаться от движения даже секунду: то туда подастся, то сюда подвинется, того и гляди взорвется переполняющей его нервной энергией. Не было у него того терпения, которым славится душа азиата. В отличие от Брескина, в этой промерзшей пустыне он был чужаком. И Лин это знал.

Когда Джордж Лин родился, его имя было — Линь Шэньян. На свет он появился в Кантоне, который пекинские чиновники называют городом Гуанчжоу. Это юг материкового Китая. Случилось это в 1946-м, незадолго до того как революция, предводительствуемая Мао Цзэдуном, вышвырнула гоминдановское правительство на Тайвань и утвердила на материке тоталитарный строй. Семейству Линь никак не удавалось сбежать от красных, и на Тайвань они сумели перебраться тогда, когда Джорджу стукнуло семь лет. В раннем детстве что-то чудовищное стряслось с ним в Кантоне, и это навсегда его ранило и придало его внутреннему и внешнему облику ряд уже не менявшихся после того особенностей. При случае он как-то намекнул на свою детскую травму, но откровенничать на этот счет отказывался, то ли опасаясь не справиться с ужасными воспоминаниями, то ли просто потому, что Брайан, не сумевший вытянуть из собеседника того, что хотел, — никудышный журналист.

— Пошевеливайся, — поторопил его Лин. Выдыхаемый воздух струился волокнами хрустальной пряжи, которую ветер — без особого, впрочем, успеха — силился расплести.

Брайан навел на резкость и нажал на спуск диафрагмы.

Луч электронной фотовспышки на мгновение озарил заснеженный ледник, и перед глазами заплескали и запрыгали причудливо изгибающиеся светотени. Потом снова обрушился полнейший мрак, проглотивший все — и яркие, и темные фигурки, но раболепно пресмыкающийся на границах пятен, высвеченных фарами: туда ему хода не было.

Брайан попросил:

— Еще разок...

И тут ледник вдруг стал дыбом, резко рванув вверх. Так уходит земля из-под ног на колесе смеха в парке. Твердь внизу качнулась влево, потом дала крен вправо и, наконец,

осела, или, лучше сказать, провалилась.

Он не удержался на ногах и, рухнув на лед, так сильно ударился, что даже многослойные теплые одежды не сумели смягчить столкновения. Было отчаянно больно, словно все его кости кто-то встряхнул и они разом застучали друг о друга словно палочки «и цзин» в металлической чашке. Ледник опять вздыбился, дергаясь и как бы поеживаясь, словно желая сбросить с себя ползающее по его поверхности все живое, — пусть оно отстанет от ледяной глади и, слетев с земли, пропадет где-то в открытом космосе.

Один из стоявших без дела снегоходов завалился набок — еще пяток сантиметров, и вся эта тяжесть обрушилась бы на его голову. Дело, однако, обошлось только ледяными брызгами из-под обшивки упавших аэросаней: ледяные иголки впились в лицо и на мгновение лишили зрения — глаза заволокло слезами. Проморгавшись, он тупо уставился на покачивающиеся в воздухе лыжи снегохода: машина походила на опрокинутое на спину насекомое, беспомощно подрагивавшее лапками. Мотор снегохода заглох.

Ошеломленный, со звоном в голове и сильно бьющимся сердцем, Брайан попытался осторожно приподнять голову и увидел, что передатчик не сдвинулся с места — крепеж не подвел. А вот Брескин с Лином, барахтавшиеся в снегу, походили на кукол, да и он, верно, со стороны выглядел не лучше. Брайан попробовал было встать на ноги, но новый толчок, еще более резкий, чем первый, сорвал его потуги.

Так вот оно, напрогноченное Гунвальдом субокеаническое землетрясение.

Брайан теперь решил ползти к пустому углублению, самой природой, казалось бы, уготованному для него. Капризы ветра и перепады давления создали рельеф, способный защитить и от неожиданного падения снегохода, и от удара довольно-таки увесистого передатчика, который, сорвавшись, если не выдержат крепления, тоже способен нанести немало вреда. Ясное дело, сейчас под ними цунами, сотни миллионов кубометров холодной морской воды, неистовствующей под огромным ледовым полем, готовой вознестись девятым валом и обрушиться с мстительной яростью злобного и могучего существа, недовольного тем, что потревожили его вечный покой.

Среди прочего это означает, что ледник успокоится не сразу: еще долго, волна за волной, на ледник будут накатываться приливы энергии, правда, все более слабеющие. На иное надеяться не приходится.

Перевернувшийся снегоход закрутился на боку. Свет от фар дважды полоснул по лицу Брайана, осветив убегающие куда-то тени, похожие на уносимую ветром листву, срываемую с деревьев в более южных и куда как более теплых широтах. Потом луч света на минуту замер, словно затем, чтобы осветить товарищей Брайана.

За спинами Роджера Брескина и Джорджа Лина внезапно грянуло: «Бух!» — это с оглушительным треском лопнул лед. Трещина становилась все шире, словно огромное чудовище разевало свою пасть. Мир, в котором они существовали, разлетелся на куски.

Брайан предостерегающе завопил.

Роджер обеими руками ухватился за здоровенные стальные колышки, удерживающие передатчик на месте.

Лед вспучило в третий раз. Белая равнина пошла новыми трещинами.

Хотя он изо всех сил пытался держать себя в руках, все же он спешно выскользнул из углубления, которое чуть ранее присмотрел себе для укрытия. И это вышло у него так легко, будто никакого трения между льдом и его теплыми одежками нет и быть не могло. Рванувшись к расселине, Брайан скоренько ухватился за передатчик, как утопающий за пресловутую соломинку, врезавшись при этом со всего размаху в Роджера, и вцепился во вновь обретенную опору с явным намерением ни за что не отпустить ее.

Роджер прокричал что-то про Джорджа Лина, но даже его низкий голос не сумел пересилить вой ветра и крикание трескающихся льдов.

Щурясь и корча гримасы, Брайан пытался так сузить свои глаза, чтобы суметь хоть что-то увидеть через заляпанные снегом очки. А снять их, чтобы стряхнуть со стекол снег и наледь, духу не хватало — ведь для этого потребовалось бы оторваться от крепления

радиопередатчика, в которое он так отчаянно вцепился. Все же ему удалось извернуться и посмотреть через плечо.

Вопя, Джордж Лин скользил к краю новой расселины. Его руки молотили по гладкому льду — ухватиться было не за что. А когда новый вал цунами опять прошел под удерживающей их ледовой плоскостью, Лин уже пропал из виду, скрывшись за краями трещины.

* * *

Франц предложил было Рите заняться упаковкой инструмента и покончить с этим делом, пока он уложит более тяжелые предметы на санки, цепляемые к снегоходу. В его любезных словах Рита расслышала столько снисходительности к «слабому полу», что ни о каком ее согласии с его планом не могло быть и речи. Она лишь натянула на голову капюшон, пристроила поверх его громоздкие очки и взялась за один из уже уложенных ящиков, прежде чем Франц сумел что-то возразить.

Снаружи, как раз в то самое мгновение, когда она запихивала водостойкую коробку на площадку поверх длинных полозьев саночного прицепа, землю, точнее, то, что было под ногами, сильно тряхнуло. Рита увидела вскипающий вокруг лед и свалилась на картонную коробку, уже стоявшую на санках. Твердый угол этого ящика прочертил борозду на ее щеке, пока она, не удержавшись на саночном прицепе, соскальзывала в снег — за последний час возле снегохода намело порядочный сугроб.

Преодолевая страх, она все же попыталась подняться. И едва ей удалось встать на ноги, твердь под ними опять заходила ходуном — это под ледник протолкался первый вал цунами. Двигатели снегоходов были на ходу — машины прогревались перед переходом по леднику — они ведь собирались еще сегодня вернуться на станцию Эджуэй. Фары аэросаней освещали валяющийся с неба снег, и Рита могла заметить на почти отвесно уходящей на пятнадцать метров ввысь стенке ледяной гряды появление первой широкой трещины. Эта гряда укрывала их временный лагерь от ветра и прочих неприятностей, но теперь сама становилась опасной. Потом ответвлением от первой зазмеилась, становясь все шире, вторая трещина, а там и третья, четвертая, десятая, сотая — пока не возникла паутина неровных линий, делающая торос похожим на ветровое стекло автомобиля, в которое угодил метко брошенный камень. Вся лицевая сторона ледяной гряды выглядела теперь так, что того и гляди рухнет или рассыплется в прах.

Рита закричала Фишеру, все еще остававшемуся в иглу:

— Беги! Франц! Вылезай!

Потом последовала собственному совету, не осмелившись оглянуться.

Шестидесятый заряд ничем не отличался от предыдущих пятидесяти девяти, уже установленных в скважине во льду: цилиндр длиной в сто пятьдесят два сантиметра и диаметром в пять и шесть десятых сантиметра, кромки закруглены. Хитроумный часовой «механизм» (в сущности, электронное устройство) и детонатор занимали дно цилиндра. Срабатывание всех шестидесяти взрывпакетов было синхронизировано и точно размерено во времени. Остальной объем тубуса был заполнен пластиковой взрывчаткой. К верхушке тубуса было приварено кольцо с карабинным зажимом, куда можно вставить цепь, чтобы в случае надобности цилиндрический тубус мог быть извлечен из ствола скважины.

Харри Карпентер отмотал довольно большой отрезок стальной цепи от вала ручной лебедки и вставил тубус — тринадцать с половиной килограмм корпуса и сорок пять кило с небольшим взрывчатки — в узкое отверстие, действуя со всеми должными предосторожностями. Как-никак заряд по мощности был эквивалентен тысяче тремстам шестидесяти килограммам тринитротолуола. Цилиндр, опускаясь в ствол скважины, утянул за собой почти двадцать четыре метра цепи, пока не достиг дна уходящей на двадцать шесть с половиной метров вглубь скважины. После этого Харри закрепил верхнее, свободное звено цепи во втором карабине, потом потянул за цепь, чтобы она поплотнее, хотя и не без

провисания, прилежала к стенке скважины, а затем накинута карабин на колышек, прочно вбитый в лед рядом со скважиной.

Пит Джонсон находился рядом, следя за действиями Харри. Повернув голову в направлении француза, он закричал, преодолевая пронзительный вой ветра:

— Все готово, Клод.

На электроплитке, установленной поверх полозьев грузового прицепа, стоял бочонок, который они недавно наполнили снегом. Снег успел не только растаять, но и превратиться в кипяток. Отрывающийся от бурлящей поверхности пар, не успев толком подняться, замерзал, превращаясь в облачко поблескивающих кристалликов, и эти льдинки незамедлительно исчезали в подхватывающем их снежном водовороте. словно нескончаемая вереница призрачных духов рвалась на волю из какого-то колдовского котла, чтобы разлететься по всему свету.

Клод Жовер вставил в клапан бочонка металлическую гильзу, которой заканчивался один конец шланга. Потом он открыл клапан бочонка и подал второй конец шланга с сужающимся носиком ожидавшему Карпентеру.

Харри вставил носик шланга в выходное отверстие скважины и отвернул кран на носике. Горячая вода потекла в пробуренный ствол. Через три минуты отверстие во льду исчезло — бомба оказалась надежно запечатанной в толще льда ледяной же пробкой.

Оставь они скважину незапечатанной, с зияющей дырой во льду, то взрыв мог бы получиться не таким направленным, как задумано, — часть взрывной энергии двинулась бы по пути наименьшего сопротивления, то есть по пустому стволу скважины. И пропала бы зря. Конечно, когда в ночи, вместе с остальными зарядами, гроыхнет и этот, свежий лед, запечатавший скважину, вылетит под напором ударной волны, как пробка из бутылки шампанского, но все равно потери энергии будут допустимыми и не помешают плану осуществиться.

Пит Джонсон потыкал пальцем в перчатке в ледяную пробку.

— Ну, вот теперь можно и на Эдж...

Ледник под ними зашевелился, подался вперед, а потом встал дыбом перед их глазами, сначала вереща, словно исполинское сказочное чудовище, а потом, порывивая, осел на прежнее свое место.

Харри упал на лед ничком. Защитные очки впились в щеки и надбровья. Глаза заслезились, и, пока разливающаяся по лицу боль не добралась до височных костей, он какое-то время ничего не видел. Он почувствовал сначала тепло, а потом и металлический привкус на губах: кровь потекла из носа.

Пит и Клод, падая, обхватили друг друга. Харри взглянул на них: зрелище было забавное, обнявшиеся мужчины — словно борцы на ковре.

Лед опять дрогнул.

Харри откатился к одному из снегоходов. Машина подрагивала, подпрыгивая на месте на своих лыжах. Он схватился за что-то выступающее из корпуса обеими руками, моля бога о том, чтобы это средство передвижения не опрокинулось на него.

Первым делом, когда твердь заколебалась, он подумал, что заряд взорвался и осколки угодили ему в лицо, стало быть, он или уже умер или умирает. Но когда толчок повторился, до него дошло, что это скорее всего даже не землетрясение: просто под толщей льда ходят ходуном приливные волны, порожденные, несомненно, подземным толчком.

Когда накатил третья ударная волна, белый свет вокруг Харри затрепетал и заскрипел так, будто бы пробудилось от долгого летаргического сна какое-то доисторическое существо и, обнаружив себя заключенным в ледовом узилище, стало рваться на волю. Харри вдруг понял, что завис или, лучше сказать, прилепился к верхушке круто уходящего вниз откоса. Только чудо да еще инерция удерживали его тело на глади, лишенной каких-то шероховатостей, за которые можно было бы зацепиться. В любое мгновение он может сорваться, точнее, соскользнуть по ледяной горке на дно пропасти, увлекая за собой недавнюю опору — снегоход, который скорее всего обрушится на него сверху.

Откуда-то, пробиваясь сквозь ночь и ветер, доходили трески крушащегося и перемалывающегося льда: мир, казалось, такой незыблемый, давал знать этими зловещими воплями о своем несогласии с тем, что ему приходится разламываться на куски. На мгновение рев этот стал невыносимо громким, прозвучав совсем рядом, и Харри оцепенел, ожидая еще худшего.

Потом, так же внезапно, как и появился — на все про все ушла едва ли минута, — весь этот ужас исчез, улетучился. Ледяная равнина, дрогнув, осела, снова став ровной — и неподвижной — твердью.

Рита наконец решила, что убежала достаточно далеко, чтобы не бояться лавины, в которую в любое мгновение мог обратиться гребень тороса. Остановившись, она повернулась к лагерю. Никто за ней не бежал. Франц, похоже, так и не вылезал из иглу.

Здоровенный кусок барического гребня величиной с хороший грузовик с кряканьем оторвался от ледяной гряды и с завораживающим изяществом стал опускаться вниз. Ухнув в самое восточное иглу, глыба уничтожила не только домик, который, к счастью, был нежилым, но и бывшее сходство временного лагеря с полумесяцем. Надувной чум под обрушившейся на него тяжестью лопнул, словно детский шарик.

— Франц!

Стала крошиться, а потом валиться на лагерь куда более обширная часть гребня. Ледяные полотнища, шпильки, балки, кругляки, горбыли падали на лагерь, разлетаясь по нему холодной шрапнелью. Лавина сплющила иглу, стоявшее посередине бывшего полумесяца, опрокинула один снегоход, сместила западное иглу, ударив в его стенку так, что распахнулась дверь, та самая, из которой так до сих пор и не показался Франц. Наконец, ледяной поток рассыпался на тысячи холодных брызг, сверкнувших, как ливень искр или падающих звезд.

Ей опять было шесть лет, и она кричала, пока не перехватило горло, — и вдруг перестала понимать, Франца или же своих родителей она зовет на помощь.

А Франц тем временем выкарабкался из погибшего нейлонового шатра, как раз в тот момент, когда кругом бушевал ледяной потоп. Он стал пробиваться в ту самую сторону, куда убежала Рита. Ядра и снаряды изо льда разрывались слева и справа, но его спасали ловкость все потерявшего и потому бегущего без оглядки погорельца и быстрота, рождающаяся из ужаса. Он спешил, но держался ради собственной безопасности позади лавины.

Как только гребень тороса успокоился и перестал ронять вниз огромные глыбы, Рита не только не успокоилась, но, наоборот, вспомнив о Харри, представила его себе как наяву, затерянного где-то в жестокой черно-белой ночи, быть может, изнемогающего под гнетом ледового монолита. Ноги у нее подкосились, но не оттого, что ледник опять заходил ходуном. Сама мысль, что она может навеки потерять Харри, отнимала последние силы. Она даже и не пыталась сохранить равновесие, а просто села на лед. Ее всю трясло, и с этим ничего нельзя было поделать.

* * *

Одни только снежные хлопья были в непрерывном движении, возникая из мрака на западе и исчезая во мрак на востоке. Одно нарушало тишину: суровый голос ветра, выводившего погребальную песнь.

Харри оперся на снегоход и встал на ноги. Сердце в груди грохотало так, словно решило пробить ребра и выбраться на свободу. Он пошевелил языком, стараясь набрать хоть немного слюны, чтобы, проглотив ее, хоть как-то смочить и смягчить пересохшую глотку. Страх иссушил его, не хуже чем порыв жаркого суховея из Сахары. Когда ему все же удалось перевести дух и как-то восстановить дыхание, он первым делом прочистил защитные очки, а потом огляделся вокруг.

Пит Джонсон помогал Клоду подняться. Ноги у француза болтались как резиновые, но он явно не покалечился. А у Пита слабость в коленках бывала гостем крайне редким — он, похоже, не только казался, но и на самом деле был несокрушим. Каждая клеточка его

существа, похоже, была неуязвима.

Оба снегохода выглядели целыми и невредимыми. Лучи фар уходили в далекий и широкий простор полярной ночи. Однако смотреть было почти не на что — только взбаламученное море волнующегося на ветру снега.

Надпочечники поработали на славу — адреналина в крови хватало, ощущался даже явный его избыток. Харри очень скоро опять вернулся в детство — только юнец мог так пылать возбуждением от еще недавней опасности, обернувшейся теперь весельем, пьянящей радостью: он выжил.

Но вот он вспомнил про Риту, и кровь в жилах сразу же похолодела — словно его выкинули голышом на мороз, на милость безжалостного арктического ветра. Временный лагерь они разбили на отроге ледяной гряды, в тени высокой стены изо льда, из которой вырастал гребень тороса, созданный избыточным давлением преобладающих в этих местах ветров. Вообще-то, лучшего места для лагеря и не сыскать, но это если все нормально. А если ледник хорошенько тряхнуть, что, собственно, и произошло, то барический гребень разлетится вдребезги...

Растерявшийся маленький мальчик исчез, поспешив в далекое прошлое, куда ему и полагалось удалиться, в компанию прочих воспоминаний про поля Индианы и потрепанные номера журнала «Нэшонал Географик», да про летние ночи, когда так здорово было вглядываться в звезды на небе и грезить о странствиях за далекие горизонты.

«Давай пошевеливайся!» — подумал он про себя, переживая прилив куда более сильного страха, чем тот испуг, который его мучил всего несколько мгновений назад. Давай собирайся, давай пошевеливайся, давай поскорее к ней.

Он поспешил к спутникам.

— Никто не ранен?

— Да попугало только слегка, — отвечал Клод. Этот человек был явно не из робкого десятка. И, как всегда, лучезарно улыбаясь, добавил: — Настоящие скачки с препятствиями!

Пит взглянул на Харри:

— А ты сам как?

— Нормально.

— У тебя кровь идет.

Харри коснулся пальцем верхней губы и, поглядев потом на перчатку, увидел на ней яркие катышки смерзшейся крови, блестящие, как маленькие рубины.

— Да это из носа. И уже прошло все.

— Лекарство от кровотечения из носа всегда под рукой, — сказал Пит.

— Да? Какое же?

— Берешь лед и кладешь его себе на шею, пониже затылка.

— Жалко, что тебя на этот раз под рукой не было.

— Ладно. Собираемся и поехали.

— Они там, в лагере, могли угодить в переделку, — сказал Харри и почувствовал, как свело у него в животе от одной только мысли, опять пришедшей ему в голову, что он может потерять — и, может быть, уже потерял — Риту.

Ветер подгонял их, пока они спешно готовились к отъезду. Пурга как бы соревновалась с ними в скорости, и они, не договариваясь, двигались так быстро, как это вообще было возможно.

Когда Харри застегнул стропы на последнем установленном на грузовой прицеп второго снегохода приборе, он услышал, что его зовет Пит. Харри протер очки и побрел ко вторым аэросаням.

Освещение оставляло желать лучшего, но все же Харри заметил явную озабоченность в глазах Пита.

— Что такое?

— Знаешь, ну, когда трясло, я вот про что думаю... Как эти наши машины — они здорово тогда кувыркались, а?

— Ну, да, они прыгали вверх и вниз, как будто под ними не ровный лед, а горнолыжный трамплин.

— Только вверх-вниз?

— А что не так?

— А набок они не заваливались?

— Как это?

— Ну, я имею в виду, что машину могло кинуть набок, да потом еще протащить по льду.

А то и крутануть.

Харри повернулся так, чтобы встать спиной к ветру, а потом склонился к Питу.

— Я за один снегоход держался что было силы. Он не переворачивался. А какое это имеет значение?

— Послушай. Перед цунами в какую сторону глядели снегоходы?

— На восток.

— Точно?

— Как нельзя более.

— Мне тоже так думается. Я помню, что мы ставили их фарами на восток.

В тесном промежутке между их придвинутыми друг к другу головами смешивалось дыхание обоих мужчин, и Питу пришлось помахать ладонью, чтобы разогнать облачко кристалликов льда, которые возникали из каждого выдоха. Потом Пит, закусив нижнюю губу, задумчиво произнес:

— Или я умом тронулся, или не знаю что...

— Да в чем дело?

— Вот такая штука... — Он похлопал по плексигласу циферблата закрепленного под колпаком у ветрового стекла снегохода компаса.

Харри поглядел на компас. Стрелка стояла так, что, судя по ее показаниям, снегоход глядел прямо на юг, то есть повернулся на девяносто градусов по сравнению с тем направлением, которое было прежде, до того как ледник тряхнуло.

— И это еще не все, — добавил Джонсон. — Когда мы припарковали эти чертовы машины на этом проклятом месте, я точно запомнил, что ветер поддувал в кузов снегохода, ну, может, чуть-чуть заходя слева. Я хорошо помню, как он молотил по корме санок.

— И я тоже это помню.

— А теперь, стоит мне сесть на водительское место, получается, что ветер дует с фланга, в мой правый бок. Дьявольская разница, правда? Но пурга, раз уж она разгулялась как следует, дует в одну и ту же сторону. Ветры, подымающие метели, устойчивы. За пару минут такой ветер не подвинется на прямой угол. Так не бывает, Харри. Так никогда не бывает.

— Но если ветер не поменялся, а снегоходы стоят на том самом месте, где и стояли, то, значит, лед под нами...

Его голос задрожал и сошел на нет.

Оба замолчали.

Ни тому ни другому не хотелось облекать свои страхи и подозрения в слова.

Пит наконец не выдержал и закончил свою мысль:

— ...и значит, лед должен был повернуться на четверть оборота.

— Но как это может быть?

— Да догадываюсь я кое о чем.

Харри нехотя кивнул.

— У меня тоже кое-какие мыслишки про это есть.

— Имеется единственное разумное объяснение случившемуся.

— Давай сначала глянем на компас второго вездехода.

— Мы — в глубокой заднице, Харри. По уши в дерьме.

— Да, это не лужок с цветочками, — согласился Харри.

Оба заторопились ко второй машине. Свежевыпавший снежок, похрустывая, разлетался

из-под тяжелых сапог.

Пит хлопнул по плексигласу второго компаса:

— И этот тоже стоит мордой к югу.

Харри почистил очки, но ничего не сказал. Положение, в котором они оказались, казалось настолько безнадежным, что Харри не хотел тратить слова на подтверждение этой правды, как будто бы, если они смолчат, самое худшее случится над ними и не произойдет.

Пит поглядел на негостеприимную бесплодную морозную пустыню, окружавшую их.

— Если этот проклятый ветер не стихнет, а температура не перестанет падать... и если она *будет* продолжать понижаться... то, интересно, сколько мы тут еще протянем?

— При том, что имеем, и сутки не выдержим.

— А помочь нам смогут только...

— Разве что эти тральщики, которые ООН наняла для МГГ.

— А до них миль двести.

— Двести тридцать. То есть триста семьдесят километров.

— И траулеры на север не пойдут. Зачем лезть туда, где то и дело штормит. Да еще столько шуги и льда в море плавают, даже говорить не о чем.

Да никто и не говорил. Молчание заполнялось истерикой ветра, словно ирландская фея Банши пророчила гибель. А снег, больно бьющий в лицо Харри, казался запущенным ловкой и сильной рукой, — надо полагать, это старались другие феи — злобные фурии. За что они мстили? Не помогал и слой вазелина, который, по идее, должен был защищать кожу лица от ветра, холода и всяческих атмосферных осадков.

Наконец Пит заговорил:

— Ну и что теперь?

Харри помотал головой.

— Ясно одно: сегодня на станцию Эджуэй мы не попадем.

Клод Жобер подошел к ним как раз вовремя, чтобы расслышать последний обмен репликами. И хотя лицо француза снизу надежно прикрывала маска, а глаза надо было еще суметь увидеть за громадными очками, все равно было очень хорошо заметно, что он встревожен. Клод положил руку на плечо Харри:

— Стряслось неладное?

Харри глянул на Пита.

Пит, рассматривая Клода, сказал:

— Эти приливные волны... они оторвали от кромки ледника немалый кусок.

Пальцы француза впились в плечо Карпендера. Явно не желая верить своим словам, Пит продолжил:

— Мы дрейфуем. Нас несет в море. На айсберге.

— Быть того не может, — сказал Клод.

— Как ни противно, но это сущая правда, — сказал Харри. — Нас все дальше и дальше относит от станции Эджуэй, с каждой минутой мы все дальше от нашей базы... и все ближе к очагу бури.

Клод упорно отказывался понимать и только крутил головой, глядя то на Харри, то на Пита, то на неприглядные окрестности, словно бы рассчитывая увидеть что-то такое, что опровергало бы сказанное его товарищами.

— Вы не можете знать это наверняка.

— Мы знаем это более чем наверняка, — не согласился с его возражением Пит.

— А под нами... — начал Клод.

— Так оно и есть.

— ...Эти бомбы.

— Так точно, — сказал Харри. — Эти самые бомбы.

Корабль

13 ч. 00 мин.
За одиннадцать часов до взрыва

Один из снегоходов лежал на боку. Сработавшая защита отключила зажигание и заглушила двигатель, как только машина стала заваливаться, потому пожара не случилось. Второй снегоход стоял под углом к небольшому низенькому торосу. Четыре фары раздвигали снеговые шторы, но ничего не освещали, уходя прочь от того обрыва, в котором пропал Джордж Лин.

Хотя Брайан Дохерти был уверен, что всякие попытки отыскать китайца — только пустая трата времени, он вскарабкался на гребень новой расселины и, распластавшись на льду, свесил голову над пропастью. Рядом с ним улегся Роджер Брескин, и так они оба и лежали, пялясь в кромешную темноту.

В животе у Брайана свело, он почувствовал тошноту и резь в кишках. Попробовав вбить металлический каблук сапога в твердую как сталь ледяную гладь, он таким способом как-то смог зацепиться за ровную плоскость. Ведь если цунами ударит опять, он может свалиться или слететь в бездну.

Роджер зажег фонарик и пытался что-то осветить в пропасти или хотя бы увидеть противоположную стену расселины. Но желтый лучик натыкался все на тот же падающий сверху снег. А там, где не было света, стояла полнейшая темень.

— Да какая это трещина, — сказал Брайан. — Это настоящий каньон, дьявол его заberi!

— Да уж. А больше ничего не хочешь?

Лучик фонарика ходил туда и сюда. Ничего там не было. Ну ничегошеньки. Космонавты в открытом космосе в свой иллюминатор и то больше видят.

Брайан растерялся:

— Не понял.

— Мы оторваны от тела ледника. Откололись от основного ледового поля, — объяснил Роджер с обычной для себя завидной невозмутимостью.

До Брайана не сразу дошла суть сказанного, и лишь немного погодя он осознал весь ужас этой новости.

— Оторвались от ледника... Ты хочешь сказать, что мы дрейфуем?

— На ледяном корабле.

Ветер вдруг так сильно взвыл, что примерно с полминуты Брайан совсем ничего не слышал, даже собственный голос, хотя он кричал на пределе мощи своих голосовых связок. Снежные хлопья свирепостью напоминали рой из многих тысяч злобных пчел, жалящих открытые участки лица, так что ему пришлось подтянуть снегозащитную маску вверх, чтобы закрыть рот и нос.

Когда налетевший ветер приутих, наконец Брайан наклонился к Роджеру Брескину.

— А что с остальными?

— Они должны быть тоже на нашем айсберге. Но будем надеяться, что это не так. Хорошо бы, если бы они остались на основном леднике.

— Боже милостивый.

Роджер отвел луч фонарика от той темноты, в которой они надеялись разглядеть противоположную стенку трещины, а потом поводил им туда-сюда. Узенький лучик заматался в пустоте.

Чтобы поглядеть на тот утес, что оборвался и рухнул перед ними, спереди, надо было чуть-чуть проползти вперед и свеситься над обрывом. Ни у кого из них не хватало духу осмелиться на такое опасное предприятие.

Бледный свет уходил вниз, клонясь то влево, то вправо, пока наконец не уткнулся в черную беспокойную гладь незатянутой льдом морской воды, плескавшейся под ними, — до нее было метра двадцать четыре, если не двадцать восемь. Плоские ледяные щиты, неровные

обломки льда, льдины с наростами, изящные хитросплетения ледяных кружев — все это кружилось и напозало друг на друга и толкалось в глубоких впадинах между жесткими холодными волнами черной воды. Когда льдины самой разной — от простейшей до причудливой — формы взбирались на гребни волн и к ним прикасались лучи света, льдины блестели, словно алмазы на черном бархате.

Ошеломленный хаосом, высвеченным фонариком, ощущая сухость в горле, Брайан проговорил:

— Джордж упал в море. И пропал.

— Может, и нет.

Брайан просто не понимал, как можно воображать что-то другое. Слабость в желудке перешла в самую настоящую тошноту.

Опираясь на локти, Роджер подполз на несколько сантиметров вперед, поближе к краю обрыва, и смог взглянуть поверх кромки прямо вниз, на поверхность их айсберга.

Несмотря на тошноту и опасения, что новый вал цунами мог бы пронестись над их головами и смыть в бездну, ставшую могилой Джорджу Лину, Брайан подполз поближе к Роджеру.

Луч фонаря отыскал место, где их ледовый остров встречался с морем. Утес не омывался водой. В его основании он был расколот на три обветшавших, рваных рукава шириной в шесть-семь метров каждый и располагавшихся друг над другом на расстоянии в два-два с половиной метра по вертикали. Рукава эти были так же изъедены впадинами и расщелинами и так же заострены, как бывает изуродован лютыми ветрами любой утес в пустыне. Поскольку, надо было думать, айсберг уходит в море метров на сто восемьдесят вглубь, считая от уровня моря, то высоко вздымающиеся штормовые волны не всегда бывали в силах протиснуться под айсбергом, вот и приходилось им биться о три рукава, круша и кроша их и вылизывая до блеска те отвесные панели, что и без того сверкали гладью, и, на исходе сил, взрываясь густой каплей и мелким льдыстым туманом.

Коль уж Лин угодил в этот водоворот, то, надо думать, его давно уж разнесло на мелкие кусочки. Если и можно вообразить смерть помилованнее, то разве что от разрыва сердца, которое могло не выдержать внезапного падения в ужасающе холодные воды и отказать еще до того, как прибой заимел полную власть над телом Джорджа.

Луч света медленно пополз назад и вверх, высвечивая ту часть утеса, которую они еще не видели. Над тремя рукавами, что в днище утеса, на метров пятнадцать повыше лед образовывал уклон градусов в шестьдесят. Конечно, ни в коей мере подобный откос нельзя было назвать отвесным, но все равно преодолеть такой подъем мог бы только хорошо оснащенный и очень опытный альпинист. А еще выше, метрах в шести от наблюдателей лицевую поверхность ледяной горы пересекала еще одна неровность, что-то вроде поперечной полки или карниза. Шириной этот карниз был всего около метра, может, чуть побольше. Заканчивался он уже виденным ими откосом, пересекаясь с тем под острым углом. А от карниза и до самого верха, где лежали Брайан с Роджером, лед шел отвесно вверх.

На какое-то время Роджер выключил фонарик, чтобы стряхнуть крошки снега, налипшие на очки. Потом лучик опять заскользил по карнизу: Роджер старательно рассматривал неровность на плоскости айсберга.

Лучик фонарика добрался до пятачка, отстоящего от того места, что было прямо под ними, метра на два с половиной. Туда они еще не смотрели. Там, на узком уступе карниза, до которого было шесть метров по вертикали, лежал Джордж Лин, видимо, с тех пор, как свалился туда. Лежал он на левом боку, спиной к айсбергу, лицом в открытое море. Левая рука пряталась под туловищем, правая охватывала грудь. Поза младенца в утробе матери — колени подтянуты к лицу так близко, насколько позволяла тяжелая полярная одежда, мешавшая, однако, уткнуться лицом в колени.

Роджер, изобразив из своей свободной ладони некое подобие рупора, поднес ее ко рту и закричал:

— Джордж! Ты меня слышишь?! Джордж!

Лин даже не пошевелился.

— Думаешь, он живой? — спросил Брайан.

— Должен быть живой. Ну, упал. Так не такая уж это и высота — метров шесть. А надето на нем сколько? Одежки все стеганые, дутые, должны были смягчить удар.

Брайан, сложив обе ладони раструбом, стал кричать, зовя Лина.

Единственным ответом, которого они дождались, стало усиление и без того все время набиравшего силу ветра, и потому в голову легко могли бы полезть всякие суеверные мысли: мол, сама природа против — не зря же она вопит с таким торжествующим злорадством. А ветер — он не только кричит, как живой, он и в самом деле живой и только дожидается удобного момента, когда и их можно будет скинуть с обрыва.

— Надо спускаться. Иначе его не достанешь, — сказал Роджер.

Брайан изучающе оглядел гладкую отвесную стенку, что и была тем единственным шестиметровым путем, которым можно было добраться до Джорджа.

— Как ты это себе представляешь?

— Ну, веревки-то у нас есть. Инструмент кое-какой найдется.

— Но это не альпинистское снаряжение.

— Придумаем чего-нибудь.

— Придумаем? — с подчеркнутым удивлением спросил Брайан. — Ты хоть когда-нибудь по скалам лазил?

— Не доводилось.

— Знаешь, это такая тягомотина.

— А что делать?

— Должны же быть какие-то другие варианты.

— Какие?

Брайан промолчал.

— Давай-ка лучше поглядим, какой инструмент у нас есть, — сказал Роджер.

— Будем его спасать, сами погибнем.

— Так что, бросить его тут, что ли?

Брайан поглядел вниз, на фигурку, скорчившуюся на утесе. Испания, коррида, Африка, саванна, стремнины на реке Колорадо, атолл Бимини, где он, в акваланге, улепетывал от акулы... Где только он не был и чего только не пробовал, и во всех этих забытых богом местах самыми изощреннейшими способами он искушал смерть и в предвкушении гибельной угрозы не очень-то и боялся. Ему было непонятно, почему вдруг он так оробел, чего ради он колеблется? По сути дела, все эти опасности, которым он с такой готовностью подвергал себя прежде, были бессмысленны, так, детские игры. На этот раз у него был веский довод все поставить на кон: ставкой была человеческая жизнь. Так в чем дело? Что ему мешало?

Неужто ему не хочется прославиться подвигом? Или и без того перебор героев в роду Дохерти: алчущие власти политиканы сумели попасть на страницы исторических сочинений, изображающих их героями и подвижниками.

— Ладно, давай за работу, — наконец произнес Брайан. — А то, если мы промешкаем, Джордж замерзнет.

13 ч. 05 мин.

Харри Карпентер всем телом налег на рукоятки управления и через толстый искривленный плексиглас косил глазом на белый ландшафт: В поле зрения, возникшем благодаря избранному странному ракурсу и свету фар, жесткие струи снега перечеркивались косыми траекториями льдинок игольчатой белой крупы. Снегоочиститель монотонно елозил по ветровому стеклу, на которое все сыпалось и сыпалось сверху белое, быстро становящееся наледью вещество, но механизм с обязанностью щетки справлялся на диво хорошо. Видимость, правда, все равно падала и теперь не превышала девяти-одиннадцати метров.

Хотя двигатель аэросаней был очень послушен и мог затормозить почти мгновенно, то есть расстояние торможения могло быть очень коротким, Харри еле-еле давил на педаль газа. Он опасался невзначай слететь с обрыва, потому как было неясно, где, собственно, кончается айсберг.

На станции Эджуэй в ходу были только эти средства передвижения — изготовленные по спецзаказу снегоходы с роторными двигателями внутреннего сгорания и трехтрековыми двадцатидноколесными подвесками особой конструкции. В экипаже помещалось двое взрослых полярников в своих стеганых термোকостюмах, для которых предусматривались упругие сиденья почти метровой ширины. Седоки располагались цугом: спереди — водитель, а за его спиной — пассажир.

Конструкторы, разумеется, постарались пойти навстречу запросам немилосердной арктической зимы, в условиях которой работа становилась испытанием куда более серьезным, чем все то, что умудрялись находить облюбовавшие аэросани восторженные искатели приключений в обжитых Штатах. Наряду со сдвоенным стартером, почти удваивающим за счет дублирования надежность системы зажигания, и парой рассчитанных на перегрузки и разработанных специально для Арктики аккумуляторных батарей, имелось и еще одно существенное новшество. Кабина была наращена таким образом, что сверху машину прикрывала крышка, простиравшаяся от капота до места над задней скамьей в раскрытом положении. Прикрытие это собиралось из листового алюминия и толстого листа плексигласа и было скреплено заклепками. Над двигателем монтировался портативный обогреватель, а два вентилятора своими лопастями гнали теплый воздух от этой небольшой, но хорошо работающей печки к сиденьям водителя и пассажира.

Пусть печку и можно счесть излишеством, но без герметичной кабины уж никак обойтись нельзя. Не будь этой крыши, непрекращающийся, колотящий своими сильными кулаками ветер мгновенно пробрал бы любого, самого закаленного шофера до костей, и жестокий колотун добил бы такого отчаянного водителя, прежде чем тот проехал бы пять или десять километров.

Некоторые экземпляры этих специально сконструированных саней претерпели еще одну уникальную модификацию, причем каждый такой уникальный экипаж действительно был единственным в своем роде, не походя на другой, пусть тоже переделанный снегоход. Одну такую машину Харри приспособил под перевозку тяжелой буровой установки. Инструмент складывался в ящик под откидным верхом заднего сиденья, предназначенного для пассажира. Еще кое-какие орудия и приспособления можно было разместить на небольшом грузовом прицепе — это были санки без всякого кожуха над ними, то есть инструмент оказывался на свежем воздухе. Но бур никак нельзя было запихать под сиденье, а выкидывать его на мороз совсем не хотелось — уж слишком великую ценность имела для экспедиции эта тяжелая железка, чтобы ее трясло и задувало снегом на открытых санках; поэтому-то разработчики закрепили на тыльной половине заднего сиденья хомуты с застегивающимися, и за спиной Харри торчала надежно закрепленная здоровенная дрель, а никакой не пассажир.

Всего-то чуть-чуть изменили конструкцию, а то, что из этого вышло — модифицированные аэросани, — как нельзя лучше годилось для работ во льдах Гренландии. На скорости тридцать миль, то есть почти пятьдесят километров в час, стоило только нажать на тормоз, и аэросани останавливались, проехав метров двадцать-двадцать пять. Полуметровой ширины мост обеспечивал не только хорошую устойчивость при езде по достаточно неровной поверхности, но и щадящую седоков амортизацию. И хотя масса перестроенного экипажа достигала двухсот семидесяти килограмм, машину можно было разогнать до скорости в семьдесят два километра в час.

Как раз сейчас машина предлагала куда большую мощность, чем та, которой осмеливался пользоваться Харри. Снегоход еле-еле полз. Но если шторм вдруг сумеет разбить айсберг или же Харри внезапно увидит обрыв, у водителя в распоряжении будет дистанция самое большее в девять-десять метров, и этого расстояния — и времени,

потребного на его преодоление, — должно хватить и на то, чтобы ощутить опасность, и на то, чтобы затормозить. Харри изо всех сил старался не выпускать стрелку спидометра за отметку пять миль, то есть восемь километров в час.

Хотя осторожность и щепетильность уместны всегда, ему на этот раз необходимо было проявлять особенное рвение в практиковании подобных качеств. При этом и особенно мешкать было нельзя: с каждой потраченной на переход минутой росла вероятность сбиться с пути.

Они устремились к югу от шестидесятого заложенного в лед взрывпакета и выдерживали это направление изо всех сил, полагая, что то, что до цунами было востоком, стало теперь югом. На протяжении первых пятнадцати-двадцати минут после удара приливной волны айсберг должно было развернуть, и поворот этот мог — и должен был — закончиться по нахождению огромной массой льда нового равновесия; иначе говоря, как только айсберг отыщет, так сказать, естественное положение и ляжет на естественный курс, так его поворот относительно своей оси прекратится и останется лишь движение по воле волн. Казалось бы, логично думать, что, обретя единожды равновесие, ледяная гора будет стараться его сохранить. А что, если это не так, если в предположениях своих они чего-то не учитывают? А что, если айсберг все еще поворачивается? Тогда, надо думать, и временный лагерь не точно на юге, да и найти его надежды мало. Если они и наткнутся на троицу надувных иглу, то скорее всего благодаря везению, счастливой случайности.

Харри и хотел бы запомнить дорогу, чтобы в случае чего по приметам вернуться назад, да ночь с метелью укрывали все, за что можно было бы зацепиться взглядом. Да и неотличимы один от другого эти полярные пейзажи, так что и при свете дня легко сбиться с дороги, особенно если откажет компас.

Харри посмотрел в боковое зеркальце, установленное снаружи, за исцарапанным льдинками оргстеклом. Позади в промерзлой темноте поблескивали фары второго снегохода, в котором ехали Пит с Клодом.

Позволив себе отвлечься на какую-то секунду, Харри все же поспешил вернуться к той тщательной сосредоточенности, с которой он вглядывался вперед, почти ожидая, что перед глазами развернется зияющая пасть пропасти и в нескольких шагах от лыж снегохода зачернеет обрыв. Но лед не переменялся: окаменевшая морозная равнина уходила в долгую ночь.

И еще одна надежда теплилась: увидеть впереди огоньки временного лагеря. Рита с Францем должны догадаться, что без световой метки в такую погоду никак нельзя обнаружить кучку утлых строений. Поэтому, надо надеяться, они сообразили навести лучи включенных на аэросанях фар на гребень ледяной гряды, высящейся за лагерем. Мерцание отблесков, отразившись от блестящей поверхности, будет хорошо видно издали и послужит световым маяком.

Но разглядеть даже слабое, расплывчатое, призрачное поблескивание на горизонте не удавалось. Этот мрак тревожил его, потому что отсутствие маяка можно было понимать и так: нет никакого лагеря. Он пропал, его раздавило льдом, расплющило многотонной тяжестью.

Несмотря на обычно свойственный ему оптимизм, Харри временами не мог совладать с жутким страхом, охватывающим все его существо от одной мысли, что он может потерять жену. В глубине души он считал себя недостойным Риты. Ведь она перевернула всю его жизнь, внеся в нее столько радости и счастья. Дороже жены у него никого не было. Но рок имеет обыкновение отнимать у человека как раз то, что всего драгоценнее для его бедного сердца.

Из всех приключений, которые случились в жизни Харри и наполнили эту жизнь каким-то смыслом, подтверждая, что жить в общем-то стоит, из всего того, что пережил он, покинув ферму в штате Индиана, именно его отношения с Ритой стали самым волнующим и самым острым переживанием. Она имела куда большую власть удивлять, зачаровывать и радовать его, чем все чудеса на свете вместе взятые.

Он попробовал внушить себе, что отсутствие световых сигналов — это скорее всего добрый знак. Такое знамение могло означать, что временный лагерь не унесен в море оторвавшимся от полярной шапки айсбергом, а остался на теле ледника. Коль это так, то, можно надеяться, Рита уже через считанные часы доберется до базы. А уж на станции Эджуэй не страшно.

Но как бы оно там ни вышло на самом деле, осталась ли Рита на леднике или же бедствует теперь на айсберге — хорошо еще, если на том же самом, по которому теперь едет снегоход Харри, — лагерь они разбили в тени тороса. А эта ледяная гряда могла под ударами толчков раскрошиться. И рухнуть на лагерь. И на Риту.

Еще сильнее ссутулившись над рукояткой управления, Харри так сощурился, словно рассчитывал, сузив поле зрения, пробить пелену снегопада на большую глубину. Но как бы он ни присматривался, его взору ничего не открывалось. Ничегошеньки.

Если он отыщет Риту и застанет ее в живых, пусть даже в той самой западне, в которую угодил сам, то всю оставшуюся жизнь, до последнего вздоха он будет возносить благодарения богу. А как они выберутся с этого ледового острова? Удастся ли? Возможно, что скорый конец лучше той жалкой участи, на которую обрекаются медленно замерзающие люди.

В каких-то девяти метрах по ходу машины, в свете фар, на фоне запорошенной снегом белой равнины вырисовывалась узкая черная линия: трещина во льду, очень хорошо ему заметная.

Харри ударил по тормозам. Машину повело юзом, она ушла в бок, градусов на тридцать отклонившись от прежнего своего курса, лыжи громко затарахтели. Крутанув руль влево, чтобы лыжи встали на прежнюю свою колею, он опять велел машине резко повернуть, на этот раз вправо.

Снегоход все равно волокло вперед, он скользил по льду, словно хоккейная шайба. Господи Иисусе, всего шесть метров до страшно чернеющей ямы, а машина *все еще* скользит...

Зато стали очевиднее размеры черной линии. Хорошо было видно, что за нею сплошной лед. Значит, это, должно быть, расселина. А не обрыв, за которым айсберг кончается — дальше только черная ночь вдали и холодное море внизу. Значит, это всего лишь расселина.

...Машина все еще скользила, скользила...

На всем пути, который они прошли, покинув временный лагерь, не попадалось ни единой трещины — один сплошной лед. Наверное, и здесь море постаралось. Точнее, подводное землетрясение. Оно породило цунами, а высокие волны заставили эту пасть раскрыться.

...Уже и пяти метров не остается до трещины...

Лыжи тарабанили по льду. Еще что-то стучало под мостом снегохода. Снежный покров был очень тонким. А трение о лед ничтожно. Снег летел из-под лыж, из-под сбившегося полиуретанового трека, вздымаясь похожими на клубы дыма облачками.

...Три метра...

Сани мягко замедлили скольжение и остановились, почти неощутимо осев на мостовую подвеску, затем встали совсем рядом с трещиной. Харри даже не было видно — из-за наклонившегося вперед капота машины, — где кончается лед. Кончики лыж, должно быть, ткнувшись в пустой воздух, болтаются теперь над обрывом. Еще несколько сантиметров, ну, дециметров, и Харри болтался бы теперь, как и полагается болтаться в пресловутой проруби, словно на качелях, мечущихся от гибели к спасению, и обратно.

Он переключил сцепление на задний ход и подал машину на полметра или чуть больше вспять, остановившись сразу же, как только стала видна кромка обрыва.

Тут он подивился себе: ну не клинический ли он безумец? Кто же в здравом уме добровольно согласится на труды в такой мертвой — и смертоносной — пустыне?

Дрожа всем телом, Харри опустил на глаза очки, пребывавшие до того надо лбом, и, открыв дверцу кабины, выбрался наружу. Ветер лупил изо всех сил, но Харри не обращал на

его усилия никакого внимания. Раз бьет озноб, понимал Харри, значит, он — точно — жив.

В свете фар было хорошо заметно, что расселина в самом широком месте разверзается всего метра на три с половиной и быстро сужается к краям, между которыми на глаз было метров четырнадцать. Трещина, конечно, невелика, но вполне способна проглотить его. Глянув в черноту внизу, начинавшуюся там, куда не попадал свет фонарей вездехода, Харри понял, что до дна так просто не достанешь: надо углубляться на десятки, если не на сотни метров.

Он только пожал плечами и отвернулся от разлома. Сколько одежек было на нем напялено, и под слоями материи, что должны спасать от холода, его прошиб пот. Во всяком случае, он чувствовал на коже каплю влаги. Набрав массу, капля поползла по спине вниз.

Вторые аэросани затормозили, не доехав до снегохода Харри шести метров. Машина встала, но двигатель продолжал работать, а фары ярко гореть. Пит Джонсон высунулся из кабины.

Харри помахал ему и поспешил к его машине.

Лед под ногами зашевелился.

Странное дело. Харри остановился.

Лед не перестал двигаться.

На мгновение пришла было мысль об очередном сейсмическом толчке, отголосок которого решил потревожить их айсберг. Но ведь они нынче дрейфовали, то есть находились на айсберге, пустившемся в свободное плавание и отдавшемся, стало быть, на волю волн морских. Следовательно, какое-нибудь цунами подействует здесь совсем не так, как на леднике. Большая волна попросту будет трепать их айсберг в точности так, как это она делала бы со всяким кораблем, и, в отличие от корабля, айсберг вряд ли перевернется. Скорее всего никакое бурное море такой громаде ничего не сделает. Даже треска, стопа, вспучивания или дрожи быть не должно.

И вдруг на его пути зазияла трещина: по льду зазмеилась зигзагообразная царапина, потом она стала жирнее, длиннее и шире, шире, шире, вот уже с его ладонь шириной, и опять еще шире. Стоило отвернуться от обрыва — и на тебе: прямо на глазах рассыпается в прах рыхлая и сильно растрескавшаяся стенка только что образовавшейся расселины.

Харри остушился, потом ринулся вперед и прыгнул через топорщащуюся зазубринами трещину, понимая, что вот прямо сейчас, пока он в воздухе, она раздается вширь, прямо под ним. Приземляясь, он не удержался на ногах, упал, затем быстро пополз прочь от этого страшного места.

За его спиной стена новой расселины лениво роняла вниз, в бездну крошащиеся на лету большие бруски льда. Навстречу им поднимался нарастающий гром. Содрогалась вся ледяная поляна.

Харри, продолжая стоять на коленях, еще не верил, что он вне опасности. Но угроза не миновала. Проклятие! Край пропасти продолжал осыпаться в яму, края трещины расходились все шире и шире, прямо на глазах.

Задыхаясь, хватая воздух ртом, он оглянулся, и как раз вовремя: ему непременно надо было видеть свой снегоход, двигатель которого не был заглушен и потому порывкивал, сползая и соскальзывая к краю пропасти. Падая, машина угодила в противоположную стенку расселины и зацепилась там за небольшой торос — ледяной отросток величиной с хороший грузовик. Сначала главный, а потом и запасной баки с топливом взорвались. Языки пламени, подхваченные ветром, взвились ввысь, но через какое-то мгновение опали, медленно угасая, по мере того как от обугленного остова экипажа отваливались и падали вниз все новые куски железа и пластмассы. Молочно-белый лед вокруг Харри и под его ногами окрасился в красно-оранжевые тона. Мерцающие огненные призраки еще немного покривлялись, потом пламя, пыхнув напоследок, погасло. Его поглотил мрак.

Криофобия. Боязнь льда.

Обстоятельства, сложившиеся так, как они сложились, оказались много трагичнее привычных, то есть тех, в которых Рита Карпентер обыкновенно была вынуждена давить в себе приступы криофобии.

Одни куски тороса крошились и понемногу отваливались, тогда как другие самым причудливым образом меняли свои очертания — таково было воздействие цунами. Теперь совсем еще недавно выглядевшая незыблемой ледяная стена походила скорее на крепостные ворота: в ледяном валу образовался пролом, или, можно сказать, пещера, уводившая в толщу огромного тороса метров на двенадцать и раздававшаяся в ширину метров на девять. Высота провала достигала кое-где шести метров, не доходя в других местах и до трех, так что архитектура не лишена была изысканности: одна сторона ворот имела гладкую скошенную поверхность, а вторая складывалась из бесчисленных булыжников и осколков льда, заполнявших пустоты между этими ледяными булыжниками. В итоге возникала прочная, потому что огромные и крошечные куски льда удерживали друг друга, мозаика из белых пятен почти одинакового тона, своей зловещей красотой заставившая Риту вспомнить старинный фильм «Кабинет доктора Калигари», изобиловавший кадрами, изображавшими страшные пейзажи.

Она помедлила на входе в это холодное убежище: ей не хотелось, да нет, она сопротивлялась самой мысли о необходимости переступить, вслед за Францем Фишером, порог, потому что была во власти неразумного, беспричинного чувства, говорившего ей, что путь, который ей предстояло пройти, уведет ее не только на пару метров вперед, но и, одновременно, в прошлое, вспять, в ту самую зиму, когда ей было шесть лет от роду и, еще, грохот и рев, и смерть, и погребение заживо в белой могиле...

Стиснув стучавшие друг о друга зубы и изо всех сил пытаясь задавить острый и едва не ввергающий в паралич страх, Рита вошла под ледовые своды. За спиной неистовствовала буря, но тут, в этих белых стенах, по ее ощущению, было сравнительно тихо, и даже можно было перевести дух, радуясь избавлению от укусов ветра и снега.

Посветив фонариком, Рита обследовала боковые стены и купол, пытаясь отыскать трещины или какие-то иные знамения, предупреждающие о том, что какой-то участок свода вот-вот рухнет. Пока что пещера выглядела вполне надежно, хотя еще один прилив цунами мог бы без труда обрушить и этот свод.

— Опасно, — произнесла она, не в силах скрыть в своем голосе нотки нервозности.

Франц не спорил:

— Но выбирать не из чего.

Все три надувные жилища были уничтожены. Пребывание на открытом ветру пространстве в течение достаточно продолжительного периода времени грозило переохлаждением организма. Причем гипотермия могла бы подкрасться незаметно, исподтишка, нимало не считаясь с их утепленными полярными костюмами и штормовками на меху. Потому острая нужда в укрытии взяла верх над опасностью, которая могла грозить им в пещере.

Все же они покинули свое убежище, чтобы вернуться в него вместе с коротковолновой радиостанцией. Аппарат поставили у дальней стены. Франц протянул провода от приемопередатчика через всю пещеру и подключил их к зажимам запасного аккумулятора, стоявшего на уцелевшем снегоходе. Рита включила станцию: шкала настройки засияла свечением цвета морской волны. Шорох статических разрядов и унылые посвистывания наполнили пространство пещеры, отражаясь от ледяных стен и поднимаясь под высокие своды.

— Работает, — произнесла с облегчением Рита. Натянув капюшон поглубже, так, чтобы была прикрыта шея, Франц сказал:

— Пойду погляжу, может, еще что найдется. — Оставив фонарик Рите, он вышел в метель, вобрав голову в плечи и наклонив ее вперед, готовясь встретиться с бушевавшим за воротами ветром.

Не успел Франц выйти за порог, как послышался сигнал срочной передачи: в эфир вышел Гунвальд, вызывавший всех со станции Эджуэй.

Рита рухнула на колени перед приемопередатчиком и поспешила подтвердить прием вызова.

— Какая радость слышать твой голос, — заговорил Гунвальд. — Все ли целы?

— Лагерь погиб, но мы с Францем в порядке. Отыскали укрытие в ледяной пещере.

— А Харри и остальные?

— Нам неизвестно, что с ними, — отвечала она и, пока произносила эти слова, в груди стало тесно от внезапно охватившей ее тревоги. — Их не было в лагере, они доделывали кое-какие мелочи. Подождем их еще четверть часа, а потом надо будет, если они не появятся, пойти на поиски. — Она замолчала в нерешительности, а потом откашлялась. — Дело в том... короче, мы дрейфуем.

На мгновение Гунвальд, похоже, потерял дар речи. Потом, справившись с собой, спросил:

— Ты точно знаешь?

— Сначала мы обратили внимание на ветер, он теперь дует с другой стороны. Потом уже посмотрели на компас, потом на еще один компас.

— Подожди минутку, — сказал Ларссон с хорошо различимым в голосе беспокойством. — Дай подумать.

Несмотря на шторм и сильные возмущения магнитосферы, как правило, сопутствующие дурной погоде, голос Ларссона звучал чисто, а все им сказанное было понятно. Но до станции отсюда по прямой, по воздуху, так сказать, было пока километров шесть с половиной. А вот как буря разыграется на славу, да и айсберг отнесет подальше на юг, наверняка со связью у них будут серьезные нелады. И Гунвальд, и Рита понимали, что связь скоро оборвется, но никто даже словом не обмолвился об этом.

Ларссон спросил:

— А большой он, этот ваш айсберг? Как ты думаешь?

— Совсем ничего про это не знаю. У нас еще не было возможности произвести хоть какую-то разведку. Пока что мы заняты тем, что ищем уцелевшие вещи. Копаемся в развалинах лагеря, чтобы спасти хоть что-то.

— Но если айсберг невелик... — голос Гунвальда заглушили статические помехи. Но он, похоже, и без того сходил на нет.

— Не поняла тебя. Повтори.

Шорохи статических разрядов.

— Гунвальд, ты меня слышишь?

Его голос возник снова:

— ...Если этот ваш айсберг — не очень большой... Харри и остальные, быть может, и не дрейфуют вместе с вами.

Рита прикрыла глаза:

— Хотела бы я, чтобы так оно и было.

— Но так это или же совсем по-другому, положение далеко не безнадежно. Погода все еще не настолько испортилась, чтобы помешать мне выйти на спутниковой связи на базу ВВС США в Туле. А когда я оповещу военных летчиков, они смогут связаться с тральщиками МГТ. С теми кораблями ООН, что дожидаются несколько южнее.

— И что потом? Какой капитан, если только у него с головой все в порядке, поведет корабль в бурю, навстречу дурному зимнему шторму? Нормальный человек догадается, что и нас он так не спасет, а уж свой траулер со всей командой и собой в придачу точно погубит.

— Знаешь, на военной базе в Туле есть современный самолет, самой свежей разработки, поисковый. И еще у них там навалом разных вертолетов, которые никакой погоды не признают.

— Не изобрели еще такого самолета, который пробился бы через бурю, как та, что сейчас бушует у нас. Я уже не говорю про то, что на айсберг летчику надо еще посадить

свою машину. А тут ветры на любой вкус.

Радиостанция только побряхтывала, да иногда попискивала или присвистывала. Но Рита чувствовала, что связь не оборвалась, что Гунвальд на том конце канала и никуда не пропал.

«Да, — подумала она. — У меня-то тоже нет слов».

Она поглядела вверх, туда, где прижатые друг к другу ледяные балки и булыжники образовывали в совокупности нечто вроде стрельчатого свода. Снег и ледяная пыль все-таки проникали через эту кровлю — были, значит, трещины, пусть небольшие и немногочисленные.

Наконец швед заговорил:

— Ладно, насчет самолета ты, пожалуй, права. Но все равно, нельзя терять надежду.

— Согласна.

— Потому что... ну... послушай, Рита, этот шторм должен когда-то кончиться... через трое-четверо суток.

— Или чуть позже, — опять согласилась она.

— У вас не так много еды.

— Если вообще есть хоть какая-то. Но пища не имеет такого уж важного значения, — сказала Рита. — Без еды можно протянуть и подольше, чем четверо суток.

И он, и она знали, что грозит им вовсе не голодная смерть. Самое главное — это пробирающий до костей, неусыпный холод.

Гунвальд сказал:

— Греться можно в снегоходах. По очереди. Как у вас с топливом?

— Да хватило бы на обратный путь. Если бы на эту станцию Эджуэй была дорога. Но не больше. А если больше, то совсем ненамного. Хватит, чтобы гонять двигатели пару часов. Но не на несколько суток.

— Ну, тогда...

Молчание. Статические разряды.

Он прорезался снова через несколько секунд:

— ...Дозвонюсь до Туле все равно. Пусть знают. Может, они найдут ответ, который мы не замечаем. Они не так переживают, а чтобы решить задачку, лучше от нее отстраниться.

Она поинтересовалась:

— Эджуэй хотя бы цел?

— Полный порядок.

— А ты?

— Ни единой царапины.

— Приятно слышать.

— Буду жить. И ты тоже, Рита.

— Постараюсь, — отвечала она. — Я очень буду стараться.

13 ч. 10 мин.

Брайан Дохерти нацедил бензина из резервуара стоявшего с задраннным носом снегохода и покапал им вдоль шестидесятисантиметрового отрезка по кромке утеса.

Роджер Брескин изогнул химическую спичку и метнул ее в разлитый бензин. Пламя взвилось вверх, затрепетав гирляндой ярких, хотя и потрепанных, сигнальных флажков, но бензин через несколько секунд весь сгорел.

Встав на колени там, где только что на ветру пылал бензиновый костер, Брайан изучающе рассматривал край обрыва. Лед на кромке был шероховатым с зазубринами. А теперь, после небольшого пожара, тут была ровная гладь. Веревка скалолаза будет скользить по ней безо всякого трения и не станет ни цепляться, ни истираться.

— Сойдет? — спросил Роджер.

Брайан кивнул.

Роджер взял в руки один конец длинного, более чем десять с половиной метров, каната и, пятясь, побрел к снегоходу, развернутому фарами к обрыву. Добравшись до машины, он намотал канат на ее раму, а свободный конец закрепил еще на длинной штанге с резьбой, такой же, как те колышки, которыми зафиксировали на льду радиопередатчик. Вернувшись к Брайану, Роджер быстро обмотал второй конец каната вокруг груди молодого Дохерти, крест-накрест, а потом еще пропустил веревку под мышками. Вышла такая подпруга или что-то вроде рыбацкой сети. Под конец Роджер сказал:

— Выдержит. Это — нейлон. Испытан на вес в полтонны. Только держись обеими руками за веревку поверх головы — будет не так давить на грудь и плечи.

Брайан не был уверен, что сумеет ответить ровным, без нервной дрожи, голосом, и потому лишь кивнул в ответ.

Роджер опять пошел к снегоходу. Саночный грузовой прицеп они уже отсоединили от машины. Забравшись в кабину, Роджер захлопнул дверцу. Потом, держа машину на тормозе, попробовал двигатель.

Брайан распластался на льду, налегая на него животом. Глубоко вздохнув через вязаную горнолыжную маску и миг, но только миг, помешкав, он решительно бросился вперед по ту сторону обрыва. В животе свело, ужас пронзил электрическим разрядом его тело. Канат натянулся, подтверждая, что он начал свое нисхождение, хотя от его макушки до края обрыва расстояние пока не превышало пяти-шести сантиметров.

Брайан не мог схватиться за канат чуть повыше головы обеими руками, как советовал Роджер. Если бы он сумел последовать этому совету, то смог бы перенести тяжесть своего тела на мышцы рук. Но пока веревка была слишком туго натянута и едва свешивалась за край обрыва — места для рук просто не было. И потому Брайан висел на канате, как мешок, а канат впивался в плечи. Сразу же разболелись суставы, потом боль поползла по спине, шее, добралась до затылка. Еще немного, и это пока переносимое, хотя и нерадостное ощущение перерастет в острую муку.

— Давай же, Роджер, — промычал он. — Скорее!

Висел он к ледяной стенке лицом. И ветер возил Брайана по гладкой поверхности, словно шлифуя ее.

Набравшись духу, он повертел головой, собираясь посмотреть вниз. Брайан надеялся увидеть лишь разверзтую черную пасть залива. Но вдали от ярко сияющих фар глаза его быстро привыкли к мраку, и очень скоро он стал различать, где светится лед гладкой лицевой панели, а где внизу идут изломанные уступами утесы, заваленные зазубренными ледовыми балками, но не достигающие до воды. До ее поверхности, на глаз, было метров восемнадцать-двадцать, может, двадцать два, и белые гребни волн взбаламученного моря выплывали из ночи стройными шеренгами и светили каким-то своим особым призрачным светом. Но, встречая на своем пути айсберг, четкий строй волнистых шеренг ломался, а сами волны неистово бились о лед, чтобы превратиться в брызги, пену и холодный туман.

Роджер Брескин так усердно тормозил, что снегоход оставался почти неподвижным.

Он в последний раз обдумал условия стоявшей перед ними задачи: в Дохерти метр восемьдесят росту, а до уступа, куда надо спуститься, метров шесть; следовательно, ему надо отмотать шесть метров каната, опуская Брайана, и *потом еще* чуть меньше двух метров понадобится на то, чтобы у Брайана была какая-то свобода передвижения по той ледяной полке, где лежит Джордж Лин. Они разметили канат, прицепив к нему в шести метрах от начала веревки ярко-красную тряпку; так что стоит этому яркому пятну скрыться за краем обрыва, и Роджер будет знать, что его товарищ встал ногами на уступ. Но канат необходимо подавать вниз как можно медленнее, не то парень невзначай долбанется о лед.

К тому же от фар снегохода до кромки обрыва всего двенадцать метров; если машина заскользит вперед чересчур резво, Роджеру не удастся остановить ее вовремя и тогда он угробит всех троих. Его тревожило, что самая малая скорость, которую удалось развить за рулем аэросаней, может оказаться слишком опасной для такой работы. Потому-то он все никак не решался приступить к затеянному ими делу.

Лютый порыв ветра протиснулся между Брайаном и ледяной стеной, а потом, ударив по нему справа, прижал его к поверхности айсберга. По инерции тело Брайана осталось слегка смещенным в левую сторону, так что висел он над пропастью под небольшим углом. Когда ветер на какой-то миг чуть приутих, сбросив скорость метров до тринадцати в секунду, Брайана повело уже вправо, а потом он и вовсе стал изображать собой маятник, мотаясь туда-сюда, да так, что ноги описывали дугу сантиметров в шестьдесят, если не во все девяносто.

Прищурясь, он поглядел вверх, туда, где канат соприкасался со льдом. И хотя он постарался пригладить этот участок кромки обрыва, разведя бензиновый костерок, все равно какое-то трение остается, а от изнашивания и истирания не застрахован никакой нейлон.

Прикрыв глаза, он расслабился, перестав даже и пробовать принять положение, при котором хоть немного можно ослабить режущие плечи и грудь подпруги. Во рту пересохло, словно он невесть как долго брел по безводной пустыне. Сердце колотилось так, будто вознамерилось вырваться на волю, даже если для этого понадобится сломать ребра.

Коль уж Роджер лучше его управляется со снегоходом и имеет немалый опыт в этом деле, представлялось логичным и разумно обоснованным, что только ему, Брайану надо будет спускаться вниз и спасать Джорджа Лина. Теперь Брайан очень жалел, что не приобрел в свое время нужной сноровки в умении обходиться с аэросанями. Да ладно, пусть он и в самом деле в этих машинах ничего не смыслит. Но какого дьявола так тянет резину тот, кто в них изображает?

Все его нетерпение мгновенно исчезло, как только веревка задергалась. А ухнул он вниз так, словно канат перерезали: ступни ударились об уступ с такой силой, что боль в ногах мгновенно отдалась в позвоночнике. В коленях хрустнуло — будто кто-то сломал в кулаке спичечную коробку. Он упал на лед, попробовал встать на ноги, но, не удержавшись, сорвался с карниза и нырнул вниз, в терзаемую ветром ночь.

Он так испугался, что даже не закричал.

Снегоход, кренясь вперед, двигался к обрыву.

Чтобы сбросить скорость, Роджер, отпустив на миг тормоза, тут же нажимал педаль снова. Помогало мало. Вот и красная тряпица, отмечающая на канате длину в шесть метров, ушла за край обрыва, а машина продолжала скользить. Снега тут не было, ветры не только очищали лед от заносов, но так отшлифовали его, что трение почти исчезло. Приходило в голову сравнение с отполированной хоккейной шайбой, откатившейся от бортика и лениво ползущей по зеркалу катка. Вот еще на три метра ближе к обрыву. Лучи фар пронизывали начинающуюся за кромкой пропасти вечную черноту. Наконец снегоход остановился. Чуть далее, чем в двух с половиной метрах от края обрыва.

Веревочная упряжь, ослабившая хватку, когда ноги Брайана очутились на карнизе, напряглась снова, сдавив грудную клетку и глубоко врезавшись в тело под мышками. Но у Брайана уже болели разбитые о карниз ступни, эта боль отдавалась в коленях и выше, ныла спина, потому, при наличии стольких напастей и по сравнению с ними, можно было, решил Брайан, счесть эту новую муку вполне терпимой.

Он только удивлялся, что до сих пор жив и не потерял рассудка.

На поясе, охватывавшем талию и предназначенном для инструмента, висел фонарик, с помощью которого Брайан смог увидеть летящие сверху снежные хлопья.

Стараясь не думать о плещущей под ним ледяной воде, он поглядел вверх, на карниз, туда, куда прыгал, да промахнулся. Метром левее от места прямо над его головой с карниза свисали обтянутые перчаткой пальцы — это была правая, бессильно брошенная поверх тела рука Джорджа Лина.

Брайан снова качнулся, описав телом небольшую дугу. Да, жизнь его висела на веревочке. Однако теперь канат касался не только приглаженной бензиновым костром кромки обрыва, но и вдавливался в зазубренную грань карниза, — ее-то уж никто не закруглял. Каждое покачивание тела Брайана сильнее вдавливало канат в уже образовавшуюся в грани карниза впадину, так что люфт в этом нечаянно возникшем шарнире возрастал, а на голову Брайана сыпались ледяные крошки и стружки.

Сверху по глазам резанул луч фонаря.

Подняв глаза и откинув голову назад, Брайан увидел Роджера Брескина, сунувшего голову в пропасть.

Роджер лежал на льду, вытянув правую руку с фонариком далеко вперед. Левая ладонь его была поднесена ко рту, и Роджер что-то кричал в этот импровизированный рупор. Ветер рвал его слова на клочки, превращая их в бессмысленные звуки.

Брайан вяло помахал поднятой рукой.

Роджер, должно быть, сумел закричать еще громче:

— Ты цел? — Его голос звучал так, будто шел из недр длиннющего, километров в восемь, железнодорожного туннеля.

Брайан кивнул так энергично, как только мог: да, мол, не беспокойся. Говорить не было никакой возможности, и изъясняться приходилось жестами. А кивком разве передашь свой ужас или беспокойство из-за тянущей боли в ногах?

Брескин закричал, но Брайан расслышал только несколько сумевших долететь до него слов:

— Я пошел... снегоход... назад... дернуть тебя... наверх.

И в ответ опять кивнул.

Роджер пропал из виду, видимо, поспешив к аэросаням. Не выключая фонарик, Брайан опять прицепил его к поясу, так что светило теперь из-под правой ноги. Он потянулся вверх и вцепился в тугую веревку обеими руками, пытаясь облегчить растяжение плечевых мышц, которое грозило сместить верхние позвонки или вывихнуть плечевые суставы.

Снегоход потянул канат вверх. На этот раз ход можно было счесть плавным, особенно если вспомнить нисхождение. Теперь хотя бы его не било об утес, как при спуске.

Колени его уже были на уровне карниза, хотя стопы и голени висели еще в пропасти. Он помахал ногами в воздухе, а потом, подтянувшись, встал обеими ногами на узкую полку карниза, потом опустил на колени. Еще миг спустя, выпустив канат из рук, он поднялся во весь рост.

Локти болели, колени — вообще будто расплавились, а по ляжкам словно кто-то розгами хлещет. Но эти бедные ноги все-таки держали его.

Из кармана своей куртки он вынул здоровенный костыль — заостренный штырь с конической резьбой по всему вытянутому на двенадцать с половиной сантиметров телу и ушком в два с половиной сантиметра на тупом конце. На поясе Брайана висел и маленький молоток, который он снял, чтобы забить костыль в узкую трещину на передней поверхности утеса.

Тут сверху опять замигал фонарик Роджера.

Когда костыль надежно вошел в лед, Брайан снял с пояса бухту нейлоновой веревки, в бухте ее было чуть больше двух с половиной метров. Еще перед спуском на карниз он заблаговременно привязал один конец этого каната к карабинному зажиму; теперь же он соединил карабин с ушком костыля и завернул защелку на предохранителе карабина. Потом взялся за второй конец каната и обмотал канат вокруг себя. Эта узда удержит его на самом краю гибели, если он вдруг поскользнется и опять слетит с карниза. Однако добраться до Джорджа Лина она не помешает. Так обезопасив себя, он развязал узлы главного каната на груди и высвободился из веревочной упряжки, охватывавшей грудную клетку и пропущенной под мышками. Затем смотал главный канат в бухту и повесил ее на шею.

Опасаясь коварных порывов ветра, он встал на карачки и, скрючившись в этой не самой удобной позе, стал подбираться к Лину. За ним следовал луч фонарика, которым светил сверху Роджер Брескин. Свой фонарик Брайан опять снял с пояса и положил его на карниз, поближе к лицевой поверхности утеса, так, чтобы луч бил в лицо находившегося в глубоком обмороке человека.

В самом ли деле Лин только без сознания? А может, он уже неживой?

Прежде чем попытаться получить ответ на этот вопрос, ему удалось заглянуть в лицо Лина. Для этого пришлось перевернуть его на спину, да так, чтобы не скинуть ученого в

пропасть. Но пока Брайан ворочал Лина, тот стал оживать и приходиться понемногу в себя. Его янтарного цвета кожа — по крайней мере, те части лица, что выглядывали из-под маски — поражала какой-то необыкновенной бледностью. Через прорезь в маске он обнаруживал признаки жизни, но все его движения не сопровождались никакими слышимыми звуками. Очки покрывала изморозь, но глаза за стеклами были широко распахнуты; глаза эти глядели с неким смущением, но не чувствовалось даже намека на страдание от страшной боли или на безумие.

— Как ты себя чувствуешь? — изо всех сил заорал Брайан, стараясь перекричать визгливый вой ветра.

Лин непонимающе уставился на него и попытался сесть.

Брайан тут же придавил его к земле, точнее, ко льду.

— Лежи! Ты что, соскользнуть хочешь?

Лин повернул голову и посмотрел в темноту, из которой струился снежный поток. Когда он снова повернул лицо к Брайану, тот заметил, что Лин побледнел еще сильнее.

— Ты здорово поломался? — спросил Брайан. Конечно, на Лине был термокостюм, но все равно Брайан не был уверен, что у Джорджа все кости целы.

— Грудь побаливает, — сказал Лин, и голос его прозвучал достаточно громко, по крайней мере, Брайан расслышал его слова, несмотря на ветер.

— Сердце?

— Нет. Когда я оказался за краем... лед все еще ломался... волна поддела... утес наклонился. Я *соскользнул*, съехал вниз, как на санках... и приземлился сюда, боком, ударился немножко. Ничего больше не помню.

— Ребра не сломаны?

Лин глубоко вздохнул и поморщился.

— Нет, кажется, целы. Ушиблены только, так я думаю. Ноют, будь оно неладно. Но переломов нет.

Брайан снял с шеи свернутый в кольцо конец идущего вверх каната.

— Мне придется сделать для тебя что-то вроде ярма. Я обмотаю веревкой твою грудь. Стерпишь?

— А что, без этого разве нельзя?

— Нельзя.

— Ну так выдержу.

— Тогда садись давай.

Покряхтывая и постанывая, Лин осторожно переменял лежачее положение на сидячее, прислонившись спиной к стенке фасада ледовой горы и свесив ноги в бездну над морем.

Брайан скоренько соорудил упряжь и, завязав канат двойным узлом на груди Джорджа, поднялся на ноги. Они встали так, чтобы море и убийственный ветер остались позади. Сухие снежинки, больше похожие на зернышки, ударили в переднюю стенку айсберга и, отскакивая от нее, рикошетом попадали в лица полярников.

— Так что у вас? Готово? — донесся с шестиметровой высоты над ними голос Роджера.

— Ага. Но ты только полегче, ладно?!

Лин быстро и очень громко хлопнул в ладоши. От перчаток отвалились огромные куски льда. Он попробовал пошевелить пальцами.

— Большой палец чувствую... и все вообще. Все пальцы шевелятся... только я плохо их чувствую.

— Все у тебя будет нормально.

— Не чувствую совсем... пальцы на ногах. Спать хочется. Нехорошо.

Тут он, разумеется, был прав. Конечно, если выкинуть человека на такой холод, телу захочется спать, чтобы сохранить драгоценное тепло, а тогда и смерть оказывается совсем неподалеку.

— Как только окажешься наверху, полезай в сани, — сказал Брайан. — Пятнадцать минут, и ты будешь теплый, как пирожок из жаровни.

- Ты добрался до меня как раз вовремя.
- Почему?
- Как это почему? Ты же рисковал жизнью.
- Ну, не совсем.
- Как это «не совсем»? Ты же погибнуть мог.
- Ну, можно подумать, что ты не сделал бы того же.

Тугой канат пошел вверх, увлакивая на себе Джорджа Лина. Подъем и в самом деле проходил плавно, Роджер старался. Но уже почти на самом верху, у кромки обрыва Лин застрял: плечи уже были выше края пропасти, а все остальное еще болталось на ветру. А сил подтянуться и перекатиться на ледник у него совсем не было.

Тут Роджеру Брескину сослужил славную службу весь былой опыт тяжеловеса и многолетних тренировок, укрепивших его мышцы штангами и гантелями. Роджер не стал ни тянуть канат, ни отгонять снегоход чуть дальше от пропасти. Он только вылез из кабины и, подбежав к обрыву, одной рукой вытащил Джорджа Лина, тем более что тому оставались до края обрыва считанные сантиметры. Разнуздав китайца, Роджер кинул освободившийся конец каната вниз, Брайану.

— Теперь тобой займемся... подожди немного... Джорджа только пристрою! — крикнул он вниз. И, хотя ветер рвал его слова на куски, Брайан услышал в голосе Брескина тревогу.

Еще какой-то час назад Брайан и не подозревал, что Роджер — этакая незыблемая скала, с бычьей шеей, массивными бицепсами и огромными руками — способен хоть когда-то испугаться. Теперь, заметив страх в глазах Роджера, Брайан меньше страдал от стыда за ужас, от которого сводило кишки. Раз уж жизнестойкий Роджер поддался панике, то и члену стоического рода Дохерти позволительно проявить слабость.

Взявшись за конец спущенного каната, Брайан ловко пристегнул спасительные веревки. Затем, высвободив из узды талию и вызволив второй конец короткой веревки из костыля, Брайан смотал канат в бухту, которую прикрепил на пояс для инструментов. Можно было бы попробовать забрать с собой и костыль, чтобы зря ничего не пропадало. Но не было ни инструмента, чтобы вырвать или вывернуть здоровенный штырь из прочно всосавших его губок трещины, ни физической силы для такого рискованного предприятия. Припасы, топливо, инструмент — все сейчас на вес золота. Никак нельзя было попусту транжирить или терять что бы то ни было из небогатого их имущества. Как знать, может быть, легкомысленно выброшенная вещь чуть позже окажется той самой спасительной соломинкой, вытягивающей всех, кто сообразил ухватиться за нее?

Он думал именно о спасении *всех*, а не о своем выживании, понимая, что не ему надеяться на благополучный исход, если его товарищи не выдержат неминуемый суд божий. Правда, его кое-чему научили за эти четыре недели тренировок в Арктическом институте Армии США, но он куда хуже разбирался в ледовых и полярных делах, чем остальные, да и готов был к Арктике куда меньше. Хуже того, вымахав на метр восемьдесят пять, он весил каких-то семьдесят два кило. Старшая сестра Эмили дразнила его Стручком, с тех пор как ему стукнуло шестнадцать. Правда, плечи у него были широкие, а руки сильные. Слабак разве пойдет на стремнины реки Колорадо? Слабак не увязался бы за охотниками на акул на атолле Бимини, не полез бы на горы в штате Вашингтон. И пока его ожидало теплое иглу или, еще лучше, натопленная комната на станции Эджуэй, куда можно было вернуться после холодного дня, лишаящего сил и сообразительности, все у него было нормально, и он мог держаться молодцом. Но теперь все складывалось совсем иначе. Никаких иглу больше не существовало, и даже уцелей они, эти надувные шатры, толку от них было бы мало, потому что запасы топлива иссякали. Баки снегоходов — не бездонные, да и аккумуляторов тоже, пожалуй, хватит только на день-другой, а там и снегоходы будут холодными. Выжить при таком раскладе можно, лишь если есть какая-то особенная сила и необыкновенная выносливость, а такое приходит только со временем, с опытом. На этот счет он нимало не заблуждался: в одиночку ему из этой передраги не выбраться.

Думая о возможной гибели, он вспоминал мать. Вот кого ему было бы искренне жаль.

Как она горевать будет! Она — лучший представитель рода Дохерти, да и довольно с нее горя — сколько она видела его за свою жизнь? Одному богу известно, не угораздит ли Брайана подарить ей еще одну причину для слез...

Лучик фонарика нащупывал его во мраке.

— Готов? — прокричал Роджер Брескин.

— Да уж.

Роджер пропал. Наверное, пошел к снегоходу.

И не успел Брайан собраться с духом, как веревка быстро поползла вверх, причиняя нестерпимую боль его бедным плечам. Под мощными порывами ветра, обезумевший от боли, он скользнул по передней стенке айсберга так же плавно, легко и быстро, как это проделало пять минут назад повисшее на канате тело Джорджа Лина. Только Брайан, очутившись у края обрыва, смог, оттолкнувшись ногами от передней панели утеса, подтянуться и самостоятельно перебросить свое тело через кромку берега, так что Роджеру утруждать себя и спешить на помощь на этот раз не пришлось.

Оказавшись на безопасном, так сказать, берегу, Брайан с трудом поднялся и сделал несколько неуверенных шагов по направлению к ярким фарам снегохода. Ноги держали плохо, ныли суставы в локтях и коленях, а мышцы во всем теле не давали покоя. Но Брайан понимал: все это пройдет, надо будет хорошенько размяться. По сути дела, он отделался легким испугом — без единой царапины.

— Невероятно, — произнес Брайан, начиная развязывать узел, скреплявший его упряжь. — Невероятно, невысказанно.

— Что ты там шепчешь? — спросил подошедший Роджер.

— Да вот в свое везение поверить не могу.

— Ты, наверное, в меня не очень верил.

— Да ладно тебе. Просто я все время боялся: то ли веревка перетрется, то ли утес обвалится, или еще что стряется. А все обошлось.

— Да успеешь еще умереть, — голос канадца зазвучал почти театрально. — Пока время твое еще не пришло. И место, видать, не то.

Брайан до того изумился, услышав от Роджера Брескина такие философические откровения, что почти забыл, как совсем недавно удивлялся тому, что и этот человек иногда испытывает страх.

— Если ты цел и невредим, то, может, поработаем?

Разминая плечи, чтобы прогнать пульсирующую боль, Брайан поинтересовался:

— А что делать-то надо?

Роджер протирает очки.

— Да поставим второй снегоход, тот, что на боку теперь лежит, на лыжи, а потом проверим: вдруг он работает.

— А потом?

— Временный лагерь искать будем. Надо же всем собраться в кучу.

— А что, если его нет на нашем айсберге? Вдруг он остался на той стороне, а?

Роджер его уже не слышал. Он направился к опрокинувшемуся снегоходу.

* * *

Кабина уцелевшего снегохода могла вместить только двоих; посему Харри была уготована участь груза, транспортируемого на открытом санном прицепе. Клод попытался было отвоевать это завидное местечко для себя, а Пит Джонсон усиленно пихал его вместо себя на сиденье водителя, так что можно было подумать, что в катании на незащищенных от ветра и холода санках есть нечто сладостное, хотя, разумеется, все понимали, что выставять человека на мороз — почти то же, что решить прикончить его. Но Харри решительно оборвал все разговоры на этот счет.

На прицепе они везли плиту, квадратный предмет габаритами сорок шесть на сорок

шесть сантиметров, и стальной бочонок, в котором кипятили воду, а потом заливали этой водой скважину, где уже была взрывчатка. Бочонок решили выкинуть и, сняв с прицепа, предоставили затем его собственной участи; ветер подхватил полый металлический цилиндр и укатил его в ночь, грохот катающегося металла все же на несколько секунд заглушал вой ветра, но скоро растаял в неблагозвучной симфонии бури. Плитка могла пригодиться потом и к тому же много места не занимала, и Клод ухитрился пристроить ее в кабине.

На станине санок собралось немало снега; глубина заноса у возвышающихся сантиметров на шестьдесят стенок прицепа доходила до восьми, а то и десяти сантиметров. Харри стал сгребать эти сугробики руками.

Ветер дул в спины, издавая воинственный клич. Он нападал на прицеп, забирался под днище и так раскачивал санки, что они подскакивали на гладком льду.

— Мне все еще кажется, что лучше будет, если рулить будешь ты, — опять заспорил Пит, когда ветер чуть-чуть приутих.

Харри уже почти закончил выметать снег из закутков прицепа.

— Я отправил свою колымагу прямо в пропасть — а ты теперь решил мне доверить свою?

Пит покачал головой.

— Мужик, знаешь, что с тобой не все в порядке?

— Знаю. Замерз и перепугался до смерти.

— Да не про это я.

— Ногти еще на ногах которую неделю не подстригаю, *вышло* так, понимаешь? К чему ты клонишь?

— Я про то, что у тебя в голове. Там — не все в порядке.

— Ты даешь. Ну, Пит, нашел самое время для психоанализа. Господи Иисусе! Да знаю я, что все у вас в Калифорнии на фрейдизме помешаны. — Харри выгреб из санок последнюю пригоршню снега. — Понимаю, ты веришь, что я хотел бы трахнуть родную матушку...

— Харри...

— ...или грохнуть собственного папашку.

— Харри...

— Ладно, пускай. Но раз у тебя завелись такие мыслишки на мой счет, мне непонятно, сможем ли мы теперь дружить.

— У тебя героический комплекс, — сказал Пит.

— Это ты решил, потому что я полез в прицеп?

— Ага. Надо было жребий всем тянуть.

— Тут тебе не демократия.

— Так было бы просто честнее.

— Я тебе в глаза скажу: ты *настырно* лезешь на колбасу автобуса. Нашего трамвая то есть. Что, не так?

Пит еще печальнее замотал головой, стараясь казаться человеком рассудительным, но не удержался от ухмылки.

— Ой, дурак. А еще белый.

— И еще горд этим.

Харри, расправив плечи, подставил ветру спину, а потом дернул за шнурок у щеки, ослабив капюшон. Потом полез за пазуху и вытащил оттуда горнолыжную вязаную маску из толстой шерсти, которая доселе покоилась в сложенном виде у горла. Теперь он обтянул ею рот и нос. Таким образом все лицо его было защищено от холодного свежего воздуха. То, что не закрывала маска, пряталось под капюшоном и очками. Харри еще глубже нахлобучил капюшон, потянул за шнурок, а потом соорудил из него узел. Через маску он заговорил опять:

— Ты, Пит, такой здоровенный, что тебя никак нельзя возить на прицепе.

— Да и ты не лилипут.

— Нет, ты послушай: все же я как-то могу скорчиться, чтобы спрятаться от самого злого ветра. А тебе пришлось бы сидеть. Иначе ты просто не поместился бы. А если сидеть с головой наружу, то уж точно замерзнешь до смерти.

— Ладно, ладно. Строишь из себя героя. Помни только — медали все равно не дадут.

— Да кому они нужны, эти медали? — Харри забрался в кузов и стал там устраиваться поудобнее. — Меня лично интересует святость.

Джонсон наклонился к нему.

— На небеса собираешься, а сам с такой женой живешь, которая знает больше похабных анекдотов, чем все мужики станции Эджуэй скопом.

— Ты, значит, еще этого не понял. Пит.

— О чем ты?

— У бога есть чувство юмора.

Пит скользнул глазами по завьюженному леднику, белую безжизненную плоть которого стегали белесые плети метели, и задумчиво протянул:

— Ну да. Самое что ни на есть настоящее. Чересчур *мрачное* только. Как юмор висельника. — Потом, уже у кабины, Джонсон обернулся, чтобы еще раз, подчеркнуто и выразительно, произнести: — Ну и дурак. Белый, да еще и дурак. — Потом он полез в кабину и, взгромоздившись на водительское сиденье, хлопнул дверцей.

Харри окинул прощальным взглядом ту площадку ледового поля, что была различима взгляду благодаря отсветам горевших где-то впереди фар снегохода. Нечасто он пытался мыслить образами и сравнениями, но было что-то такое здесь, на полюсе холода, что располагало к этому. Видимо, познать, более или менее верно понять умом почти непостижимую, необъятную, неуловимую враждебность здешних жестоких мест можно было только через метафоры, которым под силу представить этот край не столь чуждым, не таким страшным. Итак, ледник можно было сравнить со скорчившимся драконом чудовищных размеров. Ровный, глубокий мрак являл собою разверстую пасть сказочного животного. А жутко воющий ветер есть не что иное, как вопль ярости чем-то недовольного чудовища. Снег же, сыплющийся столь обильно, что и в шести метрах уже ничего не видно, это, наверное, дым, клубящийся из его ноздрей. А если чудовищу вздумается их сожрать, кто ему помешает? Он и следа от них не оставит.

Снегоход двинулся вперед.

Харри свернулся калачиком на левом боку. Колени к груди, голову в колени, руки на виски. Вот и вся его защита.

Условия в прицепе превзошли самые худшие ожидания. Харри ведь на особый комфорт и не рассчитывал, надеясь, что все будет хоть и очень плохо, но все же с трудом переносимо. Конструкторы прицепа не особенно утруждали себя инженерным поиском — незамысловатая подвеска передавала все неровности дороги, воспринятые лыжами и колесами, кузову, почти не амортизируя. Поэтому Харри перекашивался по тесному кузову от борта к борту, время от времени подскакивая, точнее было бы сказать, что его подбрасывало, словом, положение его было самым незавидным. Даже толстые слои напаянных на тело полярных одежек не в состоянии были смягчить немилосердные удары, а ребра на правом боку подрагивали в такт кузову и, входя в резонанс, ныли. А еще был ветер: укрыться от него не было никакой возможности, потому что дуло отовсюду; удары адски холодного воздуха неустанно искали и с успехом находили дорогу к его закованному в полярную броню телу, словно желая забить до смерти.

Понимая, что углубляться в размышления о тех малоподходящих условиях, в которых он нынче находится, значило бы лишь, что они, условия эти, покажутся еще худшими, чем на самом деле, он решил направить свои мысли в иное русло. Закрыв глаза, он представил себе Риту, и вот она уже перед глазами, как наяву. Но чтобы не думать о том, каково ей теперь и какова она теперь — вдруг она как раз в это мгновение мерзнет, или напугана, или жалка и беспомощна, или ранена, а то и мертва, — он устремил мысли вспять по течению времени, стараясь восстановить в памяти тот день, когда они познакомились. Встретились они в мае,

была пятница, шла вторая неделя этого замечательного месяца. Скоро девять лет будет. И было это в Париже...

В Париж он приехал на четыре дня, на конференцию ученых, которые участвовали в мероприятиях Международного геофизического года ООН, вроде тех, которые запланированы на нынешний год, тоже обозначаемый аббревиатурой МГГ. Три сотни мужчин и женщин со всего света, занимающиеся самыми разными научными дисциплинами, собрались в столицу Франции, чтобы послушать лекции, поучаствовать в семинарах, сразиться в яростных спорах — и все это за счет ООН, которая расщедрилась и выделила деньги для специального фонда.

В пятницу, в три часа пополудни Харри держал речь перед горсткой геофизиков и метеорологов, интересовавшихся тем, что ему удалось обнаружить по ходу своих арктических исследований. Говорил он около получаса в комнатухе рядом с мезонином их гостиницы. Сообщив слушателям последний тезис, Харри собрал бумажки с планом выступления и предложил своим слушателям переключить заседание на вопросы и ответы.

По ходу дискуссии его удивила и очаровала одна молодая и красивая женщина, умно задававшая глубокие вопросы по существу дела. Ее вопросы попадали в самое яблочко и, вообще, куда больше впечатляли своей толковостью, чем все то, чем соизволили поинтересоваться прочие два десятка собравшихся. Хотя почти у всех были седые головы и репутация умельцев по части эксплуатации серого вещества, которое они хранили под своими седыми волосами. Она была похожа сразу и на итальянку, и на ирландку. Высокий рост, полные губы делали ее похожей на итальянку. Но и что-то ирландское чувствовалось в ее губах тоже, особенно когда она улыбалась, как-то странно и забавно кривя губы чуть набок: эта улыбка делала ее похожей на сказочного эльфа. Глаза чистые, явственна ирландская зелень — но миндалевидной формы. Волосы длинные, отливавшие каштановым блеском. В собрании почтенных господ, полагающих твид самой подходящей униформой для парижской весны, она выпадала вон из ряда благодаря джинсам рыжего вельвета и облегающему темно-синему свитеру, ловко подчеркивавшему ее фигуру. Но как бы ни была хороша ее фигура, ум — быстрый, строго вопрошающий, многознающий, искушенный и натренированный — вот что больше всего в ней влекло и подкупало. Харри потом понял, что он, похоже, слишком уж рьяно ставил на место других своих собеседников, лишь бы ей досталось времени побольше. Когда встреча ученых подошла к концу, он догнал ее у самой двери.

— Мне бы хотелось поблагодарить вас: вы сумели сделать это заседание намного интереснее, чем оно получилось бы, сложились обстоятельства иначе. Но я не знаю даже вашего имени.

Она улыбнулась.

— Рита Марзано.

— По-итальянски звучит Марцано? Я так и думал. Вы похожи на итальянку и чуть-чуть на ирландку.

— Я — наполовину англичанка. — Ее улыбка растянулась во всю ширь полных больших губ, превратившись в веселую ухмылку. — Отец у меня — итальянец, но выросла я в Лондоне.

— Значит, Марзано... знаете, я ваше имя слышал. Да, разумеется, вы же автор книги, правда? И называется ваша книга...

— "Меня завтрашний день".

В своей книге Рита исследовала грядущее, проецируя на него новейшие открытия и достижения генетики, биохимии, физики, и рассказывала о том, что накопила, понятным простому человеку языком. Ее труд уже вышел в Соединенных Штатах и попал в несколько списков наиболее успешно сбывающихся книжных новинок.

— А вы мою книгу читали? — спросила она.

— Нет еще, — признался он.

— Мой британский издатель отпустил четыреста экземпляров для участников нашего

съезда. Ими торгуют в газетном киоске, в фойе гостиницы. — Она взглянула на часы. — У меня вот-вот начинается распродажа этого богатства, я еще автографы раздавать буду. Если для вас предпочтительнее получить экземпляр с подписью автора, то я не стану заставлять вас становиться в очередь.

В тот вечер ему так и не удалось закрыть книгу, пока он не дочитал ее — в четвертом часу утра — до последней страницы. Харри изумили и восхитили ее приемы — и как она упорядочивала факты, и как совсем не расхожими, но вполне логичными путями подходила к задачам, — и что удивительнее всего: ее методы, ход ее мысли разительно напоминали ему мыслительные процессы, происходившие в его собственной голове. Он читал с таким ощущением, что будто он сам является автором этого текста.

Лекции, назначенные на субботнее утро, он проспал, а поднявшись, почти весь день потратил на поиски Риты. Ее нигде не было. Он поминутно думал о ней. Готовясь к объявленному на вечер гала-представлению, он осознал, что не может вспомнить ни единого слова из прослушанной сегодня лекции.

Впервые в жизни Харри Карпентер стал размышлять о том, на что может быть похожа жизнь состоявшегося, оседлого, так сказать, мужчины, если он делит эту свою жизнь с одной женщиной. Он представлял собой то, что немало женщин сочли бы «хорошим уловом» или «славной добычей»: метр восемьдесят росту, семьдесят три кило весу, приятная внешность: серые глаза, благородные черты лица. Но ему никогда не хотелось превратиться в чью бы то ни было добычу. Харри всегда мечтал о женщине, которая была бы ему ровней, которая не цеплялась бы за него, но и не позволяла собой помыкать. Кроме того, такая женщина должна интересоваться его работой, а то и делить с ним труды, и хорошо бы, чтобы между ними установилась взаимная обратная связь, чтобы они подпитывали взаимный интерес друг к другу. Он подумал, что, быть может, ему удалось найти такую.

Но он не знал, с чего начать. В свои тридцать три года, да после восьми лет университетского образования, он явно провел слишком много часов за книгами и слишком мало знал о том, как следует ухаживать.

Программа на вечер предусматривала просмотр кинофильма об исследованиях в рамках одного из крупнейших проектов МГТ, заказанного ООН, банкет, а потом концерт, после которого будут танцы под оркестр из двенадцати музыкантов. Будь это такой же день, как всегда, то он, наверное, ограничился бы одним кинофильмом. Но на этот раз представлялась возможность повстречать Риту Марзано на одном из светских увеселений.

Она стояла последней в очереди, выстроившейся у входа в выставочный зал гостиницы, в котором и должны были крутить фильм. Похоже, она была одна, и, увидав его, приветливо улыбнулась.

— Где вы были? Я ищу вас весь день, — ляпнул он прямо ей в глаза.

— Мне все это наскучило, и я пошла по магазинам. Вот, новое платье купила. Нравится?

Это платье никак не могло сделать ее краше, но заставляло кое на что обращать внимание и льстило всему, чем одарила ее природа. До пола, с длинными рукавами, зеленая ткань, бежевые пуговицы. Ткань была в тон ее глазам, тогда как волосы, по контрасту, выглядели светлее. Глубокое декольте, не совсем обычное для таких мероприятий, и льнущая к телу шелковистая ткань, давали представление об изяществе ее фигуры. Ей почти ничего не стоило, пожелай она только, полностью поработить его волю, и он бы повиновался ей.

— Мне нравится, — сказал он, изо всех сил пытаясь не пялить на нее глаза.

— А почему вы меня весь день искали? Зачем?

— Ну, да, конечно, ваша книга. Мне бы хотелось поговорить с вами о ней, если у вас найдется свободная минутка.

— Минутка?

— Или часок.

— Или вечерок.

Будь оно все неладно, но, кажется, он опять покраснел. Словно опять превратился в

деревенского мальчика из штата Индиана.

— Ага, ну...

Она окинула взглядом очередь в выставочный зал отеля, потом снова повернулась к Харри и ухмыльнулась.

— Если мы пропустим это дело, у нас будет целый вечер на разговоры.

— А вам этот фильм неинтересен?

— Не-а. Потом — ужин, он будет ужасен, все — невкусное. А шоу с артистами из ночных клубов наверняка окажется слишком заурядным. А танцы после концерта... оркестр, как всегда, будет давать петуха.

— Тогда, может, поужинаем вместе?

— Прекрасная мысль.

— А для начала зайдем в «Дё Маго» и там выпьем.

— Замечательно.

— А ужинать отправимся в «Лаперуз».

Она нахмурилась.

— Не дороговато ли будет? И без первого класса перебиться можно, к чему вам так тратиться? Я буду счастлива и от пива точно так же, как от какого-нибудь шампанского.

— Случай уж очень особенный. Для меня, по крайней мере, не знаю уж, как для вас.

Ужин не мог быть великолепнее. Вряд ли даже Париж сумел бы предложить еще более романтическую атмосферу, чем та, в которой они оказались, вознесясь в зал на верхней веранде ресторана «Лаперуз». Низкий потолок, фрески на покрытых паутиной трещин стенах — все это обдавало теплом, уютом, чем-то домашним. Оттуда, где стоял их столик, открывался прекрасный вид на ночной город, а прямо внизу змеилась испещренная световыми пятнами маслянистая река, словно какой-то сказочный великан обронил свой черный шелковый шарф. Сначала им подали безукоризненно приготовленного *oie rotie aux pruneaux*¹, а на десерт была предложена нежная земляника в превосходнейшем дзабальоне². И на протяжении всего ужина они неумоимо распутывали нескончаемый клубок беседы, и все сразу у них стало так легко и просто, будто и дружат они невесть с каких времен, и по ресторанам вместе ходят лет десять, если не дольше. Покончив с половиной своей порции жареного гуся, Харри с удивлением понял, что, не успев поговорить толком про ее сочинение, они пробежались, галопом по европам, по куче прочих небезынтересных тем: искусство, художественная литература, музыка, кухня и кулинария, и прочая, и прочая, и ни на единую секунду разговор не зависал по причине отсутствия нужного слова. Допивая коньяк, Харри сокрушался: все хорошее, вот как этот вечер, неизбежно кончается, но все более преисполнялся решимостью поломать этот жестокий закон жизни, хотя бы сегодня.

Рита разделяла его настроение и тоже не хотела позволять вечеру завершаться так рано.

— За ужином мы побыли французами. Теперь есть смысл побыть туристами.

Стилизованный под Дикий Запад «Крейзи-Хорс-Салун» мощно ударял по всем органам чувств сразу. Гостями заведения были американцы, немцы, шведы, итальянцы, японцы, арабы, греки и даже горсточка французов. Вся эта публика громко общалась на всевозможных наречиях, и многоязыкие разговоры, переплетаясь друг с другом и накладываясь друг на друга, сливались в итоге в этакое журчание ручья, правда, очень могучего. Этот грохочущий гул то и дело пронзали раскаты еще более громогласного хохота. Густой воздух состоял по преимуществу из табачного дыма, аромата духов и паров виски. Оркестр, когда он играл, без труда развивал такое звуковое давление, что трясущийся хрусталь должен был с минуты на минуту обратиться в стеклянную пыль. Те пару раз, когда Харри очень нужно было кое-что сказать Рите, ему приходилось кричать, хотя расстояние между ними ненамного превышало полуметровое: они сидели за малюсеньким коктейльным столиком.

¹ Жареный гусь с черносливом (фр.).

² оголь-моголь с вином «Марсала» и теплой водой; сервируется горячим или охлажденным. Также: дзабайоне (ит.).

Происходящее на сцене заставило забыть шум. Кордебалет дарил зрителю настоящий праздник: танцовщицы выглядели сказочно прекрасными. Длинные ноги, пышные, высоко вздымающиеся груди, тончайшие талии, заставляющие все позабыть, разящие, как электрошок, лица. Столько всего самого разного, что никакому глазу охватить это не под силу. Столько красоты, что никакому уму не постичь, никакой душе — не вместить, никакому сердцу — не принять. Десятки и десятки девушек. Самые невероятные наряды, прикрывающие тела хозяек: кожаные подпруги, ремни, цепи, мех, сапоги, ошейники в самоцветах, перья, шелковые ленты, шарфы, галстуки, вуали. Наклеенные и густо намазанные ресницы, разноцветные тени на веках, подведенные глаза, нередко разноцветные блески и мушки на лицах и телах.

Рита сказала:

— Через какой-то час все это приедается. Может, уйдем? — Они вышли на улицу. — Мы так и не поговорили о моей книге, а ведь вы именно этого хотели, правда? Мне любопытно услышать, что вы хотели мне сказать. Сейчас мы пойдем в гостиницу, есть такой отель неподалеку, «Георг Пятый». Там можно выпить шампанского и потолковать.

Он почувствовал замешательство. Непонятно как-то: чего она хочет. Знаки, которые она вроде бы подавала, смущали: концы с концами не состыковывались. Чего ради они потащились в этот якобы ковбойский салун? Неужто затем, чтобы чуть ли не сразу же смотреть от его полоумных лошадей? Неужели она думала, что он, после того что уже было, вот так просто отвяжется и не попробует приставать? А теперь ей, видите ли, про книжки порассуждать захотелось.

Миновав вестибюль «Георга Пятого», они подошли к шахте лифта. Когда она нажимала кнопку вызова, он спросил:

— Что, здесь тоже есть ресторан на крыше?

— Не знаю. Мы едем ко мне.

Его замешательство только возросло.

— Вы что же, решили не останавливаться в одной из тех обычных гостиниц, которые выделяют номера нам бесплатно? Я понимаю, что не в свое дело лезу, да и глупости, наверное, говорю, однако это же, должно быть, страшно дорого.

— Мне выдали кое-какую денежку за «Меня завтрашний день». Могу я позволить себе кое-что раз в жизни? У меня здесь небольшой номер с видом на сад.

В ее комнате у постели стояло серебряное ведро с толченым льдом, а в нем бутылка шампанского. Она указала на шампанское.

— "Моз". Откройте, пожалуйста.

Он взялся за бутылку — и увидел на лице Риты гримасу.

— Этот звук льда, — вместо объяснения сказала она.

— И что в нем такого?

Она замялась.

— Прямо зубы ломит. Как железом по металлу или ногтями по школьной доске.

Но он тогда был до того настроен на ее волну, что понял: сказанное ею — неправда, или, точнее, не вся правда, а нахмурилась она потому, что хруст льда напомнил ей о чем-то очень неприятном. На какое-то мгновение ее взгляд стал совершенно отсутствующим, мыслями она унеслась куда-то очень далеко, и это-то погружение в память и свело ее брови на переносице.

— Лед уже здорово подтаял, — заметил Харри. — Когда это вы ухитрились заказать бутылку?

Выбираясь из тягостных воспоминаний, она переключила память на него и, когда ей удалось вновь сосредоточить все свое внимание на Харри, она опять ухмыльнулась.

— А я из дамской комнаты позвонила. В ресторане «Лаперуз».

Не в силах поверить происходящему, он выпалил:

— Вы что?! *Вы соблазняете меня!*

— Двадцатый век вот-вот кончится, знаете ли.

Пытаясь показать, что он способен посмеяться над собой, Харри сказал:

— Да, конечно, наверное, так оно и есть. То-то я смотрю, что иногда женщины в брюках попадают.

— Вас это оскорбляет?

— Женщины в брюках?

— То, что я пробую вас завлечь. Не вывожу вас из себя этим?

— Святые небеса, нет.

— Я наглая, да? Нахальная такая...

— Да ничего подобного.

— По правде, ничего такого до сих пор я не вытворяла. Я имею в виду, что не в моих правилах вступать в близкие отношения с мужчиной после первого свидания. Не бывало такого.

— У меня тоже.

— После второго или третьего, если это имеет значение, тоже не случилось.

— У меня тоже.

— Но на этот раз все, по-моему, нормально, правда?

Он выпустил из рук бутылку, которая так и осталась во льду, и потянул ее к себе. Губы ее были сотканы из грез и сновидений, а тело ощущалось таким соответствующим его собственному, что, казалось, они заранее были уготованы друг для друга. В общем, сама судьба.

Весь остаток своего ученого слета они пропустили, проводя все время в постели. Даже еду в номер заказывать не хотелось. Они только разговаривали, любили друг друга и спали, словно накачавшись наркотиками.

Кто-то кричал. Он услышал свое имя.

Окаменев от холода, присыпанный снегом, Харри возвращался в действительность, пробуждаясь в неудобной своей постели от милых сердцу воспоминаний. Более или менее очнувшись, он поднял голову.

В заднем окне кабины снегохода он увидел уставившегося прямо на него Клода Жобера.

— Харри! Эй, Харри! — Голос едва-едва доходил до кузова, мешало стекло, выл ветер и работал мотор машины. — Гляди! Вперед! Огни!

Сначала до него не дошло, о чем это Клод толкует. Он окоченел, продрог и к тому же все еще пребывал половиной своего существа в номере роскошного парижского отеля. Потом он поднял глаза и увидел, что они движутся прямо на туманное желтое зарево, вспыхивающее какими-то искрами на падающих снежных хлопьях и лениво разливающееся слабыми отсветами по заснеженному льду. Харри поторопился вскочить и, хотя встал он только на колени, все равно, он изготовился к прыжку с прицепа в то самое мгновение, когда снегоход остановится.

Пит Джонсон вел снегоход по хорошо знакомому ровному ледяному плато, направляя машину к тому углублению, в котором стояли иглу. Вместо надувных куполов теперь лежали какие-то громадные блины, придавленные сверху здоровенными болванками льда. Но один снегоход был на ходу, мотор гудел, фары горели, а рядом стояли двое и махали руками.

В одном из полярников он узнал Риту.

Харри выскочил из прицепа, не дождавшись, пока снегоход остановится. Он упал в снег, кувыркнулся, вскочил на ноги и побежал ей навстречу.

— Харри!

Он схватил Риту и высоко, почти над головой, поднял на вытянутых руках, потом поставил ее на ноги, затем опустил свою снегозащитную маску, чтобы та не мешала говорить, но не смог вымолвить ни слова и только обнимал ее и прижимал к себе снова и снова.

И вот, наконец, дрогнувшим голосом, она спросила:

— Ты не ранен?

- Только кровь из носа шла.
- Больше ничего?
- А потом она перестала идти. Ты?
- Только перепугалась.

Он знал, что она всегда воюет со своими страхами перед снегом, льдом и холодом, и не переставал восхищаться ее неколебимой решимостью противиться своим фобиям и работать в том самом климате, который испытывает ее самым безжалостным образом.

— На этот раз у тебя на то были немалые основания, — сказал он. — Слушай, ты знаешь, что мы с тобой сделаем, когда выберемся с этой злосчастной горки?

Она помотала головой и сдвинула затянутые наледью очки на лоб, так, чтобы он видел ее милые зеленые глаза. Они были широко распахнуты и выражали любопытство и радость.

— В Париж поедem, — сообщил он ей.

Широко улыбаясь, она подхватила:

— В «Крейзи-Хорс-Салун».

— Отель «Георг Пятый».

— Номер с видом на сад.

— Шампанское «Моз».

Он поднял свои очки на лоб, а она его поцеловала.

Пододошедший Пит потряс его за плечо.

— Слушай, имей же совесть. Не у всех такие морозоустойчивые жены. Подумай и о других. И ты что, не слышишь, что я тебе кричу? «Вся банда в сборе», — вот что я кричу. — И Джонсон показал туда, где, преодолевая пургу, поспешала в их направлении пара снегоходов.

— Роджер, Брайан и Джордж, — с заметным облегчением произнесла Рита.

— Верно, — отозвался на ее слова Пит Джонсон. — Как-то не приходится рассчитывать, что к нам сюда в гости пожалуют чужаки.

— Итак, вся банда в сборе, — согласился Харри. — Но, бога ради, скажите мне, куда эта банда двинет теперь?

13 ч. 32 мин.

Шел четырнадцатый день рассчитанного на сто дней разведывательного похода российской атомной подводной лодки «Илья Погодин». Суть боевого задания — электронный шпионаж. И вот наконец лодка достигла той первой точки, откуда, по плану, надлежало вести наблюдение за обстановкой в эфире. Капитан подводного судна Никита Горов отдал распоряжения по ходовой части, приказав держаться умеренно склоняющегося к юго-востоку течения, так, чтобы лодка находилась к северо-западу от острова Ян-Майен, в шестидесяти четырех километрах от побережья Гренландии, и в тридцати метрах ниже уровня вечно штормящей поверхности Северной Атлантики.

Подлодка носила имя Ильи Погодина, одного из официозных Героев Советского Народа¹, и назвали ее так еще до того, как порочное чиновничество потерпело окончательный крах и тоталитарное государство рухнуло под тяжким грузом своей собственной недееспособности и продажности. Переименовывать субмарину не стали: частично потому, что морское дело крепко преданием; частично по причине слабости все еще очень неустойчивой квазидемократии, которая все еще опасалась чрезмерно задирать и без того обиженную и на все готовую старую партийную гвардию. Она хоть и была отодвинута от власти, но в любое время могла воспользоваться первыми признаками смуты, для того чтобы перехватить бразды правления и вновь распахнуть ворота лагерей уничтожения и учреждений, предназначенных для «перевоспитания несознательных элементов». Частично потому, что Россия теперь была так ужасающе бедна, до того разорена марксизмом и полчищами не забывающих о собственном кармане политиканов, что страна просто не могла

¹ Здесь и далее в изображение автором «советских и постсоветских реалий» коррективы не вносятся.

позволить себе роскошь тратить немалые средства на перекрашивание лодок и кораблей и на внесение соответствующих изменений в регистрационные описи, гроссбухи и прочую документацию.

Горову хватало хлопот и с обеспечением должного уровня эксплуатации вверенного ему судна, тем более что хлопоты эти нередко оказывались пустыми. В эти щедрые на испытания времена после падения империи и без того голова капитана шла кругом: сохранность обшивки, исправность и безопасность ядерного реактора, надежность двигателей, столько забот, что просто некогда было расстраиваться еще и из-за того, что на корпусе субмарины красуется имя малопочтенного растратчика и расхитителя и равнодушного человекоуба, хранителя прежнего, ныне покойного и погребенного без слез строя.

Хотя «Илья Погодин» давно числился во флотовых росписях и успел несколько устареть, на подлодке никогда не устанавливали ракет с ядерными боеголовками, не считая атомных торпед, все же субмарина производила внушительное впечатление и выглядела могучим боевым кораблем. Сто десять метров от носа до кормы, бимс, от борта до борта, раздавался вширь почти на тринадцать метров, осадка непогруженной лодки составляла одиннадцать метров от киля до ватерлинии. Водоизмещение полностью погруженной субмарины превышало восемь тысяч тонн.

Юго-восточные течения почти не влияли на ход судна под водой. Лодка если и отклонялась от курса, заданного капитаном, то дрейф не превосходил восьмидесяти-девяноста метров.

Рядом с Горовым в капитанской рубке сидел Петр Тимошенко, молодой офицер-связист. Их окружало большое количество электронной аппаратуры: экраны, шкалы, циферблаты мигали, мерцали или горели всевозможными цветами, раскрашивая полумрак алыми, янтарными, зелеными, голубыми пятнами. Даже над головой были закреплены видеоискатели, диаграммы, графики, индикаторы, экраны и пульта управления с клавишами и переключателями. Когда из ходовой части подтвердили получение приказа «Так держать!», который был доведен до сведения машинного отделения и атомщиков, обслуживающих реактор, Тимошенко обратился к Горову:

— Разрешите выдвинуть антенну, капитан.

— Затем мы сюда и явились. Действуйте!

Тимошенко миновал главную кают-компанию и, пройдя девять метров, оказался перед рубкой связи. Это был крошечный чуланчик, плотно уставленный радиооборудованием, рассчитанный на прием и передачу шифрованных сообщений на ультравысоких частотах (УВЧ), высоких частотах (ВЧ), очень низких частотах (ОНЧ) и крайне низких частотах (КНЧ)¹. Усевшись за главную консоль — это был пульт с клавиатурой для ввода данных — и откинувшись назад, он обвел взглядом шкалы и экраны вверенного ему хозяйства, представляющего собой пестрый набор приемопередатчиков, компьютеров и прочей вычислительной и связной аппаратуры. Улыбнувшись, он ушел с головой в работу, очень скоро начав что-то мурлыкать себе под нос.

В обществе, особенно если это была мужская компания, Петру Тимошенко редко удавалось чувствовать себя в своей тарелке, зато с техникой он всегда оказывался на короткой ноге. В рубке управления, где остался капитан, Тимошенко распоряжался вполне по-хозяйски, но этот закуток, где аппаратуры было еще больше, для молодого офицера являлся воистину домом родным.

— Готово? — спросил второй техник.

— Да. — Тимошенко прикоснулся к желтому переключателю.

Наверху, по ту сторону прочной, спасающей экипаж и все остальное, что было заключено внутри судна, оболочки, из сопла трубы, которую не заливало водой, потому что давление в ней превышало давление нависших над ними многих тонн морской воды, выскочил маленький, заполненный гелием баллон и бойко поспешил наверх. Быстро

¹ Диапазоны ДЦУ, КВ, СДВ и декамегаметровых волн соответственно.

поднимаясь к поверхности моря, этот надувной шарик тащил за собой сквозь черные, светонепроницаемые воды разматывающийся на все большую длину провод. Когда баллон достиг границы между водной и воздушной стихиями, техники «Илья Погодина» заполучили возможность фиксировать любую передачу любого сообщения, передающегося или принимающегося в любой точке восточного побережья Гренландии. Мониторинг обнимал собой все каналы связи во всех средах, единственное исключение — это проложенные под землей телефонные кабели, да, пожалуй, еще почтовая связь и записки. Все остальное «Илья Погодин» подслушивал и, как говорится, брал на карандаш. Баллон был такого же скучного серовато-синего цвета, как и волны зимнего моря, что болтали его, — и потому оставался совершенно незаметным: даже с палубы корабля, метрах в десяти, шарика уже не было видно. Прикрепленная же к нему антенна, хотя и представляла собой сложное, в смысле инженерии, сооружение, была совсем коротенькой и тоже не бросалась в глаза.

На суше, среди штатских, Тимошенко зачастую проявлял застенчивость. Он был высок, строен или скорее тощ, костляв, неуклюж и неловок в движениях и, нередко, в поведении тоже. Бывая в ресторанах и ночных клубах, да и просто на улицах больших городов, он мучался всякими нелепыми подозрениями: ему все время казалось, что все вокруг только тем и заняты, что следят за ним и дивятся его неотесанности. А вот «Илья Погодин» предлагал ему куда более надежную среду обитания, тут было его царство, а когда его владения уходили на глубину, Тимошенко вообще наслаждался ощущением своей невидимости, словно бы море, особенно на глубине, не входило составной частью в мир, включавший в себя и сушу, и воздух, и много чего еще, но было как бы параллельной вселенной. Тимошенко блаженствовал: кругом холодные черные воды, никто на него не смотрит, никто его не слышит, некому потешаться над его нескладностью. Потому что он — невидимка. Призрак.

Выждав время, за которое Тимошенко должен был успеть развернуть антенну и пробежаться по достаточно широкому радиодиапазону, капитан Горов направился в рубку дальней связи. Поприветствовав кивком младшего техника, Горов спросил у Тимошенко:

— Ну и как?

Офицер связи, придерживая наушник у левого уха, широко улыбнулся.

— Как полагается. Все слышать.

— Что-то стоящее?

— Пока что не очень. Так, около берега американские моряки. Зимние учения. И какую-то технику испытывают.

Хотя холодная война давно кончилась, правда, уходя, она оставила за собой длинную, волочащуюся шлейфом тень, и прежние враги, как предполагалось, должны были расстаться с былой неприязнью друг к другу, а то и, как считали некоторые, превратиться в лучших друзей, тем не менее большая часть былой советской разведки и всех ее аппаратных ответвлений осталась незадетой переменами. И как заграничная сеть агентуры, так и аппаратчики внутри страны были доселе целы и невредимы. Российский Военно-Морской Флот по старинке собирал информацию, посылая суда-корабли к берегам каждой значимой западной страны и в имеющие стратегическое значение ареалы и чувствительные пункты Третьего мира. Что же, если и есть в мире что постоянное, так это вечные перемены. Если вчерашние недруги чуть ли не за сутки стремительно превратились в искренних друзей, вероятно и обратное превращение, и оно может произойти с той же живостью. И друзья станут *врагами*.

— Держите меня в курсе, — попросил Горов, покидая рубку дальней связи. А сам направился в офицерскую кают-компанию обедать.

13 ч. 40 мин.

Присев на корточки у коротковолнового приемопередатчика и вызвав станцию Эджуй, Харри закричал в микрофон:

— До Туле добраться смог?

Хотя голос Гунвальда Ларссона и должен был, прежде чем дойти до узников ледовой пещеры, пробиться сквозь густое сито разрядов статического электричества, звучал он внятно и понятно.

— Я в постоянном контакте с ними и еще с норвежскими метеорологами, которые на станции на архипелаге Шпицберген. Держу связь с теми и другими уже двадцать пять минут.

— И что, хоть кто-то из них к нам не собирается?

— Норвежцы зажаты во льдах, глухо. А американцы сказали, что у них в Туле есть несколько машин марки «Каман Хаски». Это такой вертолет, который специально предназначен для поисковых работ. У «Хаски» топливные баки пообъемнее и дальность полета побольше. Но на базе сейчас нелетная погода: условия такие, что выпускать их в воздух никак нельзя. Жуткие ветры. А когда погода улучшится и они смогут подлететь к вам — если *смогут*, — погода уже у вас к этому времени настолько ухудшится, что вряд ли они сумеют посадить машину на ваш айсберг.

— А нет ли чего-то поближе к нам? Ледокола какого-нибудь или крейсера, по соседству с айсбергом?

— Американцы сказали, что нет.

— Так что надеяться на чудеса не приходится.

— Как, по-твоему, вы выкарабкаетесь?

Харри отвечал:

— Мы не занимались инвентаризацией наших запасов, но я уверен, что даже топлива у нас хватит самое большее часа на двадцать четыре.

Громкий статический разряд отозвался раскатами эха в громадной ледовой пещере, так что можно было подумать, что кто-то выстрелил из автомата.

Гунвальд, слышно было, замялся. Потом:

— По самым свежим метеопрогнозам, то, что теперь, превосходит размахом любую из пережитых нами за эту зиму климатических конфигураций. Нас ожидает неделя жесточайших бурь. Шторм на шторме едет и штормом погоняет. Даже коротенького просвета между бурями не намечается.

Неделя. Харри прикрыл глаза, чтобы не видеть ледяную стену, к которой была прислонена радиостанция, — уж слишком ясно просматривалась их грядущая участь. Ладно, у них термокостюмы, они защищены от ветра, но не протянут они неделю без тепла. И у них, в сущности, не осталось еды; голодание непременно понизит сопротивляемость организма воздействию опускающейся ниже нуля температуры.

— Харри, ты меня понял?

Харри открыл глаза.

— Понял. Не похоже, что все ладно, правда? А как насчет времени? Мы ведь дрейфуем к югу, подальше от дурной погоды.

— Знаешь, я сначала должен поглядеть на карту. У тебя есть какое-то понятие о вашей скорости? Сколько километров в сутки делает ваш айсберг?

— На глаз... километров пятьдесят. Может, шестьдесят пять.

— Примерно такая же цифра и у меня, судя по картам и графикам, что у меня под рукой. А как насчет курса? Насколько точно вы идете на юг?

Харри подумал.

— Наверное, к югу мы отклоняемся километров на тридцать в сутки?

— Хорошо бы. Скорее всего только на шестнадцать. Да, вас сносит к югу километров на шестнадцать в сутки.

— Шестнадцать километров в сутки? Ты уверен? Быть того не может. Ох, не обращай внимания. Это я — тупица. Разумеется, правда твоя. Слушай, а насколько велика эта штормовая конфигурация?

— Харри, она тянется почти на двести километров к югу от того места, где вы точно были, ну, от последнего зарегистрированного местонахождения вашего лагеря. Вам

понадобится дней восемь, если не десять, чтобы выбраться из сплошной зоны пурги на более или менее чистое место, а пока вы будете торчать в штормовой зоне, о вертолетах и речи быть не может.

— А как насчет тех тральщиков, которые ООН наняла на МГТ?

— Американцы передали новость про вас на эти корабли. Оба траулера уже движутся к вам на всех парах, так быстро, как только могут. Но в Туле мне сказали, что моря чрезвычайно бурные, так что движение затруднено даже вне пределов штормовой зоны. А до траулеров триста семьдесят километров. В нынешних условиях все их страдальческие потуги двигаться пожизненно мало что значат.

Как бы то ни было, надо точно знать, где они, пусть даже правда насчет действительного положения и будет очень горькой. Харри спросил:

— А не может ли корабль таких габаритов пробиться на километров полтораста или чуть больше через шторм типа нашего нынешнего и уцелеть? Не разобьет ли его в мелкую щепу?

— Я полагаю, что оба капитана — храбры. Но вряд ли они — самоубийцы, — без обиняков отрезал Гунвальд.

Харри не мог не согласиться с этим умозаключением.

— Им просто придется повернуть назад, — сказал Гунвальд.

Харри вздохнул.

— Ага. Им просто ничего иного не останется. Нормально, Гунвальд, я звякну тебе через четверть часа. Мы устроим тут собрание. Надо. Вдруг чего надумаем.

— Я буду ждать.

Харри положил микрофон на верхнюю панель радиостанции. Потом поднялся и оглядел всех остальных.

— Вы все слышали.

Каждый из присутствующих в ледовой пещере глядел во все глаза то на Харри, то на радиостанцию, теперь умолкшую. Пит, Роджер и Франц стояли у выхода: даже очки были на глазах, словно они были готовы сию же минуту выбежать из пещеры и отправиться на развалины временного лагеря, чтобы попытаться откопать там хоть что-то бесполезное. Брайан Дохерти изучал карту Гренландского моря и Северной Атлантики. Однако теперь, когда он слышал Гунвальда, Брайану стало ясно, что все это втыкание флажков, помечающих местонахождение тральщиков ООН и их ледового корабля, не имеет никакого смысла, потому он стал понемногу складывать карту. Пока Харри говорил со станцией Эджуэй, Джордж Лин мерил большими, для его роста, шагами пространство внутри пещеры, ходя от стены к стене, чтобы размять отбитые мышцы и, вообще, расходиться, прийти в нормальное состояние. Теперь он застыл, не шевеля ни единым мускулом, даже не мигая, словно замерз живьем. Рита и Клод склонились над картонными ящиками, ревизуя наличные продовольственные запасы. Ящики здорово пострадали от ударов свалившихся на них осколков рассыпавшегося гребня ледяной гряды. Все на какое-то мгновение показались Харри неживыми куклами, словно это были не настоящие люди, а манекены, расставленные неведомым художником. Это ощущение посетило его, верно, потому, что, если не привалит вдруг небывалое счастье, их уже можно было смело сбросить со счетов: мало чем они пока — лишь пока — отличались от мертвецов.

Рита высказала вслух то, о чем все они думали, но о чем ни у кого не хватало духу заговорить:

— Даже если траулеры доберутся до нас, вряд ли это случится раньше, чем к концу завтрашнего дня. Вряд ли они успеют до полуночи нынешних суток. А в полночь рванут бомбы, шестьдесят штук.

— Мы не знаем даже, каковы очертания айсберга и каков он по величине, — сказал на это Фишер. — Быть может, заряды, по большей части, остались в шахтах, которые не откололись от ледника. Так что, будем надеяться, рваться будет на материке.

Пит Джонсон не пожелал согласиться с этими успокаивающими рассуждениями.

— Мы, то есть Клод, Харри и я, как раз закладывали последнюю из цепочки бомб, когда накатило в первый раз цунами и его волны ударили в лед снизу. По-моему, возвращаясь в лагерь, мы очень старались ехать по прямой. И, по-моему, нам это удалось. Значит, мы более или менее точно воспроизвели тот маршрут, который проделали, выехав из лагеря и заложив эти шестьдесят зарядов. И еще это значит, что на обратном пути мы проехали мимо всех или почти всех шестидесяти бомб. И могу дать правую руку на отсечение, но бьюсь о заклад: эта наша гора не такая большая, чтобы выдержать все эти будущие покусывания. Ничего похожего и близко нет.

Все умолкли. Но очень скоро тягостное молчание прервал Брайан. Откашлявшись, он сказал:

— Ты хочешь сказать, что айсберг разлетится на тысячу кусочков?

На это никто ничего не ответил.

— Так что, все мы, выходит, погибнем от взрыва? Или будем сброшены в море?

— Ну разве это не одно и то же? — с обычной своей основательностью веско произнес Роджер Брескин. Его низкий бас гулко повторило эхо, прокатившееся по пещере. — Море, оно — *холодное*. Оно заморозит. Вряд ли ты выживешь в такой воде — будешь готов минут через пять.

— Неужто ничего нельзя придумать спасения ради? — спросил Брайан, в поисках ответа переводя взгляд с одного полярника на другого. — Наверняка *что-то* мы сделать можем.

Пока они обменивались мнениями, Джордж Лин оставался недвижим и безмолвен, как статуя, но вдруг спохватился и подбежал, сделал три коротеньких и очень быстрых шажка к Дохерти.

— А, мальчик, испугался? *Нодо* тебя было напугать. Пусть твоя всемогущая родня попробует выцарапать тебя отсюда!

Неприятно пораженный Брайан только отвернулся от злобствующего мужичка.

Лин сжал кулаки и вонзил их в бока Брайана.

— Вот, и никто тебе не поможет, а? Нравится? — Он кричал во весь голос. — Что, не по вкусу это тебе, а? Родня твоя, большая, богатая. Столько власти, столько политиков, а? Вот ты и узнал, каково маленьким людям, а для вас все остальные — мелкота. Теперь ты хочешь, чтобы мы кишки драли, только чтоб тебя отсюда вызволили. Нет, давай-ка сам пошевеливайся. Как все. Как остальные.

— Хорош уже, — сказал Харри.

Теперь Лин повернулся всем корпусом к нему. Лицо китайца было неузнаваемо — настолько его преобразила ненависть.

— А эта его родня сидит на заднице, а под задницами у них у всех деньги и привилегии. Жизни они не знают, они от действительности каменной стеной отгораживаются. А все равно — кичатся как ни в чем не бывало своей нравственностью: как же, они лучше всех, они же только спят и видят, как бы пожертвовать собой ради благородного дела какого-нибудь, а потом остаток жизни треплутся и пережевывают эти свои самоотречения. А как остальные живут, они и знать не знают, и не хотят узнать. Это вот такие затеяли смуту в Китае, пустили туда Мао, родины нас лишили, десятки миллионов под нож пошло, столько народу загубили. Пустишь таких в дверь, а за ними следом коммунисты. А там дикари и казаки, головорезы и звери в образе человеческом, и все идет прахом. И...

— Не Брайан загнал нас на этот лед, — оборвал его Харри. — И не его родственники. Боже правый, Джордж, час назад он тебя спас. Помолчи, Христа ради.

Как только до Лина дошло, что он делает что-то не то, он снова переменился, и опять это произошло мгновенно. Злоба сошла с лица, и оно сразу же потускнело, стало вялым, безжизненным. Теперь он казался смущенным, ничего не понимающим. Потом стал выглядеть обеспокоенным. Потом потряс головой, словно пытаясь стряхнуть что-то.

— Я... Я не прав.

— Чего ты мне это говоришь? — опять огрызнулся Харри. — Ты это Брайану скажи.

Лин повернулся к Дохерти, стараясь не встречаться с ним взглядом, пряча глаза.

— Я — виноват. Я прощения прошу. В самом деле.

— Все нормально, — заверил его Брайан.

— Не... Не знаю, что на меня нашло. Ты спас мою жизнь. Харри правду говорит.

— Забудь, Джордж.

Еще недолго помявшись, Лин кивнул и отошел в дальний угол пещеры, чтобы возобновить свои упражнения. Разминаясь, он делал быстрые шаги, взад и вперед, туда и сюда, и все время, танцуя, глядел на лед, на котором отплясывал.

Харри задумался: хотел бы он знать, что за жизненные переживания могли так ожесточить этого небольшого человека, что он с такой готовностью кидается на Брайана. Причем Лин встретил молодого Дохерти в штыки, сразу же после того как они познакомились, и с тех пор часто даже не пытался скрыть свою неприязнь к юному баловню судьбы.

— Так неужто ничего нельзя сделать ради собственного спасения? — как бы отозвался на его мысли Брайан, с изяществом выходя из неловкости, созданной выходкой Лина.

— Может, что-то и можно, — сказал Харри. — Во-первых, мы могли бы вытащить несколько установленных нами зарядов и обезвредить их.

Фишер изобразил изумление:

— Ничего не выйдет!

— Может и не выйти.

— Да как ты думаешь их вытаскивать, эти бомбы? Их еще найти надо, — язвительно поинтересовался Фишер.

Клод поднялся с корточек, оставив разбирать поломанный ящик с наполовину пропавшей едой.

— Может и выйти. Но нужен еще один бур, ледорубы и электропила. Или хотя бы мощная ножовка. Запасись мы временем и терпением, и мы сумели бы докопаться до каждой бомбы: надо было бы бурить немного в бок и раскапывать лед косыми уступами, пока не откроется заряд. Однако, Харри, на установку нам понадобилось полтора дня. А вытаскивать залитые льдом заряды будет куда тяжелее. Неделя нужна, а то и две.

— А у нас только десять часов, — вставил свое никому не нужное напоминание Фишер.

Оставив свою нишу в ледяной стене неподалеку от ворот в пещеру, чтобы выйти на самую середину, в разговор вступил Пит Джонсон.

— Минуточку. Вы, ребята, слушать не умеете. Харри разве говорил, что мы должны вытащить все бомбы? Он ведь предлагал извлечь хоть *несколько* зарядов. И он ничего не сказал про пилы и лопаты или, там, топоры. Пилить и копать хотел не Харри, а Клод. — Тут он поглядел на Карпентера: — Может, сам все расскажешь?

— Самый близкий к нам заряд заложен в двухстах семидесяти четырех метрах отсюда. Чуть больше четверти километра. Обезвредив первую бомбу, мы сдвигаемся на четырнадцать метров от этого самого места, где мы теперь находимся, переходя к следующему заряду. Иначе говоря, коль скоро между двумя зарядами всегда выдерживается расстояние в четырнадцать метров, то каждая новая разряженная бомба удаляет от нас взрыв на очередные четырнадцать метров. Избавившись от десятка бомб, мы отодвинем взрыв на более чем четыреста метров. Остальные полста рванут, конечно, в полночь, но уже не под нами. А это значит, что наш край айсберга может уцелеть. И, если посчастливится, останется достаточно большим, чтобы выдержать нас.

— Может, — кисло сказал Фишер.

— Это самый лучший для нас шанс.

— Не особенно-то он хорош, — заметил немец.

— А я его и не хвалил.

— А раз уж мы *копать* не будем — как я понял, ты это исключаяешь напрочь, — то как мы доберемся до взрывчатки?

— Есть же у нас еще одна дрель. Будем вскрывать скважины.

Фишер насупился.

— Хитро как-то. А если бур заденет оболочку бомбы?

— И ничего не будет, — заверил его Харри. Джон стал объяснять:

— Мы использовали пластиковую взрывчатку. А она срабатывает только от электрического разряда определенной силы тока и определенного напряжения. Поэтому можешь не беспокоиться, Франц, — детонации от удара или от нагрева просто не будет, потому что не может быть.

— Кстати, — добавил Харри, — сверла рассчитаны на лед, и когда бур доберется до взрывпакета, он ему ничего не сделает: корпус-то из стали.

— Ладно, вскрыли скважину, — не успокаивался явно недоверчивый немец. — А как вытаскивать бомбы будем? За цепочку тянуть станем, как рыбку, угодившую на крючок?

— Что-то в этом духе.

— Не сходится что-то у вас. Вы же собираетесь бурить, а пока дрель доберется до бомбы, сверло сжует всю цепь.

— Не сжует, если мы возьмем сверла поменьше. Диаметр скважины — десять сантиметров. А диаметр стального цилиндра, в котором находится взрывчатка, — пятьдесят два миллиметра. Если бурить сверлами семидесятишестимиллиметрового диаметра, то можно цепь и не задеть. Она же тяжелая, значит, легла на нижнюю стенку ствола — мы же бурили слегка наискось. А теперь возьмем повыше.

Франца Фишера все равно что-то беспокоило.

— Даже если вы вскрыете ствол и не порвете цепь, и цепь, и бомба будут все равно залиты льдом. Они же успели вмерзнуть в айсберг.

— Прицепим верхний конец цепи к снегоходу и дернем. Цилиндр должен будет выскочить из скважины.

— Ничего у вас не выйдет, — упорствовал Фишер.

Харри кивнул:

— Может, ты и прав.

— Должен быть другой способ.

— Скажи какой.

Вмешался Брайан:

— Нельзя же просто махнуть на все рукой и лениво ждать конца. Мы так не можем, Франц. Тогда вся эта тягомотина просто была ни к чему. — Он повернулся к Харри. — Но если все получится и мы вытащим эти бомбы из льда, управимся ли мы за десять часов хотя бы с десятком зарядов?

— Попробовать надо, — только и сказал Харри, решив, что у него нет никаких стоящих причин подыгрывать унылой дуде не надеющегося на хорошее Фишера.

— Пускай не десять, — вмешался Пит Джонсон, — пусть только восемь. Не восемь, так хотя бы шесть. Чем больше мы сделаем, тем больше шансов на спасение.

— Ладно, положим, все получилось так, как вы оба хотите, — его акцент становился все заметнее с каждым новым аргументом, который он находил против плана Пита и Харри, — ну и что мы выиграем? Мы останемся на льду, а куда его понесет, бог весть. У нас даже топлива только на сутки. Все равно замерзаеть.

Поднимаясь на ноги, Рита воскликнула:

— Франц, кончай строить из себя адвоката дьявола. Не знаю, чего ради ты несешь ахинею. Ты ж мужик. Можешь помочь нам выжить. А откажешься помогать, нам, быть может, как раз твоей доли труда не хватит, и мы все погибнем. Тут нет лишних. Нет лучших и худших. Никто не должен считать себя балластом. Мы нуждаемся в каждом, все должны тянуть общую лямку.

— Вот это-то я и чувствую, — сказал Харри, нахлобучивая капюшон и затягивая его шнурком. — И раз уж решили пробовать, можно пытаться выиграть какое-то время, разрядив хоть пару этих бомб, ладно, пускай их будет только три или четыре, — все равно это — шанс. Это значит, что имеется отличная от нулевой вероятность спасения, и грех этого не

учитывать. Мы же не знаем, что будет завтра. Может получится так, что мы будем спасены даже быстрее, чем это представляется мыслимым сейчас.

— Да как это? — спросил Роджер.

— А тральщики...

Пристально глядя на Риту и ничуть не сбавляя задиристости тона, будто соперничая с Харри в борьбе за поддержку Риты, Фишер сказал:

— Ты же только что разговаривал с Гунвальдом, и вы оба пришли к выводу, что на траулеры надежды мало, вы согласились, что они просто не успеют к нам.

Харри покачал головой:

— Судьба наша не высечена на камне. Мы — народ разумный. Мы в силах взять свою судьбу в свои руки, надо только решиться и вложить в дело душу и сердце. Если хотя бы один из тех двух капитанов окажется бравым молодцом, да еще *пошлет все куда подальше*, да еще команда у него подобрана из орлов один круче другого, да еще если ему немножко повезет, он вполне к нам пробьется.

— Уж слишком много «если», — сказал Роджер Брескин.

Фишер оставался мрачен.

— Да будь он даже самый лихой Морской Трубадур, и пусть зовут его Хорейшо Хорнблоуэр, то и тогда я поверю в какие-то шансы, если мне скажут, что это — не простой смертный человек, а некая сверхъестественная сила, покровительствующая стихиям моря.

— Добро, — сказал Харри. — Положим, что этот Хорейшо Хорнблоуэр в самом деле дружит с водяными и русалками. Тогда, — по голосу Харри было заметно, что он еле сдерживает себя, — этот морской волк имеет шанс притащить свою посудину сюда. Так вот, коль уж он нарисуеться завтра на горизонте, и на ветру заполошутся все флаги и кругом будут бить колокола, я намерен суметь на смущаясь поздороваться.

Все молчали.

Харри спросил:

— А что остальные?

Никто не захотел с ним спорить.

— Нормально, у нас каждые руки на счету, работы с выковыриванием бомб на всех хватит, — подвел итоги собрания Харри, поудобнее пристраивая очки с подсвеченными стеклами к капюшону. — Рита, ты побудешь тут? Надо за радио следить, скоро Гунвальд в эфире появится.

— Конечно.

Клод проронил:

— Кому-то, наверное, стоило бы закончить раскопки в развалинах лагеря, пока их еще не совсем занесло снегом.

— Я и это беру на себя, — сказала Рита.

Харри двинулся к зеву пещеры.

— Давайте пошевеливаться. В моих ушах так и стоит это тиканье шестидесяти часовых бомб. Мне совсем не хочется оказаться с ними рядом, когда откажет сигнализация.

Тюрьма

14 ч. 30 мин.

За девять с половиной часов до взрыва

Попробовав прилечь, Никита Горов уже через минуту-другую понял, что расслабиться не сможет, что никакой отдых ему недоступен. И это значило, что надежды на обретение мира и покоя в беспамятстве сна тщетны. Стоило прикрыть глаза, и он сразу же видел своего малыша, маленького Николая, Нику, Никки. Сын бежал к нему, а все вокруг затягивала какая-то желтоватая дымка. Но как бы ни торопился Ника к отцу и сколько бы времени ни длился

его бег и как бы ни старался большой дотронуться до маленького, расстояние между ними не желало сокращаться; между ними всегда оставалось метра три или три с половиной, но каждая пядь этого промежутка была бесконечной. Капитану хотелось хотя бы дотронуться до сына, но их разделяла та непроницаемая вуаль, что отгораживает жизнь от смерти.

Не сумев сдержать вздох отчаяния, Горов открыл глаза и поглядел на фотоснимок в серебряной рамке, стоявший на столе: Николай и Никита Горовы на палубе прогулочного катера, за спинами — Москва-река, а рядом — музыкант, развернувший меха баяна. Временами, когда прошлое давило совсем уж невыносимо, тогда и эта фотография действовала на Горова угнетающе. Но он не убирал ее со стола. Он не мог спрятать фото в ящике письменного стола или убрать его в шкафчик, точно так же, как не стал бы отрубать себе правую руку — маленький Ника чаще всего цеплялся именно за правую ладонь.

Почувствовав внезапный прилив нервной энергии, он рывком вскочил с койки. Стоило бы пройтись быстрым, резким шагом, но здешняя квартирка его была для этого чересчур тесна. В три шага он одолел узенький неф, отделяющий его постель от шкафчика. Выходить из капитанской каюты никак нельзя: команде незачем знать, что капитан тоже иногда бывает расстроен. А то он, конечно, вышел бы в кают-компанию, там места побольше.

Он опять сел на кровать. Взяв фотографию обеими руками, Горов начал вглядываться в нее — будто бы, будучи лицом к лицу со снимком — и со своей мучительной утратой, — можно было как-то смягчить боль в сердце и успокоиться.

Еле слышно он сказал золотоволосому мальчику на фотографии:

— Не виноват я в твоей смерти, Ника.

Горов знал, что ему не в чем было винить себя. Он верил в это, что было куда важнее просто знания. И все равно океаны вины заливали его нескончаемым, разъедающим душу прибоем.

— Я знаю, что ты меня не винишь и никогда не винил меня ни в чем, Ника. Но я хотел бы, чтобы ты сам мне сказал это.

* * *

Июнь тогда как раз перевалил за середину, было это семь месяцев тому назад. «Илья Погодин» находился в очередном разведывательном походе в Средиземном море, выполняя сверхсекретное задание по электронному наблюдению за обстановкой в регионе. Лодка должна была пробыть за пределами внутренних вод, преимущественно в погружении, шестьдесят дней. Сейчас она застыла под водой неподалеку от египетского побережья — в четырнадцати километрах к югу от Александрии. Через выброшенную на поверхность моря многочастотную мультисканальную выносную антенну в банки данных судовых ЭВМ закачивались все новые и новые килобайты данных, важных и прочих.

Наступало пятнадцатое июня, и в самом начале суток, в два часа ночи поступило сообщение из Москвы: Министерство Военно-Морского Флота направило текст в Разведывательное управление ВМФ в Севастополе, а крымчане передали шифровку на подлодку. Получение шифрограммы требовалось подтвердить, а это значило, что «Илья Погодин» должен будет нарушить радиомолчание. Событие небывалое, поскольку в таких старательно утаиваемых предприятиях соблюдение режима радионевидимости считалось совершенно обязательным и чем-то само собой разумеющимся: незачем знать кому не полагается о его, ее или их предполагаемом уединении.

Горов был разбужен офицером связи, несущим ночную вахту, сразу же, как только шифровальщик декодировал полученное послание. Сев, капитан уставился в желтоватый листок бумаги.

Сначала шли координаты: долгота и широта. Потом приказ: встретиться через двадцать два часа с исследовательским судном класса «Восток» — корабль этот, «Петр Вавилов», в это время будет находиться в той части Средиземного моря, где «Погодин» выполняет задание. Горов ощутил приятно щекочущее любопытство: полуночное свидание в открытом море куда

больше походило на предания о рыцарях плаща и кинжала, чем на те хитроумные приемы, к которым по привычке Горов в век электронного шпионажа. Но то, что он прочел следом, мгновенно прогнало не только сон и любопытство, а заставило вскочить с постели. Его бросило в дрожь.

ВАШ СЫН ТЯЖЕЛОМ СОСТОЯНИИ КРЕМЛЕВСКОЙ БОЛЬНИЦЕ ТЧК ВАМ НЕОБХОДИМО СРОЧНО ЯВИТЬСЯ МОСКВУ ТЧК МЕРЫ ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ВАШЕ ПРИБЫТИЕ ПРИНИМАЮТСЯ ТЧК КОМАНДОВАНИЕ СУДНОМ ПЕРЕДАТЬ ПЕРВОМУ ПОМОЩНИКУ ЖУКОВУ ТЧК ПОДТВЕРДИТЕ ПОЛУЧЕНИЕ

Горов спешно сдал дела Жукову и в полночь перебрался на научно-исследовательский корабль «Петр Вавилов». Вертолет, взлетевший с палубы исследовательского судна, доставил капитана в Дамаск, а там его посадили на спецрейс: российский самолет вылетал из столицы Сирии в Москву с грузом дипломатической почты. Полет был плановым. В три часа дня шестнадцатого июня Горов приземлился в аэропорту Шереметьево.

У стойки для встречающих Горова дожидался Борис Окуджава, сотрудник военно-морского министерства из высокопоставленных аппаратчиков. У этого человека были серые глаза того грязноватого оттенка, что бывает у воды, в которой прополоскали слишком много белья. Бородавка величиной с вишню возле самого носа, слева, придавала физиономии функционера некоторую асимметрию.

— Машина у выхода, товарищ Горов.

— Что с Никой? Что стряслось с моим сыном?

— Я — не врач, товарищ Горов.

— Но, наверное, что-то вам известно?

— По-моему, нам не стоит зря терять время. Поговорим в машине, по пути, товарищ.

— "Товарищей" уже нет, — на ходу бросил Горов. Они как раз выходили из багажного отделения.

— Виноват. Привычка.

— Всего лишь?

Хотя и социальная, и экономическая политика коммунистов полностью провалилась, хотя никто уже не отрицал фактов расхитительства и массовых убийств, далеко не одни лишь правоверные приверженцы обанкротившейся идеологии мечтали о восстановлении былых порядков. Таких тоскующих по прошлому людей хватало во многих ключевых институтах общества, немалым влиянием они пользовались, например, в индустрии ядерных вооружений, тем более что производство боеголовок и баллистических ракет ничуть не пошло на убыль. Немало было таких, для кого отвержение твердолобой марксистской идеологии стало лишь спасительной уловкой, к которой прибегали, чтобы уцелеть, однако такие люди, нехотя признавая, что власть перешла к более демократическим силам, и не думали меняться. Они изображали рвение да и вроде бы в самом деле трудились во благо новой России, но не желали расставаться с надеждами отвоевать для себя Верховный Совет.

На выходе из шумного, переполненного народом аэропорта, как только они оказались на улице, где стояла погода, обычная для поздней весны, Окуджава сказал:

— Следующая революция должна совершаться ради большей свободы. Уж очень мало мы продвинулись, если считать, что продвинулись вообще. Слишком много старой *номенклатуры*¹ остается у власти. Они строят из себя приверженцев демократии, расхваливают капитализм на каждом углу, а сами подкапываются под него.

Горов не стал поддерживать эту тему. Борис Окуджава актером был никудышным. Чрезмерная пылкость его речей нимало не сумела прикрыть его истинные настроения: уродливая бородавка красовалась у носа, словно бы подтверждая давно замеченную истину: бог шельму метит.

По низкому небу ползли серовато-черные тучи, приближалась гроза.

Немногочисленные мелкие торговцы, сумевшие получить разрешение на свои занятия, пытались сделать бизнес на подходах к аэропорту. Кое-кто торговал прямо с грузовиков, у

¹ У автора по-русски.

других были маленькие тележки или переносные прилавки, на которых они раскладывали всякую мелочь: сигареты, конфеты, туристские карты, безделушки. Дело у каждого такого предпринимателя было рискованным, но бойким, и, похоже, что эти торгаши, по крайней мере, некоторые из них, должны преуспевать. Но все они были очень плохо одеты, походя не на бизнесменов, но чуть ли не на оборванцев. Тут скорее всего срабатывала привычка: еще совсем недавно процветание считалось чем-то предосудительным, едва ли не преступлением. Более того, за мелкую торговлю, вроде той, что шла теперь у аэропорта, сажали, а то и казнили. У многих граждан новой России еще слишком свежи были воспоминания о неприятностях, которыми нередко оборачивается недолгое преуспевание, тем более что злобная зависть неотесанного чиновничества к деловым людям не благоприятствовала забывчивости.

Машина, присланная из Министерства, стояла прямо перед зданием аэропорта, в неположенном месте, с незаглушенным двигателем. Как только Окуджава с Горовым уселись на заднем сиденье и закрыли дверцы, водитель — юноша в форме моряка — с ходу ударил по газам.

— Что с Ники? — спросил Горов.

— Его положили в больницу месяц назад, тридцать один день уже прошел. Думали сначала, что кровь плохая, подозрение на моноклеоз или грипп. Мальчик потел, у него кружилась голова. И так его тошнило, что он даже пить отказывался. В больнице вводили ему питание внутривенно, чтобы не допустить обезвоживания организма.

При опозорившемся режиме здравоохранение находилось в исключительном ведении властей — и все равно оставалось ужасающим, даже по меркам слаборазвитых стран Третьего мира. В больницах, по большей части, не хватало даже стерилизаторов для обработки медицинского инструмента. Диагностическое оборудование вообще слыло невероятным дефицитом, а отпускаемые на медицину средства преступно транжирились. Сестры пользовались многоразовыми грязными иглами для подкожных инъекций, несмотря на то что вышли все мыслимые сроки, а поскольку стерилизация оставляла желать лучшего, зачастую укол не исцелял, заражал больного какой-нибудь дополнительной инфекцией типа гепатита. Крах бывшего строя явился благословением, однако бесславно ушедшая власть оставила страну разоренной, так что за последние годы качество медицинского обслуживания стало еще ниже.

Горов поехал от одной мысли о малыше Никки, вверенном попечению врачей, которых учили в заведениях, оснащенных ничуть не лучше и нисколько не современнее, чем те больницы, где они после своих вузов работали. Кто спорит, не бывает родителей, которые не молили бы бога о даровании их чадам крепкого здоровья, однако в новой России, как и в той империи, что существовала прежде, такое событие, как госпитализация ребенка, не просто заставляло беспокоиться за обожаемое дитя, но ввергало в страх, если не в отчаяние.

— Вас не поставили в известность, — продолжал Окуджава, потирая кончиком указательного пальца свою пылающую рубиновым огнем бородавку, — потому что вы выполняли весьма ответственное задание. И к тому же положение не казалось предельно критическим.

— Но если это не инфекционный моноклеоз и не грипп, то что? — перебил его Горов.

— Эти диагнозы не оправдались. Потом подозревали ревматизм — ведь у ребенка жар.

Горов слишком давно служил в подводном флоте и командовал людьми, чтобы не научиться не показывать виду при столкновении с любыми неприятностями, будь то сбой в машинном отделении или противостояние враждебной морской стихии. Никита Горов умел оставаться внешне спокойным, даже когда внутри его все бушевало, вот как сейчас, когда душу терзали мучительные картины: его сын, перепуганный, одинокий, страдает от боли в больничной палате, по которой бегают тараканы.

— Но и эти подозрения не подтвердились, — сказал он полувопросительно.

— Так точно, — продолжил Окуджава, все еще ковыряя свою бородавку и глядя в

затылок водителю. — Жар и другие симптомы пошли на спад, и некоторое время казалось, что Николай поправляется. Дня четыре он чувствовал себя неплохо. Но потом жар опять стал мучить мальчика. Назначили новое обследование. И... дней восемь назад нашли злокачественную опухоль в мозгу.

— Рак, — глухо произнес Горов.

— Опухоль слишком велика, чтобы устранить ее хирургическим путем, а радиотерапия запоздала — болезнь зашла слишком далеко. Как только стало ясно, что состояние Николая ухудшается, мы решились прервать ваше радиомолчание и вернуть вас из похода. Надо поступать по-людски, пусть мы и рискуем сорвать важное задание. — Он замолчал и наконец повернул лицо к Горову. — Прежде, разумеется, никто бы не осмелился подумать даже, что можно пойти на такой риск. Но теперь настали времена получше. — Последняя фраза была произнесена с такой неприкрытой фальшью, что можно было заподозрить Окуджава в том, что он лелеет на груди серп и молот, знамение всего того, чему он искренне и истинно привержен.

Горова мало тревожила тоска Бориса Окуджава по кровавому прошлому. Да и демократия его не особенно заботила, плевать ему было на все — он думал о Нике. На шее, у затылка, выступил холодный пот, словно Смерть прикоснулась к нему ледяными пальцами.

— Нельзя ли вести машину побыстрее? — спросил он у молодого человека в морской форме за рулем.

— Осталось совсем чуть-чуть, — заверил его Окуджава.

— Ему всего восемь, — сказал Горов, обращаясь скорее к себе, чем к своим спутникам. Никто ему не ответил.

В зеркальце заднего вида машины Горов видел лицо водителя. Глаза молодого человека глядели на него с таким чувством, которое, наверное, можно было назвать жалостью.

— Сколько ему еще осталось? — спросил Горов, хотя и предпочел бы не слышать заведомо ясного ему ответа.

Окуджава заколебался. Потом все же произнес:

— Его может не стать с минуты на минуту.

Горов и без того понимал, что Ника умирает, еще с тех минут, когда в капитанской каюте «Ильи Погодина» читал расшифрованную депешу. Адмиралы, конечно, не были ни людоедами, ни извергами рода человеческого, но, с другой стороны, Министерство не разрешило бы помешать выполнению ответственного задания в Средиземноморье, не будь положение совершенно безнадежным. Потому на всем стремительном пути своем в Москву Горов старательно готовил себя к такой новости.

Лифты в больнице не работали, и Борис Окуджава повел Горова черным ходом, по грязной, плохо освещенной лестнице. Окна на лестничных площадках давно не мыли, их стекла были густо засижены мухами.

Подниматься пришлось на седьмой этаж. Дважды Горов останавливался, когда ему казалось, что у него дрожат колени, но оба раза, на миг поколебавшись, заставлял себя продолжать свое скорбное восхождение.

Никки лежал в палате на восемь больных, в которой было еще четверо умирающих детишек. Кроватка крошечная, простыни застираны, изношены и в пятнах. Ни установки контроля электроэнцефалограммы, ни чего-нибудь еще из медицинского оборудования поблизости не было. Решили, что все равно конец, и бросили в палату для умирающих. Вот где его сыну суждено провести последние свои мгновения на этом свете. За здравоохранение все еще отвечало государство, а ресурсы сокращались и сокращались до предельной крайности. Это означало, что врачам приходилось сортировать больных, раненых, покалеченных по стандартам излечимости и пользоваться их соответственно этой немилосердной классификации. Кто же будет самоотверженно спасать пациента, если шанс, что тот выздоровеет, не превышает пятидесяти процентов?

Малыш был ужасающе бледен. Восковая кожа. Серовато-седой налет на губах. Глаза закрыты. Золотые кудри липкие, свалявшиеся от пота.

Дрожа, как старик-паралитик, все меньше будучи в состоянии сохранять самообладание флотского офицера, к тому же подводника, Горов подошел к кровати и застыл над ней, вглядываясь в единственное свое дитя.

— Ника, — проговорил он неуверенным, еле слышным голосом.

Мальчик не ответил и не открывал глаз. Горов присел на краешек кровати. Положил ладонь на ручонку ребенка. Еще теплую.

— Ника, я пришел.

Кто-то коснулся его плеча, и Горов вздрогнул. За спиной стоял врач в белом халате. Он указал на женщину у противоположной стены палаты.

— Вот кому вы сейчас очень нужны.

Это была Аня. Горов был так поглощен мыслями о Никки, что не заметил жену. Она стояла у окна, делая вид, что рассматривает прохожих, снующих по бывшему Калининскому проспекту.

То, как она держала голову, свидетельствовало о глубине охватившего ее отчаяния. Исподволь до него доходил смысл сказанных доктором слов. Они означали, что Никки уже умер. Уже не скажешь: «Я люблю тебя» в последний раз. Поздно, уже не будет последнего поцелуя. Слишком поздно: он не скажет, поглядев в последний раз в глаза ребенка: «Я всегда тобой гордился». Поздно, поздно. Не будет последнего «прости».

Да, Ане он сейчас был очень нужен. Но у него не было сил подняться с краешка постели — словно он все никак не мог поверить, не мог осознать, что смерть Никки — это навсегда. Он произнес ее имя, и, хотя позвал он ее еле слышным шепотом, она сразу же повернулась к нему. Глаза залиты слезами. Губы искусаны в кровь — чтобы не плакать. Анна сказала:

— Я хотела, чтобы ты был тут.

— Мне сообщили только вчера.

— Я совсем одна была.

— Знаю.

— Так боялась.

— Знаю.

— Лучше бы я сама, а не он... — сказала она. — И ничего... ничего теперь не сделаешь... Ему ничего уже не надо.

Ему наконец достало силы подняться с постели. Оторвавшись от детской кровати, он подошел к жене и обнял ее. И она в ответ обняла его. Крепко-крепко.

Но маленькие страдальцы, умиравшие в палате, оставались безучастны к присутствию Горова и Анны — трое детей находились в состоянии беспамятства и безразличия к происходящему. Лишь одна живая душа, которая обратила внимание на чужое горе, принадлежала девочке. Ей было лет восемь или девять, у нее были каштановые волосы и огромные выразительные глаза. Она полулежала на соседней кровати, опираясь плечиками на подушки, изможденная, словно столетняя старуха.

— Все — хорошо, — сказала она Горову. И несмотря на страшный недуг, изуродовавший и обессиливший ее тельце, голосок ее прозвучал нежно и музыкально. — Вы свидитесь с ним. Он теперь на небе. Ждет вас там.

Никите Горову, воспитанному советской властью в пренебрежении к религии, вдруг захотелось обрести веру — столь же простую и крепкую, как та, что прозвучала в словах девочки. Он считал себя атеистом. Он был очевидцем, на какие чудовищные деяния способны вожди народов, возмнившие, что веруют в то, что бога нет; ему было понятно, что нет надежды на справедливость в мире, отринувшем понятие о божественном воздании и о жизни после смерти. Бог *должен* существовать, иначе человечество не сумело бы справиться с собой и давно бы уже погибло. Аня плакала у него на плече. Он, крепко обнимая ее, гладил ее золотые волосы.

Небо в похожих на кровоподтеки пятнах вдруг разверзлось, обрушивая потоки дождевой воды. Капли застучали по подоконнику, запрыгали по окну, стали растекаться по

стеклу, размывая пейзаж за окном.

До конца того страшного лета они пробовали отыскать хоть что-нибудь, над чем можно было бы посмеяться. Они ходили в театр на Таганке, на балет, в мюзик-холл, в цирк. Не единожды танцевали они в большом павильоне в парке Горького и до изнеможения, как дети, старающиеся не пропустить ни единого удовольствия, развлекались на аттракционах Сокольнического парка. Каждую неделю они ходили в «Арагви», едва ли не самый знаменитый ресторан в городе, и там Аня училась вновь улыбаться за порцией мороженого с вареньем, а Никита там же постепенно превращался в знатока и ценителя *сациви*¹ — это обильно сдобренный приправами цыпленок, которого тушат в ореховом соусе. В этом ресторане они пили слишком много водки, запивая ею икру, и слишком много вина, заедая его *сулугуни*² с хлебом. И каждую ночь они пылко любили друг друга, любовь походила на взрыв, словно страстью своей они рассчитывали перечеркнуть страдания, рак, смерть.

Хотя она так никогда и не стала прежней беззаботной Аней, все же, по сравнению с ним, она приходила в себя быстрее. Ведь ей было только тридцать четыре года, она была на десять лет моложе Никиты, живее его, бодрее духом. А самое главное — она не испытывала чувства вины, которое давило на него, словно свинцовое ярмо, повешенное на шею. Он понимал, что Никки в последние свои недели на этом свете и особенно в последние часы должен был все время спрашивать об отце и звать его. Понимая это, Горов не мог избавиться от ощущения, что он бросил дитя, он как бы предал единственного сына, не сумел его спасти. Несмотря на необычные для нее паузы в разговоре, когда ее молчание становилось еще глубже из-за какой-то новой серьезности в глазах, Аня постепенно вновь обретала былой задор и бодрость духа. А вот Никита только притворялся оправившимся.

В первую неделю сентября Аня вернулась на работу. Она занималась ботаникой и работала научным сотрудником большой лаборатории, ведущей полевые исследования и расположенной в густом сосновом лесу в тридцати шести километрах от Москвы. Работа стала для нее еще одним способом забыться. Уходя на работу рано, она допоздна засиживалась в лаборатории.

Хотя ночи и выходные дни они по-прежнему проводили вместе, Горов теперь чувствовал себя уж очень одиноко. В квартире каждая мелочь напоминала о прошлом, принося боль, как, впрочем, и дача, которую они сняли за городом. Он пытался подолгу гулять, но чуть ли не всегда прогулка завершалась зоопарком или музеем, а если он пытался обойти эти места, на глаза попадался другой городской пятак, памятный тем, что они с сыном когда-то тут побывали.

Сын ему то и дело снился, а уж из головы и вовсе не выходил. Горов часто просыпался за полночь, а потом лежал в темноте, снедаемый мучительным ощущением пустоты. Когда он видел сына во сне, Ника всегда спрашивал, а почему отец бросил его.

Восьмого октября Горов направился к непосредственным своим начальникам в Министерстве и попросил вновь назначить его на судно «Илья Погодин». Лодка как раз стояла в Калининграде, проходя в тамошнем доке плановую профилактику. Кроме того, субмарину предполагалось оснастить новой техникой — исполненным по спецзаказу и использовавшим уникальные разработки комплексом для электронного мониторинга. Вернувшись к своим служебным обязанностям, Горов с головой ушел в контроль за монтажом, за которым последовала приемка, а там и опробование нового разведывательного оборудования; по ходу испытаний лодка прошла в середине декабря под волнами Балтики — сравнительное мелководье и, следовательно, редкий штиль давали возможность довольно просто и быстро определить все слабые места новой техники.

Новый год он встретил дома, в Москве, с Аней, но в город они не выходили. По обычаю, в России этот праздник считается прежде всего детским. К тому же за Новым годом следуют школьные каникулы. В эти дни мальчишки и девчонки попадают повсюду, на каждом шагу: в кукольном театре, на балетном спектакле, в кино, возле уличных елок, где

1 В оригинале по-русски.

2 В оригинале по-русски.

часто дают представления для детворы, дети заполняют все парки. В эти дни даже Кремль распахивает для них свои ворота. И на каждом углу — малыши: они хвастаются друг другу подарками, полученными *от Деда Мороза*. Но Никита и Аня этих зрелищ предпочли не видеть. Целыми днями они сидели в своей трехкомнатной квартире. Раза два они занимались любовью. Аня наготовила армянских мясных пирожков, зажаренных в расплавленном жире, и они их с большим удовольствием запивали сладким вином.

В поезде, идущем в Калининград, он проспал всю ночь. Покачивание вагонов и ритмичный стук колес о рельсы, надеялся Никита, подарят ему крепкий, глубокий, без сновидений сон. Но надеялся зря: он просыпался дважды, с именем сына на устах, со сжатыми кулаками, в холодном поту.

Самое страшное горе для любого человека — пережить собственное дитя. Рушится весь природный порядок вещей.

Второго января он вывел «Илью Погодина» в открытое море, предстояло выполнить секретнейшее задание по электронному шпионажу. Из похода они вернутся только через сто дней. Горов готовился провести четырнадцать недель в глубинах Северной Атлантики и рассчитывал, что этого времени хватит, чтобы как-то стряхнуть с себя все еще мучившее его горе и непреходящую вину.

По ночам Ника продолжал посещать его, проникая через многотонные и многометровые толщи соленой воды над лодкой, преодолевая темные морские просторы и добираясь до самых недр души своего отца, мучая его одним и тем же вопросом, на который нечего было ответить:

— *Почему ты бросил меня, папа? Почему тебя не было рядом, когда ты мне был так нужен? Почему ты не приходил — мне было так страшно и я звал тебя? Я тебе не нужен, папа, да? Я не нужен тебе? Почему ты не помог мне? Почему ты не спас меня, папа? Почему? Почему?*

* * *

Кто-то тихонько стучался в дверь каюты. Но, подобно тому, как еле слышная нота отдается раскатами благовеста в пустоте внутри бронзового колокола, так и этот вежливый стук отзывался негромким, но внятным эхом в крошечной каюте.

Горов вернулся из прошлого и поглядел поверх фото в серебряной рамке.

— Кто там?

— Тимошенко. Разрешите войти?

Капитан отложил фотографию и отвернулся от стола.

— Входите, лейтенант.

Дверь отворилась.

— Мы получили ряд сообщений, которые необходимо предоставить лично вам для ознакомления.

— О чем?

— Касательно ученых экспедиции Организации Объединенных Наций. База у них называется станцией Эджуэй. Вспомнили?

— Разумеется.

— У них, кажется, неприятности.

14 ч. 46 мин.

Харри Карпентер закрепил стальную цепь в карабине, а карабинный зажим накинуд на полукольцо, приваренное к раме снегохода сзади.

— Ну, теперь нам бы еще чуточку везения.

— Держит, — сказал Клод, подергав цепь. Он стоял на коленях рядом с Харри, спиной к ветру.

— А я и не боюсь, что она порвется, — в тон ему сказал Харри, устало вставая на ноги и потягиваясь.

Цепочка и впрямь выглядела слишком изящно — такую мог бы изготовить какой-нибудь ювелир. Но она выдерживает больше полутора тонн груза: ее испытывали на разрыв, подвешивая к ней тысячу восемьсот кило. Потому цепи придется как нельзя лучше справиться с поставленной задачей, тем более что под рукой все равно нет ничего получше.

Снегоход подогнали к вскрытой скважине буквально вплотную. За слегка запотевшим плексигласовым ветровым стеклом виднелось лицо Роджера Брескина, готового двинуть машину вперед, как только Харри, которого Брескин высматривал в зеркальце заднего вида, подаст знак.

Натянув снегозащитную маску на нос и губы, Харри просигналил Роджеру: «Давай!», а потом отвернулся от ветра и уставился на аккуратную круглую дырочку во льду.

С другого боку подле той же вскрытой скважины стоял на коленях Пит Джонсон, ждавший, когда снегоход отъедет и будет видно, как поднимается бомба и хочет ли она вылезти наверх вообще. Брайан, Фишер и Лин сидели в другом снегоходе, грелись.

Запустив двигатель и опробовав его, так что тот несколько раз взревел, Роджер отжал сцепление и нажал на газ. Машина сместилась на метр от места, где стояла. Двигатель нервно реагировал на потуги водителя, и на какое-то мгновение вой и чихание мотора заглушили визг ветра.

Цепь натянулась так туго, что Харри подумал: коснись ее, и она издаст самую высокую ноту, почище любого оперного сопрано.

Но бомба не шелохнулась. Не сдвинулась ни на единый сантиметр.

Цепь задрожала. Роджер подбавил газу.

Уже забыв, что говорил он Клоду, Харри стал бояться, что цепь вот-вот рванет.

Сани кряхтели и выли — предел мощности.

С треском, похожим на выстрел из ружья, звенья цепочки прорвали полусантиметровую толщу свежего льда, отделявшего тонюсенькую скважину от более широкого прежнего ствола, куда цепь успела вмерзнуть. Звенья выходили из скважины друг за другом, значит, и цилиндр с пластиковой взрывчаткой подался за ними, решив расстаться со своим ледовым ложем. Снегоход полз вперед, цепь подавалась все выше и выше, будучи невероятно туго натянутой, и бомбе не оставалось ничего иного, кроме как повиноваться и следовать за цепью, со скрипом и скрежетом обдирая внутреннюю поверхность скважины.

Пит Джонсон поднялся с колен и, когда к нему подошли Харри с Жобером, присел над круглой дырой во льду. Запустив узенький лучик фонарика в чернеющий под ним тонкий колодец, Пит дождался, пока наконец из скважины не выглянул заряд. И тут он махнул Брескину — хорош, мол, кончай! Потом, ухватившись за цепь обеими руками, наполовину вытащил тубус со взрывчаткой из ствола, а подоспевший Харри подхватил цилиндр с днища, и общими усилиями они извлекли бомбу на свежий воздух. Потом положили ее на лед.

Одна готова. На очереди еще девять.

14 ч. 58 мин.

Гунвальд Ларссон как раз доливал в кружку с кофе молоко из консервной банки, когда пришел вызов с военной базы армии США в Туле, остров Гренландия. Отставив банку в сторону, Ларссон заспешил к радиостанции.

— Эджуэй слушает. Ларссон на связи. Понял вас. Слышу вас хорошо. Продолжайте, прошу вас. Прием.

У офицера-связиста в Туле был такой сильный и тягучий голос, что, казалось, не страшны ему даже электростатические помехи.

— Удалось ли вам услышать хоть еще раз ваших заблудших овечек?

— Нет. Мы не связывались. У них много работы. Госпожа Карпентер оставила радиостанцию, чтобы завершить розыски в развалинах лагеря. Надеется найти что-нибудь подходящее. Не думаю, что она скоро выйдет на связь. Разве что, если вдруг там что-то стрясется.

— Как погода на Эджуэй?
— Жуть.
— И тут так. И, видимо, будет еще хуже. Прежде чем кое-что станет улучшаться. Скорости ветров и высоты волн побивают все рекорды в соревновании между штормами Северной Атлантики.
Гунвальд уныло поглядел на радио.
— Уж не хотите ли вы мне сообщить, что эти траулеры ООН повернули назад?
— Одному пришлось повернуть.
— Но ведь эти тральщики МГГ еще два часа назад шли на север?
— Судно, которое называется «Мелвилл», старше «Либерти»¹ лет на десять-двенадцать. И хотя «Мелвилл», быть может, и в состоянии выбраться и не из такой бури, как эта нынешняя, но идти навстречу шторму, против ветра корабль не может. И машина не такая сильная, и конструкция не очень прочная. Капитан боялся, что если он не положит судно на обратный курс, то оно рассыплется.
— Однако он вроде бы все еще в штормовой зоне.
— Ну, моря даже там беспокойные.
Гунвальд провел рукой по вдруг повлажневшему лицу и вытер ладонь о брюки.
— А «Либерти» идет прежним курсом?
— Да. — Американец замолчал. Радио посвистывало, потрескивало электрическими разрядами, шипело, словно эфир изобиловал змеями. Потом тягучий голос произнес: — Смотрите. Знаете, на вашем месте я так бы не цеплялся своими упованиями за «Либерти».
— У меня нет другой соломинки.
— Да уж. Но шкипер этой второй посуды ненамного увереннее, чем капитан тральщика «Мелвилл».
— И, догадываюсь, вертушку в воздух вы пока пустить не можете, правда? — спросил упавшим голосом Гунвальд.
— Вся техника на приколе. Вертолеты в ангарах.
И добро на полет получают не скоро. Нам это, может быть, и не по вкусу, но что делать? Громкоговоритель крикнул и шелкнул — электростатические поля.
Гунвальд ничего не сказал.
Наконец, заметно обеспокоенным голосом офицер с Туле произнес:
— Знаете, «Либерти» все же имеет шанс. Будем надеяться.
Гунвальд вздохнул.
— Я не могу, понимаете, не могу сказать своим про «Мелвилла». Не смею. Не сейчас.
— Как знаете.
— Если и «Либерти» повернет назад, что ж, тогда скажу. Сейчас не хочу их расстраивать. Надежда ведь остается. Какая-то.
В ответ из Туле слышалось:
— Мы все за них. В Штатах все выпуски новостей с них начинаются. Газеты тоже. Миллионы людей за них.

15 ч. 05 мин.

Узел дальней связи подлодки «Илья Погодин» сиял всеми цветами радуги — такая красочность обстановки в одном из отсеков боевого подводного судна возникала благодаря экранам видеотерминалов, на огромные плоскости которых выводились декодированные уже результаты радиоперехвата, ставшего возможным благодаря антенне основного радионаблюдения, что качалась теперь на морских волнах в тридцати метрах над заполненным красочными сполохами помещением. Операторские пульта для ввода-вывода данных высвечивали все основные цвета. В одном углу этой напичканной добром каюты трудилось двое техников. А Тимошенко беседовал с Никитой Горовым у двери.

¹ Герман Мелвилл (1819 — 1891) — американский писатель, «Либерти» — свобода (англ.).

Хотя вычислительные машины субмарины непрерывно сортировали и отправляли в банки данных на хранение сотни сообщений, касающихся самых разных тем, все же поток данных, так или иначе связанных с Эджуэйским кризисом, был замечен и непрерывно увеличивался. С консоли в главный компьютер ввели пять ключевых слов: Карпентер, Ларссон, Эджуэй, «Мелвилл», «Либерти». Эта главная ЭВМ должна была создать специальный файл из сообщений, содержащих по крайней мере одно из этих пяти слов.

— Это все? — спросил Горов, дочитав материалы по Эджуэй.

Тимошенко кивнул.

— ЭВМ выдает обновленную распечатку файла каждые пятнадцать минут. Той, что у вас, всего десять минут от роду. Может быть, и появились за это время какие-то незначительные дополнения и добавления. Но главное — у вас на руках.

— Если погода наверху хоть вполовину такая скверная, как они говорят, то и «Либерти» придется повернуть назад.

Тимошенко согласился с этим предположением.

Горов глядел на распечатку, уже не видя ни текста, ни тем более букв, и даже не старался прочесть, что там написано. За черными как ночь буквами, оттиснутыми лазерным принтером, проступал образ мальчика: свеженькое личико, золотая шевелюра, распахнутые объятия. Сын, которого он не сумел спасти.

Наконец, Горов заговорил:

— Я буду в рубке управления. Подождем дальнейших сообщений. Дайте мне знать сразу же по поступлении новых известий на этот счет.

— Слушаюсь.

Поскольку «Погодин» сейчас, по сути дела, не двигался, а практически неподвижно висел в глубине, вахту в рубке управления несли всего пятеро, не считая первого помощника капитана по фамилии Жуков. Трое сидели в черных креслах, вращающихся вокруг осевого винта, следя за стеной напротив, которая представляла собой сплошной ковер из циферблатов, экранов, панелей индикации, рукояток, ручек, ключей, клавиш, кнопок, — а напротив располагался пульт контроля за погружением. Первый помощник Жуков сел на металлический стул в самом центре зала и погрузился в считывание свежайших новостей, которые по его запросам ЭВМ выводила в виде большой таблицы на лицевой панели графопостроителя.

Эмиль Жуков представлял собой единственную вероятную угрозу противодействия тому замыслу, который Горов намеревался осуществить, хотя и не представлял себе пока точного плана во всех деталях. Жукову, единственному среди членов экипажа, были предоставлены полномочия на отрешение капитана от власти в случае недееспособности последнего. Это означало, что если Жуков возомнит, что Горов не в своем уме, не приведи боже, капитан не повинуетя прямым указаниям Военно-Морского Министерства, то Горов может расстаться с капитанским мостиком. Естественно, воспользоваться этим своим правом Жуков решится лишь в крайней нужде. Рано или поздно подлодка вернется из похода, а на родине ее ждет начальство, которому надо будет доказывать правомерность своих действий.

Как бы то ни было, Жуков вполне мог сорвать реализацию плана.

Эмилю Жукову исполнилось сорок два года, и, стало быть, он был ненамного моложе своего капитана, однако в отношениях между ними чувствовалось неравноправие, отличное от надлежащей субординации, — нечто вроде отношений наставника и подмастерья. Роли «учителя» и «ученика» возникли как бы сами собой, и по большей части, по воле Жукова, в чинопочитании. Жуков до того уважал порядок и дисциплину, что выказывал в отношении любого начальства нездоровое благоговение. Будь на месте Горова кто-то иной, мало что бы изменилось: Жуков способен был увидеть светоч знаний и источник мудрости в *любом* капитане. Высокий, худой, длинное продолговатое лицо, напряженные карие глаза, густые темные волосы — все это, на взгляд Горова, придавало его первому помощнику сходство с волком. К тому же осторожность в движениях дополняла манера глядеть прямо в лицо, выражение которого у Жукова при этом казалось алчным. На самом же деле он просто ел

глазами любое начальство и вообще не был ни столь опасен, ни столь ярок, как это могло представиться постороннему человеку. Жуковым Горов не мог быть особенно недоволен: просто хороший человек, настоящий мужчина, надежный, хотя и не хватающий звезд с неба, командир. В обыкновенном раскладе искренняя почтительность к непосредственному руководителю заведомо означала готовность к сотрудничеству — однако никак нельзя было считать верность Жукова своему капитану чем-то само собой разумеющимся, особенно при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Жуков постоянно имел в виду, что, кроме Горова, на свете много другого начальства, поглавнее его командира и, следовательно, есть такие люди, которые заслуживают большей почтительности и преданности со стороны Жукова, чем даже капитан Горов.

Подойдя к графопостроителю, Горов положил поверх изучаемой Жуковым таблицы материалы об Эджуэе.

— Поглядите-ка лучше вот это.

Когда Жуков добрался до последнего листа распечатки, он, подняв преданные глаза на Горова, сказал:

— Вот уж воистину угодили в яму, которую сами себе и выкопали. Но, знаете, в газетах я как-то не встречал слишком много статей про этот Эджуэйский проект, хотя из прочитанного мною я вынес впечатление, что они вроде бы до сих пор находятся на подготовительном этапе. Но все же эти Карпентеры замечательно умные люди. Наверное, выберутся как-то.

— Знаете, я лично обратил внимание вовсе не на Карпентеров. Там есть и другие имена.

Скоренько проглядев всю распечатку, Жуков, кажется, выудил то, на что намекал капитан. Радуюсь собственной сообразительности, он сказал:

— Вы, должно быть, о Дохерти. О Брайане Дохерти.

Горов присел на другой стул, стоявший у столика с покрытой плексигласом и подсвечиваемой снизу таблицей.

— Да, вы угадали. Дохерти.

— Это не родственник убитого американского президента?

— Племянник.

— Мне очень нравился его дядя, — сказал Жуков. — Я понимаю, что вы считаете меня простаком в этом отношении.

Первому помощнику было хорошо известно об отвращении, которое испытывал Горов ко всякой политике и политиканам, и когда неприязнь его начальника к властям предрежающим выходила наружу, Жуков разрывался между необходимостью сохранять уважение к своему капитану и высказывать почтительность к тем, кто стоял выше капитана. Естественно, если бы капитан даже попытался сделать вид, что он разделяет настроения своего помощника, — ради того, чтобы устранить вероятную помеху своей рискованной затее, — Жуков бы ему не поверил. Лицемерие смысла не имело, и, пожав плечами, капитан бросил:

— Политика — это все-таки только ради власти. Я уважаю результат, конкретные достижения.

— Но Дохерти был человеком стоящим, он хотел мира, — сказал Жуков.

— Ну да, миром они частенько приторговывают. Все они.

Жуков нахмурился.

— По-вашему, он не был великим человеком?

— Великим человеком становится ученый, который открыл новое лекарство, исцеляющее от болезни. А политик...

Жуков был не из тех, кто мечтал о возвращении старых порядков. Но ему было трудно смириться с тем, что правительство в нынешней России обыкновенно очень неустойчивое, и потому за последнее время за несколько лет в России сменилось очень уж много разных правительств. Жукову нравились сильные руководители. Ему просто был необходим некто,

от кого можно было бы ожидать указаний и постановки целей — потому хорошие политики были его идолами, независимо от национальности.

Горов сказал:

— Не имеет значения мое мнение о покойном президенте другой страны. Тем более что я могу с чистым сердцем отдать должное семейству Дохерти: они переносили свое горе с твердостью и достоинством. Очень впечатляюще.

Жуков с готовностью кивнул.

— Заслуживающее всяческого уважения семейство. Да, это очень печально.

У Горова было такое ощущение, что он обходится со своим первым помощником как с каким-то мудреным музыкальным инструментом. Итак, он уже настроил этот музыкальный инструмент. Теперь надо было побудить Жукова к воспроизведению очень сложной мелодии.

— А отец этого парня — сенатор, так, кажется?

— Да, и у него немалый авторитет. И влияние, — подтвердил Жуков.

— И ведь в этого Дохерти тоже, кажется, стреляли?

— Да, было еще одно покушение.

— Видите, что творит американский строй. И вы думаете, что эти Дохерти — пылкие американские патриоты? После всего, что с ними сделала родина?

— Все Дохерти — большие патриоты, — сказал Жуков.

Поглаживая аккуратную бородку, Горов медленно, как бы подыскивая точные слова, произнес:

— Должно быть, непросто этому семейству хранить верность и любовь к родине, расправляющейся со своими лучшими сыновьями.

— О чем вы говорите? Разве это народ виноват? Вся страна? Да нет, это происки кучки реакционеров. ЦРУ, наверно, руку приложило. А американский народ тут ни при чем.

Горов сделал вид, что задумался. Потом, после подчеркнуто глубокомысленной, длившейся с минуту паузы, заговорил:

— Видимо, ваша правда. Из прочитанного на этот предмет я уяснил, что американцы как будто и в самом деле очень уважают клан Дохерти и сочувствуют им.

— Конечно. Что еще может снискать уважение, как не любовь к родине в бедственный час? Нет ничего затруднительного в любви к родине во времена благополучия и изобилия, когда ни от кого не требуется жертвы.

Мелодия, которую замыслил сыграть Горов, применяя в качестве музыкального инструмента своего первого помощника, выходила как нельзя лучше, без единой фальшивой ноты, и капитан, радуясь про себя, едва не заулыбался. Однако сдержав себя, он поостерегся раскрывать свои чувства, вместо этого вновь углубившись в эджуэйскую распечатку. Потом, наконец, отложив пачку листов, сказал:

— Да, какой шанс для России...

И, как и рассчитывал капитан, Жуков не сумел понять смысл этих слов.

— Шанс? Для России?

— России представилась возможность продемонстрировать добрую волю.

— Да?

— В трудное для нас время Россия-матушка отчаянно нуждается в хорошем к себе отношении со стороны. Как никогда, быть может. За всю историю. А если она покажет благонамеренность свою, то можно рассчитывать на приток помощи из-за рубежа, на торговые преференции, как знать, возможно, даже на сотрудничество в военной области. Может, она добьется и важных стратегических уступок.

— Простите, но я не понимаю, как этого добиться.

— До них отсюда всего пять часов ходу.

Жуков высоко поднял брови.

— Вы подсчитывали?

— Нет, это приблизительная прикидка. Но, думаю, достаточно точная. А если мы сумеем помочь этим бедолагам выкарабкаться, то мы будем героями. На весь мир прогремим!

Представляете? Ну, и коль уж мы — из России, то и Россия прослышет страной героической.

Моргая и шурясь от столь неожиданного поворота дела, Жуков спросил:

— Вы хотите их спасти?

— Как бы то ни было, у нас есть шанс выручить восемь ценных голов из пяти стран, в том числе племянника убитого президента. Хорошо, если раз в десять лет подворачивается такой случай проявить добрую волю и потом это дело еще и пропагандой раздуть.

— Но нужно разрешение из Москвы.

— Разумеется.

— Чтобы получить скорый ответ, придется воспользоваться спутниковой связью. А на спутник выйти можно только с поверхности моря. А для этого надо подняться.

— Я понимаю.

На крыле субмарины, в самом верху размещались воронка лазерного передатчика и убирающаяся вовнутрь приемная тарелочная антенна, — это крыло, похожее на плавник акулы, несло на себе еще и маленький мостик, радиомачту, радиолокатор, перископы и шноркель для захвата воздуха. Им надо было выбраться наверх пораньше, чтобы отслеживающий комплекс сумел поймать серию сигналов от вереницы российских спутников связи, и еще надо было дать прийти в себя лазеру — лишь «прогревшись» на воздухе, он сможет работать как следует. Конечно, риск, но нарушение секретности, совершенно необходимой такому кораблю, каков «Погодин», все же оправдывалось теми огромными выгодами от быстрого действия лазерного канала связи. Наличие этой установки означало, что, где бы ни был «Илья Погодин», в какую бы страну мира ни послали его шпионить, можно было передать сообщение в Москву и незамедлительно получить подтверждение приема.

Вытянутая, как у сатира, физиономия Эмиля Жукова помрачнела, он вдруг забеспокоился, и это потому, что понял: предстоит выбор, и выбор для служачи крайне неприятный. Надо будет отказать в повиновении начальству, это обязательно, — но какому? То ли собственному капитану, то ли вышестоящим в Москве?

— Прошу прощения, капитан, но мы в разведывательном походе. Если мы поднимемся на поверхность, мы разоблачим себя и сорвем задание.

Оттопырив палец, Горов провел ногтем под выделенной особой расцветкой строчкой на панели, высвечивающей электронную таблицу. В строке этой указывалась текущая широта местоположения подлодки.

— Мы — на севере дальнем, да еще каком дальнем. Кругом бушует шторм. Кто нас тут увидит? Мы всплывем, выйдем на связь, дождемся ответа, погрузимся, и все будет шито-крыто.

— Возможно. Но у нас приказ блюсти радиомолчание.

Горов торжественно кивнул, как бы говоря, что, разумеется, это тоже его мучает. О да, ему далеко не безразлична ужасающая ответственность, которую он берет на себя, решаясь на нечто подобное.

— Когда мой сын был при смерти, мы нарушили радиомолчание.

— Тогда стоял вопрос о жизни и смерти.

— Сейчас тоже речь идет о жизни и смерти. Людям гибель грозит. Бесспорно, приказ есть приказ, а приказ гласит: строжайше соблюдать радионевидимость. Но с другой стороны, как известно, капитан вправе, если сложатся чрезвычайные обстоятельства, нарушить, под свою ответственность, даже приказ Министерства.

Насупившись так, что глубокие морщины прорезали длинное лицо, словно глубокие раны, Жуков сказал:

— Не уверен, что составители уставов, говоря о чрезвычайных обстоятельствах и настоятельной необходимости, имели в виду ситуацию, подобную данной.

— Ну, я-то считаю, что термины эти вполне применимы в нашем случае, — ответил спокойно Горов, то ли отражая — не слишком ловко — атаку, то ли, напротив, бросая — не слишком напористо — вызов.

— Когда все это кончится, вам придется отвечать перед Надзорным управлением флота, если не перед трибуналом, — предупредил Жуков. — Задание у нас — разведывательное, следовательно, разведслужбы пожелают задать вам несколько вопросов.

— Надо думать.

— А там штат наполовину укомплектован бывшими из КГБ.

— Возможно.

— Это как нельзя более точно.

— Я к этому готов, — сказал Горов.

— К расследованию Надзорного управления. А как насчет допроса в разведке?

— Я готов и к тому, и к другому.

— Знаете, что это такое...

— Да уж. Соберусь с силами. Постараюсь быть покруче. Мало разве меня выносливости учили? И Россия-матушка, и флот. — Горов видел, что они в своей выводимой на два голоса мелодии подбираются к самым высоким нотам, к верхней — шестнадцатой — линейке нотной грамоты. Вот-вот прозвучит крешендо.

— Да и моя голова может с плеч скатиться, — тупо проговорил Жуков, подвигая распечатку к Горову.

— Головы будут целы, уверяю вас.

Первый помощник вовсе не был уверен в этом. Его озабоченность нарастала.

— Не все же они там дураки, в Министерстве, — сказал ему Горов.

Жуков только плечами повел.

— Когда они бросят на обе чаши весов возможные варианты, — доверительно продолжил Горов, — разрешение они нам дадут. То самое, которое я у них попрошу. Ясно, что Россия, отправив нас на Север и поручив нам выполнение задания по спасению жизней человеческих, больше выиграет, чем проиграет. В конце концов, что уж такого особенного в нашем походе? Заурядная серия радионаблюдений, вот и все.

Эмиль Жуков все еще испытывал колебания.

Поднявшись со стула и скатав распечатку в трубку, Горов приказал:

— Соберите команду в боевом отсеке, лейтенант. Через пять минут подойду.

— Есть ли в том необходимость?

Если не предполагалось выполнение каких-то особенно сложных или опасных маневров, все операции по подъему или погружению выполняла вахта. Дежурные моряки прекрасно справлялись с подобными заданиями.

— Коль уж мы собрались на свой страх и риск и под свою ответственность преступить правила и распоряжения Министерства, следует позаботиться хотя бы о всех надлежащих предосторожностях, — сказал Горов.

Мгновение они пристально смотрели друг другу в глаза, пытаясь проникнуть в мысли друг друга. Взгляд первого помощника был много пронительнее, чем обычно.

Наконец Жуков, не сводя глаз с капитана, поднялся.

«Решился, — подумал Горов. — Надеюсь, что его решение — правильное».

Вытянувшийся в струнку Жуков помешкал... Потом отдал честь.

— Слушаюсь, капитан. Через пять минут все будут в сборе.

— Мы поднимемся сразу же после погружения на лодку и помещения на хранение универсальной выносной антенны.

— Слушаюсь.

Горов почувствовал, что в душе его развязываются сотни тугих, мучавших его до сих пор узелков. Никак победа.

— Действуйте, лейтенант. Вперед!

Жуков вышел из рубки.

Поднимаясь по винтовой лестнице с ограждением, что вела прочь из рубки управления, Горов думал про маленького Нику и знал, что все делает правильно. Ради умершего сына своего, в честь навеки потерянного малыша — а совсем не из-за выгод, которые якобы

получит или не получит Россия, — он выручит попавших в беду людей. Ради чего им умирать во льдах? На этот раз есть силы, власть и возможности потягаться со смертью, и так просто он ей не уступит.

15 ч. 46 мин.

Как только второй взрывпакет удалось извлечь из льда, Роджер, Брайан, Клод, Лин и Фишер поспешили к следующей запечатанной скважине.

Харри задержался за спиной Пита Джонсона, готовящегося разрядить вторую бомбу. Они стояли бок о бок, в спины дул беспощадный ветер. Смертоносный цилиндр лежал у ног — упаковка зловещего вида: сто пятьдесят два сантиметра в длину, пятьдесят два миллиметра в диаметре, весь черный, только боковая поверхность пугает огромными желтыми буквами: *опасно!*

Сверху цилиндр покрывала тонкая, прозрачная ледяная шуба.

— Незачем тебе убивать время в моем обществе, — сказал Пит, старательно очищая очки от снега. Ничто не должно мешать зрению, если собираешься обезвредить взрыватель.

— Я думал, что твой народ боится темноты и не гуляет по ночам в одиночку, — сказал Харри.

— Мой народ? Ты про кого, бледнолицый? Полагаю, тебе лучше считать моим народом инженеров-электронщиков, белый.

Харри заулыбался.

— А, интересно, что еще мог бы иметь я в виду?

Сильный порыв ветра наваливался на них сзади, лавина холодного воздуха буквально сбивала с ног. В какую-то минуту ветер с такой силой пригнул их к земле, что они остались стоять, согбенные.

Когда внезапно налетевший ветер поутих, упав до каких-то восемнадцати метров в секунду, Пит возобновил мероприятия по очистке стекол своих очков, а покончив с этим делом, стал потирать перчатки друг о друга, а потом захлопал в ладоши, чтобы стряхнуть снег и лед с перчаток.

— Я знаю, почему ты не увязался за остальными. Ты меня не проведешь. Это у тебя твой геройский комплекс работает.

— Правильно. Я — самый что ни на есть настоящий Индиана Джонс.

— Тебе всегда надо попереться туда, где опасно.

— Так оно и есть, со мной Матерь Божия. — Харри печально покачал головой. — Мне очень жаль, что вы все поняли неверно, доктор Фрейд. Я бы предпочел оказываться там, где безопасно. Но мне вдруг пришло в голову, что бомба может хлопнуть прямо тебе в физиономию.

— А ты, значит, окажешь мне первую помощь тогда?

— Ну, что-то в этом роде.

— Слушай, ежели она бабахнет, да еще мне в рожу, но не прикончит меня однажды и навсегда... Мне кажется, что в первой помощи я уже нуждаться не буду. Ради бога, не смей спешить с первой помощью. Лучше прикончи меня тогда.

Харри поморщился и хотел было заспорить.

— Все, о чем я прошу, это милосердие, — грубо сказал Пит.

За последние несколько месяцев Харри проникся симпатией и уважением к этому здоровенному широколицему мужику. Под слоями фундаментального образования и специального обучения, под высочайшим профессионализмом и блестящей дееспособностью внутри Пита Джонсона прятался агнец, и это невинное дитя обожало науки, технику и приключения. Харри узнавал во многих чертах Пита самого себя.

— Слушай, а в самом деле, неужто и правда взрывоопасность почти отсутствует?

— Вероятность взрыва почти нулевая, — заверил его Пит.

— Корпус ведь *бился* о стенки скважины, когда мы его волокли наверх.

— Спокойно, Харри. Вот этот последний, он же выскочил, как миленький, ты что, не видел сам?

Они встали на колени рядом со стальным цилиндром. Пока Пит открывал маленький футляр с высокоточным инструментом, Харри светил фонариком.

— Обезвреживание этих чертовых бомб — штука плевая, если по правде, — сказал Пит. — Не тут загвоздка. У нас голова о другом болеть должна: надо подналечь и вытащить хотя бы восемь таких же молодцов, пока часики тикают. А то, когда будильник зазвонит, в полночь, то вся тележка полетит в тартарары.

— Мы вытаскиваем штуку за час.

— Но у нас все будет замедляться, — предостерег Джонсон. Малюсенькой отверткой он стал вывинчивать колпачок цилиндра с приваренным колечком. — На первый у нас ушло сорок пять минут. Второй мы откапывали пятьдесят пять минут. Дело в том, что и усталость сказывается. Мы уже медленнее работаем. Это все ветер.

Ветер действительно дул убийственный, он так колотил и давил, и бухал в спину Харри, что возникло чувство, которое бывает у человека, угодившего на середину стремительной горной реки, бешеные воды которой к тому же очень холодные. В самом деле, потоки плотного воздуха воспринимались чуть ли не как струи воды, вылетающие из пожарного шланга под хорошим давлением. Поземка, стелившаяся по льду, перекачивала воздушные массы со скоростью восемнадцать-двадцать метров в секунду с порывами до тридцати метров в секунду, и ветер неумолимо и стремительно перерастал в бурю. Еще немного, и он, этот ветер, станет смертоносным.

— Твоя правда, — согласился Харри. В горле першило, потому что все время приходилось орать, перебивая бурю, хотя они были совсем рядом друг с другом, голова к голове склоняясь над цилиндрическим тубусом со взрывчаткой. — Не очень-то здорово погреться всего минут десять в кабине, а потом целый час на морозе, да в такую погоду еще выползать.

Пит вывинтил последний болт и отделил пятнадцатисантиметровый верхний колпак от тела цилиндра.

— А насколько по-настоящему упала температура? Прикинуть хотя бы можешь?

— Двадцать градусов ниже нуля. По Цельсию.

— А с поправкой на коэффициент испарения из-за холодного ветра?

— Градусов двадцать восемь ниже нуля. Опять же, по Цельсию.

— Минус тридцать четыре.

— Похоже. — Даже тяжелый термокостюм не защищал. Холодное лезвие ветра все время било в его спину, кололо, пронзая штормовку, терзало позвоночник. — Я вообще-то и не рассчитывал, что мы сумеем выковырять эти десять штук. Я понимал, что со временем все у нас будет получаться медленнее. Но пускай мы разрядим хотя бы пять или шесть штук, тогда-то уж можно надеяться, что переживем взрыв, и хватит места, чтобы жить дальше. Я имею в виду — после полуночи.

Пит подцепил пятнадцатисантиметровый сектор корпуса, и часовой механизм вывалился в его ладонь, обтянутую перчаткой. От этого полупроводникового таймера к цилиндру шли свернутые спиралью проводники, их было четыре: красный, желтый, зеленый и белый.

— По-моему, лучше уж замерзнуть насмерть завтра, чем разлететься на куски после взрыва в полночь.

— Не смей, слышишь? Во всяком случае, со мной, — сказал Харри.

— Ты чего?

— Я говорю тебе: не вздумай строить из себя второго Франца Фишера.

Пит хохотнул.

— Или второго Джорджа Лина.

— Да, парочка.

— Ты их принял в экспедицию, — напомнил Пит.

— А я от своей вины и не отказываюсь. Но, черт, хорошие же мужики, нормальные такие. Ай, знаешь, когда так вот припечет...

— Да ладно тебе. Каждый из них — просто дырка в заднице.

— Достаточно корректное определение.

— Тебе пора. Давай-ка отсюда. Вали, — сказал Пит, снова залезая в электронику, которой был начинен колпак тубуса.

— А кто тебе фонарик держать будет?

— Да на кой ты нужен. Светить он собрался. Кинь его так, чтоб он светил, а сам дуй отсюда. Ты мне фонарик держать не будешь. Ты мне не на то *надобен*. Я тебе сказал, чего я от тебя хочу: милосердия, когда что-то такое стрясется.

Нехотя Харри побрел к снегоходу. Он укрылся за машиной, согнувшись в три погибели. Спрятавшись от ветра, он все сильнее чувствовал, что все эти невероятные, далеко небезопасные труды пойдут насмарку. Их положение будет продолжать ухудшаться, прежде чем пойти на поправку. Если вообще когда-либо пойдет на поправку.

16 ч. 00 мин.

Волны Северной Атлантики немилосердно трепали подлодку, так что «Илья Погодин» только перекатывался с гребня одной волны на гребень другой. Беспокойное море било в закругленные нос и корму, а нескончаемые шеренги волн бились о стальную обшивку подлодки, не только взлетали в небо фонтанами, но и производили такой грохот, что можно было подумать об июльской грозе. Осадка лодки была низкой, поэтому из воды выступала слишком малая часть корпуса, чтобы удары стихии сносили корабль, но тем не менее до бесконечности терпеть это наказание не смогла бы и более прочная конструкция, чем «Илья Погодин». Серая вода перехлестывала через главную палубу, а пена получалась настолько обильной, что так называемое крыло лодки, где были смонтированы радиоантенны и литник лазерной связи, походило, особенно у основания, на пудинг, обливаемый усердно взбитыми сливками. Лодка, надо сказать, не разрабатывалась, да и не строилась в расчете на сколь либо длительное пребывание на поверхности штормящего моря. Но как бы то ни было, несмотря на явную охоту субмарины вихлять туда-сюда, рыская в поисках невесты чего, ей приходилось терпеть, и терпеть столько, чтобы Тимошенко достало времени выйти на связь с Москвой и обменяться посланиями с военным штабом флотского Министерства.

Капитан Горов стоял на мостике, на котором находились еще два моряка. На всех троих были надеты куртки с начесом, а поверх них черные дождевики с капюшонами, все трое были в перчатках. Двое молодых дозорных стояли спина к спине, один был обращен лицом к левому борту, второй — к штирбورتу. Все трое наблюдали через бинокли за горизонтом.

Тот казался адски низким и чертовски тесным, — так, во всяком случае, думал Горов, и чем дольше вглядывался он в кромку окоема, тем сильнее утверждался в верности своего мнения. И еще горизонт был безобразен.

Север далекий, да еще такой дальний, но отсветы полярных сумерек еще не совсем сошли на нет, и низкое небо пока слабо поблескивало. Зеленоватого, какого-то сверхъестественного оттенка свечение просачивалось через тяжелые штормовые тучи и насыщало собой атлантические виды, так что у Горова было впечатление, что он смотрит через тонкую пленку зеленой жидкости. Этот зеленоватый свет слегка освещал неистовствующее море и накладывал какой-то желтоватый отпечаток на пенистые гребни волн. Смесь мелких снежинок со снежной крупой сыпалась или, лучше сказать, хлестала с северо-запада: и крыло, опалубка мостика, блестящий черный дождевик Горова, комплекс лазерной связи, радиомачты — все было посыпано мелкой ледяной крошкой. Рассеивающие свет туманные образования еще больше затемняли угрожающий вид, а в северной части окоема кипящие волны вообще были скрыты серовато-коричневой смесью, столь густой, что казалось: мир перегородила плотная штора. Видимость по всему кругу четырех стран света колебалась в узких пределах от восьмисот до тысячи двухсот метров, но и эти показатели

могли быть еще хуже, если бы сторожевые не использовали бинокли ночного видения.

За спиной Горова, на самом верху стального крыла уже пришла в движение тарелка спутниковой антенны, медленно поворачивавшаяся с востока на запад. Это непрерывное изменение угла приема не заметил бы случайно брошенный взгляд, а заметив, не понял бы смысла малозначительных перемещений. Но дело в том, что антенна была накрепко привязана к советскому спутнику связи, обращавшемуся вокруг планеты по точно выверенной приполярной орбите. Горовская шифрограмма ушла в эфир четыре минуты назад. Следящий механизм поворачивал тарелку вслед спутнику, подобно тому, как подсолнух следит за солнцем, так что, как только из Москвы придет ответ, он будет уловлен и обработан надлежащим образом.

Капитан мог уже теперь вообразить наихудший вариант реакции властей предрежащих. Будет приказано передать командование кораблем первому помощнику Жукову, который посадит его под арест, выставит у двери карцера стражу, а сам продолжит выполнение разведывательного задания, согласно плану. Его дело будет рассмотрено в заседании военного трибунала заочно, то есть о приговоре он узнает только по возвращении на родину.

Но он надеялся, что Москва поведет себя поумнее. Ясное дело, Министерство в своих реакциях совершенно непредсказуемо. Да, коммунистический строй в прошлом, стали, пусть больше на словах, уважать справедливость и правосудие, но все равно до сих пор случается, что трибунал судит проштрафившегося офицера в отсутствие обвиняемого, то есть у того нет даже возможности как-то объясниться. Но Горов почему-то верил, что, вернувшись в центр управления кораблем, сможет победоносно бросить Жукову: «Вот видите, не одни дураки сидят в Министерстве». Начальство просто не сможет не заметить повода раскрутить на всю мощь пропагандистскую машину, да и стратегические выгоды дорогого стоят. Значит, руководство поступит более или менее благоразумно.

Он медленно поворачивался за биноклем, как бы подражая тарелочной антенне, и просматривал, градус за градусом, затянутый туманом горизонт.

Течение времени настолько замедлилось, что, казалось, вот-вот, и время вообще кончится. И хотя Горов понимал, что это лишь впечатление, неистовствующее море виделось ему как на замедленной киносъемке: высокие волны возникали, словно мелкая рябь из океана густой патоки. Каждая минута тянулась.

Бум!

Из вентиляционных отверстий в стальном корпусе запасной дрели полетели искры. Сама дрель задергалась, зашипела, ее повело, а потом она отрубилась.

Бурил Роджер Брескин.

— Какого дьявола? — только и сказал он, напрасно тыча пальцем в выключатель бура.

Тот упрямо не хотел работать. Пит Джонсон подошел к скважине и опустился на колени, чтобы поглядеть, что стряслось.

Все столпились возле скважины, ожидая самого скверного. Они, подумал Харри, как зеваки, глазающие на дорожное происшествие — слава богу, пока тут ни искореженного остова машины, ни изуродованных трупов.

— Что с ним неладно? — спросил Джордж Лин, имея в виду бур.

— Ты бы корпус разобрал сначала. А то как ты узнаешь, что сломалось, — посоветовал Питу Фишер.

— Ага, буду я с этим сосателем ковыряться. И так ясно: ремонту не подлежит.

— Ты о чем? — спросил Роджер Брескин.

Показывая на снежную струйку, успевшую уже смерзнуться со старым льдом, хотя, казалось, она только что вылезла из отверстия наполовину вскрытого — уже третьего — ствола, Пит сказал:

— Смотрите. Вон там, черные крупинки, видите?

Харри присел на корточки и пригляделся к металлической крошке: черных крупинок было несколько.

— Зубья шестерен привода.

Все молчали.

— Проводку я, может, и починил бы, — наконец произнес Пит. — Но в запасе новых зубчатых колес у нас нет.

— И что теперь? — спросил Брайан.

С присущей ему мрачностью Фишер произнес:

— Теперь — назад в пещеру. Дождаться полуночи.

— То есть поднять лапки и не дергаться, — отозвался Брайан.

Поднимаясь во весь рост, Харри сказал:

— Но, опасаясь, это все, что нам пока по силам, Брайан. Другой бур улетел в пропасть, вместе с моими санями.

Дохерти потряс головой, не желая мириться с всеобщим бессилием. Он хотел действовать.

— А помните, как Клод говорил про ледоруб и ножовку? Если вырезать ступеньки уступами, то можно добраться до всех пакетов...

Француз не дал ему договорить.

— Это, может быть, и правильно, будь у нас неделя в запасе. А с этой бомбой нам и за шесть часов не управиться, если вырубать лестницу во льду. Не стоит транжирить энергию в надежде заполучить всего-то каких-нибудь четырнадцать метров безопасности.

— Хорошо, кончаем, сворачиваемся, — скомандовал Харри, похлопав перчатками друг о друга. — Нечего торчать тут, мы так только теряем драгоценное телесное тепло. Дойдем до пещеры, там, укрывшись от ветра, и потолкуем. Вдруг еще до чего-нибудь додумаемся.

На самом деле надежды на это он не питал.

* * *

В 16 ч. 02 мин. центр дальней связи сообщил о получении радиogramмы из Министерства военно-морского флота. Через пять минут шифrogramму уже удалось декодировать, и лист с распечаткой доставлен был на капитанский мостик. Никита приступил к чтению с некоторым трепетом.

РАДИОГРАММА

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

ВРЕМЯ: 19 Ч 00 МИН МСК

ОТПРАВИТЕЛЬ: ДЕЖУРНЫЙ ОФИЦЕР

ПОЛУЧАТЕЛЬ: КАПИТАН Н. ГОРОВ

ПРЕДМЕТ: ВАШЕ ДОНЕСЕНИЕ НОМЕР 34-Д

СЛЕДУЕТ ТЕКСТ РАДИОГРАММЫ:

ВАШ ЗАПРОС ИЗУЧАЕТСЯ АДМИРАЛТЕЙСТВОМ ТЧК ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ НЕМЕДЛЕННО НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ ТЧК ТЕЧЕНИЕ ЧАСА ПРОИЗВОДИТЕ ПОГРУЖЕНИЕ ЗАТЕМ ПРОДОЛЖАЙТЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНОВОГО ЗАДАНИЯ ТЧК ДАЛЬНЕЙШИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ КАСАТЕЛЬНО ЗАДАНИЯ ЛИБО НОВЫЕ ПРИКАЗЫ БУДУТ ПЕРЕДАНЫ ВАМ 17 Ч 00 МИН ВРЕМЯ ВАШЕГО ЧАСОВОГО ПОЯСА ТЧК

Горов был разочарован. Нерешительность Министерства только усугубляла и без того тягостное напряжение в его душе. Значит, предстоит ждать еще час.

Горов повернулся к двум морякам на мостике.

— Очистить мостик.

Началась подготовка к погружению. Дозорные прибрали бронированную башню и перевели стойки на обороты погружения. Капитан запустил нечрезвычайную штатную тревожную сигнализацию — два коротких звука, две зуммерные посылки должны прозвучать через четко назначенный интервал времени по всему кораблю, из всех динамиков во всех каютах и рубках — и покинул мостик, потянув за талреп люка, прежде чем начать спускаться вниз.

Вахтенный рулевой повернул штурвал и скомандовал:

— Задраить люки!

Горов поспешил к командному пульту с клавиатурой в рубке управления. По второму сигнальному гудку воздухозаборные отверстия в балластных резервуарах открываются, а это означает, что морская вода заполняет промежуток между двумя обшивками корабля. Пока же по правую руку от Горова находился мичман, в обязанности которого входило наблюдение за красным и рядом зеленых индикаторов на борту. Зеленые сигналы сообщали о состоянии люков, впускных и выпускных отверстий и сопел, выхлопных патрубков и тех единиц оборудования, что либо непосредственно соприкасались с морской водой, либо выступали вовне, относительно общего контура корабельной массы. Световой индикатор красного цвета соседствовал с меткой: *«Передающий комплекс лазерной связи»*. Когда литник лазера и сопряженное оборудование убиралось в нишу под верхней поверхностью крыла и после того как герметизация завершалась, то есть все крышки люков были надлежаще задраены, этот красный сигнал гас, а вместо него загоралась лампочка, свидетельствующая о безопасности.

— Зеленый на борту! — крикнул мичман.

Горов приказал впустить в подлодку сжатый воздух и, когда манометры показали отсутствие перепада давления, понял, что лодка полностью герметизирована.

— Давление в лодке! — крикнул офицер, командующий погружением.

Не прошло и минуты, а все подготовительные операции уже были завершены. Палуба обрела должный укос, верх крыла уже был утоплен, а все судно в целом стало невидимым с корабля или самолета.

— Погружение на тридцать метров! — приказал Горов.

О скорости погружения можно было судить по пisku компьютера: по мере опускания судна на очередную отметку ЭВМ выдавала извещающую о том звуковую посылку.

— Глубина тридцать метров достигнута, — объявил командующий погружением.

— Положите лодку в дрейф, и так держать.

— Есть так держать.

Как только субмарина зависла на глубине, Горов произнес:

— Мне нужен лейтенант Жуков.

— Жуков по вашему приказанию явился.

— Можете вернуться в рубку управления к картам и схемам. Следите за вахтой.

— Слушаюсь.

Горов вышел из отсека и направился через корму в центр связи.

Тимошенко обернулся на распахнувшуюся дверь и сразу же обратился к вошедшему капитану:

— Требуется разрешение на выдвижение выносной антенны.

— Отставить.

Заморгав от удивления, Тимошенко склонил голову набок и вопросительно поглядел на начальника:

— Слушаюсь?

— Отставить, — для верности повторил приказ Горов. Он оглядел аппаратуру дальней связи, которой густо насыщены были щиты и стойки. Кое-какие навыки в обращении с этим добром у него были, потому что командиров время от времени учили на всяких курсах. По соображениям безопасности и надежности компьютер дальней связи действовал самостоятельно и не подчинялся главной ЭВМ корабля, хотя, естественно, клавиатуры всех вычислительных машин были одинаковы на всем судне. Это значило, что ввод и вывод данных на здешней ЭВМ ничем не отличается от процедур, к которым он прибегал, работая в рубке управления за командным пультом.

— Мне хотелось бы, — сказал Горов, — попользоваться вашим кодером и коммуникационным компьютером.

Тимошенко не шелохнулся. Он замечательно разбирался в технике и, вообще, во многих отношениях мог считаться блестящим молодым человеком. Но он обитал в мире, состоявшем

из банков данных, программ, клавиш, ввода-вывода данных и хитроумных приборов и приспособлений — потому он совершенно не умел общаться с людьми, если те не вели себя понятным ему и привычным ему, то есть неким машиноподобным образом.

— Вы меня поняли? — нетерпеливо спросил Горов.

Краснея и смущаясь, приходя в полнейшее замешательство, Тимошенко выдавил из себя:

— Ага... Так точно. Да, разумеется. Слушаюсь. — Он проводил Горова к креслу перед терминалом первичного обмена данных, через который можно было выйти на ЭВМ, руководящую дальней связью. — Простите, чего бы вам хотелось?

— Уединения, — бросил, не оборачиваясь, Горов, а потом уселся за пульт терминала.

Тимошенко все еще стоял рядом.

— Вы свободны, лейтенант.

Замешательство связиста еще больше усилилось.

Тимошенко кивнул, попробовал изобразить на лице улыбку, однако можно было бы подумать, что он оглоблю проглотил. Или иголку ему кое-куда воткнули. Притом здоровенную. Он ретировался в противоположный угол отсека, где его любопытные подчиненные безуспешно делали вид, что ничего не слышали.

Кодер, иначе говоря, шифровальное устройство, располагался подле кресла, в котором сейчас сидел Горов. По габаритам и по форме он был похож на комод с двумя выдвижными ящиками, только отделан был этот комод вороненой сталью. Клавиатура — обычные клавиши с алфавитно-цифровыми символами плюс четырнадцать функциональных клавиш — располагалась на верхней панели кодера. Горов прикоснулся к кнопке включения электропитания. Механизм подачи бумаги выдвинул край желтоватого листа из нутра устройства, и бумага закрыла собой всю поверхность выдвижного столика.

Горов набрал на клавиатуре текст сообщения. Пальцы его двигались очень быстро. Покончив с печатанием, Горов прочитал получившееся, не касаясь хрупкой хрустящей бумаги, а затем нажал красную прямоугольную клавишу, помеченную надписью «Процесс». Включившись, загудел лазерный принтер, и кодер начал вырабатывать зашифрованный вариант предложенного ему текста. То, что выходило из лазерного печатающего устройства, могло показаться полнейшей чепухой: какие-то цифры в совершенно непонятных сочетаниях, да еще вперемешку с символами.

Оторвав листок от ленты, выползавшей из шифровального устройства, Горов развернул свое кресло так, чтобы оказаться лицом к лицу с видеотерминалом. Сверяясь с зашифрованным вариантом послания, он тщательно набрал те самые символы на клавиатуре видеодисплея, а терминал ввел эти данные в компьютер. По завершении процедуры Горов нажал клавишу спецфункции с двумя метками: в числителе было слово «Декодирование», в знаменателе — слово «Распечатка». Он не стал прикасаться к табуляционной клавише с меткой «Считывание», потому что это привело бы к отображению только что сотворенного послания на большом экране общего обзора, стало быть, на радость Тимошенко и прочих техников, а удовлетворять их любопытство Горов вовсе не намеревался. Кинув желтый хрустящий листок в пасть измельчителя бумаги, Горов откинулся в кресле и расслабился.

И минуты не прошло, а коммюнике — расшифрованное и возвращенное к исходному виду — уже было в его руках. Он совершил полный круг, и это не заняло и пяти минут. Распечатка состояла из тех самых четырнадцати строк, которые он ввел в кодер; на этот раз, правда, текст имел обычную для судовых ЭВМ форму. Точно так же выглядел бы любой компьютерный текст, скажем, расшифрованная радиограмма из московского министерства. А именно это и требовалось.

Он приказал компьютеру стереть из банков данных любые подробности касательно только что произведенных им действий. Теперь единственной уликой, свидетельствующей о том, что нечто подобное действительно имело место, оставалась компьютерная распечатка. Тимошенко ни о чем не дознается от ЭВМ, задумай лейтенант удовлетворить свое любопытство после того, как за капитаном закроются двери рубки.

Горов поднялся и вышел к открытой двери. Из дверного проема он позвал:

— Лейтенант!

Тимошенко делал вид, что изучает бортовой журнал. Но все же поднял глаза:

— Да, я слушаю.

— Ваш радиоперехват среди сообщений касательно группы Эджуэй содержит ряд текстов с упоминанием какого-то радиопередатчика. Этот передатчик как будто дрейфует вместе с ними.

Тимошенко утвердительно кивнул.

— Так точно. У них, разумеется, есть стандартная коротковолновая радиостанция. Но вы говорите не об этом радиопередатчике, он — для связи. А тот передатчик во льдах, сообщения о котором вас заинтересовали, представляет собой радиомаяк или бакен. Ежеминутно он выдает десять двухсекундных импульсных посылок.

— А вы эти сигналы маяка ловите?

— Двадцать минут назад мы засекли этот бакен.

— И как сигнал? Мощный?

— О, так точно.

— Вы уже осуществили привязку?

— Так точно.

— Замечательно. Проверьте ее потщательнее. Нам нужно знать их координаты как можно точнее. Я ушел. Вернусь в рубку дальней связи через несколько минут. — Сообщив это, Горов пошел в рубку управления, чтобы еще раз потолковать с Эмилем Жуковым.

* * *

Харри еще рассказывал про то, как у них поломалась запасная дрель, но Рита, не дослушав, перебила его.

— Слушай, а где Брайан?

Он обернулся на товарищей, вошедших в пещеру вслед за ним. Брайана Дохерти в толпе не было. Харри помрачнел.

— Куда подевался Брайан? Почему его нет здесь?

— Да должен быть где-то неподалеку. Пойду посмотрю, — сказал Роджер Брескин.

Пит Джонсон пошел вслед за канадцем.

— Чего доброго, он зашел за какой-нибудь торос. Тут их хватает, — проговорил Фишер, хотя было похоже, что Фишеру известно еще что-то, о чем он почему-то не хочет распространяться. — Об заклад готов биться, что ничего страшного не стряслось, никакой драмы. Скорее всего человек захотел отойти по нужде.

— Ну уж нет, — не поверил Харри.

Рита сказала:

— Он должен был предупредить кого-нибудь.

На обледелой макушке мира, на полярной шапке планеты, да еще здесь, вдали от безопасной станции Эджуэй и после гибели временного лагеря с его надувными иглу, даже подобающая обществу сдержанность в опорожнении мочевого пузыря и кишечника становилась непозволительной роскошью. Потому, собираясь уединиться ради отправления естественных надобностей, всяк полагал своим долгом уведомлять о том по крайней мере одного из своих сотоварищей, чтобы было известно, за каким бугорком или торосом надо искать слишком уж замешкавшегося человека. Кто-кто, но уж Брайан точно особенно остро переживал капризы ледника и погоды, так что вряд ли посмел бы нарушить этот местный обычай, столь благоразумный.

Не прошло и пары минут, как Роджер с Питом вернулись, торопясь поскорее поднять очки на лоб, а обледелую снегозащитную маску, наоборот, стянуть пониже.

— На саях его нету, — сообщил Роджер. — Да и нигде его нет, там, где мы искали. — Серые глаза канадца, обычно бесстрастные, излучали тревогу.

— А с кем он ехал сюда? — спросил Харри. — Кто был с ним в одном снегоходе?

Все переглянулись.

— Это был Клод?

Француз покачал головой.

— Не я. По-моему, с Францем он ехал.

— Это я ехал с Францем, — сказал Джордж Лин.

Рита разозлилась. Заталкивая под капюшон непокорную рыжеватую прядь, она раздраженно воскликнула:

— Боже милостивый, неужто вы потеряли его в суматохе?

— Быть такого не может. Как это так — потеряли? — отозвался Харри.

— Разве что сам захотел потеряться, — непонятно на что намекнул Джордж Лин.

Харри это предположение поставило в тупик:

— С чего это вдруг он пожелал бы оторваться от компании?

Явно не тронутый всеобщей обеспокоенностью, Джордж Лин решил, что настало самое время позаботиться о своем носе. Покончив с тщательно выполненной процедурой, китаец, деликатно соразмеряя свои движения, сложил носовой платок и старательно упрятал его в карман на куртке, а затем застегнул «молнию». Лишь после этого он соизволил обратить внимание на нетерпеливое любопытство Харри.

— В газетах столько про него писали: Испания... Африка... и повсюду он рисковал своей жизнью ни за грош, забавы ради.

— Ну так что?

— Суицидальные тенденции, — произнес Лин так, словно сказал нечто само собой разумеющееся и очевидное.

Недоумение Харри не только не рассеялось, но и дополнилось приступом легкой ярости.

— Ты хочешь сказать, что он помирать собрался и затем отстал от остальных?

Лин только плечами повел.

Харри даже и думать ни о чем подобном не желал.

— Господи помилуй! Но Джордж, Брайан не такой. Что ты мелешь?

— Он мог оступиться, — сказал Пит.

— Упал и покалечился.

Клод Жобер развил это предположение:

— Упал, головой ударился, крикнуть не сумел, а мы так спешили сюда, что ничего неладного не заметили.

Харри все еще отказывался верить в сам факт пропажи человека.

— Такое бывает, — настаивал Пит.

С сомнением в голосе Харри сказал, не став спорить:

— Наверно. Ладно, нормально, значит, мы выходим и ищем. Мы с тобой, Пит. На двух снегоходах.

Роджер выступил вперед.

— Я с вами.

— Довольно будет двоих, — отмахнулся было Харри, торопливо возвращая свои очки на глаза.

— Я настаиваю, — не успокаивался Брескин. — Видишь ли, меня это все особенно касается. Весь сегодняшний день этот Брайан вел себя на льду просто по-геройски. Не задумываясь полез в пропасть, когда надо было вытащить свалившегося с утеса Джорджа. Сам я дважды бы подумал, прежде чем пойти на такое дело. А он — ничего. Просто взял и пошел. И я знаю: попади я в беду, он точно так же, не колеблясь, кинется на выручку. Это для меня ясно, как божий день. Потому тебе придется считаться с моей волей, хочешь ты того, или нет.

Харри просто не мог вспомнить другого такого случая, когда бы Роджер Брескин произносил речи, да еще такие длинные. Ну, что ж, красноречие помогло.

— Ладно, давай.

* * *

Кок корабельного камбуза был самым драгоценным сокровищем подлодки «Илья Погодин». Его отец работал шеф-поваром в ресторане гостиницы «Националь», и от своего отца здешний кок перенял колдовское искусство кулинарии, творя с пищей такие чудеса, что новозаветный рассказ о насыщении многих тысяч людей пятью хлебами и несколькими рыбками казался повестью о заурядном и ничем не примечательном трюке. Стол «Ильи Погодина» славился на весь подводный флот.

Кок как раз принялся готовить рыбную селянку¹ — такова, решил он, будет первая перемена вечернего стола. Белая рыба. Лук. Лавровый лист. Яичные белки. Аромат, шедший из камбуза, уже заполнил центр дальней связи, а теперь дошел и до рубки управления.

На пороге Горова повстречал чуть ли не бросившийся к нему Сергей Беляев, вахтенный офицер, руководивший погружением.

— Капитан, помогите вразумить Леонида. — Тут он показал на молодого матроса, того самого, что следил за световыми индикаторами аварийной сигнализации на борту.

Горову некогда было разговаривать, но и дать знать Беляеву, что его капитан встревожен, тоже было нельзя.

— Что стряслось-то?

Беляев скорчил уморительную рожу.

— Леонид пойдет за стол в первую смену, а я буду есть — только в пятую.

— Ясно.

— Я посулил ему, если он только согласится поменяться со мной очередями, познакомить его с роскошной белокурой женщиной, как только мы придем в Калининград. Баба, доложу я вам, совершенно замечательная. Клянусь. Грудь, что твои арбузы. Хоть на пьедестал ее ставь, вместо гранитной статуи. А вот Леонид, несчастный дурак, не хочет махнуть со мной.

Горов сказал и улыбнулся:

— Ну, а кто захочет? Какая женщина сравнится с обедом, который готовят для нас? Да и надо еще поискать простака, который поверит, что женщина, если она и в самом деле роскошная и белокурая и грудь, как арбузы, может иметь что-то общее с Сергеем Беляевым!

В кубрике раздался громкий хохот, отозвавшийся раскатами эха под низкими сводами помещения. Широко улыбаясь, Беляев сказал:

— Лучше бы я ему рублишек рваных посулил.

— Это куда больше по делу, — согласился Горов. — А еще лучше американские доллары, если есть. — Он пошел к диаграммному столику, сел за него, устроившись на свободном стуле, и потянул за сложенную перед Эмилем Жуковым распечатку. Это была радиограмма, лишь пару минут назад доставленная, после обработки в кодере и компьютере дальней связи.

— Вот и опять есть что почитать, — негромко сказал Горов.

Жуков отодвинул в сторону свои обновляемые данные и поправил очки в тонкой оправе, сползшие было на его длинный нос. Потом развернул лист:

РАДИОГРАММА

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

ВРЕМЯ: 19 4 00 МИН МСК

ОТПРАВИТЕЛЬ: ДЕЖУРНЫЙ ОФИЦЕР

ПОЛУЧАТЕЛЬ: КАПИТАН Н. ГОРОВ

ПРЕДМЕТ: ВАШЕ ПОСЛЕДНЕЕ СООБЩЕНИЕ ЗА НОМЕРОМ 34-Д

СЛЕДУЕТ ТЕКСТ:

ВАШ ЗАПРОС РАССМАТРИВАЕТСЯ АДМИРАЛТЕЙСТВЕ ТЧК

¹ В оригинале по-русски.

ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ УСЛОВНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ТЧК ПРОИЗВЕДИТЕ НАДЛЕЖАЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КУРСЕ ТЧК ПОДТВЕРЖДЕНИЕ РАЗРЕШЕНИЯ ЛИБО ЕГО ОТМЕНА БУДЕТ ПЕРЕДАНА ВАМ 17 Ч 00 МИН ВАШЕГО ЧАСОВОГО ПОЯСА ТЧК Жуков устремил на Горова напряженный взгляд.

— Что это? — спросил он.

Горов понизил голос, но попытался не подавать виду, что беседа у них тайная. Незачем было команде или мимо проходящему матросу догадываться, что начальство секретничает.

— Как что? По-моему, вы прочитали текст. И все поняли. Это — подлог, Эмиль, фальшивка.

Первый помощник не знал, что и думать. И слов для ответа тоже не было.

Горов склонился к нему.

— Это — ваша защита.

— А зачем мне защищаться?

Горов перехватил распечатку из рук своего первого помощника и аккуратно расправил листок. Затем спрятал его в нагрудный карман.

— Мы изменим курс и сразу же пойдем к айсбергу. — Потом постучал пальцем по карте на столе: — Мы идем на айсберг, спасти ученых с Эджуэй и Брайана Дохерти.

— У вас нет разрешения Министерства. Фальшивая шифрограмма не годится для...

— Какие еще разрешения? Спасать людей надо.

— Не надо, капитан, прошу вас. Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

— Когда мы начнем это дело, я вручу вам поддельное коммюнике, вот эту бумажку. И вы будете ее хранить, чтобы показать ее в свое оправдание в случае расследования.

— Но я ведь читал настоящую шифрограмму.

— Скажете, что не читали.

— Это не так-то просто.

Горов сказал:

— Кроме меня, на судне нет ни единого человека, который знает, что вам известно подлинное сообщение. Любому трибуналу я скажу, что показывал вам фальшивку, и ничего больше.

— Но если будут допрашивать, там же и наркотики в ход пойти могут, и вообще они знают методы. Впрочем, я не собираюсь действовать вопреки приказу и...

— Так или иначе, но приказу вы не подчиняетесь. Или моему, или министерскому. Теперь, прошу вас, послушайте меня, Эмиль. Это верное дело. И правильное. Поступать нам иначе просто нельзя. И я буду всячески выгораживать вас. В мое-то слово вы, надеюсь, верите?

— Как своему. Нимало в нем не сомневаюсь, — незамедлительно и не задумываясь ответил Жуков, отводя наконец глаза, как бы в смущении, что вот, его капитан подумал, пусть на миг, что он, Жуков, может усомниться в верности капитанского слова.

— Что ж, Эмиль, тогда я не понимаю. — Первый помощник молчал, и тогда Горов продолжил уговоры. Речь его была тихой, но убеждающей и напористой. — Не будем зря терять время, лейтенант. Коль уж мы собрались спасти этих бедолаг Христа ради, совершенно ни к чему ожидать, пока они погибнут, так и не дождавшись помощи.

Жуков снял очки. Потом закрыл глаза и кончиками пальцев постучал по векам.

— Мы с вами ведь уже давно служим вместе?

— Семь лет.

— Бывали трудные моменты, правда? — сказал Жуков.

Вроде вот этого, подумал про себя Горов.

Жуков убрал ладонь с лица, но глаза пока не открыл.

— Тогда норвежский сторожевик сбросил на нас глубинные бомбы — помните? Когда нас в Осло-фьорде засекли.

— Да, момент был напряженный.

— А те игры в кошки-мышки с американской субмариной у побережья штата

Массачусетс?

— Как мы их тогда накололи, а? Они остались в дураках, — вспомнил и Горов. — Да, команда у нас славная была.

— И я не помню, чтобы вы перепугались или отдали приказ, представляющийся мне неуместным.

— Благодарю, Эмиль.

— До нынешнего момента.

— Да и теперь тоже.

Жуков открыл глаза.

— При всем моем к вам уважении, все это на вас не похоже. Это безрассудство.

— Не соглашусь. Никакой безответственности в своих действиях я не усматриваю. Вообще. И, как я о том уже говорил вам, я уверен, что Штаб даст добро на спасение терпящих бедствие.

— Так почему бы не подождать до передачи в семнадцать ноль ноль?

— Нельзя терять время. Знаю я эти чиновничьи темпы в министерстве. Они там все заволокут. А мы должны добраться до айсберга, прежде чем не будет слишком поздно. Коль уж мы установили их местонахождение, нам не понадобится бездна времени, чтобы забрать этих людей со льдины к нам на подлодку.

Жуков поглядел на часы.

— Сейчас двадцать минут пятого. Через сорок минут у нас на руках будет решение министерства.

— Но речь идет о спасении терпящих бедствие.

Часто сорок минут, и даже меньше, это — вопрос об успехе или провале. То есть о жизни и смерти.

— Вас не переубедить.

— Так точно.

Жуков вздохнул.

— Вы можете отстранить меня от командования кораблем, — сказал Горов. — Немедленно. На то у вас есть серьезные причины. У меня не будет основания обижаться на вас, Эмиль.

Разглядывая руки, которые у него слегка дрожали, Жуков ответил."

— А если они не дадут столь чаемого вами разрешения, что тогда? Вы вернетесь на прежнее место, к исполнению задания по радионаблюдению?

— А интересно, что мне останется делать?

— Вы в самом деле вернетесь?

— Разумеется.

— Вы не решитесь нарушить приказ Адмиралтейства?

— Ни в коем случае.

— Слово даете?!

— Слово.

Жуков стал думать.

Горов поднялся со стула.

— Так мы договорились?

— Мне придется еще немного подумать.

— Но вы согласны? Вы принимаете мое предложение?

— Вам известно, что второго своего сына я назвал в вашу честь. Никита Жуков.

— Я считаю это большой честью для себя, — кивнул капитан.

— Ладно, пусть я ошибался на ваш счет, пусть мне следовало дать сыну другое имя, что ж, если у меня были ошибочные представления, теперь мне об этом никогда не забыть. Сын всегда будет напоминать мне о вас, а если я в вас ошибся, то, значит, и о моем заблуждении. Я вовсе не хочу носить жало во плоти, как апостол Павел. Так что я дам вам еще один шанс доказать мне, что я все-таки на ваш счет не заблуждался.

Улыбаясь, Горов сказал:

— Давайте получим новый пеленг этого злосчастного айсберга, а потом надо будет пересчитать курс.

* * *

Вернувшись к третьей взрывной скважине, Пит и Роджер оставили снегоходы с включенными моторами и фарами, только на тормоз поставили. Выхлопные газы, конденсируясь на морозе, становились чем-то вроде плюмажа из блестящих хрустальных перьев. Они отправились на поиски, разойдясь в трех разных направлениях, и Харри намеревался искать Брайана Дохерти в ледниковых наносах, среди торосов высотой по пояс и среди окружавших их низеньких ледяных кочек.

Стараясь не терять бдительности, понимая, что необходимо быть начеку просто потому, что и его может пожрать буря, столь же быстро и безвозвратно, как проглотила она Брайана, Харри, в порядке предосторожности, сначала нарисовал план своего участка и лишь потом решился его обследовать. Он пользовался фонариком, лучик света превращался в его руках в своего рода мачете, которым прорубают дорогу в зарослях, — вот и он махал своим световым мечом из стороны в сторону. Немоощный желтоватый нож прорезал валящийся с неба снег, но белые джунгли оставались безучастными к потугам фонарика помочь Харри что-либо разглядеть в их белесой гуще. Через каждые десять шагов Харри оглядывался, чтобы убедиться, что снегоход еще виден, а он не заблудился. Он уже довольно-таки далеко отошел от поляны, на которую падали хоть какие-то отсветы фар, но было понятно, что ни в коем случае нельзя терять сани из виду. Если он позволит себе заблудиться, никто не услышит его крика — ветер все равно воет сильнее. Правда, снег шел, и он немного умиротворил бурю: сильный снегопад рассеивал и смягчал неистовость перекачиваемых штормом огромных воздушных масс, но все равно свет фар снегохода оставался единственным маяком и знаменем хоть какой-то безопасности.

Не очень-то рассчитывая на то, что ему удастся обследовать каждый нанос и тщательно осмотреть каждую обтесанную ветрами ледовую болванку, Харри вообще-то и не питал особенных надежд на удачу в поисках Дохерти. Ветер дул что есть силы. Снегу падало столько, что за час наметало сантиметров пять, а то и больше. Стоило ему остановиться на мгновение, чтобы разглядеть какую-нибудь особенно вытянутую или необычайно темную тень, как за эти секунды неподвижности вокруг его подошв успевали образовываться маленькие сугробики. Если Брайан валяется на льду, да еще без сознания или после удара, лишившего его возможности передвигаться, и это длится вот уже четверть часа, а то и дольше... Ну, за это время его присыплет так, что он будет неотличим от всех этих кочек наледи и сугробов, которых не сосчитать на широкой зимней равнине.

«Безнадега», — думал Харри.

Потом где-то метрах в одиннадцати от взрывной шахты он решил покрутиться вокруг здорового ледяного валуна, размерами с шестнадцатиколесный грузовик, вроде тех, что известны под именем «Мак». За этим фургоноподобным брусом льда Харри увидел потерявшегося. Брайан лежал на спине, навзничь, вытянувшись во весь рост, одна рука на груди, другая — под боком. Очки и снегозащитная маска были на лице. Со стороны могло показаться: да чего тут такого? Отдыхает человек и, устав, решил прикорнуть на минутку. Валун, имея немалую высоту, укрывал не только от ветра, но и от метели, так что лед здесь был чист от снега и, следовательно, не занесло порошей и Брайана. А коль скоро ветер сюда не проникал, то и, значит, не оказывал — ветер, как известно, усиливает испарение, то есть понижает температуру обдуваемого предмета — своего охлаждающего действия. Таким образом, Брайан не должен был слишком замерзнуть. Тем не менее тело было недвижно и скорее всего безжизненно.

Харри опустился на колени подле распростертого тела и потянул маску на лице вниз, к подбородку. Из полуоткрытых губ время от времени выползали слабые облачка пара.

Периодичность их появления во времени была какой-то беспорядочной, во всяком случае, регулярность не усматривалась. Живой. Но надолго ли? Сколько он еще протянет? Губы тонкие и бескровные. Кожа блее, чем снег вокруг. На щипок не отзывается. Недвижные веки даже не шелохнулись. И пролежал на льду уже минут пятнадцать, а то и больше, пускай тут и ветра нет, разве что шалый порыв иногда прорвется, пусть на нем полный комплект полярного снаряжения, все равно, Брайан уже пострадал от пребывания на холоде. Харри осторожно потянул маску вверх, стараясь прикрыть ею понадежнее бледное лицо.

Теперь надо было решить, как вытаскивать этого Брайана отсюда. Харри задумался, высчитывая наилучший вариант, но тут увидел, что кто-то движется к нему во мраке. В темени поблескивал снопок света, сначала слабенький, но по мере приближения разгоравшийся все ярче и резче.

Роджер Брескин плелся по неровному льду, раздвигая своим большим телом тяжелые шторы снега, как бы опираясь на луч фонарика, который он нес перед собой, — вот так слепец ощупывает дорогу тростью. Похоже было на то, что Брескин заблудился и вышел за пределы назначенного ему участка. Увидав Брайана, Роджер как-то замешкался.

Харри нетерпеливо стал подавать ему знаки.

Опуская снегозащитную маску, Брескин поспешил подойти поближе.

— Он живой?

— Не очень.

— Так что все-таки произошло?

— Не знаю. Давай-ка доволочем его до снегоходов и сунем в теплую кабину, может, отогреется. Берись за ноги, а я...

— Да я один дотащу.

— Но...

— Так ведь будет и легче, и проще.

Харри взял из руки Роджера протянутый ему фонарик.

Здоровенный мужик нагнулся и поднял Брайана, как будто в этом парне было не больше пяти кило весу.

Харри же пошел впереди, прокладывая путь среди сугробов, торосов и кочек, держа курс на снегоходы.

* * *

В 16 ч. 50 мин. американцы из Туле вышли на связь с Гунвальдом Ларссоном, чтобы сообщить ему еще несколько безрадостных вестей. Траулер «Либерти» последовал примеру «Мелвилла», сочтя шторм непреодолимой силой, дерзнуть противостоять коей могут разве что самые могучие военные корабли и Круглые идиоты. Тральщику просто не хватало мочи двигаться вперед — не пускали тяжелые, плотные, мощные волны, захлестнувшие, кажется, весь север Атлантики и все не покрытые льдом, незамерзшие участки акватории Гренландского моря. «Либерти» решил пойти на попятный всего пять минут назад, когда впередсмотрящий доложил, что по штирборту у носа замечается какое-то бучение обшивки. Американский радист еще раз заверил Гунвальда, что в Туле все молятся о несчастных на льдине. Да и по всему миру — тут сомневаться не приходилось — повсеместно возносились молитвы о терпящих бедствие на айсберге.

Сколько бы людей ни молилось теперь и сколь бы ни были истовыми их прошения, Гунвальду от этого легче не стало. Холодная, равнодушная, неопровержимая правда состояла в том, что капитан «Либерти», пусть несомненно по необходимости и с большой неохотой, пошел на решение, означавшее, в сущности, вынесение смертного приговора восьмерым.

Гунвальд никак не мог сейчас выйти на связь с Ритой. Нет, не теперь, не сию минуту. Может, через час — или еще на четверть часа позже. Нужно время, чтобы взять себя в руки. То были его друзья, и они ему не были безразличны. О, как ему это было не все равно! Ну не мог он взять на себя роль вестника смерти. И не хотел. Его била дрожь. Надо было

подумать, — а для этого нужно время, — о чем и как говорить.

Ему необходимо выпить. Хотя Гунвальд был не из тех, кто привык устранять внутренние напряжения, прибегая к употреблению горячительных напитков, и вообще слыл человеком со стальными нервами, он влил в себя приличную дозу водки. В шкафчике, что стоял в рубке связи, вместе с хозяйственной утварью хранилось три бутылки. Покончив с первой дозой, он понял, что у него не хватит духу вызвать Риту на связь. Он налил себе еще, поколебался, потом добавил столько же и еще чуть-чуть и лишь потом упрятал бутылку в шкафчик кладовки.

* * *

Хотя снегоходы стояли на приколе, пять небольших моторов непрерывно урчали. На полярной шапке, да еще когда вокруг свирепствует шторм, нельзя ни на секунду заглушать двигатель, потому что замерзшие аккумуляторы могут выйти из строя, а смазка в двигателе вообще может превратиться в лед за две-три минуты. Да и неугомонный ветер тоже крепчал по мере шедшего к закату дня; и ему тоже было вполне под силу уничтожить и людей, и их машины.

Выйдя из ледяной пещеры, Харри поспешил к ближайшему снегоходу. Устроившись в теплой кабине, он свернул крышку термоса, который захватил с собой. Потом несколько раз глотнул густого, свежего овощного супа. Это блюдо было мгновенно приготовлено из овощной смеси, что была заморожена и обезвожена. Полярники только залили концентрат водой и поставили его на ту самую плиту, на которой кипятили воду, чтобы запечатывать скважины со взрывчаткой. В первый раз за целый день Харри мог расслабиться, хотя и понимал, что умиротворенность эта — скоропреходяща.

В трех снегоходах левее того, в котором сидел Харри, по одному в машине сидели Джордж Лин, Клод и Роджер и в одиночестве поглощали сытный обед. Они едва-едва были видны ему: он различал лишь смутные контуры за обледелыми стеклами неосвещенных кабин.

Каждый получил по три чашки супа. В таком раскладе имеющихся пищевых запасов должно хватить не меньше, чем еще на пару обедов и ужинов. Харри решил, что рационировать еду, которая у них еще есть, нельзя, потому что холод голодному человеку опаснее, и если растягивать пищу, то они умрут ничуть не позже, но не с голоду, а от холода.

В пещере остались Франц Фишер и Пит Джонсон. Харри хорошо видел этих двоих, потому что как раз фары его снегохода светили в пролом в ледяной стене и были, следовательно, единственным источником света для их убежища. Франц с Питом расхаживали туда-сюда, дожидаясь своей очереди погреться в теплой кабине какого-нибудь из снегоходов, да еще в компании с термосом, наполненным горячим супом. Франц шагал стремительно, резко, даром, что некуда было спешить — ходи себе от стены к стене, и все. Пит мерил шагами пространство под ледовым сводом легко, не напрягаясь, как бы перетекая от одной точки к другой.

В кабину постучали, потом показалась голова Риты, отворившей дверцу, чтобы заглянуть к Харри.

С супом во рту, торопливо его проглатывая, Харри обеспокоенно спросил:

— Что-то опять не так?

Она просунулась в кабину поглубже, так что ее тело задерживало ветер и не выпускало из кабины ее не очень внятную, речь.

— Он хочет поговорить с тобой.

— Брайан?

— Ага.

— Он все еще идет на поправку?

— Ага. И резвенько так здоровеет.

— А что с ним стряслось, не рассказывал? Помнит что-то?

— Пусть сам тебе все расскажет, — сказала она.

В пятом снегоходе, от которого до пещеры было дальше всего, поместили Брайана, и он там понемногу оправлялся. Последние двадцать минут Рита провела в этой кабине, рядом с Брайаном, растирая его окоченевшие пальцы, вливая в него горячий суп и не позволяя ему провалиться в небезопасное сонное забытие. В сознание он успел прийти еще на пути от третьей взрывной скважины к пещере, но ему все еще трудно было разговаривать. Когда он только-только очнулся, было совсем скверно: терзала жуткая боль — это его оцепеневшие и отключившиеся были нервные окончания запоздало отзывались на свирепый мороз, едва не прикончивший его. Малый, по крайней мере, еще час не сумеет себя почувствовать хотя бы сносно.

Харри накрыл термос колпаком и, прежде чем надвинуть очки на глаза, поцеловал Риту.

— Мммм, — произнесла она. — Еще.

На этот раз ее язык оказался между его губ. И не оставался там недвижимым. Снежинки падали на его голову и кружились у ее лица, но дыхание Риты на его намазанной жиром коже оставалось жарким. В нем поднялось чувство огромной ответственности за Риту. Как бы хотел он уберечь ее от всякого зла.

Когда они наконец оторвались друг от друга, она сказала:

— Люблю тебя.

— Мы опять *будем* в Париже. Вот только выберемся отсюда.

— Ну а если и не выберемся, — сказала она, — нам незачем обманывать себя. Чего уж там, восемь таких лет вместе. Очень хорошие годы. Столько радости и любви — у других такого за всю жизнь не наберется.

Бессилие — вот чем он мучался. Нечего было противопоставить чудовищной невезухе. Шанса не видно. А всю свою жизнь он всегда умел доказать, что он — мужчина, стало быть, выпутается из любой передраги. Кризисы преодолевались. Всегда находилось решение, как бы ни трудна была задача. А вот это ощущение собственной немоги было внове и бесило.

Она легонько поцеловала Харри, коснувшись губами уголка его рта.

— Надо спешить. Брайан ждет тебя.

* * *

В кабине снегохода было неудобно — потому что тесно. Харри уселся сзади, на узкой скамейке для пассажира, лицом к тыльному стеклу, а Брайан Дохерти был обращен к ветровому и сидел впереди. Руль и рукоятки управления вдавливались в его спину. Коленки Брайана упирались в колени Харри. Светло не было — в кабину проникали лишь отсветы от фар, просачивающиеся через плексиглас, полнейший мрак начинался совсем рядом, и потому и без того крошечное пространство казалось еще теснее, чем было на самом деле.

Харри спросил:

— Как ты?

— Как в пекле.

— Да ты там и побывал. Совсем недавно. Правда, недолго.

— Руки и ноги — как деревянные. Не то чтобы они ничего не чувствуют. Нет, наоборот, как будто понавтыкали невесть сколько длиннющих иголок. — В голосе Брайана слышалось страдание.

— Обморозился?

— Мы еще не глядели на ноги. Но я их чувствую почти так же, как руки. А руки вроде бы целы. И вообще, кажется мне, цел я. Только вот... — Он задохнулся болью, лицо перекошилось. — Ох, Иисусе, до чего же паскудно.

Открыв свой термос, Харри спросил:

— Может, супа?

— Нет, спасибо. Рита закачала в меня больше литра. Еще капля, и я лопну. — Он потер ладони друг о друга, явно пытаясь облегчить особенно острый приступ боли. — Кстати, я по

уши втрескался в твою жену.

— Ты не одинок.

— И мне надо поблагодарить тебя. Ты же пошел меня искать. И спас мне жизнь, Харри.

— Еще один день, еще один подвиг, — не стал спорить Харри. Потом набрал полный рот супа. — А что случилось с тобой там?

— А Рита тебе не сказала?

— Она говорила, что ты сам мне все расскажешь.

Брайан замялся. Глаза только блестели в полумраке. Потом, наконец, сказал:

— Кто-то долбанул меня сзади.

Харри чуть не подавился супом.

— Что ты говоришь? Тебя что, с ног сбили?

— Ударили меня сзади по голове.

— Да быть того не может.

— Могу шишки показать.

— Покажи.

Брайан подался вперед, чтобы голова стала пониже.

Харри снял перчатку и ощупал голову парня. Две здоровенные шишки обнаруживались без труда, и на ощупь, и даже на вид, одна больше другой, обе — на затылке, одна чуть левее второй.

— Сотрясение мозга?

— Да вроде симптомов нет.

— А головная боль?

— Ох, верно, болит.

— В глазах не двоится?

— Нет.

— А не плывет ли все перед глазами?

— Нет.

— А язык не заплетается?

— Нет.

— А может, ты в обморок свалился? А?

— Я более чем уверен, что ничего такого не было, — сказал Брайан, приподнимаясь, чтобы опять сесть прямо.

— На тебя мог свалиться обломок льда сверху. А если ты упал в обморок, то ты должен был здорово удариться головой. Особенно если упал на выступ.

— Я отчетливо помню удар сзади. — Его голос звенел убежденностью в собственной правоте. — Стукнули меня дважды. Первый удар был не особенно сильный. Капюшон смягчил его. Но я поскользнулся, запнулся и, пытаясь не упасть, не успел обернуться — и тут он долбанул меня по новой. Только искры в глазах засверкали.

— А потом уж он тебя оттащил подальше, чтобы не увидели?

— Наверно. Раз никто из вас ничего не заметил.

— Черт. Не очень-то смахивает на правду.

— Ветер какой ревел? А снег? Столько его с неба летело, что я уже в двух метрах от себя ничего не видел. У него была замечательная крыша — какого еще прикрытия желать?

— Ты понимаешь, что говоришь? Ты утверждаешь, что некто покушался на твою жизнь.

— Так оно и есть.

— Но если это и в самом деле так, то чего ради он поволок тебя за валун, где нет ветра? Оставь он тебя на открытом месте, ты бы за пятнадцать минут замерз до смерти.

— Может, он думал, что убил меня. И знаешь, он и в самом деле бросил меня на открытом месте. Это я сам, ну, когда вы все уехали, я еще пытался идти. Меня трясло, рвало, колотило. Но я еще сумел отыскать укрытие от ветра. А дальше уж ничего не помню.

— Убийство...

— Оно.

Харри не хотел верить этому. И так уже голова трещала от всего, что на нее свалилось. Еще одна забота — да сил никаких на нее нет.

— Все это произошло как раз тогда, когда мы готовились сняться с третьей площадки. — Брайан замолчал, пережидая боль. — Мои ноги. Господи, прямо горячие иголки, раскаленные иголки, вскипяченные в кислоте. — Его коленки сильнее уперлись в колени Харри, но через минуту или что-то около того он понемногу расслабился. Малый — крутой, ничего не скажешь. Оклемался, и продолжал, как будто паузы в его речах и не было. — Я как раз грузил кое-какое оборудование на саночный прицеп. Тот, что стоял последним в ряду. Все были заняты. И тут ветер подул со всей силы, я еле на ногах устоял. Да еще снегу навалило столько, что я потерял вас из виду. И тут он меня и достал.

— Но кто?

— Не видел.

— Даже краешком глаза?

— Нет. Ничего не видел.

— И так вот и стукнул? Без единого слова?

— Нет, ничего он не говорил.

— Если ему так хотелось, чтобы ты погиб, чего бы ему не дожидаться полуночи? Пока что всем нам одна дорога — на тот свет. И тебе — та же участь.

Вместе с остальными. Чего он так спешил? Почему он решил тебя поторопить? До полуночи осталось-то всего-ничего.

— Ну, наверно...

— Что?

— Звучит глупо, понимаю. Но крыша у меня не поехала. Ладно, скажу: я... я — Дохерти. Из рода Дохерти.

Харри понял сразу.

— Да, есть безумцы такого сорта, для которых это... Ну, ты, конечно, очень соблазнительная мишень для этой породы. Убить Дохерти, кого-то из Дохерти — все равно кого, — это шанс войти в историю. По-моему, этот психопат аж трясся от предвкушения.

Они замолчали.

Потом Брайан спросил:

— Но кто из нас — псих?

— Кажется, это — невозможно, да? Чтобы кто-то из нашей команды...

— Угу. Но мне-то ты веришь?

— Приходится. Не могу же я поверить в то, что ты умудрился потерять сознание, а потом, не приходя в себя, нанес себе два мощных удара в затылок, а потом оттащил себя с глаз долой, да куда подальше.

Брайан вздохнул с облегчением.

Харри произнес:

— Стресс... Ну, тут всяк под таким гнетом... Если хоть кто-то из нас уже был на самом краю, то есть вполне готов был потерять равновесие, то, верно, небольшой напряг — и он уже по ту сторону. А угадать не пробовал?

— Угадать, кто это был? Нет, и не пытался.

— Я думал, ты скажешь что-нибудь про Джорджа Лина.

— Да, у него есть свои причины не любить ни меня, ни мою родню. О том он заявил во всеуслышание. И куда уж яснее. Но что бы там ни творилось у него в голове, какая бы пчела ни жалила его в задницу, я все еще никак не могу поверить, что он пошел бы на убийство.

— Уверенным быть ни в чем и ни в ком тебе нельзя. Ты не знаешь, что ворочается в башке чужого человека, да и я тоже. Так мало людей, которых знаешь по-настоящему. Как они жили и что собою представляют. Для меня... Рита — единственный человек, на которого я могу положиться, за которого я могу ручаться и в котором я нисколько не усомнюсь.

— Да, это так. Но я сегодня его спас.

— Если он — умалишенный, если он — маньяк, то какое ему дело до этого? По правде, у таких людей частенько перекошена логика. Псих способен увидеть в добром деле самую что ни на есть основательную причину для преступления. Ему могло прийти в голову, что как раз этот факт и оправдывает его желание убить тебя.

Ветер раскачивал снегоход. Зерна смерзшегося снега постукивали по крыше кабины и царапали ее.

Впервые за эти сутки Харри предался отчаянию. Из него как будто выпустили воздух. Полнейшее изнеможение.

Брайан спросил:

— А что, если он опять?

— Если он рехнулся да еще заиклился на тебе и на твоей родне, вряд ли он просто так успокоится. Да и терять ему нечего. Я про то, что в полночь и он собирается помереть.

Глядя сквозь боковое стекло на взбаламученную ночь, Брайан сказал:

— Боюсь я, Харри.

— Только дураки не боятся в такой ситуации.

— А тебе тоже страшно?

— Душа в пятках.

— По тебе не скажешь.

— Да уж, вид делать умеем. Я в штаны наложу, а никто и не заметит даже.

Брайан захохотал было, но тут же скривился: очередная судорога пронзила его конечности острой болью. Придя в себя, он сказал:

— По крайней мере, теперь-то я хоть удивляться не буду. Кто бы он ни был.

— Одного тебя оставлять нельзя, — сказал Харри. — Всю дорогу с тобой буду я или Рита.

Растирая холодные пальцы, Брайан спросил:

— А остальным расскажешь?

— Да нет. Давай скажи им, что ты не помнишь, что стряслось, что, мол, ты, верно, споткнулся и ударился головой о какую-нибудь сосульку. Лучше пускай убийца, кто бы он ни был, думает, что мы о нем и не догадываемся.

— Я тоже так думаю. Может, он бдительность потеряет. А если мы все расскажем, то он будет очень осторожен.

— С другой стороны, если он уверует, что никто ни о чем не догадывается, он сможет обнаглеть и попробовать добить-таки тебя.

— Ну, если он — лунатик, потому что хочет убить меня, хотя, наверное, я и так погибну сегодня в полночь... Да и стоит ли расстраиваться: убьют — так убьют. До полуночи и семи часов не осталось.

— У тебя такой сильный инстинкт выживания, что просто нельзя не заметить. А это — признак здорового ума.

— Правда, этот самый инстинкт выживания слишком уж сильный. Он не дает мне осознать безнадежность нашего положения. А это вполне может быть признаком лунатизма.

— Не бывает никогда ничего безнадежного, — сказал Харри. — У нас впереди целых семь часов. За семь часов всякое может случиться. Всякое.

— Например?

— Да что хочешь.

17 ч. 00 мин.

Словно огромный кит, вынырывающий из ночного моря, «Илья Погодин» во второй раз за какой-то час всплывал на поверхность. С темных бортов лодки стекали водопады воды, фонтаны взлетали выше, когда судно перекатывалось с волны на волну. Капитан Никита Горов с двумя матросами отдраил люк бронированной башенки и занял наблюдательный пост на капитанском мостике.

В течение последних тридцати минут, двигаясь на крейсерской, для подводного положения, скорости в тридцать один узел, субмарина успела сместиться от исходного пункта, в котором ей надлежало надзирать за эфиром, на семнадцать миль, то есть на двадцать семь с половиной километров к северо-востоку. Тимошенко запеленговал радиомаяк айсберга, а Горов проложил курс — вычерченная геодезическая линия представляла собой, по сути дела, отрезок прямой, пересекавшейся с расчетной траекторией айсберга. На поверхности моря «Погодин» способен был разогнаться до двадцати шести узлов; однако неблагоприятная навигационная обстановка мешала машинному отделению вытянуть больше, чем три четверти этой предельной величины. Горов очень хотел бы опять опуститься, на этот раз не на тридцать, а на все девяносто метров — там лодка, уподобившись всякой иной обитающей в пучине рыбе, скользила бы без помех, ибо любые завихрения на поверхности, какой бы шторм там ни лютовал, на такую глубину не доставали.

Из обшивки крыла за капитанским мостиком уже выдвинулся и развернулся комплекс спутниковой связи. С мостика эта операция заставляла вспомнить о распускающемся цветке. Пять лепестков радиолокатора, подрожав немного, стремительно слились воедино, чтобы превратиться в тарелку, которая уже начинала поблескивать крупинками снега и блестками наледи и изморози; но все же и тарелка, и прочие механизмы крутились, как положено, бдительно следя за небом.

Через три минуты после того, как прозвучал сигнал о начале отсчета нового часа, на мостик была доставлена записка от Тимошенко. Офицер службы связи спешил сообщить капитану, что начало поступать шифрованное сообщение из московского министерства.

Близился момент истины.

Сложив листок бумаги и сунув его в карман, Горов снова поднес к глазам прибор ночного видения. Бинобль помог ему тщательно, градус за градусом, просмотреть четверть волнуемого штормом океана. На всех девяноста градусах дуги наблюдались волны, тучи, снег. Но другая картина предстала перед взором капитана. Вместо того, что было перед глазами, он всматривался в два мучительных видения, которые переживались куда живее действительности. Будто он сидел в каком-то большом зале; судя по тому, что своды были золочеными, а люстра отбрасывала на стены радужные блики, в зале обычно проводились различные торжественные мероприятия. Оглашают приговор военного трибунала по его делу. Но в праве на защиту ему отказано. И тут же другое видение, совершенно не связанное с первым: он вглядывается в тельце мальчика на больничной кровати, пропахшей потом и мочой; мальчик — уже мертвый. Прибор ночного видения имел власть уводить и в прошлое, и в будущее.

В 17 ч. 07 мин. расшифрованное сообщение миновало люк бронированной башенки и попало в капитанские руки. Горов пропустил восемь вводных строк, сразу же углубившись в основной текст радиограммы:

ВАШ ЗАПРОС РАССМОТРЕН ТЧК РЕШЕНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ТЧК
ПРЕДПИСЫВАЕТСЯ ВЗЯТЬ КУРС АЙСБЕРГ ТЕРПЯЩИХ БЕДСТВИЕ ПОЛЯРНИКОВ
ЭДЖУЭЙ ТЧК ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД ТЧК ПРИНЯТЬ ВСЕ МЕРЫ СПАСЕНИЮ ТЧК
ПОРЯДКЕ ПОДГОТОВКИ ПРИНЯТИЮ БОРТ ИНОСТРАНЦЕВ ОБЕСПЕЧИТЬ РЕЖИМ
СЕКРЕТНОСТИ ТЧК ПРИНЯТЬ МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАКРЫТЫХ МАТЕРИАЛОВ
ЗПТ СЕКРЕТНЫХ ОТСЕКОВ СУДНА ТЧК ПОСОЛЬСТВО ВАШИНГТОНЕ СООБЩИТ
АМЕРИКАНСКИМ ВЛАСТЯМ ВАШЕМ НАМЕРЕНИИ СПАСТИ ПОЛЯРНИКОВ ЭДЖУЭЙ
ТЧК

Под последней строкой декодированной шифрограммы Тимошенко дописал карандашом два слова: *ПРИЕМ ПОДТВЕРЖДЕН*. Не оставалось ничего другого, как действовать соответственно новым, только что полученным приказам, — которые и так уже исполнялись в течение последнего полчаса.

Хотя у него вовсе не было уверенности, что остается довольно времени, чтобы забрать этих горемык с айсберга, Горов радовался так, как давно уже не радовался. Как бы то ни было, он действует, он что-то предпринимает. По крайней мере, у него есть шанс, пускай

призрачный, добраться до ученых с Эджуэя, прежде чем те погибнут.

Он засунул расшифрованную радиограмму в карман куртки и дал два коротких гудка сигнала погружения.

* * *

К 17 ч. 30 мин. Брайан провел в кабине снегохода уже битый час. Теснота надоела так, что он почувствовал клаустрофобию.

— Выйду, пройдуся.

— Не смей. — Рита включила фонарик, и в его свете ее глаза вдруг стали влажными. Она оглядела его ладони. — Ты их чувствуешь? Не щиплет?

— Нет.

— А не жжет?

— Разве что совсем чуть-чуть. А ногам так вообще куда лучше. — Он видел, что Рита все еще сомневается. — Ноги затекли. Мне размять их надо, расходиться. И потом, очень уж тут тепло.

Она заколебалась.

— Ну, лицо твое и в самом деле *обрело* живую окраску. Я хочу сказать, что цвет его отличается от былой пронзительной синевы. Ладно... Давай. Но как походишь немного, порастянешь мышцы, а особенно если почувствуешь жжение, покалывание, оцепенение и все такое, — дуй сюда немедленно. Слышишь?

— Ладно. Будет тебе.

Она натянула свои валенки, а потом всунула ноги в верхние сапоги и пошевелила в них ступнями. Потом потянулась к своей куртке, лежавшей на скамье между нею и Брайаном. Работать до пота на открытом воздухе она боялась и потому не натягивала на себя всех одежек, которые у нее были, разом. Вспотеть в полном полярном снаряжении — то же, что увлажнить кожу, а влага, стекая вниз, будет уносить драгоценное телесное тепло, что равносильно приглашению смерти — мол, давай приходи поскорее.

По тем же соображениям на Брайане сейчас не было ни куртки, ни перчаток, ни даже верхних сапог.

— Я — не такой ловкий и гибкий, как ты. Но если бы ты чуть отодвинулась, так, чтобы мне места стало побольше, я бы, пожалуй, управился.

— Да ты еще такой окоченевший и такой больной, что уж куда тебе самому. Я помогу.

— Я тебе что — ребенок?

— Хорошо трепаться. Давай-ка ноженьку сюда. Только одну сначала. Вторую потом.

Брайан улыбнулся.

— Из тебя замечательная мамаша получилась бы.

— Я и так — замечательная мамаша. Есть у меня дитятко. Харри.

Она надела верхний сапог на его разбухшую ногу. Брайан аж закричал, выпрямляя ее: суставы, казалось, разлетаются во все стороны, словно пластмассовые бусы с порванной нитки.

Когда Рита покончила возиться со шнуровкой, она сказала:

— Ну, если уж ничего другого мы и не добыли, то хоть у тебя, кажется, должно теперь хватить материала для статей в журналах.

Он сам удивился собственным словам:

— А я не буду писать в журналы. Я лучше книжку напишу. — До этого мгновения его потаенная страсть оставалась его личным делом. Теперь он раскрыл носимую в глубине души тайну человеку, которого уважал, и, следовательно, отныне ему придется относиться к своему замыслу не просто как к страстишке, как к чудаковатой одержимости, но как к чему-то, что накладывает на него обязательства и требует самоотверженности.

— Книгу? Ты бы лучше два раза подумал, прежде чем браться за такое дело.

— За последние недели я об этом тысячу раз подумал.

— Писать книгу — это сущее наказание. Воистину суд божий. Ты можешь написать тридцать журнальных статей, и в сумме у тебя получится столько же слов, сколько могло бы быть в книге. Будь я на твоём месте, я сочиняла бы статьи и даже не мечтала бы о превращении в какого-то «писателя». Коротенькие вещи сочинять — тоже не сахар, но тягомотины и в половину не наберётся по сравнению с книгой.

— Но я просто не могу — уж очень меня сама мысль захватила.

— Да знаю я, как это все бывает. Первую треть книги напишешь сразу. Но вторая треть идет туго, ты просто стараешься что-то себе доказать. А когда доберешься до заключительной части... Ой, эта последняя треть хуже каторги, — думаешь, как бы выбраться из этой затеи, и ни о чем больше не мечтаешь.

— Но я в общем представляю, как все ляжет. Получится этакое повествование. Тема уже есть.

Рита поморщилась и грустно покачала головой:

— Так ты уже зашел слишком далеко, чтобы прислушаться к доводам разума. — И помогла ему вставить ногу в сапог из тюленьей кожи. — А *что* за тема?

— Героизм.

— Чего? — Она скорчила такую рожу, словно угодила в силки. — Во имя господи скажи мне, что общего у проекта Эджуэй с героизмом?

— По-моему, все тут общее.

— Издеваешься? Или рехнулся?

— Я серьезно.

— Да я сама что-то тут никаких героев не замечала.

Брайан даже удивился: похоже, она и в самом деле была поражена.

— А ты что, в зеркало никогда не смотришься?

— Я? Это я — героиня? Мальчик милый, уж я-то дальше чего бы то ни было от всех и всяческих подвигов.

— А я по-другому считаю.

— А я всю дорогу так боюсь, что аж болею. Если не все время так, то половину его — уж точно.

— Герой — не тот, кто никогда не боится. Можно бояться и оставаться героем. Подвиг — это преодоление страха. А героическая работа — подвижничество. Ну, этот проект.

— Это — работа, и все. Опасная, это да. Дурацкая, наверное. Но героическая? Знаешь, ты все романтизируешь.

Он помолчал, пока она управлялась со шнуровкой своих сапог.

— Ну, но ведь это — не политика.

— Ты про что?

— Про то, чем вы тут занимаетесь. Вы не печетесь о власти, вам не нужны привилегии или деньги. Вы тут совсем не потому, что захотели распоряжаться людьми.

Рита подняла голову, и их взгляды встретились. Глаза ее были прекрасны — и такие глубокие, как Арктическое море. Он понимал, что она его поняла, вот как раз сию минуту. Она поняла его лучше, чем мог бы понять кто-то еще, может быть, даже лучше, чем он сам понимал себя.

— Все на этом свете полагают, что в твоей семейке полно героев.

— Ну да.

— А ты так не думаешь.

— Я просто лучше знаю.

— Ой, Брайан, они приносили жертвы. Дядю твоего ведь убили. Да и твой отец получил пулю.

— Это прозвучит подло, но, если их знать, так не покажется. Рита, никто из них и не *думая* приносить такие — да и какие бы то ни было — жертвы. Если тебя подстрелили или застрелили — какая тут, спрашивается, доблесть? Тут не больше храбрости, чем, к примеру, у того невезучего ублюдка, которого застрелили в тот самый момент, когда он вытаскивал

наличные деньги из банковского автомата. Такой бедолага — жертва, но никак не герой.

— Но ведь бывает, что в политику идут, чтобы сделать этот мир лучше.

— Мне такие незнакомы. Грязь все это, Рита. Все — из зависти и ради власти. А вот тут, если хочешь, все и вправду чисто. Труд — тяжелый, окружающая среда — суровая, но — *чистота*.

Она выдерживала его взгляд, не отводя глаз. Ему, как он ни вспоминал, вообще не попадались еще люди, способные так долго выдерживать его пристальный взгляд. После не очень долгого, но многозначительного молчания она произнесла:

— Получается, что ты — вовсе не взбалмошный богатый малый, готовый шею себе свернуть, лишь бы пощекотать нервы, а как раз так подают тебя газеты и прочие средства массовой информации.

Он первым не выдержал и отвел глаза, и, сняв ногу со скамейки, попытался в тесноте отыскать такую позу, в которой мыслимо было бы просунуть руки в рукава куртки.

— А ты, значит, так понимала меня?

— Да уж нет. Я не позволю средствам массовой информации думать за меня.

— Конечно, я понимаю, что я, быть может, обманываю себя. Наверное, они правду про меня пишут. Это я этой правды о себе не вижу.

— Есть и в газетах одна драгоценненькая правдочка — там всякое попадает, — сказала она. — А на самом деле тебе надо кое-что отыскать в одном месте.

— Где это?

— Сам знаешь.

Он кивнул.

— Ну да, знаю. В себе.

Она заулыбалась. Потом, надевая куртку, сказала:

— Ладно тебе. Будешь еще замечательным.

— Когда?

— Ох, да лет через двадцать, пожалуй.

Он захохотал.

— А то и двадцати лет не хватит. Брось, так уж, знаешь ли, эта жизнь устроена: полегоньку, шаг за шагом, изо дня в день, мучаясь, приходишь наконец к желаемой цели.

— Тебе в психиатры пойти.

— Да ну. Ведьмы — куда лучше лечат.

— Мне, бывает, сдается: надо бы найти кого-то в этом роде.

— Что? Психиатра, что ли? Поберег бы свои деньжата. Мальчик милый, тебе одно только нужно: время. И все.

Вылезая вслед за Ритой из снегохода, Брайан поразился сильному штормовому ветру. Ветер не давал ему дышать и чуть не поверг на колени. Пришлось схватиться за открытую дверцу кабины — иначе бы вряд ли удалось бы удержаться на ногах.

Эта пурга напомнила, что существует тот несостоявшийся убийца, что ударил Брайана по голове, покушается на его жизнь. На какие-то несколько минут он совсем забыл, что они — в дрейфе, что часовые механизмы заложенных взрывпакетов тикают, неумолимо приближая момент взрыва, что близится полночь. Страх вернулся к нему, как возвращается чувство вины и сокрушения сердечного в грудь священнослужителя. Теперь, когда он решил посвятить себя написанию книги, ему *очень* хотелось жить.

* * *

Фары одного из снегоходов били лучами света прямо в зев пещеры. Там, где лучи света падали на ледяные изломы, холодные кристаллы, подобно оптической призме, разлагали свет на все первичные цвета, и эти — красные, оранжевые, желтые... вплоть до фиолетового — сполохи складывались в узоры и мерцали россыпями самоцветов на огромных, по преимуществу белых или белесых, стенах исполинской камеры. Восемь искаженных

изуродованных теней, отбрасываемых телами восьми участников экспедиции, двоились и троились, скользя по сцене какого-то диковинного театра. Тени раздувались и съеживались, загадочные и таинственные, но вряд ли в них было больше мистики, чем в людях, которые их отбрасывали, — а из этих людей пятеро подозревались в покушении на убийство, а один из пятерых это самое убийство заведомо совершил.

Харри наблюдал за Роджером Брескином, Францем Фишером, Джорджем Лином, Клодом и Питом — они спорили насчет возможных вариантов времяпрепровождения на протяжении тех шести часов и двадцати минут, что остались до полуночи. Ему полагалось выступать в роли ведущего прений или, если уж не быть распорядителем, то хотя бы вставлять какие-то глубокомысленные реплики, но Харри не мог заставить себя думать о том, о чем они все толкуют. Во-первых, не имеет значения, как они проведут оставшееся время, коль скоро это не в силах помочь им выбраться с айсберга или обезвредить взрывчатку, следовательно, все споры все равно ни к чему не приведут. Более того, как ни усердствовали они в сдержанности и благовоспитанности, Харри не удавалось удержать себя от стремления приглядеться ко всей пятерке попрестальнее, будто бы склонность к психозу есть нечто очевидное, так что достаточно понаблюдать за тем, как человек ходит, разговаривает и двигается — и можно ставить диагноз.

Ход его мыслей нарушил вызов со станции Эджуэй. Голос Гунвальда Ларссона, перебиваемый выстрелоподобными щелчками электрических помех, загрохотал, отражаясь от стен пещеры.

Все остальные замолчали, резко оборвав разговор.

Когда Харри подошел к радио и ответил на вызов, Гунвальд сказал:

— Харри, траулерам пришлось повернуть назад. И «Мелвилл», и «Либерти» к вам не пробиваются. Оба судна. И уже довольно-таки давно. Я узнал об этом некоторое время назад, но... Духу у меня не было сообщать вам такое. — Голос его звучал на удивление бодро, он был возбужден, даже жизнерадостен, словно дурные вести как ничто иное способствуют появлению веселых улыбок на суровых мужских лицах. — Но теперь это неважно, Харри. Все это — побоку, Харри! Все!

Пит, Клод и остальные сгрудились вокруг радиостанции, недоумевая по поводу странного настроения далекого шведа.

Харри спросил:

— Гунвальд, ты про что толкуешь? Не томи. Не морочь голову, скажи, что, к дьяволу, значит: не важно, не имеет значения? Что не важно?

Статика корежила эфир, но когда канал стал почище, сразу же послышался и голос Ларссона:

— ...как раз пришло словечко с базы в Туле. А к ним дошла весть из Вашингтона. Подлодка у вас по соседству. В вашем районе. Харри, подлодка. Ты меня понял? Русская подлодка.

Ночь

20 ч. 20 мин.

За три часа сорок минут до взрыва

Горов, Жуков и матрос Семичастный взобрались на мостик и теперь глядели в сторону левого борта. Море нельзя было назвать спокойным, но оно не было и в такой степени взволнованно, как тогда, когда они поднимались на поверхность несколько ранее, чтобы получить депешу из Министерства. Айсберг должен был находиться лево по борту, — иначе что еще могло бы укрыть их от бури, защитить от властной силы штормовых волн и яростных порывов ветра? Но ледовую гору они не видели, хотя и радиолокатор и звуковой локатор показывали на своих экранах, что айсберг достаточно тяжел и имеет впечатляющую

массу как выше, так и ниже ватерлинии, если считать ледяную гору судном. До засеченной локаторами цели было рукой подать, метров пятьдесят-шестьдесят, не больше, однако темень укрывала ее от человеческого зрения непроницаемой завесой. Один инстинкт, только инстинкт подсказал Горову, что что-то маячит впереди, огромное и тяжелое, и догадка о том, что его корабль — в тени незримого колосса, переживалась капитаном как одно из самых волшебных и самых выбивающих из колеи ощущений, когда-либо им испытанных.

Одеты они были тепло, глаза защищены очками.

Правда, плыли под защитой айсберга, и потому можно было обойтись без снегозащитных масок, да и разговаривать было куда легче, чем хотя бы несколько часов назад, когда они тоже всплывали на поверхность.

— Мы — в какой-то подземной темнице. Вроде как в помещении, но без окон, — сказал Жуков.

Ни звезд. Ни луны. Ни флуоресцирующего свечения волн. Не помнил Горов, чтобы когда-либо раньше видел столь совершенно лишенную всяких проблесков света ночь.

Стоваттная лампочка, освещавшая мостик и висевшая чуть выше над мостиком и немножко сзади, выхватывала из мрака только непосредственно соседствующие стальные конструкции и позволяла троим морякам разглядеть друг друга. Как бы усыпанные или скорее посыпанные мелкими осколками льда, рубленые волны били в выпуклую обшивку корабля, отражая ровно столько красноватого света, сколько требовалось для создания впечатления, что будто бы «Погодин» не по воде плывет, но движется над океаном, залитым красным вином. За пределами же этого скудно освещенного круга лежала непроглядная темень, настолько беспросветная и глубокая, что даже глаза у Горова заболели, стоило ему попытаться взглянуть в мрак подольше да попристальнее.

Опалубка мостика почти целиком обледенела. Горов ухватился за нее, чтобы не упасть, когда судно здорово качнуло, и ему повезло ухватиться за голый металл. Он, конечно, не скользил, зато перчатка мгновенно примерзла к стали. Оторвав руку от слишком надежной опоры, Горов осмотрел ладонь: внешний слой кожи порвался. Надень он перчатки из тюленьей кожи, так ловко и быстро ухватиться за стальную рейку не удалось бы, — это он понимал. А если бы на нем вовсе не было перчаток, то уже не перчатка, а голая ладонь примерзла бы к металлу, и, отрываясь от опоры, Горову пришлось бы оставить на ней изрядный кусок собственного мяса.

Изумленно глядя на порванную капитанскую перчатку, матрос Семичастный воскликнул:

— Немыслимо!

Жуков бросил:

— Что за унылые места!

— Да уж!

Снег, посыпавший капитанский мостик, не походил на привычные хлопья. Температуры ниже нуля в створе с лютостью ветра порождали твердую крупу из больших снежных бусинок — метеорологи называют ее «гравием», а профаны — «градом» — и эти бусинки бьют, словно миллионы зерен белой дроби или картечи. Хуже только игольчатые копы из льда, излюбленное оружие шторма.

Трогая анемометр, установленный на мостике, первый помощник сказал:

— Скорость ветра тут у нас — тринадцать с половиной метров в секунду. А мы ведь — в тени айсберга. Надо думать, ветер вдвое, если не втрое свирепее на вершине айсберга или в открытом море.

Прикинув в уме влияние ветра, Горов подумал, что субъективно переживаемая температура, учитывающая все поправки на перемещения воздуха, должна на поверхности айсберга равняться пятидесяти, а то и пятидесяти семи градусам ниже нуля по Цельсию. Сколько он служил во флоте, и в какие переделки он ни попадал, все же спасение терпящих бедствие в таких ужасающих условиях — дело для него небывалое. Ничто в этом предприятии не обещало простоты и легкости. Очень даже может быть, что ничего не

выйдет. И он опять стал беспокоиться: все же слишком поздно они двинулись к полярникам Эджуэя — как бы не опоздать.

— Дать побольше света! — приказал Горов.

Семичастный сразу же придвинул фонарь к левому борту и щелкнул выключателем.

Сноп света более чем в полметра в поперечнике вырезал во мраке освещенный объем, так что казалось: отверстием дверцу топки швырнули в неосвещенный подвал. Огромный пучок света, скошенный вниз от шарнира фонаря, вырывал из мрака круглое пятно, похожее на мазок метров девять в длину. Но хотя этот мазок гигантской кисти, позволявший увидеть колеблемые подводным бурлением волны, и поднимающийся над ними льдистый туман, светил на слишком малую дугу круга зрения, сам фонарь, при всей его громоздкости, допускал совершать над ним самые сложные манипуляции. Целые листы света врываются в горько-соленый воздух, и было видно, как волны бьют о борт лодки, сразу же превращаясь на морозе в витиеватые поблескивающие ниточки ледяных узоров, повисавшие на какое-то неопределенное время, чтобы потом опять упасть в воду, — такая странная, настолько мимолетная, просто эфемерная красота, что на ум приходило сравнение с неповторимыми мгновениями прекрасного солнечного заката.

Температура на поверхности океана на несколько градусов превышала температуру замерзания, то есть была весьма холодной. Тем не менее тепловой энергии хватало на поддержание бурления в океане и к тому же морская вода имела должную соленость, и это значило, что весь лед, который плавал в воде и блестел в лучах прожекторного фонаря, откололся от полярной шапки, кромка коей располагалась на двадцать четыре километра севернее. Куски льда не отличались впечатляющими размерами и становились, благодаря непрерывным столкновениям друг с другом, все меньше.

Ухватившись за пару рукояток, торчавших из тыльной панели прожекторного фонаря, Семичастный повел луч света вверх, направив его на левый борт почти под прямым углом. Мощный луч пронзил полярный мрак и снегопад — и засверкал на фасаде уходящей куда-то ввысь ледяной башни, такой огромной и находящейся так близко, что наблюдавшие это зрелище трое мужчин содрогнулись.

Всего в сорока пяти метрах от мостика медленно плыл увлекаемый неторопливыми водами движущегося на юго-восток течения огромный айсберг. Хотя сзади ледяную гору подталкивал шторм, вряд ли такая масса льда способна была двигаться со скоростью, превышающей два-три узла, то есть за час айсберг дрейфовал на четыре-пять километров; тем более что основная масса айсберга уходила под воду и, следовательно, айсберг был движим не столько поверхностными бурями, сколько глубинными влияниями.

Семичастный медленно повел снопом света вправо, потом опять накренил его влево.

Утес уходил куда-то ввысь и вдаль, и так далеко, что у Горова не возникло никакого представления об очертаниях айсберга. Воображению капитана не удавалось представить ледяную гору в общем виде. Любая подробность, выхваченная пучком лучей из мрака, могла быть рассмотрена со всей возможной тщательностью, однако цельной картины не возникало — детали оставались не связанными друг с другом.

— Лейтенант Жуков, запустить осветительную ракету.

— Есть запустить ракету.

Жуков держал в руках ракетницу. Он поднял свое орудие — этакий кургузый пистолет с толстым, очень длинным стволом и пятисантиметровым по диаметру дулом — вверх и, вытянув руку на всю ее длину, пальнул в направлении левого борта, в темноту, начинающуюся за бортом.

Ракета медленно поднималась вверх, навстречу валящемуся с небес снегу. Какое-то мгновение было видно, как она сыплет себе вслед искры и дым, но потом она пропала в метели, словно угодив под вуаль или проникнув в какое-то другое измерение.

Девяносто метров... сто двадцать метров... сто пятьдесят...

Высоко-высоко сигнальная ракета взорвалась яркой, сияющей жарким пламенем луной. И луна эта стала терять высоту не сразу по своем возгорании в небе, но чуть погодя. Падая,

она смещалась к югу — давал знать себя ветер.

Высвеченный лучами сигнальной ракеты яркий конус с основанием, диаметр которого достигал не менее шестисот пятидесяти метров, окрасил холодным светом поверхность океана, выявив ее зеленовато-серую окраску. Беспорядочные, ибо не повинующиеся, во всяком случае, на первый взгляд, никакому явственному ритму, кромки рубленых волн наползали друг на друга словно стая нескончаемого числа безумных в своем неистовстве птиц, а навстречу стае ползли косяки из столь же неисчислимого множества рыб — получалось, как на картинах Морица Эсхера, рисовавшего орнаменты, на которых пустоты между пернатыми заполняли такого же размера рыбины.

Айсберг внушал опасливое почтение — как-то не по себе становится подле такой громадины: гора уходила в высоту по крайней мере метров на тридцать, а ее правый и левый отроги вообще терялись во мраке. Вот уж действительно — фортификационное сооружение, которому могла бы позавидовать любая из рукотворных крепостей на этом свете. Судя по данным радиолокации и акустической локации, айсберг тянулся почти на полтора километра в длину. Неожиданное появление огромной ледяной горы из пятнистого зеленовато-серо-черного моря вызывало подозрения о ее искусственном происхождении — уж слишком эта ледяная твердыня походила на какое-то капище, на тотем, вообще на созданный людьми монолит, которому его зодчие приписывали неведомое ныне религиозное значение. Он высился, блистая гладкими, как стекло, безупречными, без единого изъяна гранями. Не было ни выхода на поверхность внутренних слоев, ни каких-нибудь насечек. Строгость вертикали словно исключала любые неровности как нечто неуместное и непозволительное.

Горов питал надежду отыскать взглядом какой-нибудь зазубренный утес — лучше, чтобы это был пологий склон, постепенно уходящий под воду, или хотя бы ступенчатый отрог. Нужно было найти такое место, где выбираться на лед — задача сравнительно несложная и, конечно же, решаемая. Море возле ледяной горы выглядело не настолько бурным, чтобы несколько мужчин не сумели преодолеть водную преграду. Но вот подходящего для высадки плацдарма Горов, как ни глядел, не обнаруживал.

В арсенале подлодки среди всякой всячины на складах хранились и три надувных плотика с моторами, а также недурной ассортимент альпинистского снаряжения. За последние семь лет «Илья Погодин» целых пятнадцать раз принимал на борт пассажиров весьма необыкновенных — по большей части это были оперативники из армейского спецназа, убийцы, прекрасные натасканные диверсанты, небольшие разведотряды — и следовавших в места не совсем обыкновенные. Высаживать их приходилось там, где почти не попадались нежелательные свидетели; чаще всего это были пустынные участки побережья, отличавшиеся изломанностью береговой линии и сложным рельефом. Лодка Горова по ходу таких пассажирских рейсов всплывала в территориальных водах семи западных стран. А в случае войны субмарина и вообще могла дополнительно разместить в своих каютах и кубриках команду десантников общим числом до девяти человек, в дополнение к полностью укомплектованному экипажу, причем высадка десанта на берег должна была занимать не более пяти минут при выполнении всех требований безопасности, даже если погода стояла бы никуда не годная.

Но сначала надо отыскать местечко, куда могли бы причалить плоты. Какой-нибудь маленький карниз. Уютную бухточку. Да хотя бы проем или выемку близ ватерлинии. *Хоть что-то.*

Словно читая мысли капитана, Жуков заметил:

— Даже если мы и сможем посадить тут пару человек, один черт, им же надо будет кувыряться дальше: попробуй-ка залезь на эту гору.

— Да мы бы с этим справились.

— Не знаю: люди — не мухи, а тут тридцатиметровая стеклянная витрина. И стоит отвесно.

— Во льду всегда можно вырубить ступеньки, — возразил Горов. — У нас есть альпинистские шипы. Топоры, ледорубы, веревки и костыли, чтобы вбивать их в камень.

Есть горнолыжные и альпинистские ботинки, есть багры и крючья. Да все у нас есть.

— Но экипаж подлодки набран из подводников, а не из скалолазов, капитан.

Сигнальная ракета теперь сияла прямо над палубой «Ильи Погодина». Ее по-прежнему сносило к югу. Свечение уже нельзя было назвать ни резким, ни ярко-белым; оно приобрело какой-то желтоватый оттенок и стало мерцать и мигать. Сама горящая ракета была окутана дымом, из-за чего на зеркальной поверхности айсберга заиграли причудливые тени, искореженные и согбенные, и продолжающие извиваться и ломаться еще и еще.

— Те, кто в силах, сумеют, — возразил Горов.

— Наверное, — не стал стоять на своем Жуков. — Я понимаю, что это возможно. Более того, я сам, пожалуй, сумею, если будет надо, *я лично* не боюсь высоты. Но ни я, ни матросы ни имеют необходимого опыта. У нас просто нет нужной для таких вещей сноровки. На нашем борту не найти человека, способного совершить восхождение со скоростью опытного альпиниста. Или хотя бы вдвое медленнее. Нам же понадобятся часы. Мы будем лезть три, четыре часа, а то и пять, и лишь потом сумеем добраться до верхушки айсберга и наладить спуск людей с Эджуэй на плоты. А за это время...

— ...За это время необходимо успеть до взрыва. Если мы обернемся с высадкой и эвакуацией и до взрыва останется хоть час, то полярников можно будет поздравить с невероятно счастливым везением, — закончил Горов мысль своего первого помощника, заодно давая тому понять, что спорить не о чем.

Надвигалась полночь. Стремительно и неумолимо.

Сигнальная ракета, моргнув, погасла.

Семичастный упорно продолжал водить лучом фонаря туда-сюда, отыскивая хоть какую-никакую площадку возле ватерлинии — уступ, трещину, пролом, — а вдруг они что-то так и не заметили?

— Давайте поглядим еще с наветренной стороны, — предложил Горов. — А вдруг там есть кое-что получше.

В пещере, в нетерпеливом ожидании новых сведений от Гунвальда, люди повеселели: все же замаячила надежда на избавление. И вместе с тем мучала боязнь: а вдруг подлодка не успеет добраться до полуночи. И все то умолкали, то, казалось, говорили в голос, и все сразу.

Выждав, пока под сводами опять раздался всеобщий гомон, и убедившись, что все настолько отвлечены спором, что до него никому нет дела, Харри негромко извинился, сообщив, что ему якобы понадобилось выйти в уборную. Проходя мимо Пита Джонсона, он шепнул:

— Выйдем, потолковать надо.

Пит только изумленно заморгал.

Бросая эту реплику, Харри шагал как ни в чем не бывало, ни на миг не сбавив поступи и даже не глянув на инженера. Так же, на ходу, он подтянул повыше маску, опустил на место очки, а потом вышел из пещеры. Согнувшись навстречу ветру и включив фонарик, Харри поплелся вдоль шеренги рокочущих снегоходов.

При этом он думал, что в баках аэросаней осталось не так уж много топлива. Того и жди, вот-вот двигатели станут глохнуть друг за другом. И уже совсем скоро. Значит, света не станет. И тепла тоже.

За снегоходами была площадка, которую они выбрали на роль сортира временного лагеря. Она была укрыта между параллельными стенками П-образной ледяной гряды, возникшей из нагромождения ледяных обломков, которые смерзлись между собой и с застрявшим на них и между ними снегом. Гряда возвышалась метра на три, и до надувных домиков, которые сейчас стали руинами, от площадки внутри огромного ледяного "П" надо было пройти метров восемнадцать-двадцать. Харри вовсе не испытывал в этот самый момент потребности облегчиться, но что еще, как не зов природы, могло убедительнее всего и удобнее всего оправдать уход из пещеры и, стало быть, отрыв от товарищей? Он добрал до пустого пространства между рогами месяцеподобного тороса, сбившего спесь с ветра, сопротивляясь ему, и прошаркал к тыльному закутку этого чуланчика, хранившего в себе

относительный мир и покой, и там уже остановился, спиной к гряде.

Так он стоял и размышлял, думая о том, что, может быть, здорово ошибается насчет Пита Джонсона. Чужая душа — потемки. Не про то ли он напоминал Брайану, втолковывая тому, что никогда нельзя быть вполне уверенным насчет того, что творится в уме и сердце другого человеческого существа. Друг, любимая, словом, даже существо известное, изученное, проверенное и доверенное может вдруг оказаться непостижимым, обнаруживая в себе и обнажая перед другими темные вожделения и низменные страсти. Да, всяк из нас — тайна внутри тайны, упрятанной в загадку. По ходу длящейся всю его жизнь погони за приключениями Харри, волей судьбы и случая, выполнял, одна за одной, по очереди, разные работы, сходящиеся между собой в том, что всегда круг будничного, повседневного общения Харри ограничивался столь малым числом людей, что вряд ли такое было бы возможно в любой другой профессии. Так что, принимая очередной брошенный ему вызов, Харри знал: противником будет не другой человек — такого не бывало, но — всегда — сама мать-природа. А природа бывает противником трудным и упорным, но не ведает вероломства: она зачастую — могуча и беззаботна, но в ее кажущейся жестокости нет злого или заднего умысла; в любом поединке с нею Харри мог не опасаться проиграть из-за коварства, обмана или предательства. И тем не менее он осмелился пойти на риск конфронтации с Питом Джонсоном.

Как хотелось ему иметь при себе пистолет!

Держа в уме покушение на жизнь Брайана, то, что Харри отправился на ледник без крупнокалиберного личного оружия, которое всегда бы носилось под паркой, выглядело преступной глупостью. Правда, его опыт до сих пор был таков, что он и не думал, что, по ходу геологических изысканий, может понадобится пристрелить человека.

Через какую-то минуту появился и Пит, поспешивший к той же тыльной стенке П-образного укрытия, которому если чего и не хватало, так разве что кровли.

Они стояли лицом к лицу, лишь опустив маски и подняв очки повыше, на лоб. Лучики обоих горящих фонариков светили вниз, под ноги. Поэтому лица мужчин как бы подсвечивались снизу — свет отражался ото льда под ногами — лицо Пита пылало, словно своим внутренним светом. Губы и щеки Харри были тоже освещены, но ярче, чем лоб, глаза поблескивают из глубоких впадин в черепа, похожих на черные дыры; словом, зрелище одной из страшных масок на празднике Хэллоуин.

Пит заговорил первым:

— Мы тут что? Перемывать кости другим будем? Или же вдруг у тебя возникли романтические чувства ко мне?

— Разговор будет серьезным, Пит.

— Черт, только этого не хватало. Рита узнает — от меня и мокрого места не останется.

— Давай-ка сразу к делу. Мне хочется знать... почему ты хотел убить Брайана Дохерти?

— Мне не нравилось, как он причесывается. Пробор не на том месте.

— Пит, я не шучу.

— Ладно, пусть это будет потому, что он обозвал меня «темненьким».

Харри только взглянул на него, но ничего не сказал.

В высоте над их головами, там, где торчал гребень гряды, служившей им укрытием, стоял вой и свист — штормовой ветер, зная, был недоволен тем, что ему приходится продираться через естественные амбразуры и обдираться через построенные природой зубцы в сваленных друг на друга как попало ледяных брусках.

Ухмылка на лице Пита понемногу сникла.

— Мужик, да *ты* и вправду серьезно.

— Да уж, я не про дерьмо собачье, Пит.

— Харри, бога ради, что тут творится?

Харри несколько долгих секунд глядел на него, надеясь, что молчание выбьет Пита из колеи. Харри ждал реакции. Наконец, он сказал:

— Положим, я тебе верю.

— Как это? Верить мне — насчет чего? — Растерянность на широкой черной физиономии здорового мужчины выглядела искренней и естественной — воистину, агнец. — Что ты сказал? Неужто ты и в самом деле думаешь, что кто-то мог попытаться прикончить его? А когда? Это когда мы ушли с третьей взрывной площадки, да? Он тогда отстал еще. Но ты же говорил, что он упал. Мол, он так сказал. Он сказал, что упал и ударился головой. Разве не так?

Харри вздохнул, почувствовав, что сковывавшее его напряжение как-то спало, во всяком случае, шею и плечи не так тянуло.

— А, будь оно все неладно. Если это — и *в самом деле* ты, то ты — дьявольски хорош. Я верю даже, что ты и вправду ничего не знаешь.

— Эй, слушай: я *знаю*, что и вправду я ничего не знаю.

— Так вот, Брайан не падал и не терял сознание от удара. И потеряли мы его не случайно и не по причине несчастного случая. Кто-то долбанул его по башке сзади. Дважды.

Пит потерял дар речи. Впрочем, в положении и роли, которые выпали ему, обыкновенно и не бывает нужды сразу же размахивать шашкой или саблей.

Так скоро, как это только было можно, Харри пересказал Питу суть своего разговора с Брайаном, случившегося в кабине снегохода несколько часов назад.

— Господи Иисусе! — сказал Пит. — И ты подумал, что я мог бы быть этим самым типом.

— Ну да. Хотя я и не подозревал тебя так сильно, как кое-кого из прочих.

— Минуту назад ты ждал, что я вцеплюсь тебе в глотку.

— Извини. Ты мне дьявольски нравишься, Пит. Но я знаю тебя всего ничего — мы познакомились-то месяцев восемь или девять назад. Может быть, тебе есть что от меня скрывать: какие-нибудь предрассудки, взгляды там...

Пит покачал головой.

— Эй, тебе не в чем оправдываться. У тебя нет оснований доверять одному больше, другому меньше. Извинения мне твои не нужны, я их не требую. Но я тебе, мужик, скажу: ну и потроха у тебя. Ты, правда, не доходяга и не коротышка, но тягаться со мной... Ну, не знаю, не знаю...

Харри поднял глаза, чтобы взглянуть в лицо Питу, и вдруг увидел, что его приятель кажется еще большим великаном, чем когда-либо прежде. Плечи широки, как дверной косяк. Могучие руки. Прими Пит те самые приглашения от профессиональных команд американского футбола, одно его присутствие на поле немало бы значило, да и белому медведю, объявись тот сейчас, пришлось бы с Питом повозиться, и еще неизвестно, кто кому задал бы хорошую трепку.

— Будь я тем психом, — сказал Пит, — и задумай я прикончить тебя здесь и сейчас, ты вряд ли выкрутился бы.

— Так, но что делать? Разве у меня был выбор? Мне нужен хотя бы один союзник, и ты, на мой взгляд, казался наиболее подходящим на эту роль. Кстати, спасибо тебе за то, что ты не отвинтил мне голову.

Пит откашлялся и сплюнул в снег.

— Я поменял мнение о тебе, Харри. Нет у тебя никакого геройского комплекса, и близко даже ничего похожего нет. Просто для тебя такая линия поведения — естественна, такая уж у тебя храбрость. Таким ты получился, таким ты пришел на этот свет.

— Да я лишь пытаюсь делать то, что мне положено делать, — почти раздраженно ответил Харри. — Как мы оседлали этот айсберг, так всю дорогу и кажется, что полуночи сегодняшней нам не пережить. И потому я думал, что мне с Ритой надо глаз не спускать с Брайана. Я считал, что этот наш незадачливый убийца не упустит любого шанса, если мы не уследим за уже побитым парнем, но, по моим расчетам, вряд ли он станет изобретать какие-то уловки или утруждать себя хитроумными планами... Ну, ладно, а что теперь? Давай повычисляем. Если он думает, что Брайан будет опасен, то, надо думать, он способен на всякое, выкинет вдруг что-нибудь... Может даже попытаться снова достать малого, не

побоявшись даже разоблачить себя. Потому мне нужен еще кто-нибудь, кто мог бы помочь мне с Ритой в случае чего.

— И я, стало быть, назначен на этот пост.

— Мои поздравления.

Порыв ветра перебрался через гребень гряды и понесся вниз, к людям, стоявшим там. Они опустили головы, ожидая, пока столб белого снега не свалится с их спин. Этот снег, закинутый шальным порывом урагана в их укрытие, казался почти таким же плотным, таким густым и падающим так стремительно, как падает снежная лавина. На несколько секунд обоих ослепило и оглушило. Потом шквал-внутри-шторма соизволил наконец покинуть их закуток и удалиться в пространство между рогами месяцеобразной ледовой гряды.

Пит спросил:

— Раз уж ты так озабочен, то, верно, решил, что кое за кем из остальных следовало бы следить попристальнее, чем за другими. Я правильно понимаю?

— Я считаю своим долгом переадресовать этот вопрос тебе. Мне уже известно, что думают по этому поводу Брайан, Рита и я сам. Мне не помешал бы свежий взгляд со стороны.

Пит не полез в карман за нужным ответом, он выдал его сразу.

— Джордж Лин, — произнес он, как только Харри замолк.

— В моем списке подозреваемых он тоже занимает первую строчку.

— А не первую и последнюю, то бишь единственную? Что, по-твоему, разве эта кандидатура — не очевидна? Или — она слишком уж очевидна?

— Пожалуй. Но это — не основание вычеркивать его из списка подозреваемых.

— А, кстати, что с ним такое? Что-то в нем не то, правда? Я ведь про что говорю: ну, как он привязался к Брайану, да откуда у него вообще такая злоба? Из-за чего?

— Я толком про это ничего не знаю, — сказал Харри. — Похоже, что-то стряслось с ним еще в Китае, он тогда был совсем маленьким. Его детство пришлось на последние годы правления Чан Кайши. И, когда гоминдановцев выкинули с материка, с ним случилось нечто, что навсегда покалечило его душу. И похоже на то, что Джордж как-то связал свои невзгоды с родом Брайана, — ну, как же, у них в семье все занимаются политикой.

— А то давление, которое мы испытываем тут, особенно если речь идет о нескольких последних часах, могло раздавить его совсем. Вот крыша и поехала.

— Полагаю, что это вероятно.

— Но не радуется.

— Не очень, во всяком случае.

Пит Джонсон заходил, разминая и согревая движением заочевенные ступни. Харри последовал его примеру.

Спустя минуту такой разминки, не прерывая своих упражнений, Пит спросил:

— А что ты думаешь про Франца Фишера?

— А с ним что неладно?

— Он очень прохладно относится к тебе. И к Рите. Не то чтобы это отношение направлялось точно на нее... но, несомненно, есть что-то не то в его взгляде, когда он смотрит на Риту.

— Да ты наблюдателен.

— Как знать, тут может быть профессиональная зависть: ведь вы вдвоем за последние пару лет столько научных премий отхватили.

— Он не так мелок и низок.

— А что же тогда? — Когда Харри замялся, Пит резанул: — Что, не мое дело, да?

— Он знал ее раньше.

— До того как вы поженились?

— Да. Они любовниками были.

— Так он действительно завидует и ревнует. Но не из-за научных наград.

— Видимо, так оно и есть.

— Она — замечательная дама, — сказал Пит. — Всякий, кому довелось бы потерять ее, с тем чтобы она досталась тебе, вряд ли бы считал тебя таким уж славным малым. А тебе не приходило в голову, что по этой причине, быть может, не стоило бы включать Франца в команду?

— Коль уж мы с Ритой сумели оставить эту часть прошлого позади, расстаться с нею, то почему бы не думать, что и ему это удалось?

— Потому что он — не ты и не Рита. Он занятый только собой ученый червь. Выглядит хорошо, и смысленный такой, и даже кое в чем умудренный и искушенный, а все равно — что-то изнутри гложет, как-то не все ладно. В основном — он от чего-то не застрахован, не защищен. Может, он и приглашение участвовать в экспедиции принял лишь потому, что хотел предоставить Рите шанс сравнить вас — тебя и его — в экстремальных условиях. Он, верно, надеялся, что тут, на льду, ты затрепыхаешься, а тут — он, совсем рядом. Настоящий супермужик, полярник, да что там, эскимос и вождь полярных народов, великий Нанук всего Севера, более великий, чем сама жизнь, и такой мужественный мужчина, что самые крутые мачо из Латинской Америки рядом с ним — тьфу! Но наступил день, и даже он должен был понять, что ничего тут ему не обломается, что не выплясывается ничего. Думаю, этим и объясняется, что он так скурвился.

— Все равно для меня это ничего не объясняет.

— А мне так даже очень много что объясняет.

Харри оставил свою физкультурную разминку, боясь вспотеть и простудиться.

— Ладно, пускай Франц и в самом деле ненавидел меня и, быть может, даже Риту. Но с какой стати его чувства *к нам*, какие бы они там пылкие ни были, переродились бы в нападение на Брайана?

Прошагав еще немного, Пит через какой-то десяток шагов тоже остановился.

— А кому известно, что творится в душе у психопата?

Харри покачал головой.

— Может быть, это был Франц. Но не из ревности ко мне.

— Брескин?

— Да это же круглый нуль.

— Он всегда поражал меня: *чересчур* уж замкнут. Сам по себе.

— Ой, всегда мы готовы накинуться на человека, если тот кажется нелюдимым, — сказал Харри. — Ну, держится человек в стороне, все про себя и при себе. Но тут не больше логики, чем подозревать Франца только потому, что у него с Ритой когда-то — много лет назад — что-то там было.

— А скажи, почему Брескин эмигрировал из США в Канаду?

— Не помню. Да он, может, и не рассказывал.

— Должно быть, существовали какие-то политические причины, — предположил Пит.

— Да, такое бывает. Но у Канады почти такая же политика, как в Штатах. Я что имею в виду? Ведь коль уж человек решил покинуть родину и сменить гражданство, то его новая родина должна коренным образом отличаться от прежней. Ну, там, строй государственный другой, правительство не так правит, экономика иная. — Харри чихнул и шмыгнул готовым потечь носом. — Кстати, у Роджера была замечательная возможность прибить пацана еще до обеда, сегодня. Когда Брайан болтался над пропастью, спускаясь с утеса, чтобы дотянуться до Джорджа, Роджер мог запросто перерезать канат. И ума для этого большого не надо, а умнее ничего не придумаешь.

— А может, он и убивать никого не хотел, даже Брайана. Или, быть может, ему нужна была гибель только Брайана. А обрежь он веревку, погиб бы не только Брайан, но и Лин. В одиночку Роджер Джорджа бы не вытащил.

— А почему он не перерезал веревку, когда Лин уже был наверху?

— А потому что Джордж был свидетелем.

— Чтобы у психопата да такие способности к самоконтролю? Кстати, какой уж тогда из Джорджа был свидетель? Он же был едва жив и еле-еле соображал. Вряд ли он понимал что-

либо тогда хотя бы наполовину.

— Но ты же сам сказал, что Роджер — круглый нуль.

— Мы пошли по кругу.

Пар, выдыхаемый ими по ходу разговора, конденсировался и становился льдистым туманом. Тучка, образовавшаяся между их головами, стала уже настолько плотной, что собеседники с трудом различали черты друг друга, хотя между их головами вряд ли было больше шестидесяти сантиметров.

Помахивая ладонью, чтобы отогнать туман подальше от стены их укрытия, Пит сказал:

— Мы забыли про Клода.

— Мне он кажется самой неподходящей кандидатурой.

— Ты давно его знаешь?

— Пятнадцать лет. Шестнадцать. Что-то вроде этого.

— А на льду прежде с ним бывал?

— Неоднократно, — сказал Харри. — Мужик что надо.

— Он часто вспоминал покойную жену. Колетту. Он все еще плачет о ней. Переживает. Трясется. Когда она умерла?

— В этом месяце будет уже три года. Клод как раз на льду был, впервые за два с половиной года смог выбраться, и тогда-то ее и убили.

— Убили?

— Она прилетела из Парижа в Лондон. Думала отдохнуть. И в Англии пробыла всего трое суток. А Ирландская революционная армия послала своих террористов, и те подложили бомбу в тот ресторан, в котором Колетт завтракала. Взрыв поразил насмерть восемь человек, в том числе и ее.

— Боже милостивый!

— Одного из виновников поймали. До сих пор сидит.

Пит сказал:

— А Клод никак не мог с этим смириться.

— Ах, конечно. Колетт была замечательная. Тебе бы она понравилась. Они с Клодом были так же близки, как мы с Ритой.

На мгновение оба замолчали.

Где-то в высоте, над грядой стонал ветер, словно душа, оказавшаяся между этим и тем светом и потому вынужденная оплакивать свою долю. И опять ледник навел Харри на мысль о погосте. Его передернуло.

Пит проговорил:

— Если мужчина горячо любил женщину, а эту женщину у него вдруг отняли да еще разорвали на кусочки бомбой, — утрата может сильно покалечить его. Он не свихнулся?

— Это не про Клода. Сломался, да. Отчаялся, да. Но не рехнулся. Он — добрейший...

— Его жену убили ирландцы. ИРА.

— Ну так что?

— А Дохерти — ирландец.

— Натяжка. Он, если ты так уж хочешь, Пит, на самом деле — ирландо-американец. Да еще третье поколение.

— Говоришь, что одного из этих бомбистов поймали?

— Ага. Но только одного, других даже и не зацепили.

— А не помнишь, как его звали?

— Нет.

— Не носил ли этот террорист фамилию Дохерти? Или что-то в этом роде?

Харри поморщился и, скорчив гримасу, махнул рукой, как бы отстраняясь от подобных измышлений.

— Утомонись, Пит. Ты соглашаешься на такие натяжки, что того и гляди все построение рухнет.

Здоровенный мужик опять пустился в ходьбу на месте.

— Догадываюсь о том. Может, ты и прав. Но, знаешь... и дядю Брайана, и его отца обвиняли в заигрывании с их ирландо-американскими избирателями и в предоставлении этим общинам льгот за счет других групп населения. А кое-кто вообще утверждал, что род Дохерти сочувствует левому уклону в ИРА до такой степени, что на счета Ирландской республиканской армии секретно поступают немалые пожертвования, от родни Брайана или по ее почину.

— Да, я тоже слышал об этом, но подобные обвинения так никогда и не были доказаны. Политика — клевета, дразги. По крайней мере, судя по тому, что мы знаем. В сущности, на настоящий момент правда такова: у нас... четверо подозреваемых, и ни один из них не представляется заведомо виновным. О заклад я бы биться не стал...

— Поправка.

— Какая?

— Шесть подозреваемых.

— Франц, Джордж, Роджер, Клод...

— И я.

— Тебя я отвожу.

— Ни в коем случае.

— Вали-ка ты.

— Я серьезно, — сказал Пит.

— Знаешь, мы с тобой поговорили, и я теперь уверен, что ты не...

— А что, есть такой закон, который запрещает убийце-психопату быть прекрасным актером?

Харри поглядел на товарища, пытаясь разобрать через льдистый туман выражение лица. И вдруг злонамеренность, читавшаяся в лице Джонсона, показалась чем-то истинным — Харри почувствовал, что это — не просто игра света, проделавшего многотрудный путь от фонариков ко льду под ногами и обратно вверх и претерпевшего многие отражения и искажения.

— Ты меня достал, Пит.

— Добро.

— Понимаю: ты мне правду сказал, ты — не тот. Но ты же сам говоришь, что нельзя мне доверять никому, даже на миг, пусть я думаю, что вот этого-то я знаю, как брата родного.

— Именно. В точности так. И эта правда про нас тоже. Нас обоих. Потому в шестую строчку списка занеси свое имя.

— Как? *Мое?*

— А что, тебя разве тогда с нами не было? На третьей взрывной площадке? Ты же был с нами.

— Но ведь это я нашел его. Когда мы вернулись к третьей скважине поиска ради.

— Ну да. Ты еще сам, лично, поделил площадку на участки и сказал, где кто будет искать. Потому, надо полагать, ты и мог выбрать себе тот самый участок. Чтоб наверняка знать: он умер или нет, ну, до того, как ты его «отыщешь». А Брескин смешал тебе все карты, выйдя на тебя, прежде чем ты смог нанести Брайану *coup de grace*¹.

У Харри перехватило на миг дыхание. Он изумленно пялился на Джонсона.

— А если ты как следует рехнулся, — продолжил Пит, — ты, чего доброго, даже и не понял, что в тебе сидит убийца.

— Ты же на самом деле не веришь, что я способен убить.

— Есть вероятность в одну миллионную. Но мне доводилось видывать выигрывавших при куда меньших шансах.

Хоть Харри и понимал, что Пит всего лишь дал ему отведать того самого лекарства, которым сам Харри так щедро потчевал Пита — мол, попробуй сам, что это такое: быть подозреваемым, — все же напряжение, ослабевшее было, вернулось и вновь стало стягивать шею и плечи.

¹ Милосердный удар (фр.). Удар, которым добивали тяжело раненного.

— Знаешь, что не так у вас, у калифорнийцев?

— А то как же. Мы заставляем вас, бостонцев, почувствовать себя какими-то неполноценными, приниженными. Ведь мы так хорошо понимаем себя, так умудрены и искушены, а вы — скованны и подавлены.

— Я-то на самом деле подумал, что из-за всех этих ваших землетрясений, пожаров, оползней, селей, мятежей и убийц, совершающих свои преступления какими-то сериями, вы просто-таки не можете не быть параноиками.

Они заулыбались друг другу.

— А теперь, пожалуй, надо двигать назад. В пещеру, — произнес Харри.

* * *

Две осветительные ракеты на расстоянии в сто пятьдесят метров друг от друга парили в ночном небе, а в помощь свету с небес по основанию айсберга, там, где оно соприкасалось с морем, по блистающим ледяным утесам скользил сноп света, вырывающийся из раструба прожекторного фонаря.

Наветренная сторона айсберга не производила впечатления столь же неприступной, как уходящая по отвесу ввысь. Над ватерлинией уступами выдавались располагавшиеся друг над другом три неровных карниза. Каждый из них ниспадал по высоте на семь или чуть больше — до девяти метров, а все вместе они выступали в воздух над морем метров на шесть, на семь с половиной. Между этими огромными полками под углом к ним вырастал метров на пятнадцать, если не больше, утес, который шел в высоту, обрываясь узеньким карнизом, от которого до кромки плоской верхушки айсберга оставалось всего метров шесть, правда, эти шесть метров представляли собой вертикально уходящий в высоту гладкий обрыв.

— Видите карнизы? К ним могли бы причалить надувные плоты, — сказал Жуков, внимательно разглядывая лед через бинокль. — А по тому утесу мог бы пройти и нетренированный человек. Но не в такую погоду.

Горов вряд ли услышал его — уж слишком зловеще завывала буря, ритмично раскачивавшая лодку, переваливавшуюся с одной высоченной волны на другую.

Море у наветренного фланга ледовой горы казалось более неистовым по сравнению с укрытой от шторма подветренной стороной. Огромные волны с размаху ударяли в основание айсберга.

Такой прибой без труда опрокинул бы среднего размера спасательную шлюпку, а если бы с «Погодина» спустили надувной плот, то его тут же море разнесло бы вдребезги. Что для такой волны резиновый плот с мотором? Да и сама субмарина, хоть и оснащенная турбинами общей мощностью в тридцать киловатт и имеющая водоизмещение, при нахождении на поверхности моря, в шесть с половиной тысяч тонн, не без труда удерживала заданный курс. Нос судна то и дело уходил под воду, а когда его удавалось задрать вновь, лодка со стороны походила на страшного зверя, воющего с плавуном или зыбучими песками. Волны с яростью набрасывались на надстройку над палубой, отдаваясь затяжными судорогами в обшивке корпуса, взрывались у кромок крыла, заливая мостик и поднимаясь фонтанами, достававшими до головы капитана. На мужчинах, что находились на мостике, были, казалось, ледяные доспехи: покрытые наледью сапоги, расцвеченные изморозью брюки, сплошные чешуйки и плитки льда на куртках.

Свирепый ветер, судя по показаниям анемометра, установленного на мостике, прогонял воздух со скоростью в тридцать два метра в секунду, а отдельные порывы удваивали эту цифру или хотя бы увеличивали ее в полтора раза. Снежная картечь неистовствовала, как громадный рой диких пчел; эти холодные насекомые так свирепо жалили лицо Горова, что у того слезились глаза.

— Обойдем айсберг вокруг и вернемся на подветренную сторону, — сияясь докричаться до стоявших буквально плечом к плечу своих подчиненных, еле уместившихся на тесном мостике, скомандовал капитан.

Он слишком живо представлял уходящий на тридцать метров ввысь обелиск, ожидавший их с той стороны айсберга, но выбирать было не из чего. Навстречная сторона горы вообще не была доступна.

— На другую сторону — и потом что? — спросил Жуков.

Горов заколебался в раздумье.

— Ну, может, удастся канат на верхушку закинуть. Человек по канату туда взберется. Зацепимся, страховочный батут натянем.

— Канат? Забросить на верхушку? — Жуков не верил в успех затеи. Он склонился к капитану, вплотную приблизив свое лицо к уху Горова, чтобы поделиться своими сомнениями: — Ладно, пусть это получится, пусть за лед удастся зацепиться, пускай. Может быть, это и мыслимо. Но не забывайте: это задача о двух подвижных телах. И айсберг, и наше судно не стоят на месте.

— Положение отчаянное. Может, и получится — с перепугу. Не знаю. Попробовать надо. Есть время, есть место, осталось только начать.

Если бы несколько человек, оснащенные всем нужным снаряжением, оказались бы каким-то образом — с помощью страховочного бакена, скажем — перенесены с подлодки на верхушку айсберга, то остальное — дело техники: они, например, смогли бы заложить заряд и, взорвав его, создать уютную бухту, в которую сумели бы пробраться надувные спасательные плоты. А там мыслимо и закинуть канат на верхушку айсберга. А имея натянутый канат, спускаться с ледовой горы было бы не труднее, чем мухе ползать по вертикальной стенке.

Жуков посмотрел на часы.

— Три с половиной часа! — прокричал он, перекрывая ветер, дувший так, словно конец света уже наступил.

— Очистить мостик! — скомандовал Горов. И затем запустил тревожную сигнализацию режима погружения.

Когда минуту спустя он добрался до рубки управления, первое, что он услышал, были слова мичмана:

— Зеленый на борту!

Жуков и Семичастный уже ушли в свои каюты, чтобы переодеться в сухое.

Сходя с бронированной башенки по лестнице, капитан стряхивал со ступенек хрупкие нашлапки льда и был остановлен офицером, руководившим погружением.

— Капитан?

— Я иду переодеться. Погрузите лодку на двадцать три метра и верните ее в тень подветренной стороны айсберга.

— Слушаюсь.

— Я буду минут через десять.

— Есть.

В своей каюте, уже скинув промерзшие и промокшие полярные одежды и облачившись в сухую флотскую форму, Горов присел на краешек стула возле письменного стола и дотронулся до фотографии сына. Все на снимке смеялись: гармонист, сам Горов и маленький Никки. Но самая лучезарная улыбка была у малыша: он улыбался от всей души. Одной ручонкой он вцепился в ладонь отца. В другой руке мальчик держал рожок ванильного мороженого, которым перепачкал верхнюю губу. Пышные, развевающиеся на ветру золотые волосы. Сколько радости и любви в этом снимке! Дитя всегда освещает жизнь светлым и добрым сиянием.

— Клянусь, что управлюсь так скоро, как это только можно, — произнес Горов еле слышно, обращаясь к фотографии.

Мальчик глядел прямо ему в глаза и улыбался.

— Я спасу людей. И успею до полуночи. — Горов с трудом узнавал собственный голос. — И не буду больше высаживать на чужие берега убийц и диверсантов. Теперь я буду спасать людей, Никки. И знаю, что смогу. Я не дам им погибнуть. Обещаю.

Он сильно сжал пальцами, которые от отлива крови побелели, фотографию.

Безмолвие в каюте угнетало, потому что это была тишина мира, того мира, куда пришлось уйти Никки, это была тишина утраченной навсегда любви, тишина будущего, которого никогда не будет, снов, которые снова и снова возвращаются.

По коридору кто-то шагал, насвистывая. Человек явно направлялся к двери каюты Горова.

Свист подействовал на капитана как отрезвляющая пощечина: Горов дернулся и сел прямо. Он вдруг понял, каким же он стал сентиментальным. Он переживал свою повышенную чувствительность как что-то недостойное. Сентиментальность не помогала и не могла помочь примириться с утратой, то, что Горов позволял себе расчувствоваться, оскорбляло дорогие его сердцу воспоминания о сыне.

Злясь на себя, Горов отложил фото. Потом поднялся и вышел.

* * *

Лейтенант Тимошенко в течение последних четырех часов был свободен от вахты. Он пообедал, потом вздремнул на пару часиков. И вот в восемь сорок пять, за четверть часа до урочного времени он опять вернулся в рубку центра дальней связи, готовясь заступить на вахту, которая продлится до часу ночи. Один из его подчиненных работал с техникой, пока лейтенант Тимошенко, сидя за рабочим местом в углу, читал журнал и потягивал горячий чай из алюминиевой кружки.

Капитан Горов, сойдя со сходного трапа, направился к Тимошенко.

— Лейтенант, по-моему, наступило время выйти на прямую связь с людьми на айсберге.

Тимошенко отставил кружку и поднялся.

— Что, снова всплываем?

— Через несколько минут.

— Хотите поговорить с ними?

— Доверяю это вам, — сказал Горов.

— А что я им скажу?

Горов наскоро поведал лейтенанту итоги обследования айсберга, то есть все то, что удалось понять троим дозорным на мостике во время обхода вокруг огромного острова из льда, а именно: наветренная сторона безнадежна из-за бури, а подветренная сторона представляет собой отвесную стену, — и в общих чертах набросал план использования спасательного бакена со страховкой.

— И скажите им, что мы будем сообщать о каждом своем шаге.

— Есть.

Горов направился к выходу.

— Подождите! Они наверняка поинтересуются, есть ли вообще какой-то шанс на спасение. Что вы думаете, капитан, на этот счет?

— Шансы не слишком велики. Если честно.

— Значит, мне не стоит вводить их в заблуждение?

— Думаю, честность лучше всего.

— Так точно.

— Однако, знаете, убедите их, что мы постараемся. Мы готовы на все, что только под силу человеку. И мы сделаем то, что требуется, не так, так иначе. Что бы там ни было против нас, мы, с помощью божией, будем стараться, у меня такая решимость... за всю свою жизнь не припомню, чтобы я был таким решительным. Это вы им тоже скажите, лейтенант. Обязательно постарайтесь донести до них это. Обязательно.

20 ч. 57 мин.

Харри поразило, насколько свободно говорил русский радиооператор на английском

языке. Можно было подумать, что говорит человек, учившийся, а то и добившийся ученой степени в одном из университетов в Британии. Конечно, официальным языком на станции Эджуэй был английский. Тут не было ничего из ряда вон выходящего: почти любая из международных или многонациональных исследовательских групп выбирала в качестве языка общения английский. Но было что-то удивительное в той безупречности, с которой изъяснялся на этом языке российский подводник. Правда, мало-помалу, особенно по ходу долгих объяснений Тимошенко насчет подветренной стороны айсберга — почему именно она представляется единственным вероятным маршрутом, по которому можно надеяться как-то подступиться к айсбергу — Харри привык и к беглой речи, и к английскому произношению русского офицера.

— Но если айсберг простирается на четыреста пятьдесят метров, — спросил Харри, — почему бы вашим людям не зайти с другого конца?

— К несчастью, море слишком бурное, а по краям айсберга оно почти такое же бурное, как и у наветренной стороны.

— Но эта затея со спасательным бумом, — с сомнением в голосе произнес Харри, — я понимаю, там веревки, канаты. Но как зацепиться, когда и айсберг не стоит на месте, и лодку болтает?

— Мы попытаемся так подстроить ход лодки, чтобы ее скорость не отличалась от скорости айсберга. Иначе говоря, эти два физических тела будут неподвижны друг относительно друга. И тогда протянуть канат между айсбергом и лодкой станет не труднее, чем осуществить то же между двумя неподвижными точками. К тому же спасательный бакен — не единственное решение из возможных. Мыслимы иные варианты. Коль это дело не пойдет, придумаем что-нибудь еще. Вам нет нужды беспокоиться насчет этого.

— А не проще ли будет послать водолазов? Они могли бы пройти под днищем айсберга и выйти на более доступную сторону. Тем более что у вас должно быть аквалангистское снаряжение, аппараты скуба, например.

— И еще у нас есть несколько очень хорошо обученных ныряльщиков, — сказал Тимошенко. — Но все же море такое жестокое, что и с подветренной стороны к нему не подступиться. Тут такие волны и такие течения, что аквалангистов протащит слишком быстро. Это почти то же самое, что нырять в водопад.

— Знаете, мы не хотели бы, чтобы кто-то слишком рисковал своей жизнью ради нас. Какой смысл в спасении одних ценой гибели других? Судя по тому, что вы сказали, ваш капитан уверен в себе. Потому я склонен возложить все тревоги и заботы на вас. Так оно лучше будет. У вас есть еще что-нибудь для меня?

— Пока это все, — ответил Тимошенко. — Будьте у вашей радиостанции. Мы будем держать вас в курсе происходящего.

* * *

У всех, не считая Харри и Джорджа, нашлось что сказать по поводу связи с лодкой «Илья Погодин», и особенно насчет того, что сообщил русский офицер связи. Полярники делились своими идеями насчет помощи русским, в частности, некоторые думали, что могли бы помочь экипажу подлодки зацепиться за высокую стену подветренной стороны айсберга — и все это, казалось, каждый хотел высказать самым первым, не дай бог, чтобы кто-то опередил его. И как только что-нибудь дельное приходило кому-нибудь в голову, тот сразу же хотел уведомить об этом всех прочих. Ледовая пещера наполнилась голосами полярников, отзвуками и отголосками и раскатами эха этих отзвуков и отголосков.

Харри выступал в роли модератора конференции и, как и полагается распорядителю, не только охлаждал страсти, но и старался удержать товарищей от бессмысленных распрей.

А вот Джордж Лин не вступал в общий разговор, пока усилия Харри не погасили общее возбуждение. Но, заметив, что спорящие чем дальше, тем сильнее успокаиваются, Джордж наконец вошел в круг и встал лицом к Харри. Ему явно хотелось что-то сказать, но он ждал,

потому что хотел, чтобы его непременно услышали. Наконец, решив, что все, кто хотел высказаться, высказались, Лин риторически спросил:

— А что делает русская подлодка в этом закутке планеты?

— В каком еще закутке?

— Ты понял, о чем я говорю.

— Боюсь, что нет, Джордж.

— Она — не здешняя.

— Да мы в международных водах.

— Но до России отсюда очень неблизкий путь.

— Если подумать, то не очень.

Лицо Лина искажала злоба, а голос дрожал от напряжения.

— Но как они узнали о нас?

— Полагаю, они слушали эфир и следили за радиотелефонными разговорами.

— Вот именно. Точно так оно и есть, — произнес Лин с таким подчеркнутым упором на своих словах, словно торжествовал: он доказал истину. Лин поглядел сначала на Фишера, а потом на Клода, надеясь, что хоть кто-то из собравшихся его поддержит. — Радиограммы. *Мониторинг*. Подслушивание, если точнее. — Он обернулся к Роджеру Брескину: — А чего ради русским следить за обменом радиограммами в этой части света? — Когда Брескин лишь пожал плечами, Лин сказал: — Я скажу вам — зачем. По той же самой причине, по которой лейтенант Тимошенко так лихо изъясняется по-английски. «Погодин» совершает шпионский рейс. Это — богом проклятое шпионское судно, лазутчики они, и больше они никто. Вот все почему.

— Похоже на то, — согласился Клод, — но вряд ли это обстоятельство должны мы принять за какое-то поразительное откровение. Знаешь, Джордж, нам это может не очень нравиться, но так уж на этом свете ведется. Что поделаешь.

— Разумеется, это — шпионский корабль, — сказал Фишер. — А вот будь эта посудина из числа тех подлодок, что оснащены ракетами с ядерными боеголовками, будь это один из кораблей Судного дня, то они бы не посмели даже дать нам знать, что они где-то рядом. Им никто бы не разрешил нарушить секретность. Нам *радоваться* надо везению: это только хорошо, что корабль — шпионский и что они почему-то захотели договориться.

Лин был явно обескуражен вялой реакцией своих товарищей, но, похоже, не собирался успокаиваться, твердо решив внушить им верное понимание сложившегося положения вещей и, следовательно, равную степень обеспокоенности таковым. Сам-то он был до того встревожен, что это бросалось в глаза.

— Послушайте меня да подумайте хорошенько обо всем этом. Это — не *просто* шпионский корабль. — Его голос поднялся до визгливо высоких нот на последних словах. Ладони рук, которые он держал по швам, сжимались и разжимались, почти судорожно. — На судне — моторизованные плоты, да еще — боже милостивый! — у них есть снаряжение, чтобы закрепить этот самый спасательный буй, привязав его к какой-то точке на суше. Это значит, что лодка развозила лазутчиков и подрывников по разным чужим странам, а может, и убийц. И скорее всего она высаживала этих вредителей и на берега наших собственных стран!

— Убийцы и саботажники? Ну, это, пожалуй, уже натяжка, — лениво отозвался Фишер.

— Какая там натяжка! — горячо заспорил Лин. Лицо у него покраснелось, и в этот миг ясно было видно, насколько важным и настоящим кажется ему то, что он пытался втолковать остальным. Похоже, его волнение мешало ему заметить то, что действительно угрожало их существованию. Слушая его, человек впечатлительный мог бы и в самом деле подумать, что самая большая опасность — не убийственный мороз и не шестьдесят бомб с часовым механизмом, а русские, которые посулили избавление. — Убийцы и диверсанты, я уверен в этом более чем. Эти коммунистические ублюдки...

— Они уже не коммунисты, — заметил Роджер.

— В новом правительстве тоже немало преступных людей. Это те же самые старые

преступники, а когда наступит подходящий момент, все вернется на круги своя. Неужели вы этого не видите? Неужели вы мне не верите? И все они — дикари, варвары, на все способные. *На все, что угодно.*

У Пита Джонсона, к удовольствию Харри, глаза стали совсем круглыми:

— Слушай, Джордж, я уверен, что Соединенные Штаты поступают точно так же. Это такая житейская правда, стандартные международные отношения. Русские — не единственный народ, подглядывающий за ближними и соседями.

Заметно содрогнувшись, Лин воскликнул:

— Это — *не просто* шпионаж, это — *много* хуже! И, как бы оно там ни было, нечего, будь оно все проклято, оправдывать и узаконивать этого «Илью Погодина»! — И он изо всей силы ударил левым кулаком в раскрытую правую ладонь.

Брайан поморщился, увидав этот жест, и глянул на Харри.

Хотел бы Харри знать, не эта ли рука — и не с этим же неистовым рвением — поднялась на льду на Брайана.

Осторожно дотронувшись рукой до плеча Лина, Рита сказала:

— Джордж, успокойся. Что ты такое говоришь? Что значит «узаконить»? Прости, но в твоих словах не много смысла.

Каким-то змеиным, плавным движением Лин мгновенно обернулся к Рите, словно его напугало ее прикосновение, и сказал:

— А ты не поняла, почему эти русские собираются нас спасти? Ты что, думаешь, что их тревожит наша гибель или наше выживание? Это им безразлично. Мы их *не колышем*. Их действия не зависят от каких-то там гуманных принципов. Что их интересует, так это только пропагандистская ценность ситуации. Они собираются нас использовать. В самом лучшем случае мы для них — пешки, так, подручное средство. Они хотят раздуть пророссийские чувства в мировой печати.

— Это чистейшая и совершеннейшая правда, — сказал Харри.

Лин опять обернулся к нему, надеясь, что сумел-таки хоть кого-то обратить в свою веру.

— Конечно, это — правда.

— По крайней мере, часть ее.

— Нет, Харри. Не частичная. Это — *полнейшая* правда. Вся правда. И нечего нам позволять им такое!

— Мы — не в том положении, когда можно выбирать и отказываться, — сдержанно заметил Харри.

— Разве что мы решимся остаться здесь. И умереть, — сказал Роджер Брескин. Его глубокий, низкий голос, пусть и лишенный каких-то аффектированных чувств, придал простенькой констатации фактов качества зловещего пророчества.

Пит не выдержал.

— Ты этого хочешь, Джордж? Ты что, всех чувств уже лишился? Или разума? Что, останешься тут умирать?

Лин словно опьянел. Он потряс головой: нет, мол.

— Но ты разве не...

— Нет.

— Не понимаешь...

— Что? Чего я не понимаю?

— Что они такое, кто они такие, чего они хотят? — Китаец проговорил эти свои вопросы так жалостно, что Харри стало неудобно за него, хотя появилось и какое-то сочувствие к бедолаге. — Они... они...

Пит решил дожать.

— Ты хочешь, значит, остаться тут и погибнуть? Это — единственный вопрос со смыслом и значением. Тут собака зарыта. Так ты что, умереть захотел?

Лин засуетился, беспокойно переводя взгляд с одного лица на другое, пытаясь отыскать хоть в ком-то признаки сочувствия и поддержки, а потом опустил глаза долу.

— Нет. Конечно, нет. Никому умирать не хочется. Я только... только... Виноват. Простите меня. — Он повернулся и пошел в дальний конец пещеры и стал там беспокойно ходить взад-вперед точно так, как это делал он несколько ранее, тогда, когда понял, что как-то не так повел себя с Брайаном.

Склонившись к уху Риты, Харри прошептал:

— А почему ты не потолковала с ним?

— Ах да, конечно, — произнесла она и растянула губы в подчеркнуто неестественной улыбке. — Мы могли бы обсудить международный коммунистический заговор.

— Ха-ха.

— Он — такой очаровательный собеседник.

— Рита, ты понимаешь, о чем я тебя прошу, — заговорщическим шепотом продолжал Харри. — Надо ободрить его, поднять его дух.

— Не уверена, что моих сил на то будет достаточно.

— Ну, если ты не сможешь, то уж точно больше никто не сумеет. Слушай, пошла бы к нему, рассказала бы ему, какие у тебя страхи, как ты справляешься с этой напастью изо дня в день. Ведь никому из них неизвестно, каково тебе приходится тут, они же не знают, что каждый день для тебя — новый вызов. Если Джордж об этом узнает, у него появится смелость и он сможет противостоять тому, чего *он* боится.

— Если это он долбанул Брайана, меня не колышут его страхи.

— Но мы не уверены, что это был Джордж.

— Если побиться о заклад, то я бы поставила лучше на него, а не на чудовище из озера Лох-Несс.

— Рита, прошу тебя.

Вздыхнув, она смягчила свое сопротивление и, в конце концов, направилась в дальний угол пещеры, чтобы объясниться с Джорджем Лином.

Харри же присоединился к остальным, сгрудившимся неподалеку от выхода из пещеры.

Роджер Брескин вынул часы из кармана парка, расстегнув сначала «молнию» на кармане.

— Пять минут десятого.

— Меньше трех часов остается, — отозвался Клод.

— А что можно успеть за три часа? — стал размышлять вслух Брайан. — Неужто они сумеют и до нас добраться, и даже с айсберга нас снять за какие-то три часа?

— Ну, если они не успеют, — откликнулся Харри, решившийся хоть как-то смягчить тягостный момент, — тогда я и в самом деле за себя не отвечаю.

21 ч. 10 мин.

Эмиль Жуков вскарабкался на мостик не без усилий: руки его были заняты — он нес термос с горячим чаем и три алюминиевые кружки.

— Оружие собрали?

— Еще пара минут понадобится, — ответил ему Горов. Он держал в руках одну из кружек, пока первый помощник разливал чай.

И вдруг ночь заблагоухала ароматами трав, лимона и меда. Потом ветер подхватил поднимающийся над кружкой пар, охладил его и превратил холодный туман в кристаллики льда. Горов отхлебнул божественный напиток из кружки и заулыбался. Чай быстро остывал, но все же его тепла было довольно, чтобы прогнать озноб.

Ниже мостика, на основной площадке главной палубы, что была обрамлена четырьмя световыми индикаторами тревожной сигнализации, трое моряков собирали особой конструкции пушку, которой предполагалось выстрелить в айсберг — снаряд будет нести за собой канат. Все трое были в черном: водонепроницаемые костюмы с тепловыми пакетами на поясах, лиц не видно из-за черных колпаков из резины и больших водолазных масок. Моряки были застрахованы от волн, способных смыть человека в море: каждый из тройки

был соединен стальной цепью с носовым аварийным люком, — длина цепи позволяла работать, но исключала падение за борт.

Хотя пушка не предназначалась для военных целей и ни в коей мере не являлась оружием, все же вид у нее был настолько зловещим, что неосведомленный наблюдатель вполне мог подумать, что это — мортира, стреляющая ядерными зарядами. Высотой в человеческий рост, массой почти в сто шестьдесят килограммов, пушка состояла из трех, на первый взгляд, не очень подогнанных друг к другу частей. Квадратное основание представляло собой станину с закрепленным на ней двигателем, привод которого был рассчитан на манипуляции с ремнями спасательного бую; станина крепилась к палубе с помощью четырех стальных колечек, выступавших из корпуса корабля и соединенных с соответственными выступами станины защелками. Эти кольца украшали палубу «Погодина» с тех пор, как лодка стала доставлять спецантов и диверсантов в чужие страны и на зарубежные берега. Средняя часть пушки походила на блок, вставленный в шарнир в станине и оснащенный запальным механизмом с рукоятками для заряжающего и стрелка и большим барабаном с бухтой каната. Наконец, верхняя часть орудия — орудийный ствол длиной в метр двадцать сантиметров, заканчивающийся жерлом, диаметр которого равнялся двенадцати и семи десятым сантиметра; с этим пушечным стволом и возились сейчас моряки. Они втроем вставляли этот ствол в предназначенное для него гнездо в станине; на стволе, у основания, крепился всеволновый оптический прицел. Орудие, казалось, могло с легкостью продырявить танк; в действительности, однако, на поле боя толку от него было бы не больше, чем от детского пугача или духового ружья.

Временами палуба с дренажными желобками бывала почти сухой, но так случалось далеко не всегда, и периоды сухости отличались предельной скоротечностью. Всякий раз, когда нос зачерпывал воды из моря, вслед за тем через палубу перекачивалась очередная волна, вся передняя часть лодки оказывалась залитой водой. Забеленное льдом и похожими на вату хлопьями смерзшейся пены студеное темное море обрушивалось на палубу, пролезало между ногами подводников, ударяло их по бедрам, стараясь добраться до поясов, и лишь потом удовлетворенно удалялось восвояси. Будь «Илья Погодин» в эту самую минуту с наветренной стороны айсберга, волны были бы куда выше и, вероятно, накрывали бы моряков с головой, норовя безжалостно сбить их с ног и ткнуть носом в мокрую палубу. Тут, правда, в тени укрывающего от ветра ледяного исполина, моряки могли удержаться на ногах, по крайней мере, если им удавалось предугадать, когда в очередной раз судно клюнет носом, более того, они еще и работали, почти не обращая внимания на гигантские морские волны. Тогда же, когда на палубе почти не оставалось соленой воды, люди работали быстрее и наверстывали упущенное из-за капризов стихии время.

Самый высокий из троих членов команды отошел от пушки, чтобы, запрокинув голову, поглядеть на капитанский мостик. Убедившись, что его перемещения замечены сверху, он просигналил капитану и прочим дозорным: готовы, мол, можно начинать.

Горов выплеснул остаток чая из кружки. Пустую кружку он протянул Жукову.

— Привести рубку управления в состояние повышенной готовности!

Коль уж его опасному замыслу воспользоваться спасательным буюм суждено осуществиться, то надлежало добиться полной синхронности в движениях айсберга и подлодки: оба физических тела должны перемещаться относительно окружающей среды с одинаковыми скоростями. Тогда они будут неподвижны друг относительно друга. Если, например, лодка обгонит ледовую гору или же айсберг вырвется вперед и разовьет скорость, пусть на ничтожную долю узла большую скорости лодки, канат между пушкой и выпущенным из нее снарядом, ввинтившимся в лед, мог бы слишком натянуться или, наоборот, провиснуть, или лопнуть, еще до того как моряки успеют сделать очередной оборот барабана с бухтой каната.

Горов посмотрел на часы. Девять с четвертью. Слишком уж стремительно ускользали минуты.

Один из моряков снял крышку с жерла пушки, защищавшую ствол от попадания в него

влаги. Второй моряк поднес снаряд к замку в днище ствола.

Метательный снаряд, которому предстояло увлечь за собой канат, не отличался хитроумностью конструкции. Он походил на осветительную ракету: шестьдесят сантиметров в длину, около десяти сантиметров в диаметре. Снаряд, тянущий за собой шлейф из каната, сплетенного из нейлоновых и стальных волокон, должен будет вонзиться в ледяной утес: для этого от удара начинка снаряда взорвется, и взрыв заплавит в лед десятисантиметровый костыль.

Этот костыль, к которому крепился канат, должен будет войти в лед на глубину двадцать-двадцать пять сантиметров и прочно закрепиться там, под мощной печатью из сначала расплавившегося от взрыва, а затем мгновенно схватившегося на морозе льда. Прочность крепления усиливалась за счет выдвижения из костыля штырей, которые, вплавляясь в лед, препятствовали бы попятному движению костыля. Если такой костыль вбить в гранит или известняк — или хотя бы в глину, если уж скалистый грунт окажется слишком прочен, — то за надежность такого якоря можно не беспокоиться. Когда же сомнений в надежности закрепления дальней точки каната не останется, по канату можно будет достичь берега — человек, правда, должен будет висеть и, чтобы двигаться, перебирать руками, перенося тяжесть тела с одной руки на другую. В зависимости от угла наклона каната перемещение может быть ускорено с помощью простеньких салазок на двух маленьких стальных колесиках с выемками, охватывающими канат: салазки, точнее, колесики с тефлоновым покрытием приводятся в движение поворотом рукоятки, вроде той, которыми заводят не очень современные автомобили. Кроме того, для перемещения предусмотрено использование мощной лебедки, которую передвигающийся по канату человек берет с собой. На лебедке намотан еще более прочный канат, который можно будет, добравшись до крайней точки каната, закрепить неподалеку от первого костыля, чтобы получить еще более надежный путь по воздуху.

К несчастью, подумал Горов, тут им придется иметь дело не с гранитом, и не с известняком, и даже не со сланцем или вязкой глиной. Следовательно, в условия задачи вносится новая переменная, совершенно неизвестная. Костыль-якорь может и не войти в лед, как это желательно, или же не закрепиться в нем, так, как это бывало, когда снаряд разрывался в оплавливающейся затем скалистой породе.

Один из моряков уже возился с рукоятками орудия, которые были оснащены спусковым крючком. При помощи двоих своих товарищей он рассчитал нужный диапазон и произвел должные поправки на ветер. Площадка, избранная целью, располагалась в девяти метрах над ватерлинией айсберга. Семичастный направил туда сноп света от прожекторного фонаря. Из-за ветра стрелок прицелился несколько левее — снаряд неизбежно будет сносить вправо.

Жуков пустил в небо две сигнальные ракеты.

Горов поднес к глазам бинокль ночного видения. Он поправил фокусировку и стал смотреть на круг света, нарисованный на фасаде утеса.

Сквозь завывания ветра в воздухе отчетливо прозвучало громкое *бух!*

Еще до того как раскаты выстрела сошли на нет, ракета, столкнувшись с айсбергом, взорвалась на расстоянии в сорок пять метров от пушки.

— Прямое попадание! — обрадовался Жуков.

Раскаты, напоминавшие артиллерийскую канонаду, возвестили о растрескивании утеса. Трещины зазмеились по всем направлениям, исходя из той точки, куда попал снаряд и где он взорвался. Лед как-то поежился, смещаясь, и сначала расплавился, превратившись в некое подобие желе, а потом, вновь застыв, стал рассыпаться, как ветровое стекло автомобиля, в которое попала пуля. Весьма впечатляющего вида стенка из льда — сто восемьдесят метров в длину, двадцать-двадцать пять метров в высоту и пару-другую метров в толщину — соскользнула с лицевой поверхности ледовой горы как-то подчеркнуто театрально, с такой размашистой поспешностью, даже не дрогнув, рухнула в море. Это падение сопровождалось взлетом поблескивающих струй темной морской воды — высота фонтанов доходила метров до пятнадцати.

Канат вместе со снарядом, застрявшим во льду, который на глазах моряков оторвался от айсберга, ушел вниз.

И словно громадное животное, без ясных очертаний, из моря выросла шестиметровой высоты волна, распластавшаяся метров на сорок пять по открытому морю — этот объем жидкости, по закону Архимеда, был вытеснен из водоема рухнувшей в него массой. Бесформенное чудовище накинулось на левый борт подлодки, да так стремительно, что пытаться увернуться было уже поздно. Один из троих моряков, обслуживавших пушку, что есть мочи завопил — это небольшое цунами ударило по главной палубе с мощностью, вполне достаточной для того, чтобы завалить «Илью Погодина» на штирборт. И сама пушка, и трое мужчин возле нее скрылись под черной проливной волной. Холодный рассол, натолкнувшись на кромку крыла, взорвался ливнем бьющих в небо гейзеров, фонтаны которых высоко ушли в ночное небо. Струи на какое-то мгновение повисли над кораблем, словно бы решив не подчиняться силе земного притяжения, но потом все же шлепнулись на мостик. Вместе с потоком на Горова, Жукова и Семичастного обрушился дождь больно бьющих по телу осколков льда. Их были сотни и сотни, и некоторые из них величиной с кулак здорового мужчины. Лед, осыпаясь с дозорных и стальной опалубки, постепенно покрыл стальную обшивку, превратившись в нечто, вроде гравиевой дорожки.

Вода постепенно ушла с мостика, выливаясь через шпигаты, и лодку накренило теперь в противоположную сторону — на левый борт. Вновь сработал закон Архимеда, но на этот раз вытесненная вода образовала куда менее могучую волну.

Трое у пушки на главной палубе были сбиты с ног и распростерлись по стальной плоскости обшивки. Не будь страховочных цепей, скорее всего их смыло бы за борт, и, вероятно, они бы утонули.

Как только морякам удалось подняться, Горов вновь направил свой полевой бинокль на айсберг.

— Ох, он по-прежнему чересчур крутой, этот проклятый обрыв.

Несмотря на ужасающий обвал исполинской массы льда, рельеф фасада ледовой горы и особенно его вертикальная топография особенных изменений не претерпели. Появилась, правда, раскинувшаяся на сто восемьдесят метров вширь выемка, словно на месте нескольких выбитых зубов, — там была обрушившаяся в море гигантская пластина. Однако поверхность, как и прежде, выглядела слишком гладкой, слишком отвесной, на ней не было ни карнизов, ни даже более или менее заметных трещин, которыегодились бы для альпиниста или скалолаза. Похоже было на то, что ракета, взорвавшись, расколола лед по вертикали — айсберг уменьшился, но только чуть-чуть, оставшись практически неизменным. Не было заметно даже бухты, куда могли бы причалить моторные плоты и где они могли бы как-то закрепиться.

Горов нацелил свой прибор ночного видения чуть пониже. Потом, отставив оптику в сторону, повернулся к морякам на главной палубе и дал им знак: мол, разбирайте пушку, ребята, и спускайтесь вниз. Совсем упавший духом Жуков предложил:

— Может, подойти поближе, а потом послать двоих моряков на плоту. Они бы смогли приравнять скорость плота скорости перемещения айсберга, потом подвести плот к самому обрыву, как-то закрепиться, так сказать, встать на якорь, или, если угодно, на буксир. Тогда сам плот послужит плацдармом для высадки и оттуда...

— Не годится. Слишком уж все это неустойчиво. И ненадежно, — перебил его Горов.

— А если они возьмут с собой взрывчатку и попытаются направленным взрывом создать для себя и площадку, на которую можно будет затем высадиться, и рабочий плацдарм?

Горов покачал головой.

— Нет. Это уж совсем опасное начинание. Что-то вроде того, как если бы кто-то гнался за скорым поездом на гоночном велосипеде и пытался бы, ухватившись за поручень вагона, вскочить на поезд, а то еще и велосипед за собой в вагон затащить. Разумеется, лед движется много медленнее курьерского поезда, это да. Но зато прибавляют хлопот и бурное море, и

штормовой ветер. Нет, я не смогу никого отправить на верную гибель. Такое задание — самоубийственно. Если уж посылать плоты, то надо быть уверенным, что им будет куда причалить.

— Что же делать?

Горов протер очки изнанкой обледенелой перчатки. И еще раз поглядел на утес в бинокль. Наконец, сказал:

— Распорядитесь, чтобы Тимошенко вышел на связь с группой Эджуэй.

— Есть. Что он должен будет им передать?

— Необходимо точно установить местоположение пещеры, в которой они находятся. Если до нее не слишком далеко от подветренной стороны айсберга... Ну, это, быть может, и не обязательно, но коль уж эта пещера *находится* неподалеку от подветренной стороны, то всем им придется уйти оттуда. Прямо сейчас.

— Уйти? — удивился Жуков.

— Я намерен попытаться создать плацдарм для высадки на утес. Для этого мы пустим торпеду в основание айсберга.

* * *

— Все вы идете вперед, — распорядился Харри. — Мне нужно дать знать Гунвальду о том, что тут стряслось. Как только я поговорю с ним, я заберу радио с собой и догоню вас.

— Но Ларссон наверняка следит за каждым разговором, за каждым твоим сеансом связи с русскими, — заметил Франц.

Харри кивнул.

— Наверное. Но если он не слушал эфир, то все равно у него есть право знать, что тут происходит.

— Знаешь, давай поживее. У тебя всего несколько минут, — озабоченно произнесла Рита. Она потянула его за руку, словно бы надеясь вытащить его из пещеры за собой, вне зависимости от его желания: хочет ли он пойти с ней или же предпочитает остаться. Но потом она, похоже, почувствовала, в чем истинный и важный смысл решения Харри выйти на связь с Гунвальдом. Смысл этот Харри хотел утаить от остальных. Их взгляды встретились, и они поняли, что понимают друг друга. Она сказала:

— Всего лишь считанные минуты у тебя. Ты понял? Помни об этом.

— Обещаю выбраться отсюда много раньше, чем начнется вся эта гульба и пальба. А теперь проваливайтесь. Да, все вы. Пошли, пошли отсюда.

Пещера вовсе не находилась близ подветренной стороны айсберга, да и от точки, делящей длину ледовой горы пополам, куда, по словам русского радиста, будет пущена торпеда, тоже была удалена на достаточно большое расстояние. И все равно, они решили укрыться в снегоходах. Толчок от удара торпеды может оказаться таким, что содрогнется весь айсберг. А это значит, что могут рухнуть и своды пещеры — сотни нагроможденных друг на друга ледяных балок и брусьев от тряски способны поползти и съехать на плоский лед.

Как только все ушли, Харри опустил на колени перед радиостанцией и вызвал Ларссона.

— Слышу тебя, Харри, — голос Гунвальда звучал очень издалека, был слышен слабо и часто перекрывался электростатическими помехами.

— Ты слышал мои переговоры с русскими? — спросил Харри.

— Да что я могу услышать? Тут такой шторм, а буря — это всегда помехи, дьявольски много помех. И вы же дрейфуете, значит, с каждой минутой становитесь все дальше и дальше от меня.

— Ну ты хотя бы общее понятие о том, что тут у нас творится, имеешь, — сказал Харри. — Времени болтать про это у меня нету. Я вызвал тебя ради важного дела. Выполни мою просьбу. Тебе она покажется адски неприятной. Но, как ни противно, надо, понимаешь?

Очень коротко Харри рассказал Гунвальду Ларссону про попытку убить Брайана

Дохерти, а потом сразу же взял быка за рога. И швед, как бы ни был он потрясен вестью о нападении на Брайана, все же понимал, что нужно спешить и что сейчас не то время, чтобы позволить себе копаться в подробностях.

— То, чего ты от меня хочешь, особенной радости принести не может, — согласился он. — Но имея в виду сложившиеся обстоятельства...

Статический разряд стер окончание фразы.

Харри выругался, глянул на вход в пещеру, опять наклонился к микрофону и произнес:

— Лучше повтори. Я тебя не понял.

Сквозь треск атмосферных помех донеслось:

— ...Сказал... при условиях... представляется необходимым.

— Так сделаешь? А? Ты сделаешь?

— Да, конечно. Теперь же.

— Сколько времени у тебя это займет?

— Если копать как следует... — Голос Гунвальда пропал. Потом появился опять: — ...Если я буду искать... и пойму, что то, что нашел... было спрятано умышленно... ну, полчаса.

— Хорошо бы. Но пошевеливайся. Все у меня. Давай. Делай.

Не успел Харри отложить микрофон, как в пещеру влетел Пит Джонсон:

— Мужик, ты что? Жить надоело? Или решил свести счеты с собой? Слушай, я, кажется, всю дорогу с тобой впросак попадаю. Ты — герой по рождению. Природа у тебя такая. А может... Да нет, какой там герой. Ты — мазохист, мазохистом родился, мазохистом помрешь. Давай-ка отсюда, хоть в пекло, пока крыша на голову не упала.

Отключив микрофон и протянув его Питу, Харри произнес:

— Ты меня этим с места не сдвинешь. Я бостонец, понял? Пусть крыша валится. Меня это не волнует.

— Нет, ты, значит, и не мазохист. Ты — просто сумасшедший, дурной, и не лечишься.

Подхватывая радиостанцию за толстые, широкие, перекрещивающиеся ремни, прикрепленные сверху приемопередатчика, Харри сказал:

— Только рехнувшиеся псы да англичане выходят бродить под полуденным солнцем.

Он ни единственным словом не обмолвился о сути разговора с Гунвальдом, потому что решил принять близко к сердцу совет Пита. Нет, нельзя ему доверяться кому бы то ни было. Кроме самого себя. И Риты. И Брайана Дохерти.

Выходя из пещеры, Харри обнаружил, что снегопад наконец-то уступил дорогу чисто ледяному шторму. Тоненькие стрелочки льда были тверже обычного мокрого снега, — острые, как иголки, поблескивающие в свете фар, летящие тучками, похожими на облака алмазной пыли, почти параллельно горизонтали, то есть почти не падая наземь, эти ледяные спикулы со свистом царапали любую попадающуюся на их пути поверхность. Они впивались в неприкрытые участки лица Харри и обращались с его штормовкой так, словно она для них не была преградой.

* * *

В качестве сарая или склада припасов на станции Эджуэй использовали пару поставленных вплотную друг к другу домиков фирмы «Ниссан», внутри которых и хранились инструменты, что могли бы пригодиться членам экспедиции: оборудование, которое не использовалось изо дня в день, продовольствие и прочие материалы. Как только Гунвальд закрыл за собой дверь склада, он сразу же скинул с себя тяжелую куртку и повесил ее на деревянной вешалке возле одной из электропечей. Куртка настолько обледенела, что, не успел он стащить со своих ног верхние сапоги, с куртки стало течь, как из ведра.

Хотя от рубки дальней связи до склада было совсем недалеко, Гунвальд по пути продрог, пробираясь через глубокие сугробы и отмахиваясь от колючих туч из ледяных стрелочек, подгоняемых ветром. Теперь наконец он мог блаженствовать в благословенном тепле.

Шагая в валяных сапогах вдоль длинного домика, он не обронил ни единого звука. У него было очень неприятное чувство: он как бы видел себя со стороны и никак не мог отделаться от этого гнетущего образа: вор в чужом доме, рыщущий в поисках добычи.

Чем дальше от входной двери, тем глубже становился бархатистый мрак, в котором утопало внутреннее помещение склада. Единственным источником света служила та малюсенькая лампочка, что висела у двери, через которую проник сюда Гунвальд. На какое-то мгновение его охватило зловещее, нереальное предчувствие: кто-то подстерегает его в темноте.

Понятно, тут он в полном одиночестве, нет и не может быть никого другого. Неловкость, неуют рождались из чувства вины. Ему совсем не хотелось делать то, ради чего он сюда явился, но выбора не было — надо. И все же, как он себя ни успокаивал, до того не по себе было — словно вот-вот должны застукать его с поличным.

Дернувшись в темень, Гунвальд нащупал легкую цепочку и ухватился за нее. Голая стоваттная лампочка, в одном патроне, безо всякого абажура, мигала, разбрасывая холодный белесый свет. Когда же Гунвальд пошел вдоль цепи, лампочка стала раскачиваться на коротком шнуре, и все помещение склада заполнили пляшущие бледные тени.

Вдоль задней стены стояло девять металлических шкафчиков, похожих на узкие, вытянутые вверх, как бы поставленные на попа гробики. Сходство с гробами усиливалось потому, что на серых дверцах шкафчиков, поверх трех узких вентиляционных щелей, прорезанных в каждой дверце, белыми буквами были написаны имена:

Х. КАРПЕНТЕР, Р. КАРПЕНТЕР, ДЖОНСОН, ЖОБЕР и так далее.

Гунвальд на ощупь пробрался к стеллажу с инструментом и взял оттуда тяжелый молоток и заостренный с одного конца железный ломик. Он собирался вскрывать, один за другим, пять из девяти сейфиков. И сделать это ему необходимо было так быстро, как только сумеет, чтобы никакая шальная мысль не сбила его с толку и не сорвала осуществление замысла.

Опыт прежних экспедиций на полярную шапку планеты научил, что человеку обязательно нужно хоть какое-то личное пространство, пусть совсем крошечное, в какие-нибудь доли кубометра. Необходим закуток, принадлежащий одному-единственному человеку, и больше никому. Там можно хранить какие-то дорогие сердцу вещишки, не опасаясь непоправимого вторжения в личные тайны. В такой тесноте, которой просто не может не быть на полярной исследовательской станции, особенно если организованная экспедиция была на еле-еле собранные деньги и особенно если путешествие сопряжено с трудными и продолжительными испытаниями духа и плоти, естественное для обыкновенного человека стремление к уединению, к приватности, способно очень быстро вырождаться в страстные поиски одиночества, в какую-то недостойную страстишку, в оглуляющую одержимость.

На станции Эджуэй не было личных апартаментов, не было спален на одного постояльца. По большей части каждый домик был рассчитан на двоих, причем свои покои этой паре приходилось делить с оборудованием. За лагерем простиралась обширная, просторная и пустая земля, где нельзя было ни спрятаться, ни уединиться. Кому была дорога жизнь, тот, понятно, не посмел бы уйти из лагеря. Ибо он рисковал бы расстаться с лагерем — и не только с лагерем — навеки.

Зачастую единственным способом очутиться в уединении и при случае насладиться таковым в течение нескольких минут являлось посещение одного из пары отапливаемых туалетов, прилегающих к складу. Но прятать дорогие сердцу вещишки в туалетных кабинках было бы едва ли возможно.

Как бы то ни было, у каждого найдется полдюжину предметов, которые этот человек не хотел бы никому показывать: любовные письма, фотографии, записочки, личный дневник, ну и все такое, в том же роде. Ничего постыдного наверняка в шкафчиках спрятано не было, и вряд ли Гунвальд должен был опасаться найти что-то такое, что и его повергло бы в шок, и владельца вещицы сконфузило бы и расстроило, — мол, чужой узнал обо мне то, что я ото

всех скрываю: ученые, каковыми, несомненно, являлись полярники Эджуэя, наверное, избыточно рассудочны, и если чему-то и предаются с некоторой пылкостью, то разве что своему труду. Стало быть, обнаружения и разоблачения позорных тайн ждать не приходится: если уж фанатик познания и обладает любимой вещью, то скорее всего чтобы утаить нечто, умиротворяющее его интеллектуальную душу. Назначение шкафчиков как раз в том и состояло, чтобы предоставить каждому полярнику уголок, находящийся в исключительном владении данного человека. Таким образом сохранялось и поддерживалось очень нужное всякой личности ощущение самостоимости, столь уязвимое в тесном, чревато клаустрофобией и заведомо коллективистском быту, когда, со временем, так просто становится раствориться в групповой тождественности, позволить коллективу поглотить себя, — личность при этом психологически растворяется в общественном, распадается и исчезает, а это не может не угнетать обладателя или обладательницу некогда сильного "я".

Можно, конечно, представить себе такое решение задачи, как увлакивание милых сердцу вещиц под кровать, но вряд ли такое решение оказалось бы удовлетворительным, пусть даже и удалось бы внушить всем убеждение в неприкосновенности святого святых под матрасом. И не в том дело, что участники любой экспедиции заведомо не доверяют друг другу. Доверительность тут совершенно ни при чем. Потребность в некоем защищенном личном пространстве — глубока и, видимо, должна считаться неразумной, иррациональной психологической потребностью, так что лишь надежно запертые на замок металлические сокровищницы в состоянии ответить на такую нужду.

Молоток понадобился Гунвальду затем, чтобы разбить по очереди кодовые циферблаты пяти нужных ему шкафчиков. Разможенные детали падали в беспорядке на пол, часто предварительно ударившись о стену, и склад гудел, как хорошая слесарная мастерская или литейный цех.

Коль уж в число полноправных участников экспедиции Эджуэй затесался психопат-убийца, коль уж один из агнцев от науки оказался на самом деле волком в овечьей шкуре, то, если и имеются на то какие-то доказательства, искать улики можно только в секретных шкафчиках — больше просто негде. Харри был в том уверен. Нехотя Гунвальд должен был согласиться с доводами Харри. Звучали они вполне разумно — в самом деле, логично предположить, что психопат в своих личных делах, даже если он страдает социопатией, то есть очень легко сходит за нормального члена человеческого сообщества, непременно должен допускать что-то такое, что обнаруживает его отличия от душевно здорового человека. К примеру, это разоблачающее ненормальное отличие должно явственно проявиться в том, какие именно предметы берет с собой человек на память о прежней жизни на верхушку планеты. Что-то должно дать знать о причудливой фиксации, о каком-то неизжитом впечатлении, об одержимости, допустим, какой-то низменной страстью. Наверное, что-то такое окажется в одном из шкафчиков, чему нельзя не ужаснуться. Столь немыслимое и неожиданное, что сразу же станет ясно: *Это может принадлежать только человеку с больной психикой!*

Вставив ломик в круглую дыру, за которой таился кодовый замок, а затем погружая железный штырь до изгиба, Гунвальд навалился на торчащую из дыры прямую часть фомки что было мочи. Металл гнулся и трещал, однако не ломался и не рвался, но дверца первого сейфа в конце концов подалась. Гунвальд не стал знакомиться с содержимым шкафчика, чтобы не делать перерыва в трудной работе по металлу, а решил сразу же вскрыть четыре оставшихся ящика: *бам, бам, бам, бам!* Готово.

Можно было откинуть фомку в сторону.

Ладони вспотели. Гунвальд вытер их сначала о теплосберегающую блузу, затем о стеганные штаны.

На восстановление учащенного дыхания потребовалось около полуминуты, после чего он вытащил из большого стеллажа с продовольствием, находившегося по правую руку от него, большую деревянную корзину с обезвоженными посредством замораживания в вакууме пищевыми концентратами. Поставив корзину перед самым первым из вскрытых ящиков, он

уселся на нее.

Приготовившись к изысканиям, он потянулся было к трубке, что покоилась в кармане на «молнии», но, уже расстегнув «молнию» на блузе, решил оставить это дело на потом. Пальцы, нащупав чубук, сами собой отдернулись, и он поспешил убрать ладонь восвояси. Трубка — это отдых, это отвлечение от забот. Что-то приятное, словом. А уж предстоящий поиск компромата никак не отнесешь к самым блестящим достижениям прожитой жизни, да и радости особой в предстоящие минуты не ожидается. Да, затынись он сейчас дымком, доставь он себе эту маленькую радость, и, чего доброго, трубка перестанет приносить ему удовольствие во всей оставшейся жизни.

Тогда ладно. Все нормально. Поехали. С кого начнем?

Роджер Брескин.

Франц Фишер.

Джордж Лин.

Клод Жобер.

Пит Джонсон.

Пятерка подозреваемых. Все — насколько может судить Гунвальд — славные мужики. Конечно, с кем-то сойтись полегче, кто-то дружелюбнее, еще кто-то позамкнутее. Но все эти люди отличались куда большей сообразительностью и уравновешенностью по сравнению с рядовым прохожим; им *приходилось* быть такими, иначе нельзя было и мечтать о продвижении по службе в Арктике или Антарктике, где надо ревностно выполнять такие ответственные и трудные задания и владеть настолько тяжкое бремя, что все, не умеющие полагаться на себя, все ненадежные и не умеющие владеть собой быстро выпадали из списка претендующих на карьеру полярника. Ни один из пятерых не производил впечатления очевиднейшего кандидата на роль убийцы-психопата, даже Джордж Лин, который если и смутил своим поведением кого-то, то лишь в самое последнее время и в этой, последней на его счету, экспедиции, а он участвовал прежде во многих полярных проектах и пользовался уважением — карьера его была долгой и честной.

Гунвальд решил начать с Роджера Брескина, просто потому, что шкафчик Роджера был первым по порядку. Все полки пустовали, кроме самой верхней, где лежала коробка из-под визитных карточек. Гунвальд вытащил эту шкатулку и поставил ее перед собой, между ног.

Как он и рассчитывал, канадец путешествовал налегке. В коробке было всего четыре предмета. Обтянутая прозрачным пластиком цветная, большая — двадцать на двадцать пять — фотография матери Роджера: победоносно улыбающаяся дама с мощными челюстями, седые волосы в завитках, очки в черной оправе. Серебряная щетка-расческа: серебро потускнело. Четки. Папка-скоросшиватель с фотографиями и вырезками из газет — все о непрофессиональном штангисте-тяжеловесе Роджере Брескине.

Гунвальд оставил все это добро на полу и переместил деревянную корзину на полметра левее. Теперь он сидел перед сейфом Фишера.

* * *

Подлодка опять ушла под воду, но совсем не глубоко, держась близ поверхности, так, что ее перископы выглядывали из воды. Субмарина зависла не двигаясь на предполагаемом пути перемещения айсберга.

На платформе бронированной башенки в рубке управления у перископа стоял Никита Горов. Он вглядывался в окуляр, ухватившись вытянутыми руками за горизонтальные рукоятки основания, которые моряки называли «ушами». Хотя смотровое окошко перископа и находилось на высоте около двух с половиной метров над уровнем моря, все же волны то и дело вздымались на такую высоту, что ничего не было видно. Правда, когда перископ не заливало водой, через него хорошо наблюдалось ночное море, освещенное слабым призрачным светом парящих в небе четырех осветительных ракет.

Айсберг уже начал наезжать на курс подлодки, если считать от ее носа. Сейчас он

находился примерно на двести семьдесят метров к северу. Поблескивающая белая гора резко проступала на фоне черных моря и неба.

Рядом с капитаном стоял Жуков. На голове его были наушники — он переговаривался с мичманом в торпедном отсеке на носу судна. Жуков скомандовал:

— Установку номер один привести в состояние готовности.

Справа от Горова молодой матрос следил за сигнализацией на резервном сигнальном борту, расцвеченном светящимися зелеными и красными индикаторами, сигнализовавшими о состоянии люков, задвижек и прочего оборудования. Когда Жуков, получив сообщение из торпедной, объявил о том, что шлюз задраен, дозорный, наблюдавший за сигнализацией, подтвердил:

— Зеленый и контроль.

— Отсек заполнен водой.

Наблюдавший за сигнализацией матрос сказал:

— Индикация затопления.

— Люк над дулом открыт.

— Красный и контроль.

— Задвижки отсека открыты.

— Красный и контрольный.

Подводная лодка «Илья Погодин» предназначалась по замыслу конструкторов не для ведения боевых действий, но для сбора информации. Тем не менее чиновники из военноморского министерства страны рассчитывали, что в случае неатомной войны будут использованы в борьбе с противником все подводные лодки. Потому «Илья Погодин» нес в себе двенадцать электроторпед. Каждая такая стальная акула массой в полторы тонны с лишним, из которых триста двадцать кило весила взрывчатка, обладала немалыми разрушительными возможностями. Да, «Илья Погодин» военным кораблем не считался, но, если поступит приказ, лодка лишила бы вражеский флот немалого количества тонн водоизмещения, пустив бы на дно не одно судно противника.

— Отсек номер один в готовности, — объявил связной снизу.

Никите Горову впервые пришло в голову странное сходство процесса подготовки торпеды к пуску, включая заключительный залп, с религиозным обрядом. Видимо, потому, что и война, и богослужение имеют касательство к смерти. Правда, трактуют они смерть по-разному.

В самом преддверии кульминационного момента торпедной литургии вся рубка управления за его спиной погрузилась в безмолвие. Только снизу, из машинного отделения доходил тихий отзвук двигателей, да еще гудели вентиляторы электронных устройств и компьютеров.

После умышленно затянувшейся и почти благоговейной тишины Никита Горов скомандовал:

— Запеленговать цель... и... *огонь!*

— Первый отработал! — доложил Жуков.

Молодой матрос обвел глазами пульт сигнального борта и, сверившись с индикацией, убедился, что торпеда покинула подлодку:

— Первый ушел.

Горов прильнул глазами к смотровому окуляру перископа в напряженном ожидании.

Торпеда, как было задумано, должна была пройти на глубине в четыре с половиной метра. Это значило, что она должна была поразить утес у самой ватерлинии. Если бы повезло, то, быть может, после взрыва очертания ледовой горы станут более гостеприимными для подводников и удастся причалить к ледовому обрыву пару плотиков, а то и достаточно удобный плацдарм появится, с которого можно будет начинать восхождение.

Торпеда поразила намеченную цель.

— В яблочко! — произнес Горов.

Черный океан как-то съежился, подобрался и подскочил вверх, запрыгивая на

основание утеса, и на какое-то мгновение вода осветилась желтым пламенем, словно множество морских змей с пылающими очами выбрались на поверхность океана. Отголоски взрыва дошли до подлодки и заколебали ее внешнюю обшивку. Горов услышал, как забренчали пластины металла на палубе: *дзы-ы-нь*.

Днище белого утеса на глазах распадалось и растворялось в воде. Ломоть льда размером с хороший дом шлепнулся в воду. За ним последовала настоящая лавина потоков мягкого, толченого льда.

Горов поморщился. Он понимал, что взрыв был не настолько силен, чтобы разнести айсберг вдребезги или хотя бы серьезно изменить его конфигурацию.

А силы торпеды хватит разве на то, чтобы отщипнуть чуток от исполинской горы. Но в течение нескольких секунд казалось, что великан вот-вот совсем развалится.

Мичман, дежуривший у носовой торпедной установки, доложил Жукову, что выпускной шлюз отсека задраен, а первый помощник повторил его слова техникам.

— Зеленый и контрольный, — подтвердил один из них.

Отодвинув наушник от уха, Жуков спросил:

— Ну, и каков вид теперь, капитан?

Вглядываясь в окуляр перископа, Горов ответил:

— Да ненамного лучше, чем раньше.

— Что, и высадиться некуда?

— По-настоящему ничего похожего на плацдарм не появилось. Правда, еще не весь лед опал с фасада.

Жуков помолчал, прислушиваясь к донесению мичмана, что-то говорившего с того конца линии.

— Шлюз над дулом задраен.

— Зеленый и контрольный.

— Продувка торпедного отсека номер один.

Горов не очень-то вслушивался в серию донесений о контрольных сигналах, потому что все его внимание было поглощено айсбергом. Что-то было не так. Плавающая гора вела себя как-то неправильно. Или это ему мерещится? Он поморгал, как бы стряхивая с ресниц наваждение, мешающее ему получше разглядеть огромного белого бегемота, качающегося на бурных волнах, которые с прежней ритмичностью продолжали захлестывать, через точно отмеренные промежутки времени, смотровые объективы перископа где-то там, в высоте, над головой, над морем. Такое впечатление, что цель будто бы перестала смещаться к востоку. Да-да, конечно, более того, «нос» ледяного корабля даже вроде бы поворачивается на юг. Пусть лишь слегка. Пусть он еле-еле сдвинулся. Да не может быть. Чушь какая-то. Не бывает такого. Он прикрыл глаза и попытался внушить себе, что все это ему только привиделось. Но стоило ему вновь открыть глаза, поразившие его вещи представились еще более очевидными, чем...

Техник у радиолокатора сказал:

— Цель меняет курс.

— Не может быть, — отозвался Жуков, не поверив своим ушам. — Да еще так быстро. Не все сразу. Откуда взялась сила, чтобы поменять движение?

— Как бы то ни было, направление движения айсберга меняется, — сказал Горов.

— Но не из-за торпеды же. Одной торпеды — да всех наших торпед не хватит, чтобы сотворить такое с таким огромным объектом.

— Нет, конечно. Что-то еще повлияло, — обеспокоенно сказал Горов. Теперь капитан оставил перископ. Он достал микрофон на пружинистой стальной насадке и, поднеся его к губам, вызвал сразу рубку управления и отсек звуколокатора, — последний был рядом, за стенкой, только поближе к «носу» лодки.

— Промерьте нижние слои воды до глубины в двести десять метров. Исследуйте их всеми возможными методами.

Откуда-то сверху из высокочастотного динамика донесся резкий, пронзительный голос:

— Сканирование по полной программе начато, капитан.

Горов опять прильнул к перископу.

Просмотр нижних слоев воды имел целью определить, нет ли каких-нибудь достаточно мощных подводных течений, силы которых хватило бы и на то, чтобы повлиять на перемещения айсберга. Техники «Ильи Погодина» имели в распоряжении звуколокатор, рабочий диапазон которого можно было менять, чтобы прослушивать море на разных частотах. Еще они могли воспользоваться различными температурными датчиками и приборами для определения температур на разных глубинах, а также хитроумными прослушивающими устройствами и прочей техникой для обследования морских глубин. Так что персонал «Ильи Погодина» мог определять местонахождение и пути следования как теплокровных, так и холоднокровных живых существ, обитающих на глубоководье, и обнаруживать скопления различных организмов и под своим килем, и на некотором расстоянии по обеим флангам лодки. Стайки мелких рыб и миллионы миллионов крошечных созданий, креветок и подобных им биологических видов, что служили кормом многим рыбам, в том числе крупным, или увлекались мощными океаническими течениями, или селились в них по своей воле, чему особенно способствовало то обстоятельство, что течения зачастую бывают теплее окружающих океанических масс. Потому если бы сканирование обнаружило скопления рыбы, криля — или же толстые слои планктона, — перемещающиеся в каком-то одном направлении, то в сопоставлении с рядом иных факторов можно было бы прийти к выводу о существовании течения в этом месте океана, а затем уже опустить измеритель скорости течения на нужную глубину и получить цифровое описание выявленного природного явления.

Не прошло и двух минут, после того как Горов приказал обследовать глубоководье, динамик-пищалка зазвучал вновь:

— Обнаружено сильное течение, устремляющееся точно на юг. Верхний слой течения начинается на глубине в сто три метра.

Горов снова оставил перископ и потянул к себе висящий над головой микрофон:

— А на какую глубину уходит течение? Я понял, что сто три метра — верхняя отметка; что вы скажете о нижней?

— Пока не знаем, капитан. Жизнь в этом течении прямо-таки кишит. Зондирование такого потока — это как попытка что-то разглядеть через толстую непрозрачную стену. У нас есть показания приборов, судя по которым течение уходит вглубь по крайней мере еще на сто восемьдесят метров. Но и это — не нижняя отметка.

— А оно быстрое?

— Скорость — примерно девять узлов, капитан.

Горов поблел.

— Повторите.

— Девять узлов.

— Немыслимо!

— Помилуйте! — присоединился к нему Жуков.

Горов выпустил из рук микрофон, который, подскочив на высвободившейся пружине, занял свое место над головой капитана. А капитан, еще сильнее встревоженный, потому что появились новые причины для беспокойства, снова прильнул к окуляру перископа. Выходит, они угодили в циклон, в смерч, в водоворот. Они — на пути колесницы Джаггернаута, и им нечего противопоставить все сметающей на своем пути космической силе. Огромный ледяной остров пока еще только качнулся, ощутив толчок объявившегося вдруг течения, но уже сейчас за айсбергом готовая пихать его с возведенной в квадрат силой вся мощь стремительно текущих вод. Айсберг пока что как бы не понял, что произошло, он еще поворачивается вокруг собственной оси, добиваясь, чтобы «нос» ледового корабля указывал направление передвижения, но пока что айсберг двигался вкось от подлодки. И, похоже, так будет продолжаться еще несколько минут.

— Цель приближается! — сообщил оператор радиолокатора. — Четыреста пятьдесят

метров! — Он читал пеленг, который должен был все время определять по своему прибору.

Не успел Горов подумать, что, собственно, он должен сказать в ответ на это донесение, как лодку внезапно тряхнуло, — словно какой-то великан ухватился за нее рукой. Жуков не удержался на ногах. Бумаги попадали со столика на пол. Толчок ощущался две, самое большее три секунды, но все незакрепленные предметы успели за это время сдвинуться со своих мест и прийти в беспорядок.

— Что за черт? — недоумевал Жуков, стараясь подняться.

— Столкновение.

— С чем мы могли столкнуться? До айсберга было четыре с половиной сотни метров.

— Наверное, с плавучей льдиной. Думаю, не очень большой, — предположил Горов, а затем дал команду обследовать всю лодку на предмет возможных повреждений.

Капитану было ясно, что тело, с которым они столкнулись, не могло иметь очень уж внушительных размеров, — иначе лодка уже тонула бы. Сталь обшивки не прошла технологическую обработку закалкой и отжигом, потому что корпус судна должен иметь достаточный запас гибкости, чтобы безболезненно за малое время всплывать и погружаться, то есть переходить из царства одного давления и определенной температуры в совершенно иное царство с совсем непохожими физическими показателями окружающей среды. Поэтому внушительный кусок льда, хотя бы в тонну весом, да движущийся со скоростью, достаточной для того, чтобы развить значительную кинетическую энергию, пробил бы в корпусе лодки пещеру, а случись это на глубине, давление многотонных масс воды смяло бы судно, как картонный домик. Значит, что бы там ни попало на их пути, это — что-то не очень большое. Но все равно вред этот предмет мог причинить немалый.

Отозвался оператор акустического локатора и передал новые сведения об айсберге:

— Цель — в четырехстах пяти метрах. И продолжает идти на сближение.

Горов почувствовал, что попал впросак. Если он не отдаст приказа о погружении, лодка столкнется с наезжающей на нее горой из льда. Однако, нырни лодка прежде, чем станут известны подробности ущерба от только что случившегося столкновения, и еще неизвестно, сумеет ли лодка опять всплыть на поверхность океана. Времени не было — его не оставалось совершенно, — ведь надо было бы увести судно хоть к востоку, хоть к западу. Но айсберг шел наперерез и уже двигался достаточно резко, загораживая дорогу к отступлению где-то на две пятых мили, то есть метров на шестьсот пятьдесят, считай хоть со штирборта, хоть с левого борта. Глубоководный поток, движущийся со скоростью в девять узлов, течет на глубине в сто три метра и ниже, так что не приходится рассчитывать, что это течение в ближайшие минуты развернет ледовую гору «носом» к судну, так что Горов не сумеет увернуться — айсберг надвигается, как корабль, вздумавший почему-то двигаться бортом вперед, и куда бы ни дернулся «Илья Погодин», все равно в айсберг он врежется.

Капитан дотянулся до горизонтальных рукояток перископа и потянул их вниз, отправляя тем самым оптику в гидравлический рукав, в котором перископ пребывал в сложенном виде, когда не было нужды в его выдвижении.

— Цель в трехстах восьмидесяти двух метрах. И приближается! — объявил вновь оператор звуколокатора.

— Уходим на глубину! — скомандовал Горов, хотя поступили лишь самые первые донесения о повреждениях судна. — *Погружаемся!*

По всей лодке заревели клаксоны погружения. Одновременно взвыла и сигнализация столкновения.

— Мы уходим под лед, чтобы избежать столкновения с айсбергом, — объяснил свои действия Горов.

Жуков побелел.

— Но ведь эта гора может уходить метров на сто восемьдесят вглубь. Да хоть на двести — под ватерлинией!

Сердце бешено заходило, во рту мгновенно пересохло. Никита Горов выговорил только: — Знаю. И не уверен, выкрутимся ли мы.

* * *

Злобные порывы ветра неустанно молотили в стены домиков фирмы «Ниссан». Заклепки, скреплявшие металлические листы стенок, только кричали и трещали. Могучие потоки остывшего много ниже нулевой температуры воздуха громко стенали.

Ничего сколь-либо заслуживающего внимания Гунвальд так до сих пор и не нашел, хотя за время пребывания на складе он уже покончил с раскопками в шкафчиках Франца Фишера и Джорджа Лина. Если хоть кто-то из них скрывал склонности к убийствам или хотя бы отличался от остальных меньшей уравновешенностью или какой-то ненормальностью, в личных вещах он, этот умеющий скрывать свои изъяны человек, ни единого намека на то не оставил.

Гунвальд передвинул корзину к шкафчику Пита Джонсона.

* * *

Горов знал, что у других народов бытует расхожее представление о русских как об унылых, мрачных, вечно чем-то озабоченных людях. Конечно, невзирая на все историческое невезение, оборачивавшееся неизменной склонностью подпадать под власть по-звериному жестоких правителей и до трагизма порочных идеологий, это было далеко не так — уже потому, что и этот стереотип, подобно всякому иному обобщению такого сорта, был весьма далек от правды. Русские и смеялись, и общались, и ссорились, и влюблялись, и совокуплялись, и напивались, и валяли дурака точно так же, как это свойственно делать всем людям всех времен и народов, всегда и повсюду. В большинстве своем те люди на Западе, которые учились в университетах, читали Федора Достоевского, а кое-кто пытался даже углубляться в сочинения Толстого, и вот из этих-то художественных произведений и почерпнули они свои мнения о современных россиянах. Однако попади каким-то чудом некий иностранец в рубку управления «Ильи Погодина» в эту самую минуту, и он не обманулся бы в своих ожиданиях: перед ним были бы те самые русские, которых он себе воображал: угрюмые физиономии, все мрачные, брови насуплены, глаза потуплены долу, явственен глубокий пиетет перед судьбой — и уж точно, покорность грядущей неминуемой участи.

Наконец были получены окончательные данные о повреждениях: ни единая выступающая деталь субмарины не деформирована; ни капли воды не просочилось вовнутрь обшивки судна. Удар ощущался сильнее в носовой четверти судна; в других каютах и отсеках столкновение едва заметили. Но сильнее всего пострадал отсек с торпедной установкой, что находился двумя ярусами ниже рубки управления. Хотя, если судить по сигнализации, особенного ущерба сотрясение все-таки не причинило и непосредственно лодке ничего не грозило. В корпусе лодки, похоже, появилась какая-то вмятина, а то и не одна. Деформации были замечены рядом с кормой и по штирборту, у самого «носа» лодки, в непосредственной близости от плоскостей погружения, хотя те, похоже, не пострадали.

Если внешняя обшивка судна вышла из столкновения, отделавшись небольшими царапинами, ну, может, синяками, то можно было надеяться, что судно сохранило живучесть. Но если хотя бы в одной точке обшивки образовалось какое-то вздутие с микротрещинами — или, еще хуже, трещины пошли паутиной, — то экипаж может распрощаться с надеждами на успешное возвращение из пучины. Соппротивление внешнему давлению на поврежденных участках будет ослаблено, а неравномерность распределения давления по всему корпусу приведет к еще большей деформации ущербных площадок, так что деформация усугубится, чтобы очень скоро обратиться в трещину, затем в пролом, а там водная толща раздавит судно, которое, лишившись воздуха в своей утробе, начнет медленно погружаться на дно океана.

Раздавшийся молодой голос, принадлежавший офицеру, командовавшему погружением, прозвучал громко, но, несмотря на не слишком ободряюще привходящие обстоятельства,

дрожи в нем не было слышно:

— Шестьдесят один метр ниже уровня моря, и мы продолжаем погружаться.

Оператор звуколокатора сообщил:

— Профиль цели сужается. Цель перестраивает движение, поворачиваясь носом по направлению течения.

— Глубина — семьдесят шесть метров, — доложил вновь ответственный за погружение офицер.

Им надо было уйти хотя бы на сто восемьдесят метров вниз. Коль уж видимая часть айсберга возвышалась над ватерлинией примерно на тридцать метров в высоту, то куда большая масса должна скрываться под водой — известно, что обыкновенно видимая часть айсберга составляет около одной седьмой всего объема ледяной горы. Безопасности ради Горов предпочел бы опуститься метров на двести, а то и на двести десять, хотя скорость, с которой приближалась цель, резко уменьшала шансы на достижение прежде столкновения глубины пусть бы, по крайней мере, в сто восемьдесят метров.

Звукооператор опять объявил расстояние до айсберга.

— Триста сорок шесть метров. Сближение продолжается.

— Не будь я атеист, — проговорил Жуков, — я бы уже молился.

Никто даже не улыбнулся. Да и не было в это мгновение здесь никаких атеистов — даже Эмиль Жуков сейчас, несмотря на только что сказанные слова, безбожником не был.

И пусть все собравшиеся казались на вид хладнокровными и самоуверенными, Горов ощущал страх, разлившийся по рубке управления. Он чуял его, обонял. И тут нечего было подозревать капитана в каком-то преувеличении или склонности к театральным эффектам. У страха *действительно* есть едкий собственный запах: это просто зловоние необычайно терпкого пота. Все кругом источало аромат страха.

— Девяносто восемь метров, — объявил офицер погружения.

Тут же подоспел и оператор акустического локатора с донесением об айсберге:

— Триста восемнадцать метров до быстро приближающейся цели.

— Глубина — сто десять метров.

Страшное дело они затеяли: слишком поспешное погружение. Раз уж они так стремительно опускались на глубину, то, значит, температура вокруг лодки и давление на ее корпус росли слишком быстро, а это означало усиленную деформацию обшивки.

Пусть даже у каждого из присутствующих здесь моряков было свое дело: всяк следил за порученным ему надзору оборудованием, — все равно все взгляды время от времени сходились на стенде погружения, который вдруг стал казаться средоточием, сердцевинкой управляющей рубки. Стрелка глубокомера падала стремительно, никогда еще они не уходили в глубину так быстро.

Глубина — сто пятнадцать метров.

Сто двадцать метров.

Сто двадцать восемь метров.

Всем на борту было ведомо, что лодка сконструирована с расчетом на внезапные и очень резкие движения и перемещения, но даже это всеобщее знание о немалом запасе прочности, заложенном в конструкцию разработчиками, не снижало всеобщей напряженности. За последние годы, когда стране хотелось поскорее выбраться из нищеты, куда ее завели десятилетия тоталитаризма, расходы на оборону из года в год все сильнее урезались — было, правда, одно исключение: разработки ядерного оружия — и поддержание работоспособности уже существующих систем исподволь приходило в упадок, сроки профилактики не выдерживались, а, бывало, плановые работы и вовсе откладывались на неопределенное будущее. «Илья Погодин» и без того давно уже миновал лучшую пору своего срока службы — так, морально устаревшая субмарина, которая, *быть может*, еще не один год пробудет в строю, служа правдою и верою подводному флоту, — но, как знать, может вдруг и не выдержать более или менее серьезной передряги, и любая мало-мальски заметная неисправность способна обернуться тогда концом света на одной отдельно взятой подлодке.

— Глубина — сто сорок метров, — объявил отвечающий за погружение офицер.

— Цель — на расстоянии в двести семьдесят три метра.

— Глубина — сто сорок шесть метров.

Обеими руками Горов ухватился за обрамление командного пульта и сжал его так сильно, что ощутил, как давит снизу наклонившаяся палуба. Он сидел так, пока не заболели плечи. Суставы пальцев стали такими острыми и такими белыми, словно у него не было ни кожи, ни крови, ни мышечной ткани — только голая кость.

— Цель — в *ста* восьмидесяти двух метрах!

Жуков сказал:

— Так набирает скорость, словно под горку катится.

— Глубина — сто пятьдесят девять метров.

Они погружались все быстрее и быстрее, но все же ускорение казалось не столь большим, как хотелось бы. Горов, по крайней мере, не был доволен. Надо опуститься еще на пятьдесят пять метров, а то и больше, чтобы уж наверняка избежать столкновения с днищем айсберга — и, наверное, пушей гарантии ради, стоило бы уйти еще глубже.

— Глубина — сто шестьдесят четыре с половиной метра.

— Я десять лет служу на этой лодке и только дважды опускался на такую глубину, — заметил Жуков.

— Да, будет о чем написать домой, — сказал на это Горов.

— Цель — в *ста* сорока шести метрах и быстро приближается! — объявил оператор акустического лоатора.

— Глубина — сто семьдесят метров, — сообщил офицер, командующий погружением, хотя ему в точности было известно, что все и без того следят за перемещением стрелки по шкале глубокомера.

Официальные заводские данные утверждали, что «Илья Погодин» может работать на глубинах до трехсот метров. Ниже погружаться не следовало — «Илья Погодин» не принадлежал к числу сверхглубоководных субмарин, предназначенных для боевых действий во время ядерной войны. Ясное дело, внешняя обшивка лодки пострадала в ходе недавнего столкновения, и как обстоит дело с ее целостностью, пока неизвестно. Поэтому, естественно, сама цифра — триста метров — смысла сейчас не имела и биться об заклад о ее реальности никто не собирался. Поврежденный штирборт мог обернуться таким схлопыванием подлодки, да еще переходящим в расплющивание, дерзни она погрузиться и на меньшую, чем гарантированный заводом предел, глубину.

— До цели — сто девять метров. Цель приближается!

Горов тоже вносил немалый личный вклад в то зловоние, которым теперь наполнена была небольшая рубка. Рубашка пропиталась потом под мышками и на спине, ниже лопаток.

Голос офицера, распорядившегося погружением, настолько ослабел, что звучал едва ли громче шепота, но тем не менее все понимали, что говорит их товарищ.

— Сто восемьдесят три метра. Набор глубины продолжается.

Лицо Эмиля Жукова так вытянулось и осунулось, что напоминало посмертную маску.

Все еще держась руками за окантовку пульта, Горов сказал:

— Рискнем опуститься еще. Метров на двадцать пять, а то и тридцать. Все равно иначе нам нельзя. Хорошо бы иметь зазор между днищем горы и нами.

Жуков кивнул.

— Глубина — сто девяносто метров.

Оператор ультразвукового лоатора постарался справиться со своим ослабевшим голосом. И все равно в его очередном донесении была ощутима тревога.

— Цель — в пятидесяти пяти метрах. Сближение продолжается. Мертвое дело. Прет прямо на нас. Скоро врежемся!

— Ничего подобного! — оборвал его Горов. — Выкрутимся!

— Глубина — двести четыре метра.

— До цели — двадцать семь метров.

— Глубина — двести восемь метров.
— До цели — восемнадцать метров.
— Глубина — двести одиннадцать метров.

— Цель потеряна, — сказал оператор звуколокатора, и последнее произнесенное им слово прозвучало на октаву ниже по сравнению с первым.

Все оцепенели, словно скованные морозом, и напряженно ждали страшного удара, который неминуемо покалечит обшивку.

Горов подумал, что он, верно, совсем рехнулся, раз уж ему пришлось в голову поставить на кон свою собственную жизнь и жизни еще семидесяти девяти человек, и все это — якобы ради спасения горстки людей, которых вдесятеро меньше, чем тех, за безопасность которых он отвечает.

Техник, следивший за показаниями эхолота, измеряющего расстояние от лодки до поверхности океана, закричал:

— Над нами лед!

Они были под айсбергом.

— Какова высота зазора между нами и льдом? — спросил Горов.

— Пятнадцать метров.

Никто не радовался, не кричал «ура!». Все до сих пор были в слишком страшном напряжении. Но все же собравшиеся в рубке позволили себе приглушенный коллективный вздох облегчения.

— Мы ушли под айсберг, — не веря своим словам, произнес Жуков.

— Глубина — двести четырнадцать метров. Набор глубины продолжается, — встревоженно сообщил офицер, отвечающий за погружение.

— Понизить скорость погружения, — приказал Горов. — Достичь глубины в двести двадцать пять метров. Затем — так держать.

— Мы спасены, — сказал Жуков. Горов потрогал свою ухоженную маленькую бородку — она вся была пропитана потом.

— Нет. Еще нет. У айсберга не бывает ровного днища. Вполне возможно, что есть выступы, уходящие вглубь на метров сто восемьдесят и даже ниже. И такой зубок очень даже может задеть нас. И вся наша работа по набору глубины — насмарку. Нет, о полной безопасности говорить можно будет лишь после того, как мы выберемся из-под этой горы.

* * *

Не прошло и нескольких минут после судороги ледника, сотрясшей айсберг врезавшейся в него торпедой, как Харри и Пит поспешили оставить снегоходы, в которых укрывались все остальные, чтобы вернуться в пещеру. Продвигались они с осторожностью и далеко заходить не стали, остановившись в проломе, служившем входом в пещеру. В спины им дул вконец обезумевший ветер.

Они собирались установить радиостанцию, которую нес Харри, в самом глубоком и самом тихом закутке, который только можно будет найти под сводами. Надо было связываться с лейтенантом Тимошенко и выяснять, что там у них творится и, вообще, какова обстановка. За стенами же пещеры ветер выл как зверь, на тысячи разных голосов, и все заглушал так, что даже в кабине аэросаней все эти рокотания, завывания, повизгивания, старательно выводимые каждым новым порывом шквала, не давали услышать и собственный голос, — что уж тут говорить о надежде разобрать голос далекого радиооператора? А ведь еще и понять надо, что он скажет, пробившись через помехи.

Устремив луч фонарика вверх, Пит беспокойно оглядывал нагромождение ледяных балок и брусьев над своей головой.

— Выглядит вроде нормально! — прокричал Харри изо всех сил, хотя ухо Пита отделяли от губ Харри всего два-три сантиметра.

Пит недоуменно поглядел на него. Он явно не понял, что хотел сказать ему Харри.

— Нормально! — взревел что было мочи Харри и для верности поднял обе руки с оттопыренными большими пальцами вверх.

Пит согласно кивнул.

Правда, продвигаться дальше они все равно пока не решались, — а вдруг русским вздумается запустить еще одну торпеду?

А пройди они в пещеру подальше вместе с приемопередатчиком, и если в это время русские снова выстрелят в лед, то сотрясение повалит не слишком надежные своды, и Пит с Харри или погибнут под обломками, или окажутся погребенными заживо.

Злющий коварный ветер, толкавший в спины, набрал такую силу и был до того холодным, что Харри казалось, будто кто-то закинул за шиворот несколько ледяных кубиков и те сейчас, плаваясь, ползут вдоль спины. Как бы то ни было, не могли же они стоять тут, на входе, до бесконечности, оцепеневшими в своей нерешительности. И Харри сделал шаг вперед. Пит пошел вслед, а там они уже перешли на скорый шаг, торопясь добраться до дальней стены убежища.

Стоило чуть углубиться под ледовые своды, и безобразный набор терзающих слух оглушительно громких звуков сразу же заметно притих, хотя, конечно, и в пещере стоял такой шум, что регулятор громкости приемника придется установить на максимальную громкость и так и держать всю дорогу.

За радиостанцией волочился длинный оранжевый провод, уходивший к батарее одного из снегоходов. Харри хотел, чтобы, по возможности, расходовалась емкость аккумуляторов снегохода. Тогда внутренние батареи приемопередатчика останутся неразряженными и готовыми к работе в каких-то экстренных условиях и в крайнем случае. Мало ли что еще может произойти.

Харри включил радиостанцию.

Когда они так готовились к работе, Пит спросил:

— Ты ничего странного не заметил? Я про направление ветра.

Разговаривая, они должны были брать ноты повыше, но кричать нужды тут уже не было. Харри, подумав, ответил:

— Пятнадцать минут назад ветер дул с иной четверти компаса.

— Айсберг опять поменял курс.

— Чего бы ради?

— А то я знаю.

— Ты же у нас спец по взрывчатке. Подумай, может, это торпеда? Ну, взрыв оказался настолько мощным, что сумел сдвинуть айсберг на некоторый угол.

Что есть силы мотнув головой, Пит сказал:

— Быть того не может.

— Я-то тоже так думаю.

Вдруг Харри как-то отчаянно ослаб. Сил не стало. И такая тяжесть навалилась — ничего нельзя поделать. Ничего. Похоже было на то, что матушка-природа решила взяться за них лично. Шансы против их выживания возрастали с каждой уходящей прочь минутой. Может, уже нечего и думать о спасении. Какой в этом прок? И, несмотря на слой вазелина, покрывавший лицо, несмотря на вязаную снегозащитную маску, которая обычно так хорошо помогала от холода, несмотря на все эти толстые слои теплоизоляции под мудреными именами «Горе-Текс» и «Термолайт», несмотря на то, что немалую долю ночи удавалось укрываться от непогоды в пещере, а время от времени, так вообще в сравнительно теплой, потому что отапливаемой, кабине снегохода, все равно он ежился от немилосердного, бессердечного мороза. И поддавался лютому холоду — сил не хватало выдерживать это издевательство. Все суставы болели. Даже в перчатках руки мерзли — ладоням было так холодно, словно их держали в холодильнике не меньше чем полчаса. И тот же раздражающий холод мало-помалу захватывал и ноги. А если кончится топливо в баках аэросаней, то не станет смысла в периодических посиделках в кабинах снегоходов, как-никак нагретых до десяти градусов выше нуля. Тогда опасность обморожения лица превратится в весьма

реальную угрозу, а та ничтожная энергия, которая у них еще остается, будет, верно, молниеносно растрянжирена, и они, чего доброго, до того обессилеют, что не смогут даже выйти навстречу русским, не говоря уже о попытке пройти свою половину пути к спасению.

Но какая разница — истощен он, угнетен он, или же нет, если ему ни в коем случае нельзя вешать нос — у него есть Рита, и это о ней ему положено сейчас думать. Он за нее в ответе, хотя бы потому, что ей никогда не бывает на льду так же легко и просто, как это все-таки временами случается у него; лед ее пугает, и ей становилось страшно даже в куда лучшие, чем вот эти нынешние времена. Будь что будет, но он решил всегда быть там, где он может понадобиться Рите, то есть он всегда будет там же, где она, до самой последней минуты своей жизни. И это благодаря ей ему есть чем жить: награда впереди — еще несколько лет вместе, еще больше радости и любви, и мысли о награде хватят, чтобы укрепить его, чтобы он выдержал — и неважно, насколько свирепее обещает стать буря.

— Единственным возможным объяснением иного толка, — произнес Харри, пощелкав переключателями радиостанции и установив предельную громкость, — может быть предположение о подводной реке. Какое-то течение могло подхватить айсберг. Этого течения прежде не было, а тут, когда мы добрались до этих мест, оно и объявилось, и оказалось настолько мощным, что сбilo нашу гору с прежнего пути. Теперь нас прямо на юг тащит.

— И что из этого выходит, как думаешь? Это поможет русским снять нас с айсберга или помешает?

— Думаю, помешает. Если ледник дрейфует к югу, да еще ветер подталкивает его с севера, а он — почти точно северный, то, значит, можно думать только о подветренной стороне. А они уже жаловались, что им не высадить своих людей на вертикальную стенку до неба, которая еще и наезжает на них.

— И уже около десяти вечера.

— Так оно и есть, — согласился Харри.

— А если они не ссадят нас отсюда вовремя... если мы застрянем здесь до полуночи и потом тоже, на всю ночь, то есть уцелеем ли мы вообще? Не вешай мне только лапшу на уши. Сейчас не время. Что скажешь, только честно?

— Это мне у тебя спрашивать надо. Ты же разрабатывал эти бомбы. И тебе лучше знать, что они поломают, а что не тронут.

Вид у Пита был невеселый.

— Что я думаю... да то и думаю. Взрывные волны разнесут вдребезги почти весь приютивший нас ледник. Есть вероятность, что уцелеет кусок айсберга длиной метров в полтора, может, в сто восемьдесят. Но не на всю длину от носа айсберга до первой бомбы. А раз уж останется всего сто пятьдесят или сто восемьдесят метров ледника, сам можешь сообразить, что будет. Ты понял?

Харри слишком хорошо понимал это.

— Получится новый айсберг, поменьше. Полтора метра в длину и метров *двести* в высоту, от днища до верхушки. Ну, пусть метров на десять повыше.

— А так он плыть не будет.

— Минуты даже не проплывет. Центр тяжести-то сместится. Значит, физическое тело станет искать новое равновесие. Он кувыркаться станет. Пока это устойчивое положение появится.

Они палились друг на друга, а из приемника, на частоте открытого канала, на которую был настроен приемопередатчик, неся свист, треск и скрежет. Какофония под стать той, что царила вне пещеры.

Наконец Пит проговорил:

— Да, если бы мы сумели выковырять эти бомбы... Хотя бы десяток.

— Но у нас это не вышло, — Харри протянул руку к микрофону. — Давай попробуем дозваться русских. Может, они что хорошее скажут.

Гунвальд так ничего и не нашел, что можно было бы поставить в вину кому-то из его товарищей, хотя уже просмотрел шкафчики Пита Джонсона и Клода Жобера.

Пять подозреваемых. Никаких зловещих открытий. Ни единого намека на ключ к разгадке.

Он поднялся с деревянной корзины и отправился в дальний конец складского помещения. На таком удалении от взломанных им сейфов — пусть не в расстоянии дело: вину в метрах не меряют — он мог, такое у него было чувство, позволить себе раскурить трубочку. Без трубки ему никак нельзя было и успокоиться, и обдумать случившееся. Трубка поможет — это он знал наверняка. И вскоре воздух наполнился благоуханием: запахом вишни и трубочного табака.

Он прикрыл глаза и откинулся назад, к стенке, и стал думать про все эти многочисленные предметы, которые были извлечены им из шкафчиков. На первый взгляд ничего подозрительного ему в этих персональных сокровищницах так и не попало. Однако вполне могло быть так, что улики, если таковые существуют, весьма тонки, деликатны. Иначе говоря, сразу не дойдет, что это такое. А он должен сообразить. И надо было соображать быстро. Потому он постарался старательно припомнить все вещички, найденные в развороченных сейфах, ища хоть какой-то намек на ненормальность, которую он, быть может, проглядел, держа ту или иную вещь в руках.

Роджер Брескин.

Франц Фишер.

Джордж Лин.

Клод Жобер.

Пит Джонсон.

Ничегошеньки.

Если хоть один из этой пятерки мужчин не отличается должной душевной устойчивостью и уравновешенностью и способен на убийство, то этот господин — дьявольски сообразителен. Настолько умело он прячет свое безумие, что ни единого намека на то в своих самых личных, предназначенных для самого интимного пользования вещах не оставляет.

Гунвальд разочарованно вытряхнул пепел из трубки в заполненную песком консервную банку для мелких отходов, потом аккуратно уложил трубку в карман блузы и опять поплелся к разбитым шкафам. Пол возле них был замусорен драгоценнейшими напоминаниями о пережитом в пяти человеческих жизнях. По мере того как все больше вещей, поднятых с полу, возвращались его усердием на свои исконные места, чувство вины, и так мучившее Гунвальда, воздымалось все выше и выше в душе скандинава. И эта волна перерастала в стыд за то вторжение в чужие личные дела, которое он допустил, пусть у него даже и было убедительное оправдание: мол, этого потребовали сложившиеся на сегодняшний день чрезвычайные обстоятельства.

И тут он увидел конверт. Двадцать пять на тридцать. И толщиной около двух с половиной сантиметров. На самом дне шкафчика. У задней стенки.

В поспешности своей он проглядел эту вещь, и, надо думать, главной причиной стало сходство оттенков: конверт был серым и не выделялся на фоне шаровой краски, покрывавшей сейф изнутри. И еще потому, что конверт лежал в нижней части шкафчика почти на уровне ботинок, да еще у задней стенки; к тому же увидеть этот предмет могла помешать полка, находившаяся сантиметром на тридцать выше дна шкафчика. В то самое мгновение, когда он схватил конверт, его обуяло острое и очень живо ощущаемое предчувствие: вот оно! Он нашел ту самую сокрушительную улику, ради которой и были затеяны не слишком чистоплотные изыскания.

Вытащить конверт и то было не просто: он был вплотную прислонен к тыльной стенке сейфа. Когда конверт был уже в руках, Гунвальд заметил шесть клочков изолянта — значит, предмет этот прятался специально. Хозяин умышленно прилепил его изолянтной лентой так, чтобы

его не нашли даже в случае нарушения целостности шкафчика.

Однако клапан конверта был скреплен лишь металлической защелкой, и Гунвальд смог вскрыть упаковку, не повреждая ее. В конверте оказалась только тетрадь, толстая, сшитая не скрепками, а пружинистой спиралью по корешку. Тетрадка эта, похоже, служила чем-то вроде альбома — между страницами торчали многочисленные вырезки из газет и журналов.

Без особой охоты, но ничуть не колеблясь, Гунвальд открыл тетрадку и пролистал ее. Увиденное поразило его, просто ударило, как гром, убийственной своей силой, — он даже и не знал, что может быть что-то настолько ошеломляющее. Мерзкая, отвратительная чепуха. Страница за страницей, все одно к одному. Гунвальд сразу же понял: человек, способный собрать такую коллекцию, если и не совсем свихнувшийся маньяк, то все равно это — личность очень неуравновешенная и весьма опасная.

Захлопнув тетрадку и потянув за цепочку, чтобы выключить свет в помещении, Гунвальд торопливо влез в куртку и верхние сапоги. Натыкаясь на сугробы и спрятав голову в раструб куртки, будто сутулость могла защитить от дикого ветра его лицо, истязаемое атакующими ледяными дротиками, он побежал в рубку дальней связи. Ему не терпелось оповестить Харри о своей находке.

* * *

— Лед над головой. На высоте в тридцать метров.

Горов оставил командный пульт и встал за спиной техника, следившего за показаниями эхолота, определявшего расстояние от подлодки до поверхности моря.

— Лед на головой. Тридцать шесть с половиной метров.

— Когда же он кончится? — нахмурился Горов, нехотя полагаясь на ту самую технику, которой он так привык доверять. — К этому времени мы должны уже оказаться под самой узкой стороной айсберга. А мы все еще и половины длины его не прошли. И над нами так и висит эта здоровенная, длиннющая гора.

Оператор эхолота тоже насупился.

— Не понимаю вас, капитан. Теперь лед над нами на высоте в сорок три метра. И высота растет.

— Вы хотите сказать, что между нами и днищем айсберга сорок три метра чистой воды?

— Так точно.

Поверхностный эхолот представлял собой усложненную доработанную модификацию расхожего звуколокатора, десятилетиями служившего подводникам для определения местонахождения морского дна и глубины моря под субмариной. Передатчик поверхностного эхолота излучал высокочастотные звуковые — точнее, ультразвуковые — колебания вверх на поверхность моря. Эта посылка отражалась от попадающегося на ее пути препятствия — в данном случае, от днища айсберга — и возвращалась на корабль, позволяя определить расстояние между верхней поверхностью крыла лодки и замороженным потолком наверху — то есть льдиной, плавающей в море. Этим оборудованием, как стандартным, оснащался каждый корабль, причем такая техника, как считалось, могла быть призвана к разрешению задачи — пусть маловероятной, но все-таки — прохождения под айсбергом в порядке выполнения боевого задания или для того, чтобы скрыться от вражеского судна.

— До льда наверху сорок девять метров, капитан.

Перо поверхностного эхолота дергалось из конца в конец, выводя график на бесконечной бумажной ленте, сматываемой с вращающегося барабана. Черная полоса, вырисовываемая самописцем, становилась со временем заметно шире.

— Лед сверху. На высоте пятьдесят пять метров.

Выходит, лед наверху все-таки сходит на нет.

Да и какой в этом был толк? Все равно — над ними висела огромная гора.

Маленький динамик-пищалка над командным пультом вдруг ожил, разразившись

треском и криканьем, а затем из него послышался и человеческий голос. После столь неблагозвучного предисловия казалось вполне естественным, что голос говорившего отдает металлом — однако любой, даже самый нежный и певучий голосок звучал бы так же или похоже, пройди он через те же модуляции и демодуляции в системах дальней связи. Офицер торпедного отсека спешил сообщить новость, которой Горов не удивился бы *ни на какой* глубине, что уж говорить о теперешних двухстах двадцати пяти метрах. Командир торпедной установки был взволнован:

— Капитан, переборки нашего носового отсека покрыты испариной.

Все собравшиеся в рубке управления застыли в оцепенении. Они-то следили за показаниями звуколокаторов и глубокомеров, видя самую большую для себя опасность в айсберге — уж слишком долго тащатся они под здоровенной горой, а кто знает, вдруг с днища ее свисают огромными сосульками сталактиты, которые, задень они судно, могли бы раздавить или разрезать его. Предупреждение офицера торпедной установки неприятно напомнило всем о недавнем столкновении их подлодки с неведомым физическим телом, скорее всего это тело представляло собой дрейфующее скопление льда. Это уже потом, после столкновения, им пришлось поспешно уйти на глубину, спасаясь от еще большего скопления того же льда, а теперь, опустившись ниже двухсот метров, они, не будь стальной обшивки, неминуемо были бы раздавлены той чудовищной тяжестью, которая довлела над каждым квадратным сантиметром внешней оболочки судна. Оттого мира, где воздух был свеж, а в небе светило солнце, и где был их настоящий дом, подводников отделяли миллионы тонн морской воды.

Потянув к себе висящий над головой микрофон, Горов произнес в амбушюр:

— Внимание, торпедный отсек! Вас вызывает капитан. Что вы скажете о сухой изоляции за переборками отсека?

Теперь всеобщее внимание сосредоточилось на громкоговорителе-пищалке, подобно тому как еще мгновение назад оно было приковано к глубокомеру погружения.

— Изоляция такая имеется, капитан. Но и она вспотела. Полагаю, что теперь она пропитана влагой.

Да, видно страшен был тот удар, который они в спешке едва заметили. Натворила дел плавучая льдина.

— А воды много?

— Капель нет. Только сконденсировавшаяся влага. Тонкая пленка.

— А где скапливается влага?

Офицер торпедной установки сказал:

— Вдоль шва между отсеком аппарата номер четыре и отсеком аппарата номер пять.

— Какие-нибудь выпуклости или изгибы подлине есть?

— Никак нет.

— Следите за этим местом, — распорядился Горов.

— Есть. Я и так глаз с него не свожу.

Горов разжал пальцы и микрофон, подпрыгнув на пружине, вернулся на место.

За командным пультом теперь находился Жуков.

— Мы могли бы попытаться поменять курс, капитан.

— Ни в коем случае.

Горов понимал, что на уме у его первого помощника. Они, судя по всему, шли вдоль длины айсберга и к настоящему времени миновали около половины этой длины — около шестисот пятидесяти метров — и должны были пройти еще столько же. А вот если взять право или лево руля, то, быть может, удастся выйти в открытое море раньше: от штирборта или левого борта до края айсберга вряд ли было более двухсот или трехсот метров. Они-то знали, что ширина айсберга куда меньше его длины. Можно было бы поменять курс, причины на то выглядели вполне вескими, но Горов опасался, что так они только зря потеряют время и обесценят уже проделанную работу.

Чтобы объяснить свое нежелание поддаться уговорам Жукова, Горов сказал:

— Пока мы поменяем курс да выйдем в открытое море хоть по штирборту, хоть по левому борту, много времени пройдет. Мы и так уже миновали середину айсберга и сейчас движемся под его кормой. Вот-вот выйдем в открытое море. Так держать, лейтенант.

— Есть так держать.

— Не меняйте курс до тех пор, пока течение не начнет нас заворачивать в сторону.

Оператор, сидевший за пультом поверхностного эхолота, объявил:

— Лед над нами. На высоте в семьдесят шесть метров.

«Странно. Тайна какая-то: из-под горы не выбираемся, а толщина льда уменьшается», — подумал Горов.

Они уже давно не погружались, то есть глубина, на которой шла лодка, оставалась той же, она не менялась. Но айсберг, до «кормы» которого надо было еще идти и идти, тоже не взлетал в воздух, — Горов понимал, что законов тяготения никто не отменял. Но почему зазор между палубой лодки и днищем ледовой горы все время растет?

— Может быть, есть смысл подняться повыше? — поинтересовался Жуков. — Чуть поближе ко льду. Поднимись мы метров на сорок, глубина все равно будет около ста восьмидесяти метров, а давление заметно снизится и, возможно, переборки в торпедной перестанут запотевать.

— Глубина в двести двадцать пять метров, и так держать! — оборвал его Горов.

Куда больше, чем конденсация влаги на стенке торпедного отсека, его беспокоило душевное состояние членов экипажа. Подчиненные его — все, как на подбор — были славными мужиками, стоящими людьми, и за те годы, которые он командовал лодкой, у него накопилось более чем достаточно поводов испытывать чувство гордости за родной коллектив. В какие только переделки они за это время не попадали, и всегда выходили из затруднений с честью, сохраняя хладнокровие и профессионализм. Правда, никогда прежде для этого не требовалось ничего иного, кроме выдержки, умения и смекалки. А вот на этот раз очень бы не помешала и малая толика везения. Никакая выдержка и никакие навыки не помогут, если обшивка лопнет и на ее нутро обрушится исполинское давление многотонных толщ соленой воды. Они привыкли полагаться только на себя, а тут и теперь приходилось надеяться еще и на неких безликих инженеров, которые, надо думать, старались, разрабатывая судно, сделать все, как полагается, как, хотелось бы надеяться, и те неведомые труженики судовой верфи, которые варили и клепали стальные конструкции. Наверное, всего этого было вполне достаточно, чтобы не вопрошать их о том, осознают ли они, а если осознают, то сколь остро, ту связь, которая существует между бедствующим народным хозяйством страны и соблюдением сроков профилактических работ в сухих доках: ясно, что чем хуже экономика, тем чаще откладываются и тем сильнее сокращаются плановые ремонтные работы с лодкой в судовых верфях.

— Вверх нельзя, — Горов еще раз решил смягчить свою командирскую резкость. — Над нами до сих пор лед. Мне неизвестно, что происходит наверху, почему толщина ледового слоя идет на убыль, но, по крайней мере, стоит соблюдать осторожность, пока обстановка не прояснится.

— Над нами — лед. На высоте восьмидесяти пяти метров.

Горов опять поглядел на график, вычерчиваемый самописцем поверхностного эхолота.

— Лед над головой на высоте девяносто один метр.

И вдруг перо самописца перестало дергаться. Теперь оно чертило ровную прямую тонкую черную линию ниже срединной линии барабана с бумагой.

— Чистая вода! — вскричал оператор, но в голосе его слышалось явное удивление. — Над нами *нет* льда.

— Мы что, уже выбрались из-под айсберга?

Горов покачал головой.

— Этого не может быть. Гора-то — чудовищная. Нам остается пройти еще не меньше километра с третью. Хорошо, если мы хотя бы половину прошли. Нет, мы не...

— Снова над нами лед! — закричал техник поверхностного звуколокатора. — Лед на

высоте в девяносто метров над нами. Но теперь интервал между нами и льдом *уменьшается!*

Горов подошел поближе к самописцу и стал приглядываться к его перу. Промежуток между верхней палубой «Ильи Погодина» и днищем айсберга неуклонно сокращался. И очень быстро.

Семьдесят девять метров. Шестьдесят семь метров.

Пятьдесят метров. Сорок два метра. Тридцать метров.

Двадцать четыре метра. Восемнадцать метров.

Зазор между днищем ледовой горы и лодкой держался в течение нескольких секунд на отметке в пятнадцать метров, но потом перо самописца стало бешено метаться вверх и вниз: пятнадцать метров, затем сразу сорок шесть метров, потом опять — пятнадцать, потом тридцать, двадцать четыре метра, шестьдесят один метр, вверх и вниз, вверх и вниз, совершенно непредсказуемые взлеты и падения. Потом величина зазора вновь установилась вблизи отметки в пятнадцать метров, и с этих пор метания пера стали не столь беспорядочными.

— Держится ровно, — доложил оператор поверхностного эхолота. — Высота льда над нами — от пятнадцати до восемнадцати метров. Незначительные флуктуации. Держится ровно... по-прежнему держится ровно... держится...

— А не мог ли эхолот выйти из строя? Или, скажем, неверно показывать, ну, какое-то время назад? — спросил Горов.

Техник потряс головой.

— Никак нет. Думаю, что такого не могло случиться. Кажется, он работает великолепно.

— В таком случае, скажите, верно ли я понимаю происшедшее? Мы ведь прошли под дырой в айсберге, правильно? Посреди айсберга, получается, есть этакая лагуна, да?

Техник долго глядел на перемещения иглы самописца по диаграммной бумаге, непрерывно сматывающейся с барабана, видимо, опасаясь, как бы ему не пришлось объявлять о понижении ледового потолка, но зазор держался выше отметки в пятнадцать метров и, успокоившись, оператор наконец ответил:

— Так точно. Мне тоже так кажется. По всем признакам — дыра. Примерно в середине.

— Отверстие типа воронки.

— Так точно. Судя по показаниям прибора, отверстие имеет форму перевернутого блюдца. Но когда мы были непосредственно под этим провалом, верхние две трети резко шли на сужение кверху.

Все сильнее волнуясь, Горов спросил:

— А доходил ли этот провал до верхушки айсберга? До самого верха горы?

— Не могу сказать. Но до уровня моря дыра была, это точно.

Поверхностный эхолот, как это явствовало из названия прибора, конечно же, давал показания только до уровня моря, не далее. Понятно.

— Дырка, — задумчиво произнес Горов. — Господи, откуда она взялась?

Никто ему не ответил. Да и что было отвечать?

Горов пожал плечами.

— Может, кто-то из полярников Эджуэй что-то про это знает. Они же исследовали льды. Самое главное, однако, что дыра эта есть. Ладно уж, то, откуда она взялась, для нас значения не имеет.

— А что в ней такого особенного? — поинтересовался Жуков.

У Горова в голове зародился немыслимо дерзкий план по спасению терпящих бедствие ученых Эджуэйского проекта. Если эта дыра...

— Чистая вода, — объявил оператор поверхностного эхолота. — Льда над головой нет.

Эмиль Жуков нажал на несколько клавиш на консоли пульта управления. Потом взглянул на экран компьютера по правую руку от себя.

— Проверим. ЭВМ учет и текущий к югу поток, и нашу скорость. Да, похоже, мы на этот раз действительно выбрались. Айсберг кончился, видите?

— Чистая вода над головой, — повторил техник.

Горов посмотрел на часы: две минуты одиннадцатого. До полуночи, когда шестьдесят бомб разнесут эту огромную гору вдребезги, оставалось менее двух часов. И за это ничтожное время команде «Ильи Погодина» явно не удастся предпринять хотя бы попытку спасти терпящих бедствие, а даже если они что-то и попробуют, вряд ли эти потуги кончатся чем-то хорошим. Нет, все пути для них закрыты. Но та неортодоксальная схема, что исподволь вызревала в мозгу капитана, казалась чистым безумием. Зато у нее имелось немалое достоинство: она представлялась осуществимой даже за тот короткий срок, которым они еще как будто располагали.

Жуков откашлялся. Можно было не сомневаться: первый помощник, перед глазами которого маячил образ промокшей переборки носового торпедного отсека, нетерпеливо ждал разрешения поднять лодку на меньшую глубину, где не так опасно. Потянув с потолка микрофон, Горов произнес:

— Торпедная, ответьте капитану. Как ваши дела? Что с увлажнением переборок?

Из громкоговорителя над головой скрипуче отозвалось:

— По-прежнему. Влага конденсируется. Как и было. Не лучше, но и не хуже.

— Продолжайте следить за состоянием переборок. И сохраняйте спокойствие. — Горов выпустил микрофон из рук и повернулся к клавиатуре компьютерной консоли. — Понизить скорость вдвое. Курс оставить прежним. И так держать!

Удивление вытянуло и без того длинное лицо Эмиля Жукова, и оно стало чуть ли не вдвое длиннее, чем обычно. Первый помощник открыл было рот, но не сумел издать ни единого звука. Он с трудом проглотил слюну.

— Вы хотите сказать, что мы не всплываем?

— Не сию минуту, — ответил Горов. — Нам стоит еще разок пройтись под тушей этого бегемота. Мне хотелось бы разглядеть эту самую дырку посередине.

* * *

Ручка регулятора громкости коротковолнового приемника стояла на пределе, так что голос русского офицера-связиста, вешавшего с борта лодки «Погодин», звучал внятно и разборчиво, перекрывая избыточное шумовое сопровождение. А его хватало: за стенами пещеры и над кровлей из беспорядочно наваленных друг на друга ледяных балок завывала снежная буря. А резкие и сухие щелчки статических разрядов и свист электронной зеркальной помехи гуляли по пещере, отзываясь раскатами малоблаговзвучного эха. Все эти звуки, резонируя в ледовой акустической камере, производили впечатление невероятно громкого скрежета ногтей о грифельную доску.

Все остальные тоже присоединились к Питу с Харри, чтобы узнать сногшибательную новость из первых уст. Столпились они у тыльной стенки пещеры.

Не успел лейтенант Тимошенко описать дыру и прилегающую к ней лейкообразную, наподобие бутона, область, зияющую в днище их плавучей тюрьмы, как Харри сразу же попытался дать геологическое объяснение генезиса и природы сего странного феномена. Айсберг оторвало от ледового поля полярной шапки волной цунами, а та была порождена подводным землетрясением, произошедшим чуть ли не под тем местом, где тогда находился временный лагерь. А в этой части света в тесной связи с сейсмической активностью вдоль цепи разломов земной коры находится, как правило, и вулканическая активность, и сопряженность между ними, что называется, *de rigueur*¹, чему свидетельством неистовство извержений в Исландии, бушевавших несколько десятилетий тому назад. А коль уж и последнее событие, следствием которого стало, среди прочего, цунами, сопровождалось вулканическим извержением, то, надо думать, огромные массы расплавленной лавы были выброшены с морского дна вверх, до границы между водной и воздушной стихиями. Фонтаны раскаленной добела лавы расплавили лед, и миллионы кубометров вскипевшей, от

¹ Строго обязательна (фр.).

соприкосновения с жаркой разжиженной земной твердью воды, растекаясь по всем направлениям, не только придали дыре ее причудливую воронкообразную форму, но и содрали с днища айсберга толстые слои льда, чем и объясняются все эти непонятные зазубрины, впадины и выпуклости неподалеку от собственно дыры.

Хотя до Тимошенко были какие-то сотни метров, голос, доходивший до пещеры, был щедро приправлен треском электростатических разрядов. Правда, передача воспринималась полностью, ощутимых перебоев не наблюдалось.

— По мнению капитана Горова, налицо три возможности. Первый вариант: отверстие в центре вашего айсберга может быть затянуто толстой пленкой льда ниже ватерлинии. Вторая возможность: отверстие может вести в каверну, то есть дыра — не сплошная, а имеет какое-то твердое дно. И, наконец, третья вероятность: отверстие идет от днища до уровня воды и потом поднимается еще на тридцать метров, доходя до верхушки айсберга. Вам понятен наш анализ, доктор Карпентер?

— Да, — сказал Харри, очень впечатленный доводами капитана. — И мне кажется, я знаю, какая из трех версий осуществлена в действительности. — Он рассказал Тимошенко о расселине, что разверзлась на самой середине длины айсберга тогда, когда исполинские сейсмические колебания прошли по краю ледника. — Ее, этой щели, еще не существовало, когда мы отправились закладывать взрывчатку, но на обратном пути, когда мы возвращались восвояси, в свой лагерь, она появилась. Я сам чуть было не въехал в эту трещину. И в ней погиб мой снегоход.

— И трещина бездонная? Я имею в виду, она доходила до морской воды или же где-то, не доходя до моря, кончалась? — спросил Тимошенко.

— Точно не знаю, но подозреваю, что дна у расселины нет. Насколько я могу судить по приблизительным первым прикидкам, она, эта трещина, расположена как раз над тем отверстием, которое вы обнаружили в днище айсберга снизу. Даже если струи лавы были не настолько мощны, чтобы пробить всю ледяную толщу, а это — тридцать метров над ватерлинией, все равно, тепла было столько, что вверх пошла уже пусть не лава, но вскипевшая вода с паром. Так что, если дыра и не пронизывает весь айсберг насквозь, можно думать, что под воздействием кипятка лед *треснул* и трещина дошла до дыры. Да там и не одна трещина. И все эти расселины, или хотя бы некоторые из них, доходят до той открытой воды, которую обнаружил ваш поверхностный эхолот.

— Но если отверстие выходит на днище или на окончание трещины — по-моему, лучше бы говорить о канале, скважине или туннеле, а не об отверстии — и, следовательно, есть путь с верхушки айсберга до его днища, то что вы скажете о предложении добраться до отверстия? Для этого вам придется спуститься в расселину, — сказал Тимошенко.

Вопрос ошеломил Харри. Уж слишком неожиданным было это предложение. Он сначала не понял, зачем всем им лезть в эту пропасть, куда он уронил свой снегоход.

— Если уж, по-вашему, нас надо загнать в расселину, то мы, конечно, могли бы подыскать кое-что другое на роль альпинистского снаряжения. Но какой в этом смысл? Мне непонятно, зачем затевать такое странное дело?

— Для того чтобы мы смогли снять вас со льдины. Вы бы прошли через этот туннель, а мы бы подобрали вас из-под айсберга.

Семеро товарищей Харри за его спиной уже пустились в шумное обсуждение этого предложения.

Он знаком попросил их успокоиться. А русскому радисту передал:

— Вы хотите сказать, что мы проходим через этот туннель и как-то оказываемся на подлодке? Но каким образом?

— В водолазном снаряжении.

— Но у нас нет даже акваланга.

— Зато у нас есть. — Тимошенко объяснил, как они собираются передать водолазные костюмы полярникам.

Харри, еще более чем прежде, был впечатлен изобретательностью русских моряков, но

у него оставались сомнения.

— В прошлом мне приходилось плавать под водой. Я, конечно, не специалист в данной области, однако мне известно, что человек без специальной подготовки так просто водолазом не становится, пусть даже у него есть специальное снаряжение.

— У нас есть специальное снаряжение, — сказал на это Тимошенко. — И, боюсь я, придется вам сделать то, что надо, безо всякой специальной подготовки. — Следующие минут пять он потратил на подробное описание замысла капитана Горова.

Схема выглядела блистательной, изобретательнейшей, дерзновенной. И очень хорошо продуманной. Харри захотелось обязательно познакомиться с этим капитаном Горовым, просто чтобы поглядеть, что за люди способны на такие ошеломляющие мудрые идеи.

— Похоже, что все может получиться. Но очень уж рискованно. И, самое главное, нет гарантий, что расселина в самом деле открывается в дыру в днище айсберга. Может быть, мы и не сумеем отыскать выход из трещины в это самое отверстие.

— Такая вероятность существует, — не стал спорить Тимошенко. — Но это единственный остающийся у вас шанс. По сути дела, у вас нет иного выбора. До взрыва заложенной вами взрывчатки осталось полтора часа. За это время нам никак не успеть причалить спасательные надувные плоты к айсбергу, потом перебраться с них на айсберг, потом совершить восхождение по отвесной стене на верхушку айсберга, а потом еще и спустить вас вниз. Может быть, это и осуществимо, но только не за девяносто минут. Да еще в такой ветер. Сейчас поднялся такой ветер и он дует с кормы, задувая с *обоих флангов*. Это означает, что нам пришлось бы подводить плоты с носа, а это немыслимо, потому что гора изо льда движется на нас со скоростью в девять узлов.

Харри понимал, что все это так и есть. Нечто очень похожее втолковывал он Питу полчаса назад.

— Лейтенант Тимошенко, мне необходимо обсудить это предложение со своими коллегами. Предоставьте мне минуту, прошу вас. — Все еще припадая согбенным телом к радиостанции, Харри чуть-чуть повернул шею, обратив лицо к остальным, и спросил: — Ну?

Рите надо было бы бороться со своими фобиями, как никогда прежде, потому что на этот раз, если они, конечно, решатся, ей надо будет войти *вовнутрь* льда, спуститься *под* лед, причем достаточно долго вокруг нее будет лед со всех сторон. И все-таки именно она первой высказалась в пользу замысла:

— Не будем зря терять время. Разумеется, мы сделаем это. А что, прикажете сидеть тут и дожидаться смерти?

Клод Жобер одобрительно кивнул.

— Выбирать не приходится.

— У нас есть один шанс на тысячу выбраться живыми, — подсчитал Франц. — Но все-таки это не полная безнадега.

— Тевтонская мировая скорбь. Как и подобает германцу, — сказала Рита, ухмыляясь.

Несмотря на свое настроение, Фишер ухитрился выдавить из себя усмешку.

— Ты точно так же говорила, когда я беспокоился из-за землетрясения. Толчок мог ударить, прежде чем мы успели бы вернуться в лагерь.

— Считайте, что и я «за», — сказал Брайан.

Роджер Брескин поспешил кивнуть.

— И я тоже.

Пит Джонсон сказал:

— Я присоединяюсь к авантюристам. Теперь-то я понимаю, что взвалил на себя ношу не по силам.

Очень уж она неподъемная. Коль уж суждено выбраться из этой передраги целым, клянусь, свои вечера впредь я буду просиживать только дома за чтением хороших книг.

Повернувшись к Лину, Харри спросил:

— Ну, а ты, Джордж?

Очки у китайца были подняты на лоб, а маска опущена вниз, потому ничто не мешало

разглядеть в его лице явное беспокойство: оно выражало оправдание.

— А если мы здесь останемся, а если мы не уйдем отсюда до полуночи, неужели не останется хоть какой-то вероятности уцелеть? Разве после взрыва не останется кусок льда, который нас выдержит? У меня раньше такое впечатление было, что мы вроде бы на это рассчитывали, — ведь никакой лодки не ожидалось. Ее и в помине не было.

Харри без обиняков ляпнул:

— Знаешь, если у нас есть хотя бы один шанс на тысячу выйти из этой переделки живыми, прими мы план капитана Горова, то уцелеть после полуночного взрыва нет даже одного шанса на миллион.

Лин кусал свою нижнюю губу с такой силой, что Харри не удивился бы, если бы увидел запекшуюся кровь на подбородке товарища.

— Так ты идешь с нами, Джордж?

Наконец Лин кивнул.

Харри снова взялся за микрофон.

— Лейтенант Тимошенко!

— Слушаю вас, доктор Карпентер.

— Мы решили, что если план вашего капитана и имеет какой-то смысл, то разве что потому, что возникла крайняя необходимость. Мы постараемся выполнить все, что потребуется, — если только это окажется выполнимым.

— Замысел осуществим. Мы в этом уверены.

— Мы должны торопиться, — ответил Харри. — Никакие адские силы не доставят нас, судя по всему, до края расщелины задолго до одиннадцати вечера. Значит, на все остальное у нас будет чуть более часа.

— Если все мы будем все время держать в уме то, что случится, да еще будем живо воображать этот неминуемый полуночный взрыв, то, уверен, мы прорвемся. Мы преодолеем все, что будет нам мешать — куда мы денемся. И времени хватит. Удачи всем вам.

— И вам удачи, — сказал Харри.

Через несколько минут они уже готовы были покинуть пещеру, но Харри так и не сумел связаться с Гунвальдом, который до сих пор не сообщил ему, что удалось найти в тех пяти шкафчиках. Что он только ни делал, чтобы выйти на станцию Эджуэй, но в ответ он слышал только треск электростатических помех и шипение пустого, безжизненного эфира.

Видимо, так и суждено им спускаться в глубокую расщелину, а затем пробираться по туннелю, не дознавшись, кто именно способен покуситься на жизнь Брайана Дохерти еще раз, если тому представится возможность.

* * *

Как ни старались разработчики хитроумного и сверхсложного оборудования дальней связи, никакие технические ухищрения не в силах были тягаться с теми помехами, что сопутствуют буре в полярных широтах, да еще в самый разгар жестокой зимы. Нельзя было поймать даже мощнейшую радиостанцию, вещающую с американской военной базы в Туле. Гунвальд переходил с одной частоты на другую, но на всех радиодиапазонах безраздельно царил шторм. Если и попадались в эфире какие-то обрывки звуков, которым можно было приписать несомненно человеческое происхождение, то это, разве, случайно пробившиеся фрагменты программ оркестровой и инструментальной музыки, да и те секунд через пять пропадали. Громкоговорители трещали статическими разрядами: вой, визг, скрежет, треск, — вот такой концерт беспорядочных звуков слышал Гунвальд, и хоть бы одиночный человеческий голос! Где там...

Он вернулся на частоту, которую назначил ему Харри, обещавший ждать вызова с базы Эджуэй, склонился к передатчику, поднес микрофон к губам и, словно бы связь уже состоялась, спросил:

— Харри, ты меня слышишь? Как прием? Прием.

В ответ только электростатические разряды.

Раз, наверное, в пятый, он опять повторил цифры своего позывного и цифры их позывного, повышая свой голос, словно надеясь, что напряжение голосовых связок способно прорваться через помехи.

Потом понял: придется отступить.

Отведя глаза от станции, он посмотрел на тетрадку с застёжкой на пружинах, что лежала на столе подле его руки. И хотя он уже раз десятый разглядывал эту самую обложку, его опять передернуло.

Нельзя было отступить. Они должны узнать, что за зверюга прокрался к ним.

Он снова попробовал связаться с Харри.

Статические помехи.

Туннель

22 ч. 45 мин.

За час с четвертью до взрыва

В тяжелом зимнем облачении стоя на мостике «Погодина», Никита Горов методично обследовал треть горизонта через прибор ночного видения, будучи начеку, чтобы вовремя обнаружить какие-то иные дрейфующие льдины, кроме того айсберга, на котором застряли полярники Эджуэй. Эта самая примечательная белая гора начиналась сразу же за подлодкой, возвышаясь над нею. Айсберг по-прежнему смещался к югу под действием течения, начинавшего ощущаться на глубине в сто четыре метра ниже поверхности моря, течения, уходящего вглубь примерно до отметки в двести сорок метров ниже уровня моря.

Терзаемое штормом море, со всех сторон накидывавшееся на лодку, никак не хотело выказывать хотя бы какие-то из своих привычных, ритмичных двигательных повадок. Наоборот, никак нельзя было угадать, что еще океан приготовил для ледового корабля, так что каждый следующий его наскок оказывался для Горова совершенно неожиданным. Безо всякого предупреждения вода уходила из-под киля, и лодка заваливалась на штирборт, да еще так неожиданно, что всех, кто был на мостике, раскидывало в разные стороны. Капитан налетал на Эмиля Жукова или сталкивался с Семичастным. Потом, высвободившись из невольных объятий, надо было спешно хвататься за прутья опалубки, покрытые наледью, потому что прямо на глазах из моря вырастала стена из воды, чтобы обрушиться на крыло и залить мостик.

Когда наконец корабль выправил свое положение, Жуков прокричал:

— Уж лучше на глубине в двести тридцать метров!

— Ага! Вы поняли? — прокричал в ответ Горов. — На вас не угодишь! Там вам было плохо, и тут тоже.

— Да я не жалуюсь. И больше про это ни слова не скажу.

Теперь айсберг никак не защищал «Илью Погодина», как тогда, когда лодка дрейфовала в тени подветренного фланга ледяного корабля. Набравший полную силу шторм накидывался на гору с ее «кормы», а оба длинных фланга айсберга безжалостно мучили жестокие ветры. Лодка была открыта всем волнам и шквалам и то подскакивала, то тяжело падала, то накрывалась, то опускалась, а то и металась из стороны в сторону — словно живое существо в предсмертных судорогах. Иные гигантские волны ударяли в корпус корабля со штирборта, ревя, взбирались на крыло, а потом Ниагарским водопадом перекатывались через всю площадку, взметая в небо фонтаны воды, вновь и вновь омывающие и без того чистый мостик. Правда, какая-то стабильность обстановки все-таки наличествовала: большую часть времени лодка тяжело кренилась на штирборт, съезжая с острога огромной шапки из смерзшегося снега. Создавалось впечатление, что все на мостике надели металлические смиренные рубашки — на самом деле это был толстый слой наледи на одежде.

Те участки кожи на лице, которые не были прикрыты ни очками, ни защищены капюшоном, были у Горова густо намазаны ланолином. Хотя на его посту лютый ветер и не бил прямо в лицо, все же и нос, и щеки были жестоко искушены злобным холодным воздухом.

Нижняя половина лица у Эмиля Жукова была обмотана шарфом, но все его старания укрыться от мороза ничуть не помогали. Назначенный ему пост требовал от него пристально вглядываться в шторм, так что без какой бы то ни было защиты обойтись было нельзя, тем более что лицо жалили острые ледяные стерженьки — их были миллионы и миллионы, и эти острые иголки вонзались в кожу со скоростью сорока пяти метров в секунду; по крайней мере, такой казалась скорость ветра. Жуков то и дело перегибал и сминал шарф в ладонях, чтобы потрескался и осыпался слой наледи, но лед, едва-едва покинув ткань, торопился вновь нарасти и забить и нос, и рот первого помощника. Тем не менее он стойко продолжал наблюдение за порученной ему бдительности третью горизонта. Жалкий, несчастный, но стоически выносящий невыносимое.

Горов опустил свой ночной бинокль, чтобы обернуться и поглядеть вверх, на крыло лодки, где возле мостика возились двое моряков. Работали они в скудном свете красной лампочки на мостике, к которому присоединялось свечение переносной дуговой лампы. Выглядели они поэтому сказочно и немного пугающе, а уж изгибающиеся и пляшущие тени моряков вообще походили на демонов или мелких, но старательных бесов, трудолюбиво и прилежно возящихся с каким-то мрачным механизмом, входящим в систему машинерии Ада.

Один из этой пары моряков стоял наверху крыла, заклинив себя между двумя перископами и мачтой радиолокатора, что само по себе уже было опаснее попытки удалого ковбоя оседлать необъезженного мустанга на родео в Техасе, пусть даже у моряка и была страховка: канат, соединенный с мачтой антенны дальней связи, обвивал его талию. И все равно, капитан Горов как-то не припоминал более чудного зрелища, чем этот моряк. На него было напялено столько водонепроницаемых одежек, что он еле-еле мог двигаться, и тем не менее он осмелился принять столь опасное положение, которое, в свою очередь, как раз и требовало всевозможной защиты, включая те самые сковывающие движения одежды. Зато они не давали ему замерзнуть до смерти. Моряк как бы служил живым громоотводом, потому что именно на него обрушивался ураганный шквал. Его не щадила нескончаемо сыплющаяся, как из рога изобилия, мокрая снежная крупа, поливали фонтаны морской воды, то и дело взмывающие над палубой. *Его* ледовые доспехи отличались чрезвычайной толщиной, и в этой толстой наледи незаметно было ни трещин, ни прорех. Правда, тот лед, что окружал его шею, плечи, локти, запястья, бедра и колени, покрывали хорошо заметные разломы и трещины, но даже на этих подвижных местах тела и на суставах из-под блистающего из-за обледенелости его штормового костюма не выступала ткань или кожа. Иначе говоря, этот бедный черт с ног до головы сверкал, блистал, сиял. Чем-то, подумал Горов, этот несчастный его подчиненный был похож на шоколадного Деда Мороза или скорее на вылепленного из теста и облитого сладкой глазурью человечка, — такими печеньями иногда угощали московских детей, особенно на Новый год.

Второй моряк стоял на коротенькой лестнице, ведущей с крыла на капитанский мостик. Пристегнувшись к перекладине лестницы, но оставив свободными руки, он крепил одну за одной водонепроницаемые алюминиевые коробки по всей длине цепи из титанового сплава.

Убедившись, что задание вот-вот будет выполнено, и довольный этим, Горов вернулся на свой наблюдательный пост, чтобы опять поднести к глазам ночной бинокль.

22 ч. 56 мин.

За час четыре минуты до взрыва

Благодаря тому, что ветер подгонял их сзади, полярники смогли добираться до расселины во льду на снегоходах. Не будь они подстегиваемы штормом, вряд ли они справились бы с видимостью, которая почти равнялась нулевой, а в таком случае они

вынуждены были бы двигаться еле-еле или, лучше, вообще идти пешком, — потому что при этом можно было обвязаться веревкой так, чтобы, если кто-нибудь провалился бы или потерялся, его можно было бы спасти. Да и подтянуть отстающего или слабо справляющегося с ветром было бы проще. Двигаться *по* ветру, однако, не только было легче, но и путь впереди они видели метров на девять, а то и на тринадцать, хотя с минуты на минуту видимость становилась все хуже и хуже. И очень скоро со всех сторон их окружила белая метель.

Добравшись почти до самого края разлома, Харри изо всех сил ударил по тормозам и, преодолев внутреннее сопротивление, выбрался из машины. Хотя он крепко держался за ручку кабины, страшный ветер — сто миль в час, то есть сорок пять метров в секунду — сразу же бросил его на колени. Когда убийственная стремительность воздушного потока слегка уменьшилась, Харри сумел подняться на ноги, но только держась за ручку кабины и матеря на чем свет стоит разыгравшуюся метель.

Остальные снегоходы пристроились в хвост снегоходу Харри. До последней машины в образовавшейся цепочке было метров двадцать семь, но Харри не видел там ничего, кроме двух смутных белесых пятен, скорее угадывая, чем видя то, что должно было бы быть ярко сияющими фарами. Те же ореолы, что попали в его поле зрения, казались столь слабыми и призрачными, что вполне могли быть просто обманом зрения: он знал, что он должен их видеть, — и он их видел.

Дерзнув выпустить из руки ручку кабины и скособочившись так, чтобы ветер обдувал как можно меньшую поверхность его бедного тела, Харри поспешил вперед, светя себе под ноги фонариком. Это была своего рода разведка боем, и она позволила убедиться, что впереди путь безопасен, по крайней мере, на ближайшие тридцать метров. Воздух пробирал до костей и не давал дышать даже через снегозащитную маску: першило в горле и отдавало болью в легких. Харри вернулся назад, юркнул в относительное тепло кабины и затем осторожно проехал еще тридцать метров, после чего решил повторить разведку.

И вот он снова оказался у края расселины, хотя на этот раз и не рискнул подъехать ближе к обрыву.

Разверстая пасть разлома начиналась с уклона, наподобие оврага, шириной вверху в три-три с половиной метра. Но овраг, углубляясь, сужался, и там, внизу, был густой мрак, и рассеять его фонарику было не под силу.

Насколько он мог видеть сквозь свои заиндевевшие очки — а как он их Ни протирал, они тут же, в то же мгновение покрывались свежеприлепившимися к стеклам иголкам льда, — стенка, по которой им надо было спускаться, представляла собой ровную, неприступную поверхность. Он вообще-то не очень верил своим глазам: и угол, под которым приходилось смотреть, и странности отражений и преломлений светового луча, и причудливые тени, плясавшие, как бесы в преисподней, в свете его спотыкающегося о всякие неровности фонарика, зажатого к тому же в нетвердой ладони, и снег, который задувало в пропасть каждым новым порывом ветра, который затем, оказавшись в сравнительном затишье, красиво опускался вниз, описывая спиралеобразную траекторию, — все это было в сговоре друг с другом и против него; оно мешало ему составить более или менее верное представление о том, что, собственно, находится внизу. Похоже было на то, что там не так уж глубоко, и менее чем в тридцати метрах отсюда расселина заканчивается площадкой или широким карнизом. И этот карниз, подумал Харри, кажется достижим. Может быть, он сумел бы до него добраться и остался бы при этом цел и невредим.

Харри повернул свои сани задом наперед и боязливо поставил их так, что задний бампер снегохода оказался над самым обрывом, — такой ход, при более здравом рассуждении, должен был бы считаться самоубийственным; однако, если принять во внимание, что у них едва-едва остается лишь шестьдесят драгоценнейших минут, некоторая толика сравнительно разухабистой удали представлялась не только оправданной, но и насущной. Он решился на расчетливый риск, причем расчеты показывали, что вероятность провала куда выше шансов на успех. Под ним, например, может обрушиться лед, а потом

можно провалиться в яму, что, кстати, сегодня уже случилось, только вот несколько раньше.

И все равно, как бы то ни было, сейчас он готов довериться удаче и отдать свою жизнь в руки богов. Если в этой вселенной есть какая-то справедливость, он, быть может, извлечет выгоду из переменявшейся фортуны. По меньшей мере, можно будет считать, что он запоздал, замешкался, упустил свой шанс.

К тому времени, когда все остальные запарковали свои снегоходы, чтобы, покинув кабины, присоединиться к Харри, тот не только успел освоиться на краю обрыва, но и сумел закрепить на заднем бампере своих саней концы двух нейлоновых канатов, каждый из которых был свит из девяти веревок потоньше и прошел испытание на разрыв подвешенным грузом почти в полтонны. Первой веревке, в двадцать четыре метра длиной, отводилась роль страховочного каната, который должен был не допустить падения Харри на дно пропасти, если ему вдруг случится сорваться или оступиться. Харри обмотал его свободный конец вокруг пояса. Второй канат был мерный, по его разматыванию можно будет судить о расстоянии, на которое удастся спуститься. Длина этого каната — тридцать метров с половиной. Второй, свободный конец его Харри уронил в ущелье.

На краю обрыва появился Пит Джонсон, поспешивший вручить Харри свой фонарик.

Харри уже закрепил свой собственный фонарик на поясе для инструмента. Фонарик болтался у правого бедра, кнопкой включения вверх и линзой вниз. Теперь он точно так же закрепил и светильник, предоставленный Питом, только у другого, левого бедра. Сдвоенный луч желтого света светил на ноги Харри, на его стеганные штаны.

Ни он, ни Пит не произнесли при этом ни слова. Они даже и не пытались заговаривать. Тем более что ветер выл и вопил так, как, верно, кто-то будет голосить, вызывая озноб до мурашек у бедных грешников, во чреве преисподней в день Судный. Визг стоял настолько пронзительный, что от него нельзя было не отупеть, не впасть в вялое бесчувствие. Ветер выл так гулко и громко, как никогда раньше. Так что Пит с Харри все равно не услышали бы друг друга, только зря натрудили бы свои легкие.

Харри откинулся назад и ухватился за альпинистскую веревку обеими руками.

Нагнувшись, Пит ободряюще похлопал Харри по плечу. Потом он осторожно подтолкнул его в спину, уронив канат в пропасть. Харри считал, что прочно держится за канат и вообще сумеет управлять своим нисхождением. Но оказалось, что он ошибался. Веревка скользила между его рук, как смазанная, и он беспорядочно падал в провал вниз. Может быть, виной тому была наледь на перчатках, может, виновата была кожа, пропитавшаяся вазелином, потому что Харри в последние дни, наверное, слишком часто невзначай и бессознательно прикасался к своему густо покрытому смазкой лицу. Как бы там ни было, какие бы причины на то ни существовали, веревка в руках Харри извивалась, как скользкий угорь, а сам Харри прямо-таки валился в пропасть.

Под ним или, точнее, рядом с его вытянутым вдоль каната телом, поблескивала ледяная стенка. Его лицо отделяли от нее каких-то пять-семь сантиметров. Блестки на ней были зайчиками от лучей двух фонариков, которые опережали Харри в его падении в глубину. Он предполагал, что стена, вдоль которой предстоит спускаться, обладает гладкой и относительно плоской поверхностью, но полной уверенности в этом у него не было. Теперь же страховочный канат, то есть та веревка, что покороче, не уберегла бы его от заостренной сосульки льда, если бы та вздумала расти из плоской ледяной стенки пропасти. А если он так и будет падать с чрезмерной скоростью да рухнет с размаху в свалку из понападавших сверху заостренных осколков льда и смерзшегося снега, то, чего доброго, тогда и его тяжелый штормовой костюм не выдержит, и порвется, и разойдется по швам от паха до горла, и выставит его голое тело на мороз, а еще какие-нибудь ледяные шипы могут вообще проколоть его, пронзить насквозь, когда он рухнет на ноги с высоты...

Веревка раскалялась, скользя меж его перчаток, но внезапно он вдруг смог задержать свое падение, спустившись уже метров на двадцать, а то и на двадцать два за край обрыва. Его отбивающее барабанную дробь сердце могло бы потягаться с литаврами, а любая мышца тела напрягалась туже, чем канат безопасности, стягивающий его талию. Хватая ртом воздух

и раскачиваясь на подрагивающем канате, больно ударяясь о стенку разлома, он глазел на дикие безмолвные пляски теней и безумных отсветов, многократно отражавшихся и преломляющихся лучей света от двух фонариков: Харри словно бы обступали стаи призрачных духов, вырвавшихся из Ада.

Он не смел передохнуть, чтобы как-то успокоиться. Часовые механизмы готовых к взрыву бомб тикали, не останавливаясь.

Ослабив канат и спустив его вниз еще на пять или шесть метров, он достиг дна разлома. Оказалось, что глубина пропасти — около двадцати семи метров, может, чуть больше, и это совпадение с прикидками, которые он делал еще наверху, приятно обнадеживало.

Харри отстегнул от пояса с инструментами один из фонариков и стал обследовать окрестности, ища вход в тот туннель, который описывал лейтенант Тимошенко. Харри помнил по своей первой встрече с этим разломом, что трещина идет в длину метров на четырнадцать-пятнадцать, что ширина ее посередине — три или три с половиной метра, но к обоим краям она становится заметно уже. Пока что у него не было какого-то общего представления о том, как выглядит дно расселины в целом. Когда под тяжестью снегохода, из которого едва успел выскочить Харри, от стенки пропасти отвалился большой кусок льда, вся эта масса полетела на дно; теперь она образовывала своего рода разделитель: холмик высотой метра в три делил дно расселины на два примерно равные площадью участка. Из вершины этого холма торчали сильно обгоревшие останки аэросаней.

Тот участок, в который спустился Харри, был тупиковым. Как ни шарил Харри лучом фонарика по стенкам, не обнаруживалось никаких боковых отводов, ни даже более-менее широкой трещины, куда можно было бы попробовать залезть, чтобы поглядеть, нельзя ли выйти из этой западни куда-то еще. И никаких намеков на туннель или на открытый, незамерзший водоем.

Поскальзываясь, оступаясь, опасаясь, что как попало сваленные балки и брусья из льда поедут под его ногами и защемят его, так что он уподобится таракану, зажатому между двумя щепочками, Харри выбирался из первого отсека. На самой верхушке идущей вниз под уклон неровной насыпи, отделявшей один отсек от другого, пришлось пробираться и через покореженный и сильно обугленный остов тех самых аэросаней, что совсем недавно его возили. Потом снова пошли предательски разъезжавшиеся ледяные бруски.

За этим бесформенным участком во второй половине расселины Харри все же обнаружил дорожку, уводящую куда-то дальше, в некие более таинственные и находящиеся на большей глубине ледовые царства. На правой стене незаметно было ни пещер, ни трещин, но зато стена, оказавшаяся по левую руку, даже не доходила до дна пропасти, обрываясь на высоте в метр с небольшим над этим дном.

Харри распластался на животе и просунул в этот низенький пролом руку с фонариком. Шириной этот проход был метров в девять, а высота едва доходила до метра двадцати. Похоже было на то, что ближайшие метров пять или шесть коридор идет по прямой и остается ровным по отношению к стенке пропасти, но потом сворачивает куда-то под лед и вбок, так что его дальше было не разглядеть: уж слишком резко он уходил вниз и вбок.

Стоит ли обследовать этот проход?

Харри поглядел на часы: две минуты двенадцатого.

До взрыва остается пятьдесят восемь минут.

Света перед собой, Харри быстренько юркнул в горизонтальный пролом. И хотя он буквально полз на животе, потолок коридора нависал до того низко, что в некоторых местах еле-еле удавалось просунуть голову.

Клаустрофобией Харри не страдал, однако сейчас он испытывал вполне разумные, логичные и никак не ставящие под сомнение его душевное здоровье опасения: в самом деле, что уж хорошего — застрять в переполненном ледяными осколками закутке, да еще под двадцатисемиметровой толщей льда, на поверхности которого бушует девственно-дикая Арктика, а единственным рубежом на ее просторах, ограничивающих и определяющих его местонахождение во времени и пространстве, является цепочка из пятидесяти восьми

взрывчатых зарядов, подключенных к часовому механизму, что неустанно тикает, приближая момент взрыва? Нет, никак не скажешь, чтобы ему было сейчас слишком уютно.

Тем не менее он извивался, перегибался, изворачивался, подтягивая себя вперед, где локтями, а где коленями. Преодолев таким образом восемь или девять метров пути, он увидел, что коридор ведет к какой-то плоской площадке, а та, похоже, ограничивала собой даже не впадину или каверну, но приличное по размерам открытое пространство, этакий зияющий пробел в самом сердце ледника. Харри подвигал фонариком влево и вправо, но с того места, где он сейчас находился, толком ничего не было видно, так что составить себе представление о размерах каверны не удалось. Тогда он соскользнул из узкого лаза, по которому только что прополз, поднялся на ноги в этой только что открытой пещере и отцепил от пояса и второй фонарик.

Оглядевшись, Харри увидел, что находится в круглом помещении метров тридцати в диаметре, стены которого были покрыты трещинами. Были видны несколько коридоров, ведущих из круглой камеры, а один такой коридор заканчивался хорошо видимым отсюда тупиком. Было заметно, что своды здешней круглой пещеры обрисованы под воздействием мощно бьющих снизу огромных струй кипятка и пара: почти совершенный купол, до того гладкий и ровный, что иначе, то есть без участия горячей воды, он просто не мог получиться — такие исключительно редкие природные образования возникают лишь как следствие еще более редких природных явлений — скажем, незаурядной вулканической активности. Этот свод, купольная форма которого была искажена лишь парой-другой торчащих в воздухе маленьких сталактитов и паутиной трещин, в самой вершинной своей точке удалялся метров на восемнадцать над полом, а в тех местах, где купол смыкался со стенами, высота была вдвое меньше. Центр помещения находился ниже основного пола, ниспадающего от стен семью ступеньками, каждая следующая сантиметров на шестьдесят или девяносто ниже предыдущей, так что в целом все напоминало амфитеатр. А в надире, в самой нижней точке амфитеатра, там, где, думается, полагалось бы поставить подмостки или соорудить сцену с декорациями, плескалась в круглом, метров двенадцать в диаметре, бассейне морская вода.

Туннель.

На много десятков метров ниже этот широкий туннель отверзался, впадая в пустоту, возникшую в самом днище айсберга, а это пустое дупло уже входило как составная часть в непроницаемый для света глубоководный мир Северного Ледовитого океана, где их дожидался «Илья Погодин».

Харри был зачарован увиденным: он понимал, что пруд темной воды на самом деле есть ворота, отверзающиеся из одной вселенной в другую. Это было похоже на чудесные истории о дверце в стенке шкафа, за которой — другое измерение, зачарованная страна Нарния. Еще этот круглый пруд был похож на смерч, на торнадо, утаскивающее дитя с собакой в царство Оз.

— Будь я проклят! — его голос отозвался раскатами эха под высоким куполом и вернулся к нему, да еще не один раз.

Вдруг он ощутил мощный прилив энергии и надежды, эту энергию порождающей.

Где-то в недрах души у него таились сомнения в самом существовании туннеля. Он склонялся к подозрению о неисправности или об ошибочных показаниях того мудреного эхолота, которым моряки с «Ильи Погодина» определяли расстояние от своей лодки до поверхности моря. В этих студеных водах существует туннель? Как уцелеет длинный проток незамерзшей воды, пробившийся через толщу сплошного холодного льда, на холодном воздухе, да еще соприкасаясь с холодным морем? Да он, этот туннель, сразу же замерзнет с обеих сторон. И перестанет быть туннелем. Он не задавал никому вопросов на этот счет, а по своей воле никто не удосужился попытаться объяснить ему это. Да и не хотелось беспокоить расспросами кого бы то ни было — мало ли других забот? Жить, может быть, оставалось-то чуть больше часа, и вопрос — главный вопрос — стоял так: проживут ли они этот час с надеждой или же оставят все упования на спасение. Как бы то ни было, для него самого тут налицо была головоломка, решения которой он не знал.

А теперь и отгадка отыскалась. На воду в протоке туннеля продолжали действовать весьма мощные приливные волны, поднимавшиеся в море, далеко внизу. Поэтому вода в туннеле не только не застаивалась, но даже никогда не успокаивалась. Она то поднималась по колодцу вверх, то снова падала в этом гигантском капилляре. Иногда струя воды из колодца взлетала метра на два над краями круглого бассейна, и тогда под куполом возникал никому не видимый фонтан. А потом, покипев и побуйствовав, струя опадала, и вода стремительно уходила вниз, стекая в море. Так оно и шло, подъемы и спуски, взлеты и падения... Непрерывное движение воды не позволяло образоваться даже тонкой пленке льда на поверхности пруда под куполом, не говоря уже о замерзании воды внутри самого туннельного протока.

Конечно, если взять более долгосрочную перспективу, скажем, период в двое-трое суток, то, надо думать, туннель стал бы поуже. А там уже постепенно новый лед нарастал бы на тех слоях, что облепили стенки, а чем тоньше становился бы капилляр, тем слабее бы действовали приливные волны. Да и шторм когда-то должен кончиться, а это чревато ослаблением прибоя. Так что, дайте срок, и туннель замерзнет. Во всяком случае, станет непроходимым. Не сплошным.

Но им-то какая разница? Им ни к чему туннель на двое-трое суток. Туннель им нужен *сейчас*.

Природа довольно-таки жестко обходилась с ними в течение последних двенадцати часов. А вот теперь, быть может, она решила поработать на них. Смилоствовала. Сжалилась немножечко.

Выживание. Точнее: жизнь.

Париж. Отель «Георг Пятый».

Шампанское «Моз и Шандон».

И этот якобы ковбойский «Крейзи-Хорс-Салун».

Рита...

Можно выбраться. Только наверняка трудно придется.

Харри нацепил один из своих фонариков снова на пояс. Держа перед собой второй фонарик, он ловко юркнул назад и стал пробираться ползком по лазу между куполообразной каверной и днищем открытой расселины. Ему не терпелось как можно скорее дать сигнал товарищам. Пусть они спешно спускаются, чтобы начать отсюда свой мучительно-страдальческий путь к вызволению из ледового узилища.

23 ч. 06 мин.

За пятьдесят четыре минуты до взрыва

Сидя за командным пультом, Никита Горов следил за экранами шеренги из пяти видеотерминалов, выстроившейся на потолке рубки. Сосредоточившись, он легко мог следить за разворачивающимися вычислениями — ряд результатов счета выражался в пространственных диаграммах и чертежах, — расчеты выполнялись пятью различными программами, которые непрерывно получали и сразу же обрабатывали все новые и новые данные о перемещениях лодки и айсберга, об их положении друг относительно друга, о скоростях и о прочих факторах, имеющих значение для расчетов.

— Чистая вода, — объявил техник, работавший с поверхностным эхолотом. — Льда над нами нет.

Горов, как ловкий наездник, сумел подвести «Илью Погодина» под дискообразную впадину длиной в полкилометра, зияющую в днище айсберга. Крыло подлодки вообще находилось прямо под жерлом разверзшегося на двенадцать метров туннеля, уходящего ввысь из центра впадины. По сути дела, они встали прямо под опрокинутой воронкой, выплавленной во льду, чтобы оставаться здесь до завершения операции.

— Скорость корабля равна скорости цели, — сообщил Жуков, повторяя то, что услышал через надетые на голову наушники — так ему доложили из машинного отделения и ходовой

части.

Один из техников у левой стены подтвердил соответствие сигнализации сообщению первого помощника:

— Скорости совпали, и контроль.

— Курс — прямо по носу. И так держать, — приказал Горов.

— Есть так держать.

Не желая оглядываться, Горов хмуро смотрел в экраны видеодисплеев на потолке, так что казалось, что он разговаривает с экранами электронно-лучевых трубок, а не общается с командой.

— И следите во все глаза за этим дурацким диапазоном дрейфа.

— Чистая вода. Льда наверху нет.

Вверху, над их головами висело исполинское сооружение из льда, оно там *было*, этот огромный остров там был, но лед, из которого состоял остров, не обнаруживался поверхностным эхолотом, потому что звуковые колебания, генерируемые эхолотом, не попадали *непосредственно* на лед. Вот и выходило, что льда над крылом подлодки как такового — *непосредственно* — нет. Звуковой луч упирался в жерло туннеля, разверзающееся на двенадцать метров в поперечнике в самой верхушке опрокинутой чашки или воронки, а отраженный звуковой луч регистрировал пустой зазор по всему пути своего следования, от поверхности до подлодки. И прибор показывал чистую воду на сто восемьдесят метров вверх. На этой, последней отметке туннель завершался, так сказать, впадая в ту пропасть, которую доктор Карпентер описывал лейтенанту Тимошенко.

Капитан медлил в нерешительности, не желая приступить к действию, не убедившись, что они заняли правильное, должное положение. Он изучал экраны видеотерминалов еще с полминуты. Увидев же, что скорость лодки настолько точно подогнана к темпу перемещения айсберга, насколько это вообще мыслимо для людей и созданной ими техники, он потянул на себя микрофон, чтобы произнести в него:

— Капитан вызывает рубку дальней связи. Выставляйте антенну, лейтенант.

Наверху, среди мачт, перископов и шноркелей, густо усеявших крыло «Илья Погодина», лежала сеть с надежно закрепленными водонепроницаемыми алюминиевыми коробками. Они были привязаны нейлоновым шнуром, для надежности многократно резервированным, потому что какая-то часть из этих нейлоновых веревок будет срезана, если подлодка опять погрузится на двести с лишним метров.

Когда Тимошенко высвободил антенну и приготовил ее к пуску, из трубы с повышенным давлением, выпускное отверстие которой открывалось в крыле подлодки, выскочил гелиевый баллон в окружении роящихся пузырьков. Если все сработает должным образом — а до сих пор иначе не случалось, — то баллон стремительно пронижет черное море и выскочит из воды, вытащив за собой штырь многоканальной и многодиапазонной антенны. Как то и пристало разведывательному судну, «Илья Погодин» многократно выставлял эту антенну, развертывая ее по мере надобности не один раз за каждый год.

Восемь водонепроницаемых коробок наверху, на крыле лодки, правда, никак не относились к штатному оснащению боевого корабля. Эти коробки крепились к антенне дальней связи при помощи цепи из титанового сплава с очень тоненькими и мелкими звеньями и обеспечивающих дополнительную надежность пружинных зажимов. Когда вылетевший из трубы с избыточным давлением гелиевый баллон набрал высоту в шесть метров над крылом, он натянул цепь, она развернулась во всю длину и потащила за собой вверх прикрепленные к ней коробки. Тяга была настолько велика, что остающийся еще крепежный нейлон соскользнул с коробок и цепи, тем более что нейлоновые веревки крепились к крылу многочисленными узлами. Алюминиевые коробки, пустые внутри, обладали достаточной подъемной силой благодаря этой своей неполной загруженности, чтобы мгновенно оторваться от крыла и не слишком отягощать баллон.

Через какие-то секунды наполненный гелием шар поднялся на высоту в сто восемьдесят метров, потом еще сто шестьдесят метров, потом сто пятьдесят метров — в

глубь этой опрокинутой над лодкой пустой чаши. Сто двадцать метров и дальнейший подъем. Вслед за баллоном всплывут и полупустые алюминиевые коробки. Сто шесть метров. Пузырьки воздуха, вырвавшиеся из трубы с избыточным давлением, давно отстали от антенны и сопровождающих ее алюминиевых коробок, потому что баллон взлетает куда быстрее, чем кислородные пузырьки. Достигнув высоты примерно в сто двадцать метров, баллон легко проскользнет во входное отверстие канала и начнет легко и без особенных усилий подниматься по долгому туннелю, таща за собой коробки все выше и выше и все быстрее и быстрее...

Склонясь над графиком, который рисовало перо самописца поверхностного эхолота, оператор сказал:

— Фиксирую частичное сопротивление продвижению по туннелю. Некоторые препятствия.

— Лед? — спросил Горов.

— Нет. Потому что препятствие поднимается вверх по туннелю.

— Так это коробки.

— Так точно.

— Получилось, — сказал Жуков.

— Вроде бы, — согласился капитан.

— Теперь, если эти полярники с Эджуэй найдут второй конец туннеля...

— То нам, значит, удалось справиться с самым трудным делом в нашей затее, — закончил за него Горов.

На экранах видеотерминалов мелькали, сменяя друг друга, цифры, изображения, цифры, изображения, цифры, фигуры, картинки, цифры...

Наконец опять ожил динамик-пищалка, и едва узнаваемый голос лейтенанта Тимошенко произнес:

— Антенна развернута. Баллон вышел на поверхность. Каковы будут дальнейшие распоряжения, капитан?

Горов потянул на себя микрофон, откашлялся, а потом сказал:

— Надо обойти автоматику, лейтенант. Выйти на режим управления вручную и поднять антенну еще на восемнадцать метров.

Мгновение спустя Тимошенко сообщил:

— Дополнительные восемнадцать метров кабеля развернуты, капитан.

Эмиль Жуков провел ладонью по своему вспотевшему усталому лицу.

— Теперь остается только ждать. И долго.

Горов кивнул.

— Да. Будем ждать.

23 ч. 10 мин.

За пятьдесят минут до взрыва

Гелиевый баллон прорвался через туннель и выскочил из него, радостно запрыгав на воде. Хотя шар был скучного серовато-синего цвета, Харри он казался ярким, праздничным шариком, вроде тех, что взлетают в воздух на гуляньях и вечеринках.

Потом, одна за одной, по мере того как лейтенант Тимошенко развертывал на том конце дополнительный кабель, из туннеля появились и алюминиевые водонепроницаемые коробки. Вот уже вся восьмерка выскочила из туннеля. Коробки постукивали друг о друга, издавая какой-то кухонный, но очень тихий, почти неслышимый звук.

Харри давно уже лишился одиночества — в пещеру под куполом успели пробраться Рита, Брайан, Франц, Клод и Роджер. Сейчас спускался Джордж Лин, уже опустившийся на дно расселины. Наверху оставался только Пит Джонсон, но и он был готов скользнуть вниз по канату и оставить за спиной бурю, свирепствующую на вершине айсберга.

Хватая самодельный крюк, который они все на скорую руку соорудили из кусков

медной трубы, скрепленных толстой проволокой, Харри сказал:

— Пойдемте-ка. Надо вытащить эти штуки из воды.

С помощью Франца и Роджера он сумел ухватить цепь и вытащить коробки из круглого пруда. Все трое промочили брюки до колен, и не прошло и нескольких секунд, как штормовые костюмы обросли толстой наледью. Правда, и сапоги, и одежда были водонепроницаемы, но все равно лишний раз окунать их в воду не стоило — лишняя потеря драгоценного тепла. Замерзшие, продрогшие, они поспешили вскрыть алюминиевые грузовые коробки, в которых с «Ильи Погодина» было доставлено водолазное снаряжение.

В каждой коробке находился автономный подводный дыхательный аппарат. Но это было не просто обыкновенное снаряжение вроде акваланга или аппарата скуба. Водолазный костюм русских был рассчитан на работу на очень больших глубинах, причем температура воды могла быть очень низкой. В каждом комплекте снаряжения имелись батарейки, набор которых носили на поясе, обертывавшимся вокруг талии. Пояс этот электрически соединялся с обтягивающими тело штанами и курткой, по всей площади которых располагались электрические провода, так что костюм во «включенном», так сказать, режиме грел тело, подобно электрогрелке или электрическому одеялу.

Харри разложил один комплект снаряжения на ледяном берегу, подальше от воды, чтобы прибор не смыл и не залил добычу — вода в круглом пруду все время бурлила и то и дело вскипала. К каждому комплекту полагался баллон сжатого воздуха. Маска, такая же, как у акваланга, была настолько велика, что закрывала почти все лицо, от подбородка до лба, благодаря чему отпадала нужда в отдельном патрубке для рта, соединяемом с баллоном воздуха; вместо этого воздух поступал прямо под маску, так что аквалангист мог дышать, как обычно — носом.

Строго говоря, то, чем им предстояло дышать, было не совсем воздухом. В резервуаре содержался под давлением состав, отличающийся от обычной смеси кислорода с азотом, которой дышит человек. В баллон была закачана смесь кислорода с гелием плюс специальные добавки, чтобы человек в таком снаряжении мог переносить без особого ущерба для себя пребывание на большой глубине. Во всяком случае, лейтенант Тимошенко, когда они разговаривали с ним по радио на эту тему, уверял, что смесь газов в баллоне за спиной якобы «подвергает дыхательную систему и систему кровообращения аквалангиста лишь незначительной и разумно обоснованной опасности». Подобранные лейтенантом слова не особенно убеждали Харри и уж совсем не воодушевляли. Однако если помнить о пятидесяти восьми мощных зарядах пластиковой взрывчатки, то как-то сама собой появляется склонность к полному доверию к русской подводной технологии.

Водолазные костюмы отличались от стандартного снаряжения типа скуба и во многих иных деталях. Штаны походили на шаровары или на какие-то медицинские брюки, вроде пижамы д-ра Дентона, а рукава куртки заканчивались перчатками. Капюшон накрывал те участки лица и головы, которые не были прикрыты маской, как будто бы для того, чтобы лишний раз напомнить о больших глубинах, не страшных этому костюму, где оставить неприкрытым хотя бы квадратный сантиметр тела, то же самое, что подвергнуть обладателя помянутого тела мгновенной, но чрезвычайно болезненной и мучительной смерти. В общем, эти костюмы для подводного плавания напоминали те просторные пузырящиеся скафандры, в которых космонавты выходят в открытый космос; правда, водолазные костюмы казались как-то будничнее, уютнее, удобнее.

Джордж Лин вполз в каверну как раз тогда, когда они уже распаковывали алюминиевые коробки. На подводное снаряжение вновь прибывший глядел с неприкрытой подозрительностью.

— Харри, быть может, есть какие-то другие варианты. Должен быть иной путь. Надо как-то иначе. А это...

— Нет, — нетерпеливо оборвал его Харри, отбросив обычную свою дипломатичность. — Только так, и никак не иначе. Нету другого, Джордж. Да и времени на словопрения тоже нет. Хватай вот это и напяливай на себя.

Выглядел Лин мрачно.

Но на убийцу ну никак не походил.

Харри оглядел всех остальных, — они старательно распаковывали коробки с водолазными костюмами. Ну *кто* из них похож на убийцу? Нет таких, а тем не менее есть тут человек, что невесть зачем долбанул по башке Брайана. И этот самый тип, руководствуясь своими непонятными, безумными соображениями, еще может понаделать кучу дел. А им ведь спускаться под воду и продвигаться сквозь лед длинным-длинным туннелем.

Сзади появился и Пит Джонсон, с трудом и проклятиями льду и всему остальному выбиравшийся из узкого и тесного лаза, соединявшего расселину с пещерой под куполом. Ясное дело, ему в этом коридоре пришлось тяжелее, чем остальным полярникам. Непонятно, как вообще такие широкие плечи пролезли через узенький коридор.

— Давай-ка наряжаться, — сказал ему Харри. Голос его прозвучал гулко и вообще как-то диковинно: своды над амфитеатром действовали как резонансная акустическая камера. — Не будем зря транжирить время.

Они и в самом деле на удивление скоро освобождались от своих тяжелых полярных одежд, чтобы поменять их на костюмы для подводного плавания, но поспешность эта подстегивалась каким-то тяжелым чувством обостренного неудобства, усугубленного отчаянностью положения, в котором они находились. Харри, Франц и Роджер уже поплатились за то, что посмели по колено погрузиться в воду круглого бассейна под куполом: ноги у всех троих одеревенели, что уже не предвещало ничего хорошего, но, что куда хуже, потрясение от холодной воды исподволь восстанавливало обыкновенную для человеческого организма чувствительность. И вот, притерпевшееся было к невзгодам тело вновь стало ощущать то, что только что не замечалось. *Слишком* большая чувствительность заставила обратить внимание на истерзанную плоть: ноги, от икр до пальцев и пяток, ныли, болели. В них словно иголок понавтыкали. Они *пылали*. Все прочие, кроме этой незадачливой троицы, избавлены были, правда, от подобных дополнительных тягот, но и они, переодеваясь, кляли все на свете и, не стесняясь, жаловались, особенно тогда, когда по ходу переодевания приходилось на какое-то время обнажаться. Да, верно, под куполом ветра не было, но мороз-то никуда не делся: минус тридцать, а то и пониже. Поэтому всяк старался переодеваться, так сказать, поэтапно, по частям, меняя одну деталь гардероба на другую, не обнажая при этом тела. Сначала снимали верхние сапоги, потом сапоги валяные, потом носки и стеганные штаны, а затем длинные кальсоны, и сразу же после этого человек вползал в обтягивающие штаны водолазного костюма. Потом точно так же переодевающийся обходился с той частью наряда, что надевалась выше пояса: скидывались куртка, блуза, свитер, сорочка, теплая нижняя сорочка и мгновенно натягивался обтягивающий жакет на резине и с туго затягивающимся капюшоном.

Скромность и вообще верность приличиям тут в принципе могла оказаться столь же смертоносной, сколь и леность. Когда Харри поднял глаза, запихав себя в водолазные штаны, он увидел голые груди Риты, воевавшей как раз с водолазной курткой. Кожа у нее сделалась гусиной, плоть имела иссиня-белесую окраску, и все тело покрывали глубокие борозды. Она торопливо застегнула свой жакет, поймала взгляд Харри и подмигнула ему.

Харри восхищался ею. Он-то мог догадываться, как она должна была сейчас мучиться: ее, наверное, просто обессиливала и душил страх. Ведь она уже была не *на* льду. Теперь она оказалась *во* льду, *внутри* льда. Как в могиле. Запечатанная в усыпальнице. Сколь же острым должно быть чувство ужаса. Прежде чем они доберутся через туннель до подлочки и безопасности, — если, в самом деле, им суждено проделать это путешествие и не погибнуть, — она наверняка, тут сомневаться не приходится, не один раз припомнит и вновь переживет все подробности гибели своих родителей и того суда божия, которому она подверглась, когда ей было всего шесть лет.

Питу никак не удавалось запихнуть себя в свой костюм. Он громогласно вопрошал:

— Да что это такое? Неужто эти русские — пигмеи?

Все расхохотались.

Ничего *особенно* смешного в его словах не было. То, что они так легко рассмеялись, лишний раз доказывало, в каком страшном напряжении они находятся. Харри чувствовал, что, того и гляди, всех охватит паника.

23 ч. 15 мин.

За сорок пять минут до взрыва

Из громкоговорителя на потолке рубки раздался голос, принесший дурную весть. Новость не предвещала ничего хорошего никому, хотя все ее ждали. А что мог сообщить офицер из торпедного отсека?

— Эта переборка опять вспотела, капитан.

Горов отвернулся от шеренги видеодисплеев и потянул микрофон на себя.

— Торпедная, ответьте капитану. Скажите, эта влага конденсируется в виде тонкой пленки? Так, как раньше? Или заметны какие-то изменения?

— Так точно. Все почти точно так же, как раньше.

— Следите в оба глаза за этой переборкой.

Эмиль Жуков сказал:

— Раз уж мы теперь знаем, каков слой льда над нами, стоит, быть может, поднять лодку. Ну, пусть глубина будет сто восемьдесят метров. Мы тогда окажемся прямо на уровне края чаши. Я имею в виду выемку в днище айсберга.

Горов покачал головой.

— Теперь нам достаточно тревожиться лишь об этой запотевшей переборке. Больше никаких причин для беспокойства у нас нет. А если мы поднимемся на полсотни метров повыше, то, вполне возможно, положение с переборкой в торпедном отсеке не поправится, но появятся и другие заботы. Надо будет бояться, как бы айсберг не задрейфовал еще в какое-нибудь иное течение. Да и это, в котором мы сейчас, может свернуть куда-нибудь.

Горов понимал тревогу своего первого помощника, но не мог с ним согласиться. Если они, желая понизить чудовищное давление на обшивку своего судна, поднимутся метров на тридцать, то «Погодин», в сущности, окажется внутри чаши в теле айсберга, уподобившись не родившемуся еще младенцу в чреве матери. Все бы ничего, но вдруг айсбергу вздумается ускорить или замедлить движение, а команда подлодки не сумеет уследить за переменчивым настроением ледовой горы, что тогда? Если вдруг скорости лодки и горы станут неодинаковы, а подводники заметят это слишком поздно, то произойдет столкновение. Или лодка врежется носом в лед, начинающийся за пределами чаши, или напорется на него кормой.

— Курс прежний. Так держать! — распорядился Горов.

* * *

Тетрадка обладала какой-то колдовской властью, так что Гунвальд испугался. То, что предстало глазам шведа, потрясало, вызывало отвращение, он прямо-таки заболел, но не мог заставить себя отложить тетрадку в сторону. Нет, он листал все дальше и дальше, пожирая страницу за страницей, вот и еще одна, и еще, и опять. У него было такое чувство, что он — как бы дикий зверь, набредший на полусъеденную хищником плоть и вывалившиеся кишки своего собрата. Он обнюхивал останки с ревностным пылом, со страхом, но не настолько сильным, чтобы преодолеть любопытство, стыдясь того, что делает, но не имея сил стряхнуть с себя гибельные и смертоносные, но немыслимо притягательные чары, источаемые той ужасающей участью, которая может постигнуть собрата, товарища, да и тебя самого — любого из принадлежащих к твоему роду.

В каком-то смысле эту тетрадку можно было бы считать своего рода медицинским журналом или таким дневником, регистрирующим становление и укрепление помешательства: эта летопись из недели в неделю старательно регистрировала перемены в

душе, странствующей из краев здравомыслия в страны безумия — пусть, надо думать, сам владелец этой хроники и не имел в виду ничего подобного, поступая так, как он поступал. Самому владельцу дневника, человеку, несомненно, если не сумасшедшему, то сходящему с ума, его предприятие представлялось, видимо, чем-то наподобие исследовательского проекта, научной экспедиции или сбора данных из наличных источников, в том числе доступных широкой общественности. Все эти данные, которые собирал безумный летописец, касались воображаемого заговора против Соединенных Штатов и против демократии вообще, где бы она, эта демократия, ни пыталась утвердиться. Вырезки из газет и журналов располагались в хронологическом порядке, с указанием даты публикации, и старательно крепились к страницам тетрадки целлофановой лентой. На полях каждой страницы хроникер иногда оставлял свои комментарии.

Самые ранние материалы были взяты из разных любительски изданных политических журнальчиков с ничтожными тиражами. Такие издания в изобилии печатаются в Соединенных Штатах различными экстремистскими группами, как крайне правого, так и крайне левого направлений. Этот человек явно находил топливо для подпитки своей паранойи на обоих концах политического спектра. Подобранные хронистом заметки чаще всего были рассказами или пересказами совершенно невероятных страшных историй самого неприятельного сорта: недомыслие, примитивность, скандальность — вот что их объединяло. И выходило, что президент — самый отъявленный из самых твердолобых коммунистов; однако следующая вырезка доказывала, что он завзятый твердокаменный фашист; президент — тайный гомосексуалист, падкий на мальчиков, которым еще очень далеко до совершеннолетия — или же, быть может, президент в своей похоти ненасытнее любого козлоногого сатира. Римский папа попеременно оказывался то рьяным приверженцем предельно правых, коварно и тайно поддерживающим самые бесчеловечные диктаторские режимы в Третьем мире, то — *вместе с тем* — левым маньяком, изобретающим самые безрассудные способы финансирования любых попыток подрыва демократии, с тем чтобы в конечном счете конфисковать все богатство этого мира в пользу иезуитов. Тут же сообщалось, что Рокфеллеры и Меллоны — это наследники весьма заговорщически настроенных родов, мечтавших о захвате власти над всем миром еще в четырнадцатом, да нет, в двенадцатом веке, если не с того времени, как динозавры решили оставить эту планету и расстаться с дерном. Одна из вырезок сообщала о том, что в Китае правительство на свои деньги содержит так называемые «инкубаторы проституток», где выращиваются маленькие девочки, которых, по достижении ими десятилетнего возраста, пекинские вожди продают сексуально озабоченным западным политикам, а те, в свою очередь, делятся с китайскими вождями самыми большими государственными тайнами. Алчные бизнесмены, утверждала следующая заметка, плевать хотели на загрязнение планеты: они до того жадны до денег, что им ничего не стоит убить любое и каждое дитя человеческое еще в зародыше. Они способны пустить реликтовую рощу редчайших деревьев на производство мебели для дач, они травят наших детей и губят планету в погоне за всемогущим долларом; при этом сети сплетаемых ими чудовищных заговоров столь запутанны и столь раскидисты, что ни в ком нельзя быть уверенным — даже собственная мать может оказаться соучастницей зловещих замыслов, измышляемых бессовестными богатеями. Еще на нашу планету зарятся космические пришельцы из другой галактики, которым с охотой помогают нечестивые и неискренние предатели, скрывающиеся среди нас, а именно (нужное подчеркнуть): республиканская партия, демократическая партия, либертарианская партия, евреи, черные, вновь — рожденные — христиане, либералы, консерваторы, некоторые белые, в частности, находящиеся в средних летах начальники контор, занимающихся автомобильными грузоперевозками. Тональность повествований, привлечших внимание хозяина тетрадки, то и дело срывалась на визг, так что Гунвальд даже не удивился, обнаружив заметку об имитации кончины Элвиса. Оказывается, смерть короля рок-н-ролла была нужна некоему подпольному центру, обретающемуся в приличном особняке где-то в Швейцарии и намеревающемуся подмять под себя, разумеется, негласно, все международное банковское дело, вот потому

газеты и объявили, что Элвис Пресли — умер, тогда как он — жив.

Но вот с двадцать четвертой страницы все стало как-то суше, мрачнее и куда тревожнее. На этом месте в тетрадке была помещена вырезанная из газеты фотография покойного президента Дохерти, а над ней — большие буквы заголовка:

УБИЙСТВО ДОХЕРТИ — ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

На полях — комментарий: корявые, но тщательно выписанные красным прописные, как бы печатные буквы — психопат дал волю своему извращенному красноречию: «Мозг его давно сгнил. Его разум не существует. Его язык не в силах порождать все новую и новую ложь. Он отправлен на корм червям, и мы избавлены от его новых детей, которые могли бы у него родиться, будь он еще жив. Сегодня я видел плакат, на котором написано: „Я не смогу переубедить кого бы то ни было или убедить в своей правоте, просто затыкая рот тому, кто хотел бы высказать свою правду“. Но это — ложь. Смерть способна убедить каждого. И я полагаю, что его смерть смогла кое в чем убедить и его последователей. Как я жалею, что это не я убил его».

С этой самой страницы и далее, и чем дальше, тем больше, основное внимание стало уделяться семейству Дохерти. А с сотой страницы, на которой закончилась первая треть тетради, прочая тематика исчезла и стало похоже, что безумец одержим лишь ненавистью к Дохерти. На следующих двухстах страницах любая вырезка так или иначе говорила о ком-то из Дохерти. Хозяин тетрадки собирал и важные, и малозначительные заметки: отчет о выступлении отца Брайана по ходу предвыборной компании двухлетней давности, заметка про именины вдовы покойного президента и про необычную вечеринку, устроенную вдовой в честь этого события, сообщения телеграфного агентства ЮПИ о приключениях Брайана в Мадриде с рассказом о выходке молодого Дохерти во время боя быков, ну и так далее...

К странице двести десять владелец тетрадки прилепил семейный портрет Дохерти: родня собралась на свадьбу сестры Брайана. Фото было вырезано из журнала «Пипл». Под фотографией — красным фломастером «В р а г».

На двести тридцатой странице исчезли последние слабые намеки на здравомыслие. Собиратель вырезок приклеил тут целую журнальную страницу, цветное фото старшей сестры Брайана Эмили во всю полосу. Хорошенькая молодая женщина. Носик кнопкой. Большие зеленоватые глаза. Каштановые волосы, ниспадающие на плечи. Эмили глядит куда-то в сторону и смеется чему-то сказанному или сделанному кем-то, не попавшим в объектив фотоаппарата. Маленькие печатные буквы закручивались спиралькой вокруг смеющегося молодого лица, складываясь в стократно повторенные три коротких слова: *сука, курва, дрянь, сука, курва, дрянь, сука, курва, дрянь, сука, курва, дрянь, сука, курва, дрянь...*

Следующие страницы вообще поднимали все волосы на голове дыбом.

Гунвальд еще раз попробовал вызвать Харри. Нет ответа. Не с кем было связываться. Никто его не слышал, и он не слышал никого. Только буря соглашалась с ним общаться в эфире.

Боже милостивый, что же стряслось у них на том айсберге?

Только у Брайана Дохерти и Роджера Брескина был некоторый опыт подводного плавания; все прочие или вообще не сталкивались в своей жизни с этим, или, в лучшем случае, пару раз видели акваланг вблизи. Но Брайан официально не считался членом экспедиции, у него был статус наблюдателя. Потому Харри решил, что малого никак нельзя запускать первым, тем более что по ходу нисхождения в туннеле всякое может встретиться, чего и представить себе пока невозможно. Следовательно, возглавит процессию Роджер.

А все они, значит, выстроятся в таком порядке: за Роджером, вторым, пойдет сам Харри, потом Брайан, Рита, Джордж, Клод, Франц и Пит. Ой, пришлось поломать голову, прежде чем принять именно такую очередность. Брайан окажется между Харри и Ритой, теми самыми двумя людьми, которым Харри доверяет вполне. Джордж Лин следует за Ритой и, стало быть, может представлять угрозу и для нее, и для Брайана. По причине своего почтенного возраста и компанейского, уживчивого характера Клод Жобер представлялся наименее подозрительным после Пита, и потому Харри поставил его за Лином: если китаец затеет

нечестную игру, Клод заметит недоброе и помешает ему. А вот если неведомый злодей — Франц, то добраться до Брайана ему будет совсем непросто, тем более что за спиной у Франца — Пит, который не только бдителен, но и силен. Конечно, что касается самого Пита, то подозревать его в чем-то преступном казалось такой нелепостью, о которой и говорить нечего. Но если Харри до сих пор чего-то в этой жизни так и не понял, между черным верзилой и Брайаном — четверо: Франц, Клод, Лин и Рита.

Если бы спускаться через туннель надо было в темноте, то порядок и очередь значения бы не имели: во мраке всякое может случиться. Но русские, к счастью, вместе с водолазным снаряжением положили в алюминиевые коробки еще и три мощных галогеновых светильника. Эти лампы были рассчитаны на работу под водой на больших глубинах и при повышенном давлении. Одну из этих ламп понесет возглавляющий процессию Роджер; вторую — замыкающий шеренгу Пит. Среднюю лампу Харри решил вручить Лину. Если группа будет спускаться таким образом, чтобы между двумя соседними полярниками выдерживался трехметровый промежуток, то вся процессия растянется метров на двенадцать — и, следовательно, таково будет расстояние между первой и третьей лампами. Ясно, что плыть они все будут вовсе не на ярком свете, однако, надеялся Харри, все же освещение какое-то будет и, быть может, злоумышленник не решится повторить покушение.

В комплект каждого водолазного костюма с теп-лоподогревом входили и водонепроницаемые наручные часы с большим фосфоресцирующим циферблатом. Харри поглядел на свои часы, как только покончил с переодеванием. Восемнадцать минут двенадцатого.

Рванет через сорок две минуты.

Обратясь ко всем, Харри спросил:

— Готовы?

Все уже успели облачиться в водолазные костюмы и натянуть маски. Даже Джордж Лин.

Харри произнес:

— Ну, удачи всем, друзья. — Потом он сам натянул свою маску, потянулся к левому плечу, чтобы началась подача воздуха из резервуара за плечами в маску, и следом сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, убеждаясь в исправности снаряжения. Затем он повернулся к Роджеру Брескину и подал ему знак, оттопырив большой палец на руке.

Роджер подхватил свою галогеновую лампу и вошел, разбрызгивая во все стороны воду, в круглый бассейн, с той стороны, где было помельче. В воде он помешкал какую-то секунду и нырнул, прыгнув ногами вперед в разинутую на двенадцать метров пасть туннеля.

Следом отправился Харри, подняв куда меньше брызг, чем первопроходец Роджер. Хотя он и знал, что бояться в общем-то не стоит, но все равно был готов к тому, что ледяное объятие студеного моря собьет дыхание и заставит сердце биться побыстрее, потому он невольно схватил ртом воздух, как только воды сомкнулись над его головой. Но батареи, подключенные к нити накаливанию, предназначенной для обогрева его костюма, были в полной исправности, и он даже не чувствовал, что окружающая температура как-то поменялась сравнительно с тем, как он чувствовал себя в пещере под куполом.

Вода была темной. Миллионы частичек грязи, облачка малюсеньких кремнистых водорослей, которых тут хватило бы для насыщения доброго стада китов, и зернышки льда выплывали в рассеянном желтоватом луче, вырывавшемся из водонепроницаемого корпуса лампы. За ее сияющим галогеновым ореолом Роджер был различим едва ли наполовину, казавшись каким-то таинственным, совершенно черным в своем резиновом костюме, наводя на мысль о тени, покинувшей того человека, который эту тень отбрасывал, а то и о Смерти своей, правда, позабывшей где-то свою излюбленную косу.

Как учили, Брайан плюхнулся в воду без задержки, чтобы предупредить попытку нового покушения на свою жизнь, которая — кто знает? — вполне могла последовать за тем, как Роджер и Харри покинули пещеру.

Роджер уже начал опускаться вдоль кабеля, служившего фидером антенне, запущенной

с «Ильи Погодина», и, следовательно, ведущего к подводной лодке.

Харри поднес левое запястье к глазам, чтобы разобрать показания ярко светящегося циферблата. 11 ч. 20 мин.

Взрыв через сорок минут.

Он поспешил за Роджером Брескином. Навстречу неведомому.

23 ч. 22 мин.

За тридцать восемь минут до взрыва

— Офицерская кают-компания вызывает на связь капитана.

Никита Горов, которого этот голос нашел в рубке управления, потянул микрофон на себя и произнес:

— Докладывайте.

Из динамика-пищалки на потолке горохом посыпались торопливые, натыкающиеся друг на друга слова. Их было так много, и они вылетали из громкоговорителя так быстро, что почти ничего нельзя было разобрать.

— Течет тут у нас. Переборка вспотела.

— Какая еще переборка? — Горов спрашивал предельно деловым, подчеркнуто хладнокровным голосом, хотя у самого в это время живот свело от ужаса.

— По штирборту.

— Серьезная течь?

— Не сказать, чтобы уж очень. Так, испарина.

Роса выступила маленькими такими капельками на метра два в длину и на сантиметров пять или восемь в ширину. У самого потолка.

— Признаки вспучивания заметны?

— Никак нет.

— Держите меня в курсе, — сказал он, так и не выдав своей озабоченности. А ведь душа в пятки ушла, когда он тянулся к микрофону минуту назад.

Техник, сидевший за пультом поверхностного эхолота, сообщил:

— Вижу в отверстии признаки неполного прободения. Оно частично блокируется, и акустические колебания проходят не полностью.

— Аквалангисты?

Техник на мгновение замешкался с ответом, углубившись в изучение графика.

— Так точно. Иначе истолковать это явление трудно. Нырять-ли. Судя по всем отклонениям пера самописца, они продвигаются вниз.

Добрая весть подействовала на всех присутствующих в рубке. Не то чтобы они расслабились — нет, напряжение осталось тем же. Однако впервые за много-много часов эта напряженность как-то скрашивалась сдержанным оптимизмом.

— Торпедный отсек вызывает капитана.

Горов суеверно вытер повлажневшие ладони о брюки и снова взялся за микрофон:

— Говорите. Я слушаю.

Говорящий из торпедной владел своим голосом, но все же нотка обеспокоенности очень даже чувствовалась, несмотря на искажения.

— Увлажнение переборки между торпедными камерами номер четыре и номер пять становится все заметнее. Мне не нравится, как это все выглядит.

— Какого рода ухудшения вы замечаете?

— Теперь вода капает на палубу.

— Сколько воды? — спросил Горov.

Громкоговоритель засвистел и продолжал скрипеть и визжать, пока офицер-торпедник не завершил наконец оценку создавшегося положения. Потом свист унялся и офицер доложил:

— Грамм тридцать. Или пятьдесят.

— И все?

— Так точно.

— Признаки вспучивания?

— Не наблюдается.

— Как заклепки?

— Ни в одном ряду заклепок не замечено каких бы то ни было нарушений.

— А нет ли признаков усталости металла? Звуки? Беспокоящий скрежет?

— Мы провели стетоскопирование. Никаких посторонних шумов или сигналов об усталости металла стетоскоп не показал. Акустическая обстановка обычная.

— Замечательно. Тогда прошу вас объяснить, почему все-таки в вашем голосе столько озабоченности? — требовательно произнес Горов, желая дознаться до сути дела.

Офицер-торпедник ответил не сразу, но наконец произнес:

— Видите ли, тут стоит приложить ладошку к стали, и заметно становится: какое-то странное подрагивание...

— Вибрация от двигателей.

Громкоговоритель-пищалка поперхнулся, потом голос офицера из торпедной медленно проговорил:

— Никак нет. Что-то еще. Не знаю только что это. Но зато знаю: раньше такого не было. Думаю...

— Что вы думаете?

— Виноват.

— Я у вас спрашиваю, что вы там думаете, — еще требовательнее заговорил Горов. — Давайте выкладывайся начистоту. Итак, что вы думаете насчет этой дрожи в стали, к которой вы прикладываете руку? Отвечайте.

— Давление.

Горов хорошо видел, что все члены экипажа, ставшие свидетелями разговора, потому что должны были в это время находиться в рубке управления, распрощались с проснувшейся было надеждой, пусть робкой. Но офицеру из торпедной он сказал:

— Давление? Как это вы можете ощутить давление через сталь? Я бы посоветовал вам не давать воли своему воображению. Никаких причин для паники я не вижу. Попрошу, однако, как можно бдительнее следить за обстановкой.

Офицер-торпедник явно рассчитывал на иной, более красноречивый отклик. И лишь мрачно сказал:

— Есть. Так точно.

Лицо Жукова исказил страх, но в выражении прочитывались еще и сомнения, и злость, целая гамма чувств, все из них легко распознавались и узнавались, и все были безрадостными. Первому помощнику следовало бы лучше владеть собой, иначе он никогда не выбьется в капитаны. Жуков проговорил так тихо, что Горову пришлось напрягать слух:

— Малюсенькое отверстие, размером с игольное ушко, ничтожная трещинка, толщиной в волос, и нас мгновенно расплющит.

И то правда. Ну, если это случится, то произойдет в какие-то доли секунды. Никто и не сообразит даже, что стряслось. Просто не успеет. По крайней мере, такую гибель можно счесть милосердной — уж очень она стремительна.

— Да все у нас будет нормально, — не согласился Горов.

Он увидел смущение в глазах первого помощника и понял, что тот опять мучается вопросом о верности, будучи озабочен тем, кому, собственно, он, Жуков, должен подчиняться. «Неужто я не прав?» — подумал Горов. Ему пришло в голову, что он, возможно, должен поднять «Погодина» метров на пятьдесят, чтобы снизить сокрушительное давление на корпус судна. И, естественно, оставить побоку хлопоты об ученых проекта Эджуй.

А он думал о Никки.

Он достаточно жестко судил себя и вполне мог предположить, что очень даже может быть так, что желание спасти полярников станции Эджуй могло превратиться в

одержимость, что его просто обуяла мания, что это — поступок чисто личный, он как бы искупает личную вину, совершенно не думая о безопасности членов экипажа. Если это так, то, выходит, он не владеет больше собой, он — невменяем и недееспособен. Следовательно, не годится в командиры.

«Так что, мы все помрем — по моей прихоти?» — пытался разобраться в себе капитан Горов.

23 ч. 27 мин.

За тридцать три минуты до взрыва

Спуск вдоль кабеля дальней связи, соединяющего подлодку с антенной наверху, выдался куда более трудным, обессиливающим даже, чем рассчитывал Харри Карпентер. Он не мог похвалиться хотя бы долей того опыта в обхождении с водой, которым обладали Роджер с Брайаном, хотя за долгие годы научной работы ему случалось несколько раз пользоваться аквалангом или аппаратом скуба, так что Харри думал, что знает, что его ждет. Он упустил из виду, правда, что аквалангист обыкновенно плывет по горизонтали, параллельно океанской поверхности или морскому дну: а тут приходилось спускаться головой вперед вдоль двухсотдесятиметровой линии связи, которая была перпендикулярна горизонтали, — видимо, из-за этого он так устал, думал Харри. Нет, все равно, усталость — *необъяснима*. В самом деле, он не видел никаких физических причин, которые бы ее оправдывали, но почему-то устал куда сильнее, чем во время любой из своих прежних подводных вылазок. Какой бы там угол спуска ни был, ясно, что под водой он весит значительно меньше, чем на суше, да еще на нем ласты, а они помогают вне зависимости от того, опускается ли аквалангист, или же плывет параллельно поверхности моря. Он подозревал, что усталость эта — психологическая, но отделаться от нее все равно не удавалось. Она изматывала, отнимала силы. Несмотря на свинцовые грузила, приданные водолазному снаряжению, приходилось — или это казалось? — преодолевать свою естественную плавучесть. Руки болели. Кровь стучала в висках, давила на глаза. И очень скоро Харри понял, что ему не обойтись без того, чтобы время от времени делать паузы. Пауза позволяла передохнуть и поменять положение тела на нормальное, головой кверху. Иначе он бы не смог сохранить равновесие. Нельзя было без передышек — в глазах так чернело, что становилось не так уж важно, что вся эта иссушающая и изматывающая усталость вкупе с усиливающей дезориентацией вызваны в основном чисто психологическими причинами.

То ли дело — Роджер Брескин. Он двигался во главе процессии, не прилагая, казалось, никаких усилий. Левая ладонь скользила по кабелю многоканальной антенны, в правой была лампа, а так как руки были заняты, продвижение обеспечивали ноги, мерно молотившие воду. Его техника продвижения не так уж существенно отличалась от приемов, пускавшихся в ход Харри, но у Роджера имелось такое преимущество, как мощная мускулатура, развитая регулярными упражнениями со штангой, гантелями и прочими тяжестями.

Ощущая, как плечи трещат, как затылок раскалывается и как все новые и новые ручейки боли струятся по телу, Харри пожалел, что не провел за последние двадцать лет столько же времени в спортзалах, сколько потратил его на свои упражнения могучий Роджер.

Через плечо он глянул назад, чтобы убедиться, что у Брайана и Риты все как полагается. Парень следовал за ним на расстоянии метра в четыре, выражение лица разобрать за маской было непросто. Из выпускного отверстия баллона с газом на спине Брайана извергались струйки пузырьков, слегка подкрашиваемых золотом, — из-за луча лампы, которую держал в руке Роджер. Но эти пузырьки очень скоро растворялись во мраке над головой. По Брайану, несмотря на все что свалилось на него за последние несколько часов, никак не было заметно, что он охвачен хоть каким-то беспокойством.

Позади Брайана виднелась, или скорее угадывалась, в отсветах лампы, которую держал плывущий за Ритой Джордж Лин, фигура Риты. Желтоватые лучи были слишком слабы,

чтобы победить мутноватый мрак; в этом жутковатом, как в страшной сказке, но очень бледном свечении Рита выглядела всего лишь подрагивающей, словно бы готовой вот-вот исчезнуть, призрачной тенью. Временами тень эта становилась такой неотличимой от мутного фона и такой странной, что можно было подумать, что это — вовсе не человек, а какой-то неведомый обитатель полярных водоемов. О том, чтобы разобрать выражение ее лица, нечего было и думать, но Харри понимал, как она должна сейчас страдать — по крайней мере, душевные муки или, если угодно, психологические проблемы, ее терзающие, — должно быть, просто невыносимы.

* * *

Криофобия: боязнь льда.

Студеная вода в туннеле оказалась такой темной, что, можно было подумать, кто-то будто бы налил туда чернил. Впечатление это было не так уж далеко от правды: в воде, кроме гранул и острых ледяных иголок и частиц иных неорганических веществ, плавали мелкие моллюски, облачка диатомей и скопления иных форм жизни; словом, Рита плыла в жирном, хотя и холодном бульоне. Она, конечно, никак не могла видеть тот лед, что окружал ее со всех сторон и до которого было рукой подать — метров шесть, а то и меньше, — но ее ни на мгновение не покидала острота этого ощущения. Временами страх настолько усиливался, что в груди все сжималось, а горло перехватывало так, что она и дышать не могла. Правда, всякий раз, будучи на самой грани срыва, ей, в конце концов, удавалось выдохнуть, изобразив легкими взрыв, чтобы затем, уже почти инстинктивно вдохнуть отдающую металлическим привкусом смесь газов, поступающую под маску из резервуара за спиной, и, значит, снова пересилить истерию.

Фригофобия: боязнь холода. Русский водолазный костюм оказался великолепен: никакой дрожи или озноба она не испытывала. Конечно, вряд ли ей было сейчас теплее, чем это бывало в любое иное время на протяжении последних месяцев, начиная с того дня, в который они высадились на полярной шапке и начали сооружать станцию Эджуэй. Но все равно она очень уж хорошо *понимала*, до чего жуток тот мороз, которым схвачены эти убийственно студеные воды. И еще она сознавала, что отделяют ее тело от этого жидкого холода всего лишь какие-то миллиметры резины и теплоизоляции, внутри которой проложены провода, подключенные к источнику электроэнергии. Российская технология могла впечатлять, но, если батарейки на ее поясе сядут раньше, чем она доберется до субмарины, до которой еще ой как далеко, все тепло ее тела мгновенно растворится в окружающем холоде. Настоячивый холод вод морских вторгнется в ее мышцы, в ее кости, доберется до костного мозга, истерзает ее плоть и очень скоро ввергнет в оцепенение мозг, разум, душу...

Ниже, еще ниже. В объятиях стужи, которой она не чувствует. Окруженная льдом, которого она не видит. Искривленные белые стенки ограничивали ее кругозор справа, слева, сверху, снизу, впереди и позади. Окружая ее и заключая ее в себе. Как в западне. Туннель во льду. Ледовая тюрьма. Залитая мраком и жестоким холодом. Безмолвная, только и слышно ее захлебывающееся дыхание и стук ее колотящегося сердца. Из узилища не вырваться. Глухо и глубоко. Глубже любой могилы.

По мере того как Рита опускалась все дальше и все ниже по туннелю, она иногда как-то сильнее замечала свет впереди, но иногда она о нем совсем забывала, потому что перед ее глазами вновь и вновь вспыхивали, как кадры кинохроники, переживания той зимы, когда ей было всего шесть лет от роду.

Счастье. Радость. Какая радость жизни! Она вместе с мамой и папой впервые в жизни едет туда, где она научится кататься на лыжах. И папа, и мама очень любят крутые склоны, и им не терпелось привить эту любовь своей дочери. Они едут в автомобиле — это «Ауди». Мама и папа — на передних сиденьях, а она — в одиночестве — на широком сиденье сзади. Они поднимаются во все более белое и во все более

невероятное, фантастическое царство. Извилистая горная дорога во французских Альпах. Вокруг них расстилается алебастрово-белая волшебная страна. Она — вокруг, под ними, величественные виды на вечнозеленые леса, припорошенные снегом, скалистые утесы, парящие в высоте и напоминающие человеческие лица или старческие физиономии с бородами изо льда. И вдруг, с полуденного, отдающего сталью, неба начинают падать жирные белые хлопья. Они опускаются по спирали. Их все больше. Она — дитя итальянского Средиземноморья, где светит солнце и растут оливковые рощи. Она не бывала в горах. И теперь ее юное сердечко начинает учащенно биться: приключение! Все вокруг так красиво: снег, уступами уходящий к небу край земли, тесные ущелья, заросшие деревьями, и среди них какими-то яркими капельками красовались уютные деревеньки. И даже когда неожиданно явилась Смерть, все вокруг оставалось ужасающе прекрасным, все блистало пышным белым нарядом. Приближающуюся лавину заметила мать, — увидев что-то в выси, справа от шоссе, она испуганно закричала. Рита глянула в боковое окно и увидела огромную белую стену, как бы положенную плашмя на гору, но ненадежно, и потому эта стена соскальзывала вниз, и скольжение убыстрялось. Еще это было похоже на морскую бурю: вот так же и штормовая волна бьет о берег. Стена роняла тучи снега, и те струились белыми фонтанами, что тоже походило на прибой, и все сначала было тихо — все происходило в такой тишине и в таком прекрасном белом безмолвии, что Рите даже не верилось в существование каких-то опасностей, тем более не хотела она верить, что эта тихая красота грозит ей и ее родителям. Отец сказал: «Мы ее обгоним!» — а в голосе звучали испуг и растерянность, тогда как сам он изо всех сил давил на педаль акселератора, а мать только сдавленно то ли кричала, то ли шептала: «Скорее! Ради бога, скорее!» — а это, там вверху, сползало вниз, шло им навстречу, безмолвное и белое, и исполинское, и великолепное, и разрастающееся, становящееся все больше и больше с каждой секундой... тишина... безмолвие... потом вдруг внятный рокот, словно бы отдаленный гром...

Послышались какие-то странные звуки. Пустые, гулкие, издали доносящиеся голоса. Крики и причитания. Словно бы те, кто был проклят, теперь, вопя, умоляли избавить от страданий, — о, они просили хотя бы о небольшой передышке — сил не было терпеть эти муки. Так, верно, бывает на спиритических сеансах, когда столовращатели слышат какие-то голоса, доносящиеся из эфира.

Потом до нее дошло, что слышит она один-единственный голос — свой собственный. Это она сама издает эти жестокие, панические звуки, но они раздаются в маске, а так как уши ее не в маске, то до слуха эти звуки доходят через кости черепа, в частности, голосовые связки, вибрируя, колеблют кости лицевой его стороны. А раз уж она приняла эти звуки за стенания проклятых душ, то, верно, потому, что в настоящее время Ад пребывает в ней, в каком-то темном уголке ее сердца.

Она искоса глянула на Брайана и отчаянно постаралась сосредоточиться на призрачном контуре, просвечивающем чуть подальше в том же ряду: это был Харри. Он был еле-еле виден в мутновато-темной, обрывающейся в непроницаемо-черную пустоту под его ногами, воде, до него было совсем недалеко, и все равно, он был недосыгаем. Метра четыре или четыре с половиной отделяли Риту от Брайана, на самого парня надо было положить чуть меньше двух метров — метр восемьдесят, пожалуй, — и еще где-то три с половиной или четыре метра было между Брайаном и Харри. Следовательно, между нею и мужем сохранялось расстояние в девять-одиннадцать метров. А казалось — километра два. Пока она думает о Харри и о тех славных временах, которые будут у нее с ним, если только они вместе выберутся из этой передраги и с честью выдержат суд божий; и ей удастся и прекратить этот вопль под маской, и продолжить свой путь вниз. Париж. Гостиница «Георг Пятый». Бутылка великолепного шампанского. Его поцелуй. Его прикосновение. Все у них будет опять, все повторится, все они снова будут делить друг с другом — но только она непременно должна победить свои страхи. Нельзя позволять им брать верх над собой.

Харри глянул назад, в сторону Риты. Она была там, где и прежде, метрах в четырех от Брайана, у фидера связи, соединявшего универсальную антенну с рубкой подлодки.

Опять обратившись вперед, он сказал про себя, что, пожалуй, слишком уж тревожится за нее. А вообще-то, женщины слынут куда более выносливыми по сравнению с мужчинами. И если это расхожее мнение верно, то особенно верно оно в отношении *этой* женщины.

Он улыбнулся про себя и произнес вслух:

— Держись давай, — будто она могла бы услышать его.

В голове процессии и впереди Харри, когда они опустились где-то метров на сорок-сорок пять вдоль темного туннеля, и Роджер Брескин, похоже, тоже почувствовал усталость и решил немного передохнуть. Для этого он кувыркнулся, словно танцовщик балета на воде, и предстал близ Харри в более естественном положении: головой кверху и ногами вниз.

Не доплыв метров четырех с половиной до остановившегося Роджера, Харри тоже решил остановиться. Но только он изготавился повторить, пусть и не так ловко, то же сальто, которое проделал Роджер, как галогеновая лампа, которую держал Роджер, погасла. Два луча по-прежнему светили позади Харри, но эти лучи были очень слабыми и, прежде чем дойти до начала процессии, успевшими рассеяться. В воде было столько мути, что свет по-настоящему не освещал не то что Роджера, но даже самого Харри. Потому Харри почувствовал себя заключенным во мраке.

Миг спустя Брескин столкнулся с Харри. Столкновение было настолько мощным, что Харри выпустил из руки кабель многоканальной антенны и оба полетели в черноту вниз, причем не по прямой, а под углом, а это значило, что они через какое-то время врежутся в стенку туннеля. Харри не сразу сообразил, что, собственно, происходит. Но через мгновение он почувствовал пальцы Брескина на своем горле и понял: плохи дела. Собрав все свои силы, он пихнул было Брескина, но вода поглощала энергию, и то, что замышлялось как могучий удар, обернулось каким-то детским шлепком.

Ладонь Брескина плотно охватывала шею Харри. Харри пробовал выкрутиться, отвести голову назад, увернуться, вырваться, но ничего не выходило. Хватка у штангиста-тяжеловеса оказалась железной.

Брескин тоже попробовал ударить Харри, направив в живот жертвы мощное колено, но тут вода помешала уже ему — сила не могла сконцентрироваться, и колено не пронзило живот, а надавило на него, как бы через подушку вжимаясь в плоть Харри.

Ожидавшееся столкновение со стенкой туннеля случилось раньше, чем предполагал Харри, а удар, тоже оказавшийся куда сильнее ожидавшегося, отдался в позвоночнике искрами острой боли. Мужик, который давил, был и крупнее, и сильнее, и буквально размазывал Харри по стенке.

Две еще целые галогеновые лампы — одна у Джорджа, другая у Пита — светили, но очень уж далеко позади, да еще примерно метров на шесть поближе к центру туннеля. Туманные, призрачные огоньки, которые лишь едва-едва просвечивали через мутную воду, — такая игра света на облачках темной взвеси. Харри, в сущности, ощущал себя слепцом — даже совсем рядом он ничего толком не видел. В том числе и того, кто на него напал.

Ладонь на горле Харри скользнула повыше, надавив снизу на подбородок. Маска порвалась.

После этого стратегического удара Харри лишился и дыхания, и даже того хилого кругозора, который у него до сих пор был, более того, Харри оказался во власти убийственно холодной воды. Беспомощный, сбитый с толку, не понимающий, что творится кругом, он уже не был опасен Брескину, и тот решил бросить его на произвол судьбы.

Холод вонзился в лицо, словно растопыренная ладонь с длинными острыми когтями, тычущая изо всей силы и норовящая разодрать кожу в кровь, а тело так стремительно теряло тепло, что, казалось, какая-то горячая жидкость выливается из туго накачанного упругого резервуара, в котором понаковыряли малюсеньких дырочек.

Объятый ужасом, на самой грани срыва, но понимая, что паника для него равносильна

гибели, Харри покатился прочь, вниз, во мрак, ухватившись за болтающуюся драгоценную, пусть и разорванную маску, что держалась на конце шланга воздуховода, тянувшегося из резервуара с дыхательной смесью.

* * *

Секунды не прошло с того момента, как лампа во главе спускающейся процессии аквалангистов погасла, а Рита уже сообразила, что неладно: ага, так это, значит, Брескин был тем самым незадачливым убийцей Брайана Дохерти. А еще через секунду она уже знала это наверняка. И поняла, в *эту самую* вторую секунду, что она должна будет сделать.

Хотя ей, сквозь этот мрак, и не были видны ни Харри, ни Брескин внизу, она была уверена, что они в это самое мгновение сражаются не на жизнь, а на смерть. Как бы ни был смел и решителен Харри, все же не настолько он крут, чтобы иметь хоть какие-то шансы побороть опытного подводного пловца. Она решила было, что надо спешить на помощь Харри, но тут же смекнула, что мысль эта — дурацкая и нечего об этом и думать. Эмоционально ее, естественно, тянуло кинуться к Харри, но она не могла позволить себе роскошь отдаться на волю чувств, — ведь эмоции могли бы погубить ее. Коль уж Харри не в силах справиться с Роджером Брескином, то где уж ей тягаться с силачом. Самое лучшее, что ей оставалось, — это вера в Харри, в его способность выжить, в его смекалку, благодаря которой он не так, так иначе, но выкрутится, спасется, а ей, тем временем, есть смысл отцепиться от фидера антенны и раствориться в темноте, чтобы в случае чего подкрасться к Брескину сзади, когда тот поплывет к Брайану.

И она выпустила кабель антенны и отплыла в сторону, подальше от янтарного пятна, разливавшегося лампой Джорджа Лина, которая светила у нее за спиной и, надо полагать, обрисовывала ее силуэт. А силуэт мог увидеть Брескин. Рита молила бога, чтобы Джордж не вздумал последовать за ней и, значит, помешал бы ей скрыться. Но она сумела очень быстро доплыть до стенки туннеля, гладко искривленной стены изо... льда.

Рокот перешел в рев, и опять отец сказал: «Мы ее обгоним!» Но на этот раз слова его прозвучали скорее как молитва, а не как присяга. Огромная белая стена опускалась ниже, ниже, ниже, ниже, а мать кричала... Вопила...

Рита поспешила стряхнуть с себя воспоминания о пережитом: надо было задавить страхи передо льдом. Что ж, ясно: эта ледяная стена не собирается обрушиться на нее. Она — прочная, толщиной во многие десятки метров, и пока те пакеты с пластиковой взрывчаткой не рванут в полночь, эта стена подвергается воздействию достаточно большого давления, чтобы ни с того, ни с сего хлопнуться, провалиться или завалить туннель.

Метаясь из стороны в сторону, прижимаясь спиной к стене, она пригляделась к колебаниям вдоль антенного кабеля. Тяжесть собственного тела и грузы на поясе тянули вниз, но она смогла противостоять этому, барахтаясь в воде и плотно прижимая ладонь к ледяной стене.

Лед не есть нечто живое, тем более сознающее или разумное или желающее. Она-то это *знала*, и знала лучше, чем что-либо еще. Однако она ощущала, что лед *хочет* ее поймать, схватить. Она чувала его вожеление, алчность, она чувствовала, что лед уверен: она должна принадлежать ему. Она бы ничуть не удивилась, если бы вдруг в стене разверзлась бы пасть, а затем диким зверем укусила бы ее за запястье или вообще пожрала бы целиком.

Во рту появился привкус крови. Насколько старательно она сражалась с собой и, пытаясь задавить нарастающий ужас, с такой силой кусала нижнюю губу, что прокусила ее до крови. Солоноватый металлический вкус — и боль — помогли сосредоточиться Рите на *настоящей* опасности, на том, что *в самом деле* грозило гибелью.

В сердце туннеля, по средней оси его, из черных глубин всплывал Роджер Брескин, все четче проступая в призрачном луче лампы Джорджа Лина.

Харри уже пропал в бездонной пропасти, ушедшей куда-то вниз, которая вдруг предстала не просто скважиной, ведущей на сотни метров вглубь, но путем в вечность.

Брескин по прямой пошел на Брайана.

Ясное дело, до Брайана только-только стала понемногу доходить суть происходящего. Да и не смог бы он двигаться настолько быстро, чтобы увернуться от Брескина, пусть даже и у Брайана был достаточно значительный опыт подводного плавания.

Рита оттолкнулась от стены и поплыла за нападающим, испытывая страстное желание иметь при себе хоть какое-то оружие и надеясь, что внезапность — тоже немалое преимущество и, бог даст, ей достанет одного этого благоприятствующего ей обстоятельства.

* * *

Как только Брайан увидел Роджера Брескина, взмывающего акулой из лишенных света глубин, он припомнил тот разговор, что был между ними сегодня, сразу после того, как они спасли Джорджа, вытащив его из пропасти, где Джордж валялся на карнизе, выступающем сбоку айсберга. Брайан тогда только что был поднят на вершину айсберга, и его било и трясло, он был слаб, но испытывал облегчение.

Невероятно.

Что ты там шепчешь?

В свое везение поверить не могу.

Ты в меня не верил?

Ладно тебе. Просто я боялся: веревка перетрется, утес обвалится, еще что стрясется. А все обошлось.

Да успеешь умереть. Просто время твое не вышло. И место не то.

Брайан тогда решил, что Роджер философствует, и еще удивился этому — не очень-то Брескин походил на любомудра. Теперь же до него дошло, что то, что он счел глубокомысленностью, на самом деле означало наглую, неприкрытую угрозу, что Брескин просто искренне и от всего сердца пообещал прибегнуть к насилию.

То ли Брескин не пожелал, чтобы Джордж был всему свидетелем, то ли не захотел нападать на Брайана тогда или еще раньше по каким-то иным, непонятым, необъяснимым, безумным соображениям — кто знает, что на уме у сумасшедшего? Теперь-то было куда больше свидетелей, не один только Джордж, а вовсе не было похоже, что Роджера это как-то тревожит.

Но хотя этот разговор и всплыл в памяти Брайана, который снова пережил и прочувствовал его, все равно Брайан попытался лишь увернуться, метнувшись к стене туннеля. Но не смог: они сцепились друг с другом и полетели в темноту. Могучие ноги Брескина обхватили Брайана, словно челюсти краба. Потом Брайан почувствовал руку на своем горле. На своей маске.

* * *

Джордж Лин подумал, что русские аквалангисты с подводной лодки решили напасть на них.

С того самого момента, когда он услышал о предложении россиян прийти на помощь, Джордж понял, что у них на уме какие-то коварные штучки. Он, понятно, попытался вычислить, на что они способны, но такого вообразить не мог: это же надо — убивать людей в предательских глубинах туннеля. Чего им вздумалось затеять такие хлопоты ради уничтожения кучки иностранцев, которые и так обречены на погибель, потому что ученых этих или разорвет на мелкие кусочки, или утопит в убийственно студеное море тот взрыв, что грянет в полночь? Какое-то бессмысленное, бесцельное безумие, но, с другой стороны, ему было хорошо известно, что ничто из всего того, что творили и творят коммунисты, не бывает осмысленным. Нигде, в любом уголке мира, не только в России или Китае, но и в иных уголках земного шара, и всегда, правили ли коммунисты или же только рвались к власти, запугивая население, не бывало, чтобы в деяниях этой ужасной власти

обнаруживался какой-то смысл. В их идеологии не было ничего, кроме безумной жажды неограниченной ничем власти, их политика выглядела каким-то идолопоклонством, безумным культом, страшной религией, отлученной от нравственности и даже рассудка, а их кровавые буйства и беспредельную, бездонную жестокость никогда не поймет и не уразумеет всяк, кто не разделяет их сумасшедших убеждений, сколько бы и как бы он ни старался разобраться в столь ужасных деяниях.

Джордж предпочел бы поспешить вплавь наверх, к началу туннеля, чтобы выползти из круглого бассейна, а потом выбраться на верхушку айсберга, отыскать одну из скважин со взрывчаткой, улечься поверх нее, и пусть полуденный взрыв разнесет его на мелкие кусочки, потому что такая смерть будет чище какого угодно рода гибели от рук *тех* людей. Но он не мог сдвинуться с места. Его пальцы так плотно охватили кабель антенного фидера, что ни клей, ни сварка не сумели бы обеспечить более прочного шва. А правая ладонь до того цепко держалась за галогеновую лампу, что даже пальцы болели.

Он ожидал гибели, думая, что умрет так, как умирала сестра. Как матери пришлось умирать. Как умирали дедушка с бабушкой. Прошлое рванулось вперед, чтобы объять собой настоящее.

Каким дураком он был, рассчитывая скрыться от ужасов своего детства. Нет, в конце концов, ягненка все равно режут.

* * *

За Харри, чуть повыше и немного сбоку его головы влачился воздуховод, а водолазная маска, прикрепленная к концу этого шланга, болталась чуть выше. Харри смог ухватить маску и, притянув ее к себе, попытался нацепить ее на лицо. В маске было много воды, и Харри не смог задышать сразу же, он побоялся, хотя легкие горели огнем. Сумев натянуть один угол резинового кольца, он добился того, что кислородно-гелиевая смесь вытеснила воду из-под плексигласового окна спереди маски, и лишь убедившись, что воды под маской не осталось, он, еще прочней закрепив тот самый уголок овальной резиновой рамки, позволил себе сделать глубокий вдох, потом еще и еще, и еще, истекая слюной, глотая и давясь слюной, и задыхаясь от облегчения. И эта слюна с ее непонятным привкусом из-за странных запаха и вкуса дыхательной газовой смеси была куда роскошнее и сластнее, чем все яства и напитки, которые довелось ему пробовать за всю его не столь уж долгую жизнь.

В груди все горело, глаза воспалились, а голова болела так, что, казалось, вот-вот, и череп развалится на куски. Ему хотелось лишь остаться в покое, повиснуть в сумрачном море, да и висеть так, приходя в себя после нападения. Но он помнил о Рите и потому поплыл вверх, туда где светили два пока еще целых светильника и плясала сумятица теней и бликов.

* * *

Брайан ухватился обеими руками за левое запястье Брескина и попытался оторвать стальную лапу силача от своего лица, но та не поддавалась. Маска была порвана и болталась на голове.

Море было очень холодным, температура воды явно ниже точки замерзания обыкновенной воды, но морская вода в лед не превращалась — не позволяли соли, растворенные в воде. И когда эта вода хлынула в разрыв маски, шок был такой, что словно бы к коже поднесли пылающий факел.

Тем не менее Брайан откликнулся на происходящее так хладнокровно, что сам себе удивился. Он сомкнул веки, прежде чем вода успела выморозить ткани, покрывающие сверху глазные яблоки. Еще он успел сжать зубы и сумел не дышать ни через нос, ни через рот.

Понятно, долго так он не протянет. Ну, минуту. Ну, полторы. А там он задышит произвольно, просто мышцы сократятся в судороге...

Брескин еще сильнее обхватил ногами низ туловища Брайана, а потом стал заталкивать свои обтянутые резиной пальцы между плотно сжатых губ Брайана, пытаясь заставить того открыть рот.

Рита плыла вслед Роджеру Брескину, держась над ним и двигаясь в скудном свете, доходившем от лампы в руке Джорджа. Скользнув за спину Брескина, она обхватила своими длинными ногами его талию, подобно тому, как сам Брескин сжимал своими ногами живот Брайана.

Скорее рефлекторно, просто реагируя на неожиданно появившийся новый раздражитель, чем действуя по тупой воле своей маниакальной одержимости, Брескин выпустил Брайана и вцепился в лодыжки Риты.

Могло бы показаться, что она объезжает дикого мустанга. Брескин извивался всем телом, горбился и выпрямлялся, стараясь сбросить наездницу, но Рита не отпускала могучего зверя, лишь все крепче сжимала свои бедра, обвившиеся вокруг его тела. А потом она потянулась к маске укрощаемого животного.

Догадавшись о том, что она задумала, Брескин выпустил из своих клешней ее лодыжки и схватил ее за запястья, как раз в тот миг, когда ее пальцы уже добрались до уплотнительного кольца, обрамляющего смотровое стекло его маски. Он согнулся так, словно хотел достать лицом до своих ступней, взмахнул ластами и перекувырнулся. Перекатываясь всем своим телом в воде, он сумел оторвать ее ладони от своего лица, а упругость воды помогла ему занять такой рычаг, с которым ей нечего было и думать справиться: его тело, сделав сальто, было устремлено в одну сторону, а упругая вода давила в другую, и эта пара сил сбросила Риту с крупа взбесившегося коня. Отлетев в сторону, незадачливая наездница замолотила ногами по воде, думая, что, быть может, удастся снова как-нибудь достать этого обезумевшего ублюдка, но все ее потуги пропали впустую.

Придя в себя и оглядевшись, она увидела, что на Брескина опускаются Пит с Францем. Франц пробовал удержать Роджера за запястье, а Пит пытался удержать хотя бы одну руку безумца.

Но Брескин прекрасно плавал под водой, а у его противников такой подготовки все же не было. Их движения выглядели медленными, неуклюжими, неуверенными — не было у них привычки к иной, чем на суше, физике: в подводном царстве закон всемирного тяготения действует иначе, и потому сухопутное существо теряется, не ведая, что делать с отсутствием тяжести. А вот Брескин, с которым они вознамерились воевать, витал тут, как вольный дух, извивался как угорь. Гибкий, быстрый, угрожающе мощный — в морской пучине он был у себя дома. Легко высвободившись из недружеских объятий осаждавших его двоих мужчин, Брескин двинул локтем в лицо Пита, потом схватил его за маску и с силой дернул ее, как хулиган, нахлобучивающий фуражку на лицо своей жертвы. Потом, ухватив Пита своими клешнями, с силой толкнул его в сторону Франца.

Брайан пока держался за кабель, где-то метра на четыре с половиной пониже Джорджа Лина. Возле Брайана хлопотал Клод. В одной руке француз держал лампу, которую вручил ему Пит, а свободной рукой он поддерживал Брайана. Сам парень пытался вылить воду из-под своей маски.

Оттолкнувшись от беспорядочно барахтающихся в попытках освободиться друг от друга Пита с Францем, Брескин снова устремился на Брайана.

Заметив краешком глаза или скорее почувствовав какое-то движение, Рита оглянулась и увидела Харри, возникшего из мрака.

Харри знал, что Брескин не видит, как он поднимается вверх. Брескин наверняка уверен, что Харри на какое-то время обезврежен. Потому силач, метнувшись прочь от Пита с Францем, хлестал что есть силы по воде своими мощными ногами, направляясь по прямой к облюбованной добыче. Не приходилось сомневаться, что Брескин считал Клода весьма незначительным препятствием — человек в таком возрасте, что силач очень скоро расправится с ним, а потом успеет укокошить Брайана, прежде чем этот малый покончит с очисткой своей прохудившейся маски и сможет восстановить нормальное дыхание.

Подплыв под Брескина, Харри мог бы столкнуться с ним и, значит, отвлек бы его на какое-то время от охоты на Брайана. Но вместо этого Харри пнул безумца в бок, потом поднырнул сзади и ухватился за шланг воздуховода, соединявший маску на лице с баллоном с газовой смесью на спине. Потом Харри задержался, вновь и вновь молотя ногами, затем взлетел вверх, выдергивая шланг из зажима. Поскольку он с Брескиным двигались в разных направлениях, шланг оторвался еще и от маски на лице Брескина.

* * *

Ледяная вода не хлынула под маску Роджера и не опалила его лицо холодным огнем, сразу же после того как Харри оторвал от маски шланг воздуховода. Должно быть, сработала защита, какой-нибудь перекрывающий клапан.

Потому Брескин кинулся было за шлангом, но понял, что шланг не только вылетел из маски, но и оторван от резервуара за спиной. Значит, его уже никак не прилепить.

В тревоге он заработал ногами, как ножницами, спеша наверх, ко входу в туннель. Он двигался так быстро, как это только было возможно. Единственный шанс на спасение для него — это как можно скорее оказаться на поверхности, выйти на воздух.

Потом он вспомнил, что круглый бассейн под куполом во льду высоко вверх, плыть и плыть, метров сорок пять, если не больше. Расстояние большое, тем более что на его поясе — грузы, ускоряющие спуск по туннелю. Но никак не подъем. Брескин стал лихорадочно ощупывать пояс, чтобы освободиться от обременительного свинца. Замка на поясе не было там, где полагалось, не было и никакой застежки, потому что проклятый пояс сделали русские, а ему прежде не доводилось пользоваться русским снаряжением.

Роджер перестал бить ногами по воде, чтобы смочь сосредоточиться на поясе — надо же было отыскать способ от него избавиться. Но тут он сразу же стал медленно погружаться вниз, опускаясь вдоль туннеля. Он и щупал, и мял, и дергал чертов пояс, но тот не хотел расстегиваться. Господи Иисусе, Иисусе сладчайший, Боже Всемогуший, что ж *никак нельзя* найти эту чертову застежку?! В конце концов Брескин понял, что зря транжирит время, что нельзя ему терять ни секунды, что надо наверх, срочно, пусть даже с этим тяжеленным поясом. Руки по швам, так, чтобы уподобиться стреле, незачем вызывать на себя сопротивление упругой среды, стать как можно глаже, отталкиваться ногами плавно, ритмично. Нет, он все же шел вверх. Грудь болела, сердце колотилось так — вот-вот разорвется, и ему уже никак не удавалось удержать себя от произвольного вдоха. Он открыл рот и резко выдохнул, чтобы тут же отчаянно вдохнуть, но только вот дышать было нечем, кроме того скудного глотка газовой смеси, которым он выдохнул только что и который стал еще беднее, чем в миг выдоха. Легкие — *пылали*, и было понятно, что мрак вокруг — уже не просто темень в туннеле, но некий мрак, что стоит *за его* глазами, *по ту сторону* взгляда. Не дыша, можно было упасть в обморок, а без сознания — погибнешь. Так скорей долой с головы эту разодранную маску, и потом втянуть — носом, губами, ртом, горлом, легкими — в себя глубокий глоток воздуха из-под свода куполообразной пещеры; да вот незадача: не в пещере он, и даже *не вблизи* куполообразной пещеры, ну да, конечно. Ой, да как же это мог он, дурень такой, вообразить, что уже выбрался на поверхность? Неужто он спятил? — и он вдохнул воду, до того обжигающе холодную и горькую, что даже зубы заломило. Он тут же закрыл рот, сильно закашлялся, но сразу же попробовал задышать опять. Но в легкие опять пошла вода, снова вода, еще больше воды, ничего, кроме воды. Он вонзил в эту самую воду пальцы обеих ладоней, растопырив их, словно бы собираясь порвать какую-то тонкую завесу, якобы отделяющую его от благословенного воздуха, что где-то тут, рядом, вот только эту штору порвать. Потом он заметил, что уже не отталкивается ногами от воды, нет, он опять погружается, он идет на дно, на глубину — тянут проклятые свинцовые грузила на поясе. Он уже не растопыривал пальцы, чтобы попробовать удержаться на этом крутом откосе, нет, он уже не цепляется за эту воду, а только дрейфует, безвольно опускаясь вниз, задыхаясь и ощущая, что в груди у него больше тяжкого свинца, чем на поясе...

Он увидел, что у Смерти не тот облик, который ей приписывают: ее лицо — не голый череп, и это — не лицо мужчины. Смерть — женщина. Бледная, какая-то желтовато-выцветшая женщина с тяжелой нижней челюстью. Не чуждая какой-то странной красоты, прелести даже. Глаза милые, такие светящиеся, — серые лучистые глаза. Роджер изучал ее лик, как только он возник в воде, тут, рядом с ним. И чем больше он вглядывался в это лицо, тем яснее понимал: это — его мать, которая его многому научила, столько он узнал от нее. Это в ее объятиях он впервые услышал, что сей мир — место недружелюбное, коварное, и что есть такие исключительно злые люди, которые тайно руководят обыкновенными мужчинами и женщинами посредством вездесущих, всюдупроникающих и смыкающихся меж собой заговоров, имеющих целью не что иное, но сокрушение вольного духа во всяком, кто посмеет им противиться. А сейчас, хотя Роджер и постарался набраться силы, чтобы смочь противостоять тем заговорщикам, будто они явятся по его душу, хотя он защитил две диссертации и удостоился двух ученых степеней, чтобы набраться разума и знаний и, в случае необходимости, смочь перехитрить их, все равно они раздавили его. Они и не могли не победить, точно так и говорила ему мать: они победят, так же, как они побеждают всегда. Но проигрыш... в поражении не чувствовалось ничего особенно ужасного. Какая-то умиротворенность даже была — проигрыш принес мир в душу. Седоволосая, сероглазая Смерть улыбалась ему, а ему хотелось поцеловать ее, и она приняла его в свои материнские объятия.

* * *

Харри глядел, как труп, легкие которого были полны водой и который был отягощен свинцовыми грузилами, плыл за ними, совершая свое странствие на дно моря. Пузырьки воздуха вырывались из резервуара-баллона за спиной мертвеца.

23 ч. 30 мин. За тридцать минут до взрыва

Напряженность обострила ум Никиты Горова и смогла заставить его взглянуть в глаза малоприятной, но неопровержимой правде. Дурака отделяет от героя, как это ясно виделось ему теперь, такая тонкая разделительная линия, что она еле-еле различима. До чего же ему хотелось совершить подвиг. Но ради чего? Зачем? Кому это нужно? Покойному сыну? Никакой героизм не способен изменить то, что уже прошло. Ника умер и похоронен в могиле. Он мертв! А вот команда «Ильи Погодина» — семьдесят девять человек — жива. И он за них отвечает. Совершенно непростительно рисковать их жизнями только по той причине, что ему, вот таким более чем необычным образом, захотелось выполнить свой долг перед покойным своим сыном. Да он только строил из себя героя, на самом же деле был только глупцом.

Но вне зависимости от опасности, которая могла угрожать сейчас или появится в ближайшем будущем, и уж совсем независимо от того, что он *мог бы* сделать и делать, в настоящее время подлодке поручено выполнять задание по спасению людей — она выполняет задание Министерства. И, следовательно, не могут они пойти на попятный у самой цели. По крайней мере, не прежде, чем эти две течи в переборках обернутся чем-то более серьезным, когда, например, появятся какие-то признаки структурных изменений. Он втравил своих подчиненных в это дело, и теперь ему предстоит отыскать способ вытащить их из передраги и спасти свою собственную шкуру и их жизни, да еще так, чтобы это было не унижительно. Мужчины, да еще такие храбрые, ничем не заслужили унижительного поражения, и, конечно, провал — унижителен, но куда горше стало бы для них такое унижение, когда они теперь, безо всякой на то причины, вздумали бы поджечь хвост и убратся восвояси. Да, наверное, он только строил из себя героя, но теперь-то ему просто не остается ничего иного, как представить *их всех*, всю свою команду, героями в глазах всего мира, и при этом доставить их домой целыми и невредимыми.

— Есть изменения? — спросил он у молодого техника, обслуживающего поверхностный эхолот.

— Никак нет. Аквалангисты не двигаются. Они ни на метр не опустились за последние минуты.

Капитан глянул в потолок, словно бы рассчитывая увидеть что-то наверху, несмотря на двойную стальную обшивку корпуса, не говоря уже о десятках метров вдоль туннеля. Что у них там делается? Что они сами там делают? Что-то неладно?

— Неужто они не понимают, ведь времени почти не остается? — возмутился Жуков. — К полуночи, когда заряды взрывчатки разнесут этот айсберг вдребезги, нас тут уже быть не должно. Нам *придется* убратся из-под него.

Горов поглядел на экраны выстроившихся в шеренгу на потолке рубки видеотерминалов. Потом глянул на часы, потрогал бородку и сказал:

— Если они не начнут спускаться через пять минут, то мы через пять минут начинаем готовиться к уходу отсюда. Еще одна минута промедления, и они все равно не успеют добраться до нас к полуночи.

23 ч. 38 мин.

Рита подплыла к Клоду и обняла его. Он в ответ тоже обхватил ее руками. В ее глазах блеснули слезы.

Они прижались головами друг к другу: когда лицевые стекла масок плотно прилегали одна к другой, можно было разговаривать. Ее слова Клод слышал так, словно она была в соседней комнате. Плексиглас достаточно хорошо проводил звуковые колебания.

— Сегодня вечером Брайан не спотыкался и не падал. Его ударили сзади, а потом бросили на погибель. Мы не знали, кто его ударил. До самого последнего времени.

Когда Рита закончила свою речь, Клод сказал:

— А я-то дивился, что за бред?... И хотел помочь его попридержать, но Пит сунул мне эту лампу и оттолкнул меня в сторону. И я вдруг понял, до чего же я старый.

— Тебе же и шестидесяти нет.

— Я в тот момент ощутил себя *более старым*, чем на самом деле.

Она сказала:

— Надо поскорее спускаться. Лампу Питу передала я сама.

— Он-то в порядке?

— Все нормально. Нос только раскровянил, это когда тот хотел содрать с него маску. Да Пит это переживет.

— А что с Джорджем?

— Переживает, наверное. Потрясение, я думаю. Харри как раз объясняет ему про Роджера.

— У тебя слезы на щеках.

— Знаю.

— Что-то не так?

— Все так, — сказала она. — Харри — живой.

23 ч. 39 мин.

Снова встав в строй, то есть следуя за Клодом Жобером вдоль кабеля антенного фидера, Франц думал, что он хотел бы сказать Рите, если, конечно, они переживут ближайшую полночь.

Здорово ты управляешь собой. Ты — удивительная. Знаешь, я когда-то любил тебя. Да что там, до сих пор люблю. Не сумел забыть тебя. И я очень многому у тебя научился, только не знаю, заметно ли это? Расту потихоньку не без твоей помощи, старые привычки отмирают с трудом. Вот за последние месяцы я выглядел круглым болваном: и с Харри едва

на рожон не лез, и от тебя держался подальше. Ясно, что любовниками снова мы не станем. Ведь я вижу, что у тебя с Харри, и понимаю, что такого почти не бывает. И знаю, что у меня с тобой даже близко ничего похожего не было. Но меня бы устроило, если бы мы остались хотя бы друзьями.

Оставалось лишь уповать на бога — может, он дарует ему жизнь, и тогда Франц сможет сказать Рите все это.

23 ч. 40 мин.

Брайан плыл вниз вдоль фидера антенны.

Его не очень беспокоила мысль о тикающих часовых механизмах, которые, сработав в полночь, взорвут бомбы у него над головой. В нем росла уверенность, что и он, и все остальные успеют добраться до подлодки и, значит, переживут взрыв. Сейчас его беспокоила только книга, которую задумал написать.

Основной темой, несомненно, должен быть героизм. Ему надлежит показать, что существуют два вида подвига, и объяснить различие между этими двумя видами. Есть такой героизм, когда подвига ищут — это, например, когда лезут на высокую гору или вступают в схватку с боевым быком на какой-нибудь корриде — и это лишь потому, что человеку захотелось выяснить, на что он способен. Да, такой — искомый — героизм имеет весьма важное значение. Однако этот род подвижничества куда менее ценен героизма *непреднамеренного*, когда человек совершает подвиг, не планируя ничего подобного и даже не замечая своего геройства. Харри, Рита и все остальные подчинили свою жизнь любимому делу, работе, потому что верили: то, что они делают, необходимо человеку, а о том, чтобы испытать себя, у них и мысли не было. И тем не менее они были героями, каждый божий день. В своем героизме они напоминали полицейских или пожарников, или же их можно было сравнить с миллионами и миллионами тех отцов и матерей, которые совершают незаметные, тихие подвиги, принимая на себя обременительные обязанности по содержанию и воспитанию своих детей. Таково же подвижничество священнослужителей, дерзающих проповедовать Бога миру, который испытывает сомнения в Его существовании и насмехается над сохранившими веру. Так становятся героями многие учителя, продолжающие работать в школах, кишащих насилием, и, несмотря ни на что, старающиеся внушить детям, что нужно знать, чтобы выжить в этом мире, который так немилосерден к неграмотным. Первый вид героизма — героизм искомый — отличается каким-то, пусть пристойным, но заметным оттенком себялюбия, но героизм неумышленный чужд себялюбию, в нем нет корысти. Брайан теперь понял, что это такое — незапланированный, неумышленный героизм, это — не мишура трескучей славы политика или тореадора, но истиннейшая храбрость и глубочайшая добродетель. Словом, здесь — подлинная доблесть. Вот когда он закончит эту книгу, когда он разработает и проработает все свои мысли об этом предмете, тогда-то, наконец, он будет готов начать свою настоящую взрослую жизнь. Итак, он все решил: тема — тихий героизм.

23 ч. 41 мин.

Техник поверхностного эхолота оторвался от графика, вычерчиваемого самописцем прибора.

— Они опять движутся.

— Пошли вниз? — спросил Горов.

— Так точно.

Динамик-пищалка на потолке заговорил голосом мичмана из торпедного отсека на носу лодки. Мичман торопился: что-то, видно, в самом деле, очень срочное.

Берясь за шейку висящего над головой микрофона двумя пальцами, словно бы это была скользкая змея, Горов бросил в амбушюр:

— Выкладывайте.
— Течет на палубу, капитан. И уже не какие-то граммы. Вылилось уже много, литр, может, два. А носовая переборка потеет по всему шву, от самого верха до палубы.
— А заклепки? Целы? Не повылазили?
— Никак нет. Все с ними в порядке.
— Стетоскопирование?
— Все, как обычно. Никаких подозрительных шумов или стуков не прослушивается.
— Связь с вами через десять минут, — закончил разговор капитан и выпустил микрофон из рук.

23 ч. 42 мин.

Местами туннель настолько сужался, что лучи галогеновой лампы отражались от льда, и эта игра света на холодных кристаллах как-то отвлекала от мыслей о заточении, и само оно переживалось не так остро, как тогда, когда кругом царил непроглядный мрак.

Мысли Риты металась между прошлым и настоящим, между смертью и жизнью, между храбростью и трусостью. Она все ждала, что вот-вот, с минуты на минуту сумятица в ее душе как-то уляжется, но смута сознания только нарастала и становилась все сильнее.

Стайка вразброс растущих деревьев на утесе, выступающем по-над вьющейся в горах дорогой из холмистого склона. Конечно, реденький этот лесок — никакая не густая чаща, но все-таки он, быть может, хотя бы немного попридержит лавину, затормозит ревуший стремительный поток: как-никак вечнозеленые деревья, высокие, стройные, стволы мощные, лес, видимо, старый. А потом белый прибой рухнул на эти могучие деревья, и толстые стволы сломались, как зубочистки или спички. Мать вопила, плакала, причитала, отец кричал, а Рита глаз не могла оторвать от валяющейся сверху снежной волны метров в тридцать высотой, нет, выше, больше, она растет, уходя в зимнее небо и пропадая в нем, огромная, неохватная взглядом, как лик божий. Колесница Джаггернаута, сметающая на своем пути все. Джаггернаут достал «Ауди», отшвырнул автомобиль на несколько метров, протащил его поперек шоссе, залезая под капот и заметая кабину сверху, потом перебросил машину через ограждение и закинул ее в кювет. Вокруг всеокутывающая всепокрывающая белизна. Автомашинка переворачивается, потом еще раз, еще раз, потом скользит вбок, вниз, вниз, наталкивается на дерево, скользит юзом, потом еще быстрее соскальзывает вниз, уносимая вновь великой снежной рекой, ударяясь изо всей силы об ее берег, потом еще один удар, еще, еще. Ветровое стекло продавливается вовнутрь кабины, и тут вдруг наступает, нет, обрушивается спокойствие и безмолвие, — тишина такая, что тише, чем в заброшенной, пустынной, давно забытой церкви.

Рита вырвалась из воспоминаний, издав бессмысленный, жалостливый — и жалкий — звук, не то сдавленный вопль, не то визг.

Сзади ее нагнал Джордж Лин.

23 ч. 43 мин.

На отметке в сто пять метров, преодолев лишь половину расстояния до «Ильи Погодина», Харри засомневался: да сумеют ли они одолеть всю эту дорогу? Успеют ли вовремя? Он осознавал невероятное давление толщи воды, особенно потому, что барабанные перепонки его готовы были лопнуть. Рокот собственной крови, перекачиваемой бедным его сердцем по артериям и венам, был подобен грому. Ему казалось, что он слышит какие-то далекие голоса, какие-то сказочные слова, произносимые этими волшебными голосами. Но они не сообщали ничего осмысленного, и он счел, что *по-настоящему* беспокоиться надо будет тогда, когда он начнет понимать, что именно говорят ему эти неведомые голоса. Еще он пытался вообразить, на что это будет похоже, если субмарина, которая, подобно ему, подвергается чудовищному давлению, тоже расплющится. Или, если он сам, не выдержав

нажима многотонной водной толщи, будет раздавлен и превратится в плоский, разлезающийся блин из плоти, костей и крови.

Несколько раньше, вещая на коротких радиоволнах, лейтенант Тимошенко гарантировал успех затеи, приводя целый ряд доказательств по этому поводу. Харри запомнил кое-какие факты и теперь то и дело повторял про себя: озеро Маджоре, 1961 год, швейцарские и американские водолазы опустились на глубину двести тридцать метров, они пользовались аппаратом скуба. Лаго-Маджоре: двести тридцать метров. 1961 год. Водолазы из Швейцарии и США. В 1990-м году, имея более современное снаряжение, русские водолазы опустились глубже, чем... забыл. Но глубже, чем на озере Маджоре. Швейцарцы, американцы, русские... Нет, это можно проверить. Может получиться. У хорошо оснащенных, *профессиональных* водолазов, может, и получилось бы. Сто двадцать метров.

23 ч. 44 мин.

Спускаясь в туннель все ниже и ниже вдоль антенного кабеля, Джордж Лин втолковывал себе, что русские — уже не коммунисты. По крайней мере, среди русских начальников коммунистов теперь нет. Еще нет. Наверное, они могут появиться в какой-то день, в будущем. О, они могут вновь захватить власть, — зло никогда не умирает. Но те мужики, что в этой подлодке, они рискуют своими жизнями, и у них как будто нет зловещих побуждений. Он пробовал убедить себя, уговаривал себя изо всех сил, но, увы, ничего не получалось. Уж слишком долго он жил в страхе перед красным приливом.

Кантон. Осень 1949 года. Еще три недели. Чан Кайши будет изгнан с материка. Отец Джорджа готовит переезд семейства на Тайвань и старается сделать что-нибудь, чтобы родня воспряла духом и чтобы отыскались хоть какие-то ходы, по которым можно было бы добраться до Тайваня и присоединиться к островной нации. Дома, кроме маленького Джорджа, было еще четверо человек: бабушка, дедушка, мать и одиннадцатилетняя сестренка Юньти. На рассвете в дом ворвались вооруженные до зубов люди — партизаны Мао разыскивали отца. Девять человек. Мать умудрилась спрятать Джорджа в домашнем очаге, за массивной железной дверцей. Она или старики спрятали и сестренку, но вояки-маоисты ее отыскали. Из своего укрытия Джордж хорошо видел, как партизаны долго били по коленям бабушку и дедушку, а потом добивали их выстрелами в голову. Мозги стариков забрызгали всю стену. В той же комнате и в то же время вояки издевались над матерью и Юньти: их насиловали все девять мужиков, по очереди и попеременно, и вместе. Вновь и вновь. Не было унижения, не было оскорбления, которому не подвергли бы изобретательные мужланы его сестру и его мать. А он был совсем маленький: ему и семи еще не исполнилось, крошечный, перепуганный, бессильный. Партизаны пробыли в доме почти сутки, уйдя лишь на следующее утро, в три часа. Перед тем как уйти, так и не дождавшись отца Джорджа, они перерезали горло Юньти. А потом горло матери. Еще через двенадцать часов вернулся отец — и нашел Джорджа, так и оставшегося сидеть в своем убежище, за железной дверцей. И не способного произнести хоть слово. Он так потом и не заговорил, и не говорил долго, прервав молчание лишь через три года с лишним, после того как они сумели перебраться на Тайвань. И когда он наконец прервал молчание на четвертом году своей жизни на острове, первыми произнесенными им словами стали имена матери и сестры. И выговорив эти имена, он зарыдал так безутешно, что его никак не удавалось утешить, пока не вызвали врача. Тот прописал успокоительное.

Но, как бы то ни было, те люди, что ожидают их сейчас на подводной лодке внизу, русские, а не китайцы. А русские — больше уже не коммунисты. А может, вот эти русские, что на лодке, *никогда* и не были настоящими коммунистами. Известно ведь, что солдаты и моряки иногда сражаются за свою родину, даже будучи уверены, что их страной правят дураки и уголовники.

Те, которые ждут их внизу, быть может, и не похожи на тех, которые насиловали его сестру и мать, измывались над ними, а потом убили их. И время другое, и люди, должно

быть, другие. Может, им и можно верить. Он *должен* доверять им.

Тем не менее он куда больше боялся команды «Погодина», чем всей взрывчатки на свете.

23 ч. 46 мин.

— Офицерская кают-компания вызывает капитана.

— Слушаю вас.

— Та самая переборка по штирборту течет.

— Вмятина? Вздутие?

— Нет.

— Сколько воды?

— Пол-литра.

Да, неприятно, и торпедная подводит, и в офицерской кают-компании непорядок. Надо бы поскорее убираться отсюда. Хоть в преисподнюю.

— А что показало стетоскопирование? — спросил Горов.

— Большие шумы. Особенно при прослушивании близ переборки. Но штатные признаки деформации отсутствуют.

— Через пять минут выходите на связь снова.

23 ч. 47 мин.

До субмарины оставалось совсем немного, и Харри припомнил еще кое-какие примеры, позволяющие питать надежду. По словам лейтенанта Тимошенко, британские водолазы в Алверстоке, графство Хемпшир, и французские водолазы в Марселе достигли, используя усовершенствованную модификацию аппарата скуба, глубины в четыреста пятьдесят метров, правда, в глубоководной компрессионной камере, а не в открытом море.

Конечно, эта оговорка во многом снижает ценность достижения — только послушать, как это звучит: «компрессионная имитационная барокамера».

Но вот то, что они делают сейчас, доподлинно, как нельзя более. Стоящая вещь. Потому что настоящая.

Туннель стал шире. Ледяные стенки стали тоньше, но зато и игра света пропала. Значит, темнее стало.

У него появилось ощущение, что впереди — какое-то более свободное пространство. Да что там, он выходит на простор. И вода стала много чище, чем выше была. Уже потому, что частички льда попадались на глаза куда реже. Еще несколько секунд, и он увидел сигнальные огни внизу — сначала зеленый, потом — красный. Потом в луче светильника, который был у него в руке, появились очертания чего-то огромного, серого, проступающего из пропасти под ним, внизу.

Даже доплыв до крыла «Ильи Погодина» и уцепившись, чтобы передохнуть чуть-чуть, за мачту радиолокатора, Харри еще не до конца верил в то, что они все уцелеют, несмотря на чудовищное давление вокруг. Он предполагал, да что там, наполовину был уверен, что легкие его взорвутся, как гранаты, а кровеносные сосуды лопнут, как проколотые воздушные шарики. Он не представлял, как может подействовать чрезмерное давление на организм человека, просто потому, что не очень хорошо в этих вещах разбирался: может, его легкие и не порвутся, как знать? Однако нарисованный воображением живой образ представлялся весьма убедительно.

Хуже всего, Харри как-то не понравилась и сама подлодка. А разглядеть ее времени у него не было: ему пришлось ждать более минуты, пока не выберутся из туннеля все остальные. На лодке горели все ходовые сигнальные огни: по левому борту — красный, по штирборту — зеленый, на крыле — белый, да еще желтый индикатор сближения... Может, это так избыточное давление подействовало, а может, сказывалась усталость, но «Погодин»

не приглянулся Харри. Какая-то пустяковина, игрушка детская. Никак не назовешь солидной. После пережитого ужаса субмарина почему-то ему напоминала рождественскую елку. Огнями, наверное. Нежная какая-то, хрупкая конструкция. Так, склеили что-то на скорую руку из черного целлофана.

23 ч. 49 мин.

Рита надеялась распрощаться со страхами, которые должны были улетучиться, как только она достигнет днища туннеля, а значит, избежит от всего этого льда по бокам. Но ледовый-то остров по-прежнему оставался, он висел над головой, да еще какой: высотой с семидесятиэтажный небоскреб, почти в полтора километра длиной, да что там небоскреб: несколько гигантских красавцев Манхэттена надо составить один на другой, чтобы получилось сравнимое по масштабам сооружение. Рита понимала, что айсберг — плавуч, что он легче воды, что он не станет тонуть, чтобы тяжестью своей пришипил ее к океанскому дну, да и валиться на нее или падать на нее не будет, но ей было страшно подумать даже о висящей над нею ледяной горе, и она не смела глянуть вверх.

В «Ауди» было холодно, потому что двигатель машины не работал и печка, значит, тоже не грела. Снег и три размозженных ветви дерева влезли на переднее сиденье через выдавленное ветровое стекло автомобиля и накрыли собой приборный щиток, а родителей Риты присыпав по пояс. Родители сидели в снегу и молчали, и были мертвы, и, чем больше времени проходило, тем яснее становилось Рите, что не доживет она в своем зимнем пальтишке до прихода спасателей. Освещение приборного щитка было включено, и потому в кабине «Ауди» темно не было; она различала за окном снег, снег со всех сторон, давящий на все окна; девочка она была умненькая, так что понимала, что глубина снежного покрова могла достигать метров до тридцати, слишком глубоко, чтобы она могла надеяться на себя — самой ей не выбраться, не прокопать такую глубину. А пока ее найдут спасатели, пройдет уйма времени. Стоило бы натянуть на себя тяжелое пальто отца, и после задержки, после опасно долгого промедления, она постаралась ожесточиться и не принимать близко к сердцу все, что теперь перед ее глазами, и пробралась на переднее сиденье. Сосульки смерзшейся малиновой крови свисали из ушей и ноздрей отца, а в горле матери торчал сук ветки дерева, принесенной лавиной, — это зазубренное острие убило ее: лавина вдавила разбитую ветку в кабину, через дыру на месте выбитого ветрового стекла, а потом снег лишь еще немного надавил сзади. Лица у родителей посинели и посерели. Их широко раскрытые глаза побелели, потому что холод прихватил их изморозью. Сначала Рита долго-долго глядела на все это, а потом уже не могла она на это смотреть, но стала расковыривать снег, чтобы отодвинуться подальше от отца. Ей было только шесть лет, ребенком она слыла смысленным и для своего возраста сильным, но все же слишком уж она была тогда мала. Ей показалось, что стащить пальто с отца не удастся, потому что труп уже заоченел, а руки покойника остались в рукавах. Но выяснилось, что, ведя машину, отец сбросил пальто, оно было только накинуто на него. Сейчас мертвое тело отца сидело на пальто, навалившись на него окостеневшей спиной, и Рите, после многих подергиваний и подталкиваний, удалось с трудом вытащить из-под трупа столь ценную теплоизоляцию. Схватив свою добычу в охапку, она поползла назад, на заднее сиденье, где не было прокравшегося в кабину снега и где она, свернувшись калачиком, тщательно закуталась в похищенное у папы пальто. И стала ждать помощи. Она и голову засунула под полу пальто, сберегая так в этом своем укрытии не только тепло своего тела, но и свое дыхание, которое тоже ведь было теплым. Немного спустя, пригревшись под бархатной подкладкой, она заметила, что ее клонит в сон, и, пытаясь удержаться в состоянии бодрствования, она в воображении своем поплыла из холодной машины в куда более холодные края. Всякий раз, когда она вырывалась из объятий губительного сна, пытаясь сообразить, что с ней и где она, она чувствовала себя еще более вялой и разбитой, чем в прошлый раз, когда вот так же хотелось спать. Но она не забывала, что должна прислушиваться: вдруг кто-то спешит на

помощь. Спустя какое-то время — какое именно, в точности она сказать не может, но ей показалось, что прошла вечность — она услышала вместо шагов спасателей шум какого-то перемещения на переднем сиденье: треск ломающегося льда — ее покойные папа и мама устали сидеть там и решили перебраться поближе к живой дочке. Небось им тоже захотелось уютного тепла под бархатной подкладкой большого и тяжелого зимнего пальто. Щелк: это хрустнула кровавая сосулька, вот она уже выпала из ноздри отца, потом еще одна. И еще треск: они лезут сюда, к ней. Жуткий треск ломающегося льда: они рвутся на заднее сиденье. Треск-треск-треск — хрустит лед... а вот и голос, шепчущий ее имя, знакомый голос шепчет ее имя? И холодная рука лезет под пальто: Рите-то тепло, вот этой руке и завидно стало, и она, эта рука, возжелала украсть тепло у Риты...

Кто-то к ней прикоснулся, и она закричала в ужасе, но этот ее вопль зато прогнал и «Ауди», и лавину, и прошлое, которому принадлежали автомобиль и снежный завал.

С одной стороны оказался Пит, с другого боку ее подхватил Франц. Ясное дело, она опять перестала двигаться, вот эти двое и поспешили на пару дотащить ее до палубы лодки, до которой оставались какие-то считанные метры. Прямо по курсу — подлодка. Она увидела Харри, ухватившегося за мачту радиолокатора на крыле субмарины.

23 ч. 50 мин.

Харри с облегчением вздрогнул при виде Риты между Питом и Францем, и по всему его телу прошла дрожь вновь родившейся надежды.

Убедившись, что остальные шестеро уже возле него, Харри пошел, то ли вплавь, то ли ползком, вдоль крыла, потом спустился по коротенькой лесенке на мостик и просунулся мимо ряда кнехтов, выстроившегося спереди носовой надстройки над палубой. Слети он сейчас с лодки, и не так-то просто будет взобраться назад: скорость течения — девять узлов, так что вряд ли оно задаст его телу тот же курс, которым следует судно, растянувшееся на девяносто метров в длину.

Он воспринимал сейчас субмарину как космонавт, вышедший из своего корабля в открытый космос, иначе говоря, он держал в уме ту истину, что, хотя и налицо иллюзия незыблемости, на самом деле имеет место школьная задачка о двух физических телах: оба движутся на весьма значительных скоростях.

Очень осторожно, но, в то же время понимая, что нужно поторапливаться, Харри продолжал пробираться вдоль ряда кнехтов, отпуская руку, чтобы перенести ее на новое место, только убедившись, что вторая рука крепко вцепилась в очередной выступ надстройки на носу, и ища взглядом герметичный воздухонепроницаемый люк. Он знал, как должен выглядеть этот люк — Тимошенко все рассказал по радио.

23 ч. 51 мин.

Завыла сирена тревожной сигнализации. С экрана того видеотерминала, который занимал срединное место в ряду дисплеев, прямо над командным пунктом, пропали зеленые цифры и многомерные диаграммы. Вместо этого в поле экрана появились красные буквы:

ТРЕВОГА!

Горов ударил кулаком по клавише на консоли с надписью на ней:

ОТОБРАЖЕНИЕ.

Экран мгновенно очистился, а вой сирены стих. Затем проступили обычные зеленые буквы нового сообщения:

В НОСОВОМ ТОРПЕДНОМ ОТСЕКЕ НОМЕР ПЯТЬ ПОВРЕЖДЕНА ЗАСЛОНКА ЖЕРЛА. ОТСЕК ЗАПОЛНЕН ВОДОЙ, ДОХОДЯЩЕЙ ДО ЗАСЛОНКИ КАЗЕННОЙ ЧАСТИ.

— Вот он и подкрался! — произнес Жуков. Надо думать, торпедная установка № 5 подверглась воздействию закручивающего усилия во время столкновения со случайной льдиной. Крутящий момент деформировал обшивку, и вот теперь во внешней обшивке

заслонка жерла дает течь.

Горов поспешил с ответом:

— Не выдержала только заслонка снаружи. Только дверца *жерла*. Заслонка казенной части пока цела. Вода в лодку не хлещет. Пока — да и не будет этого.

Моряк, следивший за сигнализацией на борту, сказал:

— Капитан, гости наши уже открыли верхний люк барокамеры.

— Мы справляемся, — сказал Горов всем членам экипажа, присутствовавшим в рубке управления. — Будь оно все неладно, если у нас ничего не выходит. Еще как выходит. Все идет как надо.

23 ч. 52 мин.

Кто-то с панели управления системами жизнеобеспечения подлодки разблокировал изнутри воздухозаборный люк спасательного патрубка на носу. Харри опустил глаза долу и поглядел в тесный, ярко освещенный, заполненный водой отсек. Как и предупреждал его лейтенант Тимошенко, отсек был такой маленький, что мог принять зараз только четырех водолазов — и тем не менее, хвастался лейтенант Тимошенко, эта спасательная камера «Ильи Погодина» была раза в два больше, чем на других подводных лодках.

Брайан, Клод, Рита и Джордж друг за другом забрались в круглое помещение и уселись на пол, опершись спинами о стенки камеры.

Харри выбрался из камеры и закрыл люк снаружи — так было проще, чем ждать, пока кто-то изнутри дернет за талреп, а потом еще и крутанет задвижку.

Теперь он мог поглядеть на светящийся циферблат своих часов.

23 ч. 53 мин.

Горов встревоженно глядел на шеренгу видеотерминалов.

— Спасательный патрубок готов, — сказал Жуков, повторив сообщение, услышанное им в наушниках. И сразу то же сообщение высветил экран одного из видеотерминалов.

— Займитесь водолазами, — приказал Горов.

23 ч. 54 мин.

В воздухозаборной камере Рита держалась за захваты в стене, а в это время мощные насосы удаляли воду из камеры. Они справились со своим заданием за полминуты. Хотя в камере воды не стало, она не торопилась снимать маску, но, как учили, продолжала дышать газовой смесью, поступающей из резервуара за спиной.

В полу, в самом центре, распахнулся люк. Из него выглянуло молодое лицо русского моряка. Матрос улыбался, только как-то робко, чуть ли не испуганно, и манил полярников к себе одним пальцем.

Они быстро покинули воздухозаборную камеру, спустившись по лесенке в рубку управления спасательной камеры. Матрос, пропустив их, быстренько опять взобрался по той же лестнице, задраил внутренний люк, повернул герметизирующую задвижку, а потом, так же быстро, вернулся в отсек управления. Наверху заревело: воздухозаборная камера снова стала заполняться водой.

Отчетливо осознавая, что прямо над лодкой маячит огромный остров изо льда, начиненный к тому же взрывчаткой, Рита прошла вслед за коллегами в смежное помещение — это была декомпрессионная камера.

23 ч. 56 мин.

Харри попробовал дернуть за люк, и он открылся.

Подождав, пока не войдут Франц с Питом, он полез следом за ними и задраил люк изнутри.

Теперь и они уселись на пол, прижавшись спинами к стене. Ему даже на часы глядеть нужды не было. Внутренние часы извещали его, что до взрыва остается четыре минуты.

Открылись дренажные створки, включились насосы. Вода быстро уходила из воздухозаборного патрубка.

23 ч. 57 мин.

Ледовая гора на самом пороге своей насильственной гибели все еще находилась где-то над ними, а если она разлетится на куски, то, весьма вероятно, подлодке тоже не поздоровится. Возможно, что она даже не переживет гибели айсберга. Правда, смерть скорее всего окажется столь стремительной, что никто не успеет и вскрикнуть.

Горов потянул к себе микрофон, висевший над головой, вызвал ходовую часть и приказал немедленно перевести двигатели на полный ход и взять обратный курс.

Ходовая часть немедленно выполнила приказ, и лодка дрогнула, как только двигатели заработали на полную мощность.

Горова кинуло на ограждение командного пульта, а Жуков вообще едва удержался на ногах.

Из громкоговорителя наверху рубки раздалось:

— Ходовая часть вызывает капитана. Двигатели на полном ходу.

— Так держать.

— Есть так держать.

Айсберг сносило к югу со скоростью в девять узлов. Подлодка переменяла курс и теперь шла *на север* со скоростью в десять... двенадцать... уже пятнадцать узлов навстречу течению, скорость которого составляла девять узлов. В итоге лодка уходила из-под айсберга с достаточно хорошей скоростью взаиморасстояния в шесть узлов.

Горов не знал, достаточно ли быстро они уходят от айсберга — в том смысле, успеют ли они выйти из-под него до взрыва. Но все равно лучшего добиться было нельзя — чтобы набрать скорость побольше, надо потратить куда больше времени, чем осталось до взрыва.

— Лед над нами, — объявил оператор поверхностного звуколокатора. Они уже вышли из-под чаши, как бы выдолбленной в днище айсберга по центральной оси его. — Восемнадцать метров. На высоте в восемнадцать метров над нами — лед.

23 ч. 58 мин.

Харри вошел в декомпрессионную камеру и сел подле Риты. Взявшись за руки, они смотрели друг на друга. Часы показывали 23 ч. 59 мин.

23 ч. 59 мин.

Внимание всех, кто был сейчас в рубке управления, сосредоточивалось на цифровых часах, циферблат которых высвечивал шесть значащих цифр, которые находились подле командного пульта, ближе к корме. Никите Горову казалось, что его подчиненные вздрагивают в ответ на каждую миновавшую секунду.

23 ч. 59 мин. 10 сек.

23 ч. 59 мин. 23 сек.

— Что бы из всего этого ни вышло, — сказал Эмиль Жуков, — я не жалею, что моего сына звать Никитой.

— А ведь вы, быть может, назвали так своего отпрыска в честь идиота.

— Но это не просто идиот, а интересный, незаурядный идиот.

Горов заулыбался.

23 ч. 59 мин. 30 с.

23 ч. 59 мин. 31 с.

Техник, обслуживающий поверхностный эхолот, сообщил:

— Чистая вода. Лед над нами кончился. Нет больше льда над головой.

— Вылезли, — сказал кто-то.

— Еще не совсем, — предостерегающе заметил Горов, понимая, что айсберг все еще совсем рядом и, значит, его осколки могут долететь до лодки.

23 ч. 59 мин. 46 с.

23 ч. 59 мин. 47 с.

— Чистая вода. Льда над лодкой нет.

23 ч. 59 мин. 49 с.

И тут, во второй раз за последние десять минут, раздалась сирена, а на одном из экранов над головой замигали красные буквы:

ТРЕВОГА!

Горов ткнул в клавишу отображения и узнал, что еще одна торпедная камера близ пострадавшей от столкновения области корпуса частично вышла из строя: на экране зеленые буквы сообщали:

ПОВРЕЖДЕНА ЗАСЛОНКА ЖЕРЛА ТОРПЕДНОГО ОТСЕКА НОМЕР ЧЕТЫРЕ. ОТСЕК ЗАПОЛНЕН ВОДОЙ ДО УРОВНЯ ЗАСЛОНКИ КАЗЕННОЙ ЧАСТИ.

Потянув к себе микрофон, Горов закричал:

— Капитан вызывает торпедную! Смените положение и задрайте все водонепроницаемые люки!

— Ох, господи помилуй! — прошептал атеист Эмиль Жуков.

— Верхняя заслонка выдержит, — убежденно сказал ему Горов, молясь про себя и прося у бога, чтобы его слова оказались пророческими.

23 ч. 59 мин. 59 с.

00 ч. 00 мин. 00 с.

— Всем взяться за поручни!

— Чистая вода.

00 ч. 00 мин. 03 с.

— Что такое? Неладное что-то.

— Да где же это?

00 ч. 00. 07 с.

Наконец до них дошла ударная волна. Сила взрыва, потраченная на разрушение айсберга, смягченная затем осколками в воде и потом самой водой, ощущалась на лодке на удивление слабо и прозвучала отдаленным рокотом, вроде очень далеких раскатов грома. Горов подождал немного: вдруг мощность ударной волны будет нарастать, но ничего подобного так и не случилось.

Оператор звуколокатора сообщил, что айсберг сильно потрескался и от него отвалились очень большие куски.

К 00 ч. 02 мин. после того как звуколокация не индицировала никаких достаточно крупных осколков льда по курсу судна, Горов убедился, что они спаслись.

— Приготовиться к всплытию.

Моряки в рубке управления отозвались дружным радостным «Ура!».

ПОСЛЕ...

1

18 января. Данди, Шотландия

Незадолго до полудня, по прошествии двух с половиной суток после вызволения из

своего ледового узилища спасенные полярники прибыли в Шотландию.

С тех самых пор, как ему вместе с отцом пришлось бежать с материкового Китая на маленькой лодке, Джордж Лин, хотя прошло столько лет, безо всякого восторга относился к путешествиям по морю, хоть под водой, хоть по океанской поверхности, и потому сейчас с радостью предвкушал, что скоро он снова станет обеими ногами на твердую землю.

Погоду, которая стояла в портовом городе Данди, нельзя было назвать ни суровой, ни слишком мягкой — обычная для этого, зимнего, времени года. Плоское серое небо казалось низким и ничего доброго не предвещающим. Температура держалась вблизи отметки в минус восемь по Цельсию. С Северного моря дул холодный ветер, из-за чего вода в море, на всем пути по губе реки Тей, подсакивала и закручивалась мелкими барашками.

В Данди уже слетались журналисты — более сотни репортеров со всего света собирались освещать завершение истории полярников Эджуэйского проекта. По-дружески, но достаточно язвительно, еще двадцать четыре часа назад один журналист из «Нью-Йорк таймс» обозвал портовое местечко «Данди для денди», и эта кличка за прошедшие сутки успела стать расхожей. Что же до самих журналистов, то в их среде, похоже, куда больше судачили о промозглой погоде и пронизывающем до костей ветре, чем обсуждали то событие, ради которого они, собственно, сюда и явились.

Даже после того как «Погодин» в 00 ч. 30 мин. бросил якорь в гавани и стоял на рейде, на весьма освежающем — бриз был холоден и резок — ветру около часа, Джордж все еще не мог насладиться настоящим свежим воздухом и радовался, что ветер дует прямо ему в лицо. Пахло очень приятно, чем-то чистым, и это было куда лучше, чем дышать спертым, как в консервной банке, воздухом внутри подлодки. И уж никак нельзя было сравнить местный холод с той лютой морозной погодой, которая мучила его на протяжении последних месяцев.

Энергично расхаживая взад-вперед по причалу, он бросил увязавшимся за ним многочисленным репортерам:

— Великолепная лодка. Не правда ли?

За спиной китайца стояла на якоре в глубоководной бухте самая красивая лодка. Над нею развевался огромный российский флаг, рядом с которым русские выставили флаг Шотландии, правда, несколько меньшего размера. На главной палубе стоял строй: две шеренги из шестидесяти восьми моряков, все в темно-синей форме и тельняшках, все тянулись по стойке «смирно» — торжественная церемония. Никита Горов, Эмиль Жуков, другие офицеры выглядели просто великолепно в парадной флотской форме и серых парадных зимних шинелях. Медные пуговицы были начищены до блеска. На церемонию пожаловало немало высокого начальства. Одни стояли на мостике, вместе с капитаном и старшими офицерами, другие — на огражденном трапе, перекинутом с палубы на пристань. В числе высоких гостей присутствовали: представитель правительства Ее Величества, посол России в Британии, два советника российского посольства, мэр города Данди, два представителя ООН и с полдесятка чиновников российского торгового представительства в Глазго.

Один из фоторепортеров попросил Джорджа попозировать. Джордж должен был встать рядом с обветренным бетонным шпилем на фоне подводной лодки «Илья Погодин». Широко улыбаясь, Лин согласился.

Другой журналист поинтересовался: каково это, ощущать себя героем, фотографии которого красуются на первых полосах газет по всему свету.

— Какой там герой, — сразу же запротестовал Джордж. Он обернулся к подлодке за спиной и показал на офицеров на капитанском мостике и на моряков, выстроившихся на палубе. — Вот *они* — и в самом деле герои.

2

20 января. Станция Эджуэй

За ночь, в первый раз за последние пять суток, скорость ветра заметно упала. К утру

ледяные иголки перестали громко царапать кровлю и стены рубки дальней связи, а в воздухе опять закружились большие и мягкие снежные хлопья. Неистовая буря на самом краю Северной Атлантики начала стихать.

Вскоре после того как часы показывали два часа дня, Гунвальд Ларссон наконец вышел на связь с военной базой армии США в Туле, Гренландия. Американский радист незамедлительно доложил, что эджуэйский проект отложен до конца зимы.

— Нас просили снять вас с ледника. Если установится, как предсказывают, хорошая погода, мы сможем прибыть за вами послезавтра. Вы успеете демонтировать постройки и аппаратуру?

— Вполне, времени достаточно, — сказал Гунвальд, — и ради бога, не тревожьтесь об этом. Как остальные? Они живы?

Американец смутился.

— О, простите... Конечно, откуда вам знать при такой оторванности...

Он прочел две газетные заметки и добавил от себя, что знал.

После пятидневного постоянного напряжения Гунвальд решил устроить праздник. Он закурил трубку и открыл бутылку водки.

3

25 января

Компьютерное послание, переданное из Монтего-Бэй, Ямайка, в Париж, Франция.

Клод, Франц и я прибыли сюда 23 января.

В первый же нас после прибытия нас дважды назвали «людьми невероятными» — таксист и портье в гостинице. Эх, старина, они не знали и половины подробностей.

Все никак не насытимся солнцем. Но даже я немного загорел.

Кажется мне, что я нашел женщину, о которой мечтал. Имя ее Мейджин. Франца завлекла в баре одна сверхсовременная женщина, из тех, что не желают исполнять «стандартные гендерные роли»¹ как это у них зовется. Выражается это, например, в том, что он старается научиться стать невежливым, то есть не открывать перед нею дверь, если она сама хочет ее открыть. Он, бедняга, совсем измучился с ней, и все равно, они чуть ли не дерутся из-за этой самой двери. Но он старательно учится.

Тем временем Клод постоянно появляется на людях в обществе двадцативосьмилетней блондинки, которая жалуется, что Клод строит из себя героя, и издевается над его французским акцентом.

Мы тут подумываем о новой карьере. Хотим открыть бар на тропическом курорте. Может, и ты с Ритой присоединишься к нам? Мы бы с удовольствием приняли вас в свою компанию. А что? Сиди себе весь день да сбивай коктейли с ромом, только не забывай бокалы бумажными зонтиками накрывать. Маленькими хорошенькими такими кружочками из бумаги. Мы решили, что такая работа стоит всех этих морозов, обморожений, возни с взрывчаткой и подводных сражений не на живот, а на смерть со всякими психопатами. Самое серьезное затруднение, с которым мы тут сталкиваемся, это — повышенная влажность.

Как всегда, Пит.

4

26 января. Париж, Франция

В роскошных апартаментах отеля «Георг Пятый» возле кровати в ведерке со льдом стояла бутылка шампанского «Дом Периньон».

Они обнимали друг друга так крепко, что их тела вырабатывали столько тепла, что его хватило бы для отопления целого полярного форпоста в Арктике на протяжении всей

¹ «Стандартные гендерные роли» — роли своего пола (мужского или женского).

затяжной северной зимы. И вдруг их вспугнул треск, шедший откуда-то неподалеку: источник шума явно находился поблизости. Неделя уже прошла, с тех пор как они были спасены экипажем «Ильи Погодина», но нервы у обоих до сих пор были еще напряжены. Он сел в постели, а она отстранилась от него, и оба поглядели в ту сторону, откуда доносился звук. Но в номере гостиницы, кроме них, никого не было.

— Лед, — сказала она.

— Лед?

— Ну да. Лед. Шевелится в ведерке с шампанским.

Он смотрел на ведерко, стоящее на серебряном подносе, и тут лед зашевелился опять.

— Лед, — повторила она.

Он взглянул на нее. Она улыбнулась. Он ухмыльнулся. Она захихикала, как школьница, а он расхохотался.

К читателям

Ежегодно читатели присылают мне более десяти тысяч писем, и немалая их доля уговаривают меня переиздать кое-какие из моих ранних сочинений, тираж которых давно распродан. Многие читатели идут на нечто большее, чем просто настояния. В письмах попадаются зловещие проклятия вере в шаманство и ссылки на договоры с какими-то париями, которые носят имя Слэш. Другие убеждают меня, что лучше будет, если я сам возьмусь за переиздание своих старых книжек, не то ведь можно и перекроить мою физиономию — я, лично, кстати, не возражал бы против некоторой переделки своего облика, особенно если бы после нее на голове прибавилось бы волос. Есть такие, что грозятся похитить меня и потом заставить пересмотреть воспроизведения и повторы моего «Семейства Партриджей» до тех пор, пока я окончательно не рехнусь от этих бдений по двадцать четыре часа в сутки и не превращусь в полнейшего идиота и не стану буйным сумасшедшим.

Я очарован такой заботой своих читателей, которые так пекутся о моих книжках, что готовы читать все. Я уже пустил в оборот некоторые из вышедших было в тираж своих сочинений, и в их числе такие книги, как «Призрачные огни», «Служители сумерек», «Голос ночи», — все эти книги первоначально публиковались под псевдонимами.

«Ледяная тюрьма» тоже была сначала напечатана под другим названием — «Ледовое узилище» — и под моим псевдонимом — Дэвид Акстон, причем ранний вариант был много короче нынешнего. Я пересмотрел и осовременил все, что относилось в той старой книге к культуре и технике, но старался не устранить ничего из прежнего сюжета и настроения. Наоборот, я пытался сохранить все это, внося лишь мелкие изменения.

Сама эта книга была для меня как бы данью или знаком уважения другому писателю, Алистеру Маклину, мастеру приключенческого романа, все время держащего читателя в напряжении. Среди написанного Маклином есть такие шедевры, как «Пушки острова Наварон», «Куда дерзают взлетать орлы», «Полярная станция «Зебра». Мне как читателю очень нравились эти книги, и первоначальный вариант «Ледяной тюрьмы» написан мной в духе подражания.

Авантюрный роман, держащий читателя в постоянном напряжении («саспенс»), требует прежде всего включения в сюжет ряда неожиданностей, причем по мере развития этого сюжета герои должны сталкиваться со все новыми и все более трудными испытаниями. Сами же персонажи не должны быть слишком уж мудрены, лучше всего, если суть характера понятна сразу. И, конечно, в романах «саспенс» герои куда проще, чем персонажи большинства прочих моих романов.

Как всегда, я пытался возможно точнее передать технические и прочие сопутствующие повествованию подробности — хотя, конечно, что касается писаний про подводную лодку, я даже и думать не смел, чтобы изложить все технологические детали так многословно и с

таким блеском, как это характерно для сочинений Тома Клэнси. В приключенческих романах в духе сочинений Маклина подлинностью часто приходится жертвовать ради динамичности.

Надеюсь, что вам понравится этот мой роман, хотя мне хотелось бы думать, что новые мои книги нравятся вам больше. Но как бы то ни было, это — единственное написанное мною сочинение типа «саспенс». Если же кому-то хочется чего-то большего, то мне просто нечего предложить, во избежание опасности быть похищенным теми, кто хотел бы заставить меня заняться повторами «Семейства Партриджей».

Дин Кунц, май 1994 г.